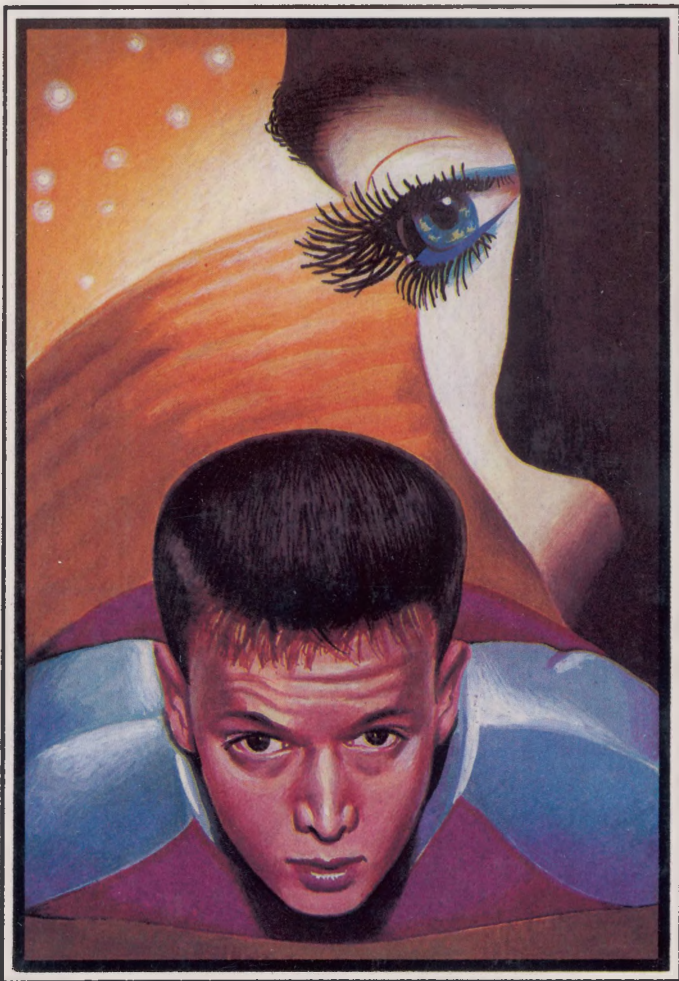
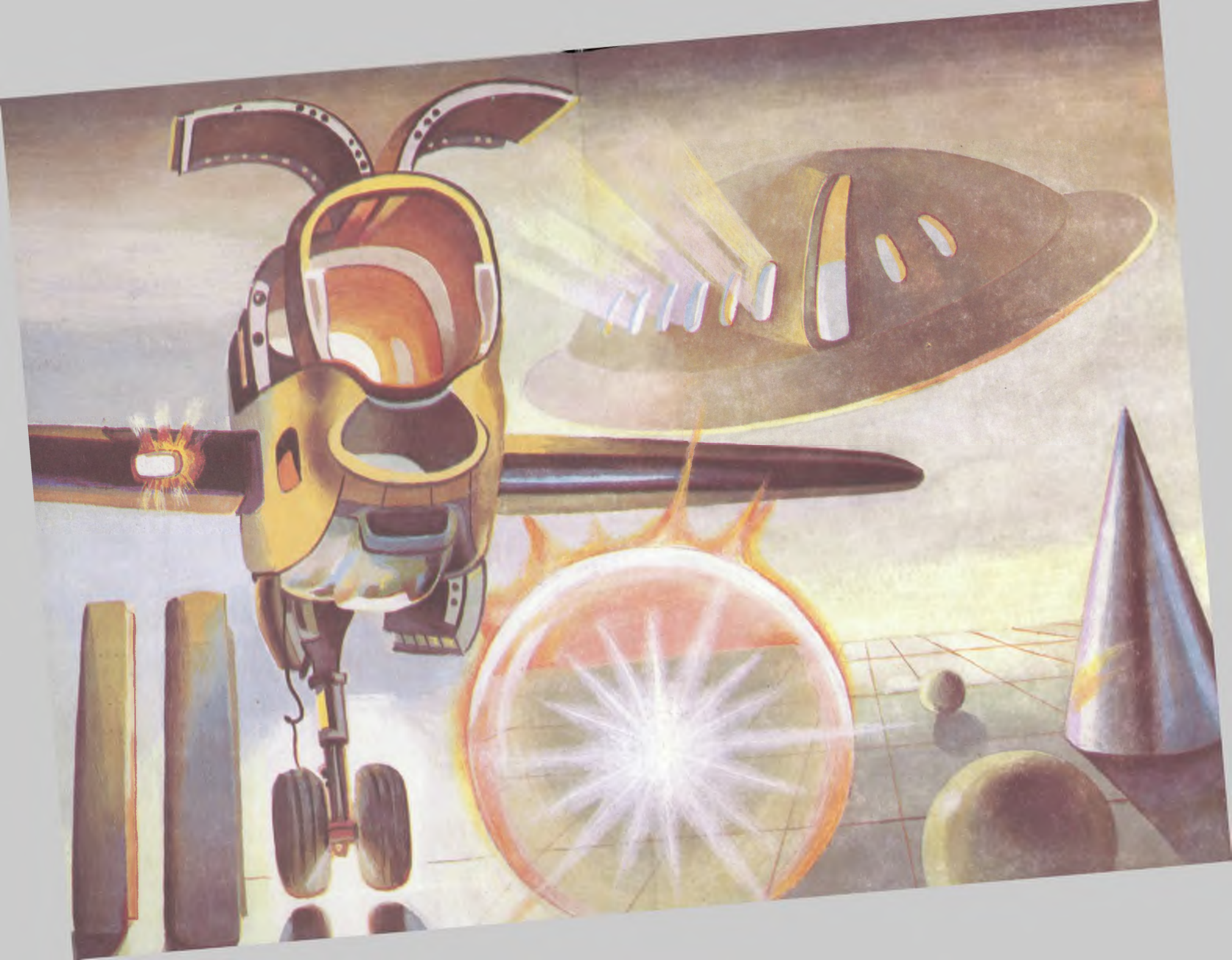

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

11

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА
«ПОЛЯРИС»**

WORLDS OF ROBERT A. HEINLEIN

Volume eleven

**TIME FOR THE STARS
FARMER IN THE SKY**

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

Книга одиннадцатая

**ВРЕМЯ ДЛЯ ЗВЕЗД
НЕБЕСНЫЙ ФЕРМЕР**

**Издательская фирма «Полярис»
1994**

Time for the Stars

Copyright © 1956 by Robert A. Heinlein

Farmer in the Sky

Copyright © 1950 by Robert A. Heinlein

© 1994 Издательская фирма «Полярис»,
*перевод на русский язык, оформление,
составление*

© 1992 Издательская фирма «Полярис»,
название серии

Перепечатка отдельных романов и
всего издания в целом запрещена без
разрешения издателя и переводчика. Вся-
кое коммерческое использование данного
издания возможно исключительно с пись-
менного разрешения издателя.

ISBN 5-88132-085-9

**ВРЕМЯ
ДЛЯ ЗВЕЗД**

Глава 1

Фонд Поощрения Перспективных Исследований

Если верить биографам баловней судьбы, то жизненный путь последних планировался ею чуть ли не с самого момента их появления на свет. Наполеон замышлял захватить власть над Францией еще в те дни, когда босоногим мальчишкой гонял по Корсике; Александр Македонский вел себя примерно так же; а Эйнштейн лепетал свои формулы уже в колыбели.

Может, оно и так. Что же касается меня, то я шел по жизни куда глаза глядят.

В старинной книге, принадлежавшей моему прадеду Лукасу, я однажды увидел карикатуру, на которой был изображен мужчина в роскошном одеянии, прыгающий с лыжного трамплина. С выражением испуганного удивления на лице он будто произносил: «И как это угрозило меня забраться на такую верхотуру?»

Вполне разделяю его чувства. А как это удалось мне взлететь в космические высоты?

Ведь мое рождение даже не было запланировано. По закону, семья, имеющая не более троих детей, не облагалась подушным налогом, а в нашей семье уже

были три девочки, и вдруг появились на свет мы с Патом, так сказать, в одной упаковке, что было в некоторых отношениях весьма экономично. Мы явились сюрпризом для всех, особенно для наших родителей, наших сестер и налоговых инспекторов. Удивился ли я сам — не помню, но в число ранних воспоминаний входит мое смутное ощущение, что меня тут не счесть-то ждали, хотя и па, и ма, и Фейт, и Хоуп, и Чарити * относились к нам, без преувеличения, превосходно.

Возможно, па не слишком успешно справился с этим стихийным бедствием. Многие семьи получали льготы на рождение «лишнего» ребенка, пытаясь хитрить в этом деле с другими семьями, можно было добиваться дополнительного разрешения при наличии однополых детей или обойти закон как-то иначе. Но па был упрям: он заявлял, что все это законодательство противоречит конституции, что оно несправедливо, дискриминационно нарушает мораль и Божье волеизъявление. Он, бывало, с ходу начинал декламировать длинный список знаменитых людей, которые были младшими детьми в многодетных семьях, начиная от Бенджамина Франклина и кончая первым губернатором Плутона, а затем требовал ответа — мог ли человеческий род обойтись без этих персоналий; после чего ма приходилось его долго успокаивать.

Вероятно, па был прав, поскольку он изучил множество предметов, помимо своей собственной специальности, каковой являлась микромеханика, и особенно интересовался историей. Он и нас захотел назвать по имени двух своих самых любимых деятелей американской истории, но мамочка решила дать нам имена обожаемых ею художников. В результате я превратился в Томаса Пейна ** Леонардо да Винчи Барлетта, а мой брат-близнец стал Патриком Генри *** Микеланджело Барлеттом. Па звал нас Том и Пат, а ма — Лео и

* Вера, Надежда, Милосердие (англ.).

** Пейн Томас (1737—1809) — просветитель радикального направления, участник Великой Французской революции и Войны за независимость.

*** Генри Патрик (1736—1799) — общественный деятель, активный участник Войны за независимость.

Майкл, тогда как сестры — «Никчемучка» и «Никчемучка в квадрате». Победа все же оказалась на стороне па из-за его упрямства.

А па был жутко упрям. Он ведь прекрасно мог уплатить годовой подушный налог за нас — сверхштатников и подать заявку на квартиру, приемлемую для семи человек, а затем подчиниться неизбежности. Он мог также подать прошение о переквалификации. Вместо этого он ежегодно скандалил, требуя снять с близнецов налог, но постоянно кончалось тем, что па заполнял чек, на котором надписывал: «Оплачено под давлением», а мы — семеро — продолжали жить в квартире, пригодной лишь для пятерых. Пока я и Пат были младенцами, то спали в самодельных колыбельках, подвешенных в ванной комнате, что естественно не доставляло удовольствия никому; когда же мы подросли, то расположились на диване в гостиной, что опять-таки было неудобно для всех и особенно для наших сестер, считавших, будто это губит их личную жизнь..

Па мог бы решить все эти проблемы разом, подав заявку на эмиграцию семьи на Марс, Венеру или на луны Юпитера; тему эту он неоднократно выносил на обсуждение, что было единственным предметом, способным сделать ма упрямей самого па. До сих пор не знаю, какая фаза Большого Прыжка пугала ма особенно сильно, так как она крепко-накрепко сжимала губы и не желала отвечать ни на какие вопросы.

Па любил порассуждать о льготах, причитающихся большим семьям, решившим эмигрировать, и о том, что подушный налог был установлен специально для субсидирования внеземных колоний, и о том, почему бы нам не воспользоваться деньгами, которые просто-напросто украдены из наших собственных карманов. Особо он упирал на преимущества воспитания детей в условиях свободы и отсутствия перенаселенности, в местах, где за спиной человека, зарабатывающего хлеб в поте лица, не стоит бюрократ, только и думающий, как бы ввести новые ограничения и новые правила. «Ну, что же ты молчишь», — говаривал он ма.

Но ма от ответа уклонялась, и мы так и не эмигрировали.

Денег нам никогда не хватало. Два лишних рта и лишние налоги делали законодательство о стабилизированном семейном доходе столь же бесполезным для нашей семьи, как не годились нам с братом костюмки, перешитые мамой из старых отцовских обносков. Чертовски редко удавалось нам заказывать на дом обеды, как это делает большинство семей, и па стал даже приносить домой то, что оставалось у него от завтрака. Ма поступила на работу, как только нас с братишкой можно было отдать в детский сад, и все равно нашим единственным слугой была древняя модель «Матушкина помощника» производства фирмы «Моррис-гараж», в которой все время перегорали проводники, а на ее программирование уходило не меньше времени, чем на выполнение самой программы. Пату и мне пришлось свести близкое знакомство с теплой водой и химическими средствами для мытья посуды; впрочем, мытье посуды выпадало почти исключительно на мою долю — Пат обычно брал на себя стерилизацию тарелок, или же у него бывал порезан палец, или случалось еще что-то в том же роде.

Па нередко ораторствовал на тему о неосязаемых достоинствах бедности — как они заставляют человека быстрее становиться на ноги, вырабатывают характер и все такое прочее. К тому времени, когда я вырос настолько, чтобы понимать это, я уже был достаточно смышлен, чтобы почувствовать глубокое сожаление, что эти преимущества столь плохо осязаемы; однако, оглядываясь назад, могу предположить, что кое-какой смысл в словах па все же был. Жить нам было интересно. Пат и я выращивали хомячков в «местах общего пользования», и ма нас никогда за это не ругала. Когда же мы ванную превратили в химическую лабораторию, девчонки начали было ворчать, но стоило па топнуть на них ногой, как они тут же стали подлизываться к нему, умоляя не сердиться, а потом вывешивали свои постирушки в других местах; ма даже защитила нас от зрителя дома, когда мы спустили в слив кислоту, что отнюдь не содействовало улучшению состояния канализации.

Мне вспоминается только один случай, когда ма на нас рассердилась. Он связан с ее родным братом Сти-

вом, который, вернувшись с Марса, привез нам несколько червей из марсианских каналов, и мы решили их разводить и продавать в надежде на солидную прибыль. Но когда па наступил на одного из них в душевой (с ним-то мы не поделились своими планами), ма заставила нас отнести червей в зоопарк, за исключением того, на которого наступил па, поскольку от него уже не было никакого толку. Сразу же после этого случая мы сбежали из дому, чтобы вступить в Космическую морскую пехоту (дядя Стив служил в ней сержантом-баллистиком), и, когда вранье насчет нашего истинного возраста не сработало и нас водворили обратно в лоно семьи, ма не только нас не бранила, но обнаружилось, что она все время, пока мы отсутствовали, продолжала кормить наших змеенышей и шелковичных червей.

О, полагаю, мы были счастливы! Трудно судить о вещах, относящихся к таким давно прошедшим временам. Пат и я были очень близки, и все шалости задумывались и исполнялись нами обоими; однако я хочу, чтобы вы ясно понимали: быть близнецами вовсе не значит, что у вас отношения как у этих мифических Дамона и Питиаса *, о которых вам столько наболтали слюнтяи-писатели. Разумеется, близость возрастает от того, что вы вместе родились, делите одну и ту же комнату, вместе едите, вместе играете и вряд ли вообще, насколько вы помните сами и как вам говорили свидетели ваших младенческих лет, когда-либо и что-либо делали порознь... Да, ваша зависимость друг от друга растет. Вы почти не можете жить врозь, но это вовсе не означает, что вы питаете к своему брату такую уж беспредельную любовь.

Я хочу, чтобы здесь не было никаких недомолвок, ибо насчет близнецов наплели уйму всякой чуши с тех пор, как они неожиданно приобрели такое большое значение. Поймите: я — это я, а вовсе не мой братишка Пат. И я всегда знал, кто из нас кто, даже если все остальные не могли отличить нас друг от друга. Он правша, а я левша. Кроме того, с моей точки зрения, я

* Герои сказаний древнего Рима, имена которых стали нарицательными для обозначения бескорыстной дружбы.

тот самый, кому всегда доставался меньший кусок пирога.

Я даже припоминаю случай, когда Пат успел благодаря своей ловкости ухватить оба куса. Заметьте — это не общие слова; я говорю о совершенно конкретном песочном горт с шоколадной глазурью. И о том, как Пат ловко провернул дело таким образом, что стянул и мой кусок, причем ма и па, несмотря на мои протесты, были твердо уверены, что никто из нас не был обделен. Сладкое может казаться исключительно серьезным делом, когда вам всего восемь лет, а нам в тот момент было именно столько.

Я вовсе не хочу показаться нытиком и ябедой... но, говоря по правде, до сих пор чувствую, как горло мне перехватывает гнев, несмотря на разделяющие нас годы и мили, когда я вспоминаю, как меня наказали из-за того, что па и ма решили, будто это я и есть тот, который пытается стянуть две порции пирожного. Сейчас я просто стараюсь быть честным перед самим собой. Доктор Деверо велел мне писать дневник со всей откровенностью, на которую я способен, и посоветовал начать с того, каково это быть близнецом. Вы же не близнец, правда? А даже если и близнец, хотя сорок четыре шанса против одного за то, что это не так, то скорее всего — разнаяйцовый, тогда как мы с Патом — однайцовые, что еще раз в четыре снижает ваши шансы на владение одинаковым с нами опытом.

Говорят, будто один из близнецов всегда отстает от другого в развитии. Я так не думаю. Пат и я были похожи как два ботинка из одной пары. В тех редких случаях, когда между нами обнаруживались различия (я, например, обгонял его на дюйм по росту или на фунт по весу), эта разница быстро выравнивалась. В школе мы получали одинаково хорошие отметки; зубы у нас прорезались одновременно. Однако у Пата был сильнее развит «хватательный» инстинкт, чем у меня. И еще было в нем нечто такое, что психологи называют «стремлением к доминированию». Различие это столь тонкое, что обнаружить его трудно, и посторонним оно почти незаметно. Могу сказать, что возникло оно как бы внезапно на ровном месте, а затем стало столь прочным, что характер сложившихся между нами отно-

шений мы уже не могли изменить, даже если бы оба и попытались это сделать.

Думаю, если бы акушерка приняла меня первым, то наверняка я стал бы тем, кому достается лучший кусок пирога. Впрочем, возможно, так оно и случилось; откуда мне знать, как это у них все происходило.

Только не думайте, что быть близнецом плохо, даже если вам, так сказать, достаются только вершки; в основном это прекрасно. Вы попадаете в толпу чужих людей, вам среди них страшно и неудобно, но в двух футах от вас шагает близнец, и вы сразу же перестаете ощущать свое одиночество. Или кто-то вдруг врежет вам в челюсть, и, пока у вас голова идет кругом, ваш близнец уже дает сдачи обидчику и победа на вашей стороне. Вы провалили контрольную, братишка — тоже, и значит, опять вы не одиноки.

Не следует думать однако, что иметь брата-близнеца — это все равно что иметь близкого и верного друга. Ничего подобного! Хотя, конечно, в определенном смысле близнец роднее, чем друг.

Пат и я вступили в первый контакт с Фондом Поощрения Перспективных Исследований (ФППИ) в тот день, когда прямо к нам домой заявился этот самый мистер Гикинг. Мне он совсем не понравился. Мистер Гикинг тоже не понравился па, и он намылился выставить его как можно быстрее, однако тот уже успел угнестись за столом с чашечкой кофе — понятия ма о правилах гостеприимства отличались непоколебимой строгостью.

Таким-то образом мистер Гикинг и получил возможность высказаться. Он, по его словам, был местным агентом «Генетических исследований».

— А что это такое? — сухо спросил па.

— «Генетические исследования» — научно-исследовательское агентство, мистер Барлетт. В настоящее время оно осуществляет проект, заключающийся в сборе данных о близнецах. Этот проект представляет большой интерес для общества, и мы надеемся, что вы не откажетесь от участия в нем.

Па набрал в грудь побольше воздуха, вытащил тот воображаемый ящик из-под мыла, который у него всегда наготове, взобрался на трибуну и принялся вещать:

— Опять это правительство сует свой нос куда его никто не просит. Я — порядочный гражданин, я аккуратно плачу по своим счетам и содержу свое семейство. Мои дети ничем не хуже прочих детей, и меня просто с души воротит, как подумаю об отношении к ним правительства. Я не желаю, чтобы их тыкали, кололи и изучали ради удовольствия какого-нибудь бюрократа. Мы хотим только одного — пусть нас оставят в покое и пусть государство признает очевидный факт, что мои сыновья имеют столько же права дышать воздухом и занимать пространство, как и любой другой человек.

Па вовсе не глуп, просто его реакция на проблемы, касающиеся нас с Патом, столь же автоматична, как реакция собаки, которая слишком часто получала пинки. Мистер Гикинг пытался было его успокоить, но па останавливать безнадежно, раз уж он завел свою волюнку.

— Передайте департаменту контроля численности населения, что я не потерплю их «генетических исследований». И чего они намереваются ими достичь? Вернее всего, как предотвратить появление близнецов? А чем плохи близнецы? Чем был бы Рим без Ромула и Рема? Ну-ка ответьте мне! Мистер, а вам известно, сколько...

— Мистер Барлетт, прошу извинить, но я не имею отношения к правительству.

— А? Так почему же вы сразу этого не сказали? Тогда от кого вы?

— «Генетические исследования» — это агентство Фонда Поощрения Перспективных Исследований.

Я почувствовал, что интерес Пата сразу же возрос. О Фонде Поощрения Перспективных Исследований слышал каждый, но случилось так, что мы с Патом недавно писали классное семестровое сочинение на тему о бездоходных корпорациях и взяли ФППИ в качестве типичного примера.

Нас обоих заинтересовали цели Фонда Поощрения Перспективных Исследований. Девизом Фонда было «Хлеб, пущенный по водам»*, а его устав начинался так: «Забота о благоденствии наших потомков». В уставе было много еще всякой юридической ерундинки,

* «Отпускай хлеб твой по водам, ибо по прошествии многих лет опять найдешь его» (Экклезиаст II, 1).

но правление директоров Фонда сформулировало свою задачу как финансирование исключительно тех научных направлений, к которым ни государство, ни частные корпорации даже не притронулись бы. Чтобы заинтересовать Фонд, проекту мало казаться перспективным с научной точки зрения или выгодным для общества; он обязательно должен быть еще и таким дорогостоящим, что к нему никто не посмеет подступить. И желательно, чтобы проект мог принести плоды лишь в таком отдаленном будущем, что для налогоплательщиков и вкладчиков он становился явно непривлекательным. Чтобы загорелись энтузиазмом ФППИ, им следовало предлагать нечто, стоившее миллиарды, и чтобы результаты этого проекта сказались бы не раньше чем через десять поколений, если вообще их можно было теоретически ожидать... Ну, что-нибудь вроде управления погодой (кстати, над этим Фонд тоже работал) или решения проблемы, где зимуют раки.

Самое забавное, что «хлеб, пущенный по водам», окупался сторицей; проекты, казавшиеся совершенно неосуществимыми, приносили ФППИ дикие деньги, то есть «дикие» с точки зрения бездоходной корпорации. Возьмите, к примеру, космические полеты; две сотни лет назад они казались как бы специально созданными для ФППИ, поскольку были фантастически дороги и не обещали никаких выгодных реальных результатов в сравнении с требуемыми инвестициями. Было время, когда правительство кое-что делало в этой области, интересуясь преимущественно оборонной стороной дела, но Соглашение Бейрейта, заключенное в 1980 году*, положило конец даже этим слабым начинаниям.

Ну а Фонд Поощрения Перспективных Исследований занялся космосом и с восторгом стал швырять деньги в эту дыру. Случилось это тогда, когда корпорация, к большому своему огорчению, заработала несколько миллиардов на Томпсоновском конвертере материи, ибо первоначально предполагалось, что только теоретические исследования в этой области потребуют колоссальных средств в течение минимум целого столетия; поскольку в своих дивидендах Фонд не отчиты-

* Роман написан в 1956 году.

вался (держателей-то акций не было), ему было необходимо как-то побыстрее отделаться от подобного богатства. И космические полеты выглядели вполне подходящей крысиной норой, чтобы спустить туда денежки.

О том, что случилось дальше, известно даже маленьким деткам.

Ракетный двигатель Ортеги сделал космические перелеты внутри Солнечной системы дешевыми, быстрыми и простыми, а энергетический экран превратил колонизацию планет в дело не только практически возможное, но и весьма доходное. Что же касается ФППИ, то ему пришлось искать новые объекты для инвестиций, дабы избежать накопления ненужной ему денежной массы.

В тот вечер я, однако, об этом не думал; просто ФППИ случайно оказался тем предметом, о котором мы с Патом знали чуть больше остальных школьников старших классов... и явно больше, чем па, который хмыкнул и сказал:

— Фонд Поощрения Перспективных Исследований, вот как! Предпочел бы, чтоб вы оказались государственным служащим. Если бы подобные психованные прожекторы облагались налогом как порядочные, правительство перестало бы выжимать подушный налог из своих граждан.

Подобную аргументацию вряд ли можно считать надежной, поскольку зависимость между этими двумя явлениями не может быть выражена простой кривой, о чем и сообщается в начальном курсе математической эмпирики. Мистер Маккиф предложил нам оценить масштабы влияния (если таковое, конечно, имелось) ФППИ на технологию с помощью специальной формулы «дрожжевого роста», но либо я не разобрался в математике, либо деятельность ФППИ стала сказываться на поведении кривой еще в начале двадцать первого века, но в любом случае «культурное наследие», то есть аккумуляция знаний и материального богатства, удерживающая нас от превращения в дикарей, резко увеличилась в результате освобождения подобных бездоходных корпораций от уплаты налогов. Такой вывод вовсе не является «потолочным» — есть точные расчеты, подтверждающие его правильность. В самом деле,

разве не ясно, что случилось бы, если б вожди доисторических племен заставили какого-нибудь Уга охотиться с остальными членами племени, а не позволили бы ему остаться дома и выстругать ножом первое в мире колесо, пока эта идея была еще свежа в его мозговых извилинах.

Мистер Гикинг ответил:

— Я недостаточно компетентен, чтобы обсуждать подобные вопросы. Я ведь всего лишь служащий.

— А я выплачиваю вам жалованье. Не непосредственно и не охотно, но все же выплачиваю.

Я уже хотел вмешаться в спор, но почувствовал, что Пат пока предпочитает остаться в стороне. Мистер Гикинг пожал плечами и отозвался:

— Если это так, то я вам очень признателен. Однако я пришел сюда только затем, чтобы попросить ваших мальчиков пройти несколько тестов и ответить на кое-какие вопросы. Я всего лишь местный агент; я не руковожу Проектом.

Вот тут-то Пат и вмешался:

— А почему бы и нет, па? Тесты у вас в портфеле, мистер Гикинг?

— Послушай, Патрик...

— Все в порядке, па. Покажите нам тесты, мистер Гикинг.

— Хм... Я имел в виду нечто иное. У Проекта есть свой местный офис в Транслун-Билдинг. На тесты уйдет не меньше половины рабочего дня.

— Ого! Тащиться в центр города да еще терять подня... Сколько вы за это заплатите?

— Что? Участников просят пожертвовать своим временем в интересах науки.

Пат отрицательно покачал головой.

— Очень жаль, мистер Гикинг. Эта неделя у нас экзаменационная. А кроме того, брат и я заняты в школе работой с почасовой оплатой.

Я промолчал. Экзамены у нас уже кончились, остался лишь исторический анализ — курс очень легкий, ибо не требует математического аппарата, а лишь знания статистики и псевдопространственных расчетов. Что же касается школьной химической лаборатории, где мы работали, то она на время экзаменов закрыта.

Уверен, что па ничего этого не знал, иначе он непременно вмешался бы. Па только дай зацепку, и он тут же забудет о своих предубеждениях и превратится в сурового римского судью.

Пат встал, я тоже вскочил. Мистер Гикинг продолжал сидеть.

— Есть возможность договориться, — сказал он спокойно.

Пат выжал из него столько, сколько мы зарабатывали мытьем пробирок за месяц, и это всего лишь за полрабочего дня! А потом Гикингу пришлось еще удвоить эту сумму, когда выяснилось, что нам придется проходить тесты вместе (как будто это могло быть иначе!). Мистер Гикинг заплатил без звука — чистоганом и вперед.

Глава 2

Натуральный логарифм двух

Никогда в жизни я не видел столько близнецов, сколько их собралось на сороковом этаже Транслун-Билдинг во второй половине дня в среду. Я не люблю ошиваться среди близнецов — мне кажется, что у меня двоится в глазах. И не говорите, что я непоследователен — просто я никогда не видел со стороны ту пару, часть которой составляю я сам; я всегда вижу только Пата.

И Пат думает так же; мы никогда не дружили с другими близнецами. Вот и сейчас он огляделся и присвистнул.

— Том, тебе приходилось когда-нибудь видеть подобную свалку запасных частей?

— Никогда.

— Если б я тут заправлял, я б половину из них пристрелил. — Он говорил шепотом, чтоб ненароком не оскорбить кого-нибудь из присутствующих. Пат и я пользовались той манерой разговора, к которой прибегают заключенные в тюрьмах, так что для окружающих наш разговор — головоломка, а мы понимаем друг друга отлично. — Препротивное зрелище, верно?

Тут он опять присвистнул, и я глянул туда, куда он смотрел. Разумеется это были близняшки, но как раз тот случай, когда один — хорошо, а двое — лучше. Огненно-рыжие сестрички, помоложе нас, но не такие уж малявки — думаю, лет шестнадцать — и очаровательны, как котята персидской кошки.

Эти сестрички произвели на нас такое же действие, как пламя свечи на ночную бабочку. Пат шепнул:

— Том, мы просто обязаны подарить им чуточку своего свободного времени!

И напрямик дунул к ним, а я чуть не отдал ему пятки.

Девушки были одеты в подобие шотландских костюмов, и благодаря зеленой клетчатой материи их волосы пылали, как костер на ветру, а сами они были восхитительнее свежесвыпавших снежинок. И почти так же холодны. Пат успел произнести лишь половину вступительной речи, как вдруг потерял ее нить и заткнулся. Девчонки смотрели как бы *сквозь него*. Я залился краской, и от того, что могло стать величайшим позором нашей истории, нас спас лишь ослиный вопль громкоговорителя:

— Прошу внимания! Вам надлежит подойти к дверям, помеченным заглавной буквой ваших фамилий.

Так что мы отправились к двери с табличкой А-Д, а рыжие красотки — к противоположному концу алфавита, не бросив в нашу сторону ни единого взгляда. Когда мы встали в очередь, Пат пробормотал:

— Может, у меня на губах следы необсохшего молока? Или они дали обет остаться старыми девами?

— Вероятно, и то и другое вместе, — ответил я. — В любом случае я предпочитаю блондинок.

Так оно и было, поскольку Моды — блондинка. Пат и я ухаживали за Моды Каурик с определенным успехом уже чуть ли не год, хотя в моем случае это обычно означало, что мне подсовывали приятельницу Моды — Гедду Стейли, чье представление об увлекательной беседе сводилось к многократному повторению вопроса: а не кажется ли мне, что Моды — самое прелестное существо на свете? А раз так оно и было и в подтверждении не нуждалось, то наш разговор трудно назвать особо блистательным.

— Пожалуй, я тоже, — согласился Пат, даже не сказав, какую именно блондинку он имеет в виду. Моды была единственным предметом, который мы с Патом никогда между собой не обсуждали. — Но я, знаешь ли, смотрю на вещи шире. — Он пожал плечами и весело добавил: — Во всяком случае, если есть выбор.

А выбор, конечно, был, ибо из нескольких сот присутствующих близняшек, по меньшей мере треть была примерно нашего возраста или, во всяком случае, могла рассматриваться как подходящая, причем половина из них, насколько я могу судить, не прибегая к точному расчету, относилась к полу, который простую сходку превращает в общественное событие. Однако им всем было далеко до того класса, к которому принадлежали рыженькие сестрички, а поэтому я снова стал рассматривать присутствующих как обычную толпу.

Самая взрослая пара из виденных мной — двое мужчин лет тридцати с небольшим. Но я видел и девочек лет двенадцати, которые пришли в сопровождении мамаш. Большинство же составляли люди лет двадцати с хвостиком. Я как раз пришел к выводу, что «Генетические исследования» набирают своих рекрутов из различных возрастных групп, когда вдруг обнаружил, что мы уже стоим во главе очереди и клерк спрашивает наши фамилии.

В течение следующих двух часов нас передавали из рук одного сборщика данных к другому, у нас брали отпечатки пальцев, кровь на исследование, заставляли отвечать *да* или *нет* на сотни глупейших вопросов, на которые никак нельзя было ответить простым согласием или отрицанием. Медицинский осмотр проводился очень тщательно и сопровождался обычным, великолепно спланированным издевательством, когда человека заставляют стоять босым на холодном полу в комнате, где температура ровно на пять градусов ниже, чем это приятно для голой кожи, в то время как жертву тыкают пальцем в разные места да еще задают при этом вопросы самого интимного характера.

Я уже окончательно отупел и ко всему потерял интерес, когда Пат шепотом предложил сорвать одежду с врача и потыкать его в живот, потребовав при

этом, чтобы медсестра точно фиксировала его персональные ощущения. Единственная мысль, доставившая мне радость, — это то, что Пат заставил их раскошиться за извлекаемые из нас удовольствия. Затем нам разрешили одеться и ввели в комнату, где за столом сидела очень симпатичная дама. Перед ней находился эпидиаскоп, на экране которого она рассматривала два графика, изображавших наши личностные характеристики. Они были почти идентичны, но я попытался понять, в чем все-таки их различие. Впрочем, я все равно не знал, который из них мой, а который Пата, да и вообще я никудышный математикопсихолог.

Женщина улыбнулась и сказала:

— Садитесь, мальчики. Я — доктор Арно. — Она отложила графики и стопку перфорированных карточек, добавив: — Великолепный образчик зеркальных близнецов вплоть до декстрокардии*. В высшей степени любопытное явление!

Пат попытался хоть уголком глаза подглядеть что-то в бумагах.

— А каков теперь наш IQ**, доктор?

— Это не важно. — Она спрятала бумаги в стол, и сейчас же в ее руках появилась колода карт. — Когда-нибудь имели дело с такими?

Разумеется, имели. Это были классические карты Рейна для тестирования — завитушки, звезды и прочее. В школьных курсах психологии всегда используются такие колоды, и, если кто-то наберет очень высокое число очков, значит, этот умник сумел раскусить учителя и обойти его. Пат разработал очень простой способ обмана, и наш учитель, который так устал, что не мог даже как следует разозлиться, разбил нашу пару, заставив проходить тестирование только с другими партнерами, в результате чего наши показатели упали до величины стандартных ошибок. Так что я был к этому времени полностью уверен, что мы с Патом не какие-то экстрасенсорные выродки и что карты Рейна

* Врожденная аномалия — расположение сердца в правой половине грудной полости.

** IQ — коэффициент интеллектуальности.

окажутся просто еще одним скучным испытанием. И тут же почувствовал, как Пат напрягся.

— Держи уши на макушке, паренек, — услышал я его шепот, — и мы классно позабавимся.

Доктор Арно его, конечно, не слыхала. Я не был уверен, что эта проделка стоит свеч, но знал, что если он найдет способ подавать мне сигналы, то я не смогу удержаться от жульничества. Только зря я беспокоился. Доктор Арно увела Пата в другую комнату и вернулась уже без него. Она была связана с соседней комнатой микрофоном, но шансов, что Пат сможет шепнуть в него что-нибудь, не было никаких — микрофон работал только тогда, когда его включала доктор.

С места в карьер она начала:

— Первый тест начинается через двадцать секунд, — сказала она в микрофон и, выключив его, обернулась в мою сторону. — Смотри на карты, которые я буду тебе показывать, — сказала она, — не напрягайся, не старайся что-то сделать. Просто смотри на них.

Ну, я и стал на них любоваться. Такая тягомотина в разных вариантах длилась, вероятно, около часа. Иногда мне приходилось принимать, иногда посылать сигналы. На мой взгляд, ничего такого не произошло, тем более что мне даже не сказали, сколько очков нам удалось набрать.

Наконец доктор Арно взглянула на лист с отметками и сказала:

— Том, я хочу сделать тебе очень легкое вливание, вреда тебе оно не принесет, а его действие закончится еще до того, как ты вернешься домой. О'кей?

— Какое еще вливание? — спросил я с подозрением.

— Не бойся, оно совершенно безвредно. Мне не хочется говорить тебе что-нибудь еще, так как ты можешь подсознательно смоделировать именно ту реакцию, которую, как тебе кажется, мы ожидаем.

— Хм... а что говорит мой брат? Ему тоже сделают вливание?

— Не имеет значения. Пожалуйста, я очень тебя прошу.

Я все еще колебался. Па не одобряет вливаний и прочего в таком роде, кроме случаев крайней необхо-

димости; один раз он устроил скандал из-за того, что мы приняли участие в компании по борьбе с энцефалитом.

— Вы доктор медицины? — спросил я.

— Нст. У меня ученая степень. А что?

— А откуда вы знаете, что лекарство безвредно?

Она прикусила губу, а потом ответила:

— Я могу вызвать сюда доктора медицины, если ты мне не доверяешь.

— Э-э-э... думаю, в этом нет необходимости. — Я вспомнил кое-что из того, что па говорил об уколах снотворного, и спросил: — А что, Фонд Поощрения Перспективных Исследований в случае чего платит страховку от несчастных случаев?

— Что? Разумеется, думаю, что платит. Больше того, уверена в этом. — Она поглядела на меня и добавила: — Том, а что нужно, чтобы сделать мальчика твоего возраста таким подозрительным?

— А? Почему вы меня спрашиваете? Вы же психолог, мэм, не я. А кроме того, — продолжал я, — если бы вам пришлось столько раз садиться задом на кнопки и гвозди, как мне, вы бы тоже стали недоверчивы.

— М-м-м... ладно, не важно. Училась столько лет и все еще не представляю, куда же идет наше юное поколение. Ну, так как? Позволишь сделать укол?

— Х-м-м... пожалуй, соглашусь, раз ФППИ выплачивает страховку. Только вы напишите на бумажке, что именно вы собираетесь мне вколоть, и поставьте свою подпись.

На щеках у нее появилось два ярких красных пятна. Тем не менее она все же взяла листок почтовой бумаги, что-то написала на нем и вложила в конверт, который тут же заклеила.

— Убери в карман, — произнесла она сухо, — но прочти только после конца эксперимента. Ну а теперь подними левый рукав.

Сделав укол, она сказала ласково:

— Будет немножко больно... во всяком случае, я надеюсь на это.

Так оно и вышло.

Доктор Арно погасила все огни в комнате, кроме лампочки в эпидиаскопе.

— Тебе удобно?

— Вполне.

— Извини, я, наверно, показалась тебе склочницей. Будь добр, расслабься и чувствуй себя, как дома. — Она наклонилась и что-то сделала с креслом, в котором я сидел. Оно медленно раскрылось, и я оказался лежащим в гамаке. — Расслабься и не сопротивляйся. Если почувствуешь, что хочется спать, не волнуйся, это так и должно быть. — Она села, и теперь я видел только ее лицо, освещенное эпидиаскопом. Она очень мила, решил я, хоть и слишком стара, чтоб это могло иметь значение... лет тридцать, а может, и больше. И вообще симпатичная. Еще несколько минут она говорила мне что-то своим славным голосом, да только я не помню, что именно.

Должно быть, я уснул, так как вдруг стало совсем темно, и Пат оказался рядом, хотя я не заметил света, когда открывалась дверь в его комнату. Я хотел было заговорить с ним, но вдруг услышал его шепот:

— Том, ты когда-нибудь видывал такую бессмысленную ерундистику?

Я шепнул ему в ответ:

«Мне это напоминает время, когда нас посвящали в племя Конголезских Каннибалов».

— Говори тише, а то они нас застукают.

«Это ты орешь, как не знаю кто. А вообще-то, какое им дело? Давай проорем каннибальский боевой клич и напугаем их, чтоб из туфель выскочили».

— Потом, потом. Как раз сейчас моя девушка (а ее зовут Мейбл) попросила, чтоб я продиктовал тебе цифровой ряд. Так что пусть сначала позабавятся. Как-никак, они выложили за это свои денежки.

«О'кей».

— Ноль, запятая, шесть, девять, три, один.

«Это натуральный логарифм двух».

— А ты что думал? Номер телефона Мейбл? Заткнись и слушай. И повторяй вслух за мной. Три, запятая, один, четыре, один, пять, девять...

Так продолжалось довольно долго. Некоторые цифры были знакомы, подобно первым двум, остальные представляли собой случайные комбинации, среди которых, возможно, был и телефон Мейбл; не знаю, мне-то что. Я опять заскучал и снова начал подумывать,

не издать ли наш боевой клич в одиночку, когда доктор Арно тихо сказала:

— Конец теста. Прошу вас обоих помолчать и расслабиться на несколько минут. Мейбл, встретимся в комнате для сравнения данных.

Я слышал, как она уходит, поэтому отбросил мысль о боевом кличе и позволил себе расслабиться. Длительное повторение всех этих цифр в темноте как-то притупило мой мозг, и, как говорит дядя Стив, если у вас есть шанс похрапеть, храпите — может быть, другого такого шанса больше не представится.

Вскоре я услышал, как дверь комнаты открылась, а затем в глаза ударил яркий свет. Голос доктора Арно произнес:

— Вот и все на сегодня, Том... и большое тебе спасибо. Мы хотим, чтобы вы с братом пришли завтра сюда в то же время.

Глаза еще не привыкли к яркому свету, но я огляделся вокруг.

— А где Пат? Что он говорит?

— Ты встретишься с ним в холле. Он сказал мне, что вы сможете прийти. Ты же можешь, правда?

— Я думаю, да, раз он согласен. — Мне стало стыдно, что мы сыграли с ней такую шутку и поэтому я добавил: — Доктор Арно, мне очень жаль, что я обидел вас.

Она похлопала меня по руке и улыбнулась:

— Все в порядке. Ты был прав, проявляя осторожность, и к тому же ты отличный подопытный кролик. Ты бы посмотрел, какие нам попадаются дикари! Увидимся завтра.

Пат ждал меня в том же зале, где мы видели рыженьких сестер. Он пристроился ко мне, и мы пошли к антиграву.

— Я поднял расценку за завтрашнюю встречу, — шепнул он тихонько.

— Вот как! Пат, ты думаешь, это правильно? Я хочу сказать, что шутка шуткой, но если они просекут, что мы жулим, то здорово разозлятся. Они могут даже заставить нас вернуть ту плату, которую мы уже получили.

— А как они это сделают? Нам заплатили за то, чтоб мы пришли и подверглись тестированию. Это уж их дело вести его так, чтоб исключить возможность жульничества. Уж я-то не позволил бы обойти себя на кривой, если б проводил опыт.

— Пат, ты хвостун и жулик к тому же! — Я подумал о докторе Арно... такая милая леди... — Думаю, завтра я останусь дома.

Я сказал это в то мгновение, когда Пат уже ступил в шахту антиграва. Он находился футах в десяти ниже меня все то время, пока мы спускались, и имел целых сорок этажей, чтобы продумать ответ. Когда я приземлился рядом с ним, он вместо ответа сменил тему разговора.

— Они тебе делали укол?

— Да.

— А ты подумал о том, чтоб получить у них заявление об ответственности? Или как всегда лопухнулся?

— Что-то в этом роде. — Я вытащил из кармана конверт, о котором напрочь забыл. — Я уговорил доктора Арно написать, что именно она нам впрыснула.

Пат потянулся за конвертом.

— Дико извиняюсь, маэстро. С моими извилинами и твоей удачливостью мы их поймеем, как захотим. — Он начал было открывать конверт. — Ручаюсь, это неопентанол или один из барбитуратов.

Я выхватил у него конверт из рук.

— Это мое!

— Ну, так вскрой его, — ответил Пат, — и не мешай движению. Мне охота узнать, какой наркотик они нам вкатили.

Мы вышли на пешеходном уровне, и поэтому совет Пата был вполне уместен. Прежде чем вскрыть конверт, мы прошли с пешеходной дорожки на самую быструю, идущую на запад, и оказались под защитой ветролома. Когда я вынул бумажку, Пат стал вслух читать через мое плечо:

— Перспективные кое-каеры и тому подобное: вливания, сделанные объектам 71 435 и 36, то есть Т. П. Барлетту и П. Г. Барлетту (однойцовые близнецы) содержат по 0,1 кубика дистиллированной воды с повышенной до нормального уровня соленостью. Под-

пись: Дорис Арно, доктор наук, по поручению Фонда. Том, нас провели.

Я устался на бумагу, стараясь как-то соотнести то, что я испытал, и то, что было написано на листке. Пат произнес с надеждой в голосе:

— А может быть, тут все вранье? Впрыснули нам что-то другое и не хотят в этом признаться?

— Нет, — сказал я уверенно. Я был убежден, что доктор Арно не напишет «вода», если на самом деле дала нам какое-то снотворное; не такой она человек. — Пат, нас не обманывают. Нас загипнотизировали.

Он покачал головой:

— Невозможно. Даже если согласиться, что меня можно загипнотизировать, то тебя уж точно нельзя. Нет у тебя в башке того, что нужно для гипноза. И меня не гипнотизировали, дружище. Там не было ни вращающегося света, ни пассов, проделываемых руками, да что там — моя девушка Мейбл даже и в глаза мне не смотрела. Только сделала укол и просила, чтоб не беспокоился и ждал, пока лекарство подействует.

— Не будь ребенком, Пат. Вращающиеся источники света и прочее — это для дураков. Мне все равно, как оно зовется — гипнозом или умением всучить тебе любой товар. Они загипнотизировали нас, велели уснуть, вот мы и впали в кайф.

— Мне действительно захотелось спать, но ведь Мейбл говорила совсем другое. Она не приказывала мне дрыхнуть, но сказала, что если я все же засну, то должен проснуться, как только услышу ее голос. Потом, когда они принесли тебя, она...

— Подожди-ка! Ты хочешь сказать, что когда тебя доставили в ту комнату, где уже находился я...

— Ничего подобного я сказать не хочу! После того как тебя принесли, Мейбл дала мне этот список цифровых рядов, я начал читать их тебе и ты...

— Подожди-ка минутку, — сказал я. — Пат, ты все перепутал. Как ты мог читать их мне в полной темноте? Наверняка это она читала их тебе. Я хочу сказать... — Тут я остановился, так как почувствовал, что сам окончательно запутался. Ладно, она могла читать ему из той, из другой комнаты. — У тебя были наушники?

— При чем тут наушники? И не было никакой тьмы. Во всяком случае, после того как принесли тебя. Мейбл вывешивала цифры на доске, которая имела свой собственный источник света, вполне достаточный, чтобы я мог видеть и цифры, и ее руки.

— Пат, я хочу, чтобы ты перестал повторять эту несусветную чушь. Загипнотизированный или нет, но я не так уж туп, чтобы не заметить того, что произошло. Меня никуда не увозили; надо думать, они вкатили твое кресло так осторожно, что ты даже не проснулся. А в комнате, где мы находились, было темным-темно и ни единого лучика света.

Пат ответил не сразу, что было на него не похоже. Наконец он сказал:

— Том, ты уверен, что так и было?

— Уверен, что я уверен.

Он вздохнул:

— Неохота говорить такое, так как я знаю наперед твой ответ. Что надо делать, если ни одна из твоих гипотез не подходит?

— Э? Это что, загадка? Отбросить их прочь и попробовать новую гипотезу. Это ж основа методологии, причем для первоклашек.

— О'кей. Тогда попробуй-ка эту, не подойдет ли она по размеру, а на фасон не обращай внимания. Том, мой друг, крепись! Мы с тобой читаем мысли.

Я попробовал сказанное на вкус, и он мне не понравился.

— Пат, только потому, что ты не можешь ничего объяснить, нет смысла болтать, как толстая старуха, которая тащится к хиромантам. Признаю, у нас в голове каша, то ли от гипноза, то ли от наркотиков. Но не могли же мы читать в умах друг друга — ведь в этом случае мы бы уже делали это давным-давно. И наверняка заметили бы.

— Не обязательно. В твоем мозгу вообще мало что происходит, так что мне и замечать-то нечего.

— Но логика говорит...

— Скажи, а каков натуральный логарифм двух?

— Ноль, запятая, шесть, девять, три, один; ты так сказал, хотя я никогда не пользуюсь четырехзначными таблицами. А при чем тут логарифм?

— Я воспользовался четырехзначной таблицей потому, что Мейбл сама дала мне эти цифры. Ты помнишь, что она сказала, перед тем как я начал разговаривать с тобой по-тихому?

— А? Кто сказал?

— Мейбл. Доктор Мейбл Лихтенштейн. Так помнишь, что она сказала?

— Никто ничего не говорил.

— Том, мой маразматический симбиот, она сказала мне, что́ надо делать, то есть прочесть эти цифры тебе. Она сказала это своим чистым, сильным сопрано. Ты ее не слышал?

— Нет.

— Значит, тебя не было в этой комнате. Ты находился за пределами слышимости, хотя я и готов побожиться, что они положили тебя совсем рядом со мной. Понимаешь? Я знал, что ты рядом. А тебя, оказывается, не было. Значит, это телепатия.

Мысли мои изменились. Я вовсе не чувствовал себя телепатом. И вообще ощущал только голод.

— Солидарен с тобой по обоим пунктам, — согласился Пат. — Так что давай выйдем на станции Беркли и возьмем по сэндвичу.

Вслед за ним я сошел с движущейся полосы, чувствуя себя уже не столько голодным, сколько полностью обалдевшим. Дело в том, что Пат ответил на слова, которых я и не думал произносить.

Глава 3

Проект «Лебенсраум»

Хотя я и получил распоряжение не жалеть времени и писать со всеми подробностями, выполнить его практически невозможно. Вот уже несколько дней, как я ничего не добавил к своему повествованию, но если бы даже у меня не было другой работы, я все равно не смог бы изложить все, так как, чтобы подробно описать события того дня, потребуется как минимум столько же времени. И чем усерднее будешь стараться, тем больше будешь отставать. Поэтому я не стану особо напрягаться и останавлиюсь лишь на главных, наиболее важных моментах.

К тому же об основных целях проекта «Лебенсраум»^{*} наверняка знают все.

Ни па, ни ма о первом дне мы ничего рассказывать не стали. Родителей не следует огорошивать событиями такого рода; они сразу взбрыкивают и кидаются выдумывать всяческие запреты. Мы просто сказали, что тесты будут продолжаться еще один день и что пока нас никто с их результатами не знакомил.

^{*} Жизненное пространство (нем.) — один из терминов немецкой геополитики.

Доктор Арно, казалось, несколько не удивилась, когда мы сказали ей, что знаем, каков расклад, и даже когда я выложил то, что мы считали, будто жульничаем, а все оказалось совсем не так. Она только кивнула и промолвила, что им было необходимо создать у нас впечатление обыденности происходящего, даже если обеим сторонам и придется слегка покривить душой.

— Я обладала определенным преимуществом — в моем распоряжении были детальные характеристики ваших личностей, составленные на основе проведенных тестов, чем я и руководствовалась, — добавила она. — В психологии нередко возникает нужда идти круглым путем, чтобы установить истину. Сегодня мы будем с вами действовать более открыто, — продолжала она, — мы устроим вас так, чтоб вы не видели друг друга, но в то же время находились в пределах хорошей слышимости. Я же собираюсь поместить между вами звукоизолирующий экран, который будет включаться и отключаться через неизвестные вам интервалы.

Да, на второй день все у нас шло со скрипом. Естественно, мы напрягались, и, естественно, у нас ничего не получалось. Однако доктор Арно не проявила ни малейших признаков тревоги, точно так же, как и доктор Лихтенштейн — «доктор Мейбл» Пата. Она предпочитала, чтоб к ней так и обращались — *доктор Мейбл*; она была низенькая, толстенькая, моложе доктора Арно и славненькая, насколько может быть славной женщина, внешне похожая на диванную подушку. Только потом мы узнали, что она босс этой исследовательской группы и ее хорошо знают в научном мире. «Смешливая толстушка» — такова была ее роль, которую она играла, чтобы успокоить простых смертных, в данном случае меня с Патом. Полагаю, это доказывает, что не следует обращать внимания на красоту упаковки, а лучше повнимательнее вчитываться в то, что напечатано на ней петитом.

Так что она хихикала, доктор Арно демонстрировала серьезность, мы же никак не могли понять, читаем мы мысли друг друга или нет. Я слышал шепот Пата — нам сказали, что мы можем шептаться хоть до посинения, — а он слышал мой, но иногда эти звуки как бы «бледнели». Я был уверен, что у нас ничего не получа-

ется — я имею в виду телепатию, так как все шло как обычно, совсем как в школе, когда мы с Патом обменивались подсказками на уроках, и нас никто не мог на этом застукать.

Наконец доктор Мейбл хихикнула особенно застенчиво и сказала:

— Думаю, на сегодня хватит. Как вы полагаете, доктор?

Доктор Арно согласилась, а мы с Патом вскочили как ошпаренные и поглядели друг на друга. Я буркнул:

— Кажется, то, что было вчера, оказалось случайностью. Думается, вы в нас разочаровались.

Доктор Мейбл подскочила как кошечка, увидевшая нечто непонятное. Доктор же Арно ответила совершенно спокойно:

— Не знаю, чего ожидал ты, Том, но в последний час вы с братом были намертво звукоизолированы друг от друга, пока проходили тесты.

— Но я же слышал его!

— Конечно, слышал. Но не ушами. Мы вели запись по обе стороны звукового экрана. Если хотите, мы проиграем вам часть этой записи.

Доктор Мейбл хихикнула:

— Отличная идея.

Словом, так они и сделали. В начале записи были слышны все четыре голоса — это они объясняли, чего хотят от нас. Потом пошло только наше перешептывание — мы читали друг другу отрывки диалогов из «Комедии ошибок». Должно быть, на нас были нацелены параболические микрофоны, так как наш шепот звучал не хуже завываний штормового ветра.

Постепенно шепот Пата затих, а мой продолжал звучать, отвечая мертвой тишине.

Мы подписали исследовательский контракт с Фондом, и па скрепил его своей подписью... правда, после довольно долгого спора. Он считал чтение мыслей делом несостоящим, чего мы не стали оспаривать, ибо главным доводом в нашу пользу было то, что денег в семье как всегда не хватало, а эта работа оплачивалась куда лучше любой каникулярной работы, которую мы могли получить; за нее платили так здорово, что мы могли

надеяться поступить в колледж, даже если не сразу получим там стипендию.

Еще до того как каникулы подошли к концу, нас поставили в известность о связи между «Генетическими исследованиями» и проектом «Лебенсраум», а последний был птицей уже совсем иного полета, причем, с точки зрения родителей, птичкой весьма зловещей.

Задолго до этого мы с Патом научились передавать и читать мысли так же легко, как разговаривать, и так же безошибочно, причем без всякой помощи со стороны и на любые расстояния. Надо думать, мы с ним этим делом занимались фактически уже многие годы; доктор Арно тайком записала наш «тюремный диалог» (когда мы не общались телепатически, а просто вели обычную беседу, которую хотели сохранить в тайне) и доказала, что ни один из нас не мог дешифровать записанный шепот в тех случаях, когда он понижался до уровня, не доступного слуху посторонних.

Она сказала, что теоретически можно предположить, будто телепатическим потенциалом обладают все люди, но достоверно доказано, что проявление этой способности очень затруднено и оно возможно практически лишь у однояйцевых близнецов, да и то только у десяти процентов.

— Мы не знаем, почему так, но думаем, что тут есть какая-то аналогия с настройкой на радиосигналы определенной частоты.

— Мозговые волны? — спросил я.

— Не следует понимать аналогию так буквально. Это не те мозговые излучения, которые регистрируются на энцефалограммах, иначе мы уже давно торговали бы коммерческим телепатическим оборудованием. И человеческий мозг — не радиоприемник. Но что бы это ни было, два человека, вышедшие из одного яйца, имеют несравненно более высокие шансы «настроиться» друг на друга, нежели двое посторонних. Я не могу читать ваши мысли, а вы не можете читать мои, и, возможно, такая взаимосвязь между нами никогда не будет достигнута. В истории психологии насчитывается лишь несколько случаев, когда люди могли «настраиваться» на кого угодно. Да и то довольно плохо документированы.

Пат ухмыльнулся и подмигнул доктору Мейбл.

— Значит, мы просто парочка выроdkов?

Она широко-широко раскрыла глаза и уже начала было отвечать, но доктор Арно опередила ее.

— Вовсе нет, Пат. Это ваше нормальное качество. Однако в нашем Проекте участвуют несколько пар, которые не являются однойцовыми близнецами. Некоторые из них — жены и мужья, другие — близкие родственники, а есть пары, образованные в ходе проведения наших исследований. Вот их с бóльшим правом можно назвать «уродцами». Если нам удастся выяснить, как они делают это, тогда, может быть, мы найдем путь сделать подобное общение доступным для всех.

Доктора Мейбл передернуло.

— Какая жуткая мысль! И без того в наши дни почти не существует частной жизни!

Я потом повторил этот разговор Моди (а Пат все время перебивал и поправлял меня), так как средства массовой информации разнюхали, что происходит в «Генетических исследованиях», и, конечно, о нас — «мыслечитчиках» — стали распространять уйму разных глупостей, так что Моди, подталкиваемая дурехой Геддой Стейли, стала задумываться, а не лишилась ли она права думать, не опасаясь быть подслушанной. Разумеется, не лишилась; я не мог бы проникнуть в ее мысли, даже если бы получил приказ произвести в них обыск; Пат — тоже. Моди поверила бы нашему честному слову, если бы Гедда не заиклилась на этом деле. Она чуть было не погубила нашу дружбу с Моди, но нам все же удалось выкинуть ее из нашего тесного кружка, и тогда наступило время прогулок втроем, которое продолжалось до тех пор, пока Пат не уехал от нас.

Все это, однако, случилось еще до конца лета, то есть до того, как нам объяснили смысл проекта «Лебенс-раум».

Примерно за неделю до истечения наших контрактов, нас — близнецов — собрали вместе, чтобы по-толковать. Если в тот, самый первый день, нас, как вы помните, были сотни, на второй — десятки, то к концу лета осталось лишь столько, сколько могла вместить одна приличная аудитория. Рыжие сестрички тоже бы-

ли среди оставшихся, но Пат и я не стали садиться рядом с ними, хотя там и оставались свободные места; девчонки все еще демонстрировали свое ледяное презрение и были закрыты для общения не хуже устриц. Все прочие уже давно перезнакомились между собой.

Некий мистер Говард был представлен нам в качестве доверенного лица Фонда. Он принялся расшаркиваться в широко распространенном среди ораторов стиле насчет того, как он рад встрече с нами, как он этим польщен и все такое прочее.

Пат сказал мне: *«Держись за бумажник, Том, этот парень хочет нам что-то всучить»*.

Теперь, когда нам было известно, что за штука телепатия, мы с Патом разговаривали друг с другом в присутствии посторонних даже чаще, чем раньше. Только сейчас мы уже не утруждали себя перешептыванием, поскольку знали, что своего шепота все равно не слышим. Тем не менее мы все же «приглушали» свои мысленные слова, так как это помогало нам лучше понимать друг друга. В начале лета мы сделали попытку общаться друг с другом без мысленно произнесенных слов и, так сказать, читать (мысли) напрямую, но из этого ничего не вышло. О, я мог легко проникнуть в мозг Пата, но тупой неразборчивый гул, который возникал у него в голове вместо моих мыслей, сбивал его с толку и раздражал; все будто лишалось смысла, вроде бы он ненароком попадал в чей-то сон. Так что нам пришлось научиться «не слушать», пока он не окликал меня по имени или же я его. Когда мы «вызывали» друг друга, мы пользовались в уме словами и фразами, как все люди. Ничего похожего на широко распространенные фантастические бредни насчет того, как мгновенно схватывается содержание мыслей другого лица, не было: мы просто «говорили».

Единственно, что меня тревожило, так это то, почему телепатический «голос» Пата звучал, как его собственный. Мне это не очень мешало, пока я не знал, что мы делаем, но с тех пор, как узнал, что эти «звуки» вовсе не являются звуками, мне стало как-то не по себе. Я начал задумываться, нормален ли я, и в результате на целую неделю лишился возможности «слышать» —

«психосоматическая телепатическая глухота», как назвала это доктор Арно.

Она излечила меня, объяснив, что такое слух. Ты слышишь не ушами, ты слышишь мозгом, ты видишь не глазами, а опять же мозгом. Когда ты что-то осязаешь, то ощущение не застревает у тебя в пальце, оно передается в мозг. Уши, глаза, пальцы — все это лишь сборщики информации; мозг же вносит порядок в хаос данных и придает ему смысл.

— Новорожденный ребенок в действительности не видит, — сказала она, — посмотри ему в глаза, и ты сразу поймешь, что он слеп. Его глаза действуют, но мозг еще не научился видеть. Когда же мозг обретет привычку абстрагировать, то есть «видеть» и «слышать» — эта привычка сохраняется на всю жизнь. Как ты можешь «услышать» то, что твой близнец передает тебе телепатически? В виде звона колокольчиков или в виде мелькания световых пятен? Ни в коем случае. Ты ожидаешь слов, и твой мозг «слышит» их; к этому процессу он привык и знает, как с ним обращаться.

Только тогда я перестал волноваться. Голос Пата я слышал четче, чем голос обращавшегося к нам оратора. Без сомнения, вокруг нас «шелестело» не менее пятидесяти других разговоров, но я не слышал никого, кроме Пата, и было очевидно, что оратор не слышит никого, кроме себя (и вообще имеет самые смутные представления о телепатии), так как он спокойно продолжал:

— Возможно, многие из вас, обладающих такими удивительными способностями (это он произнес с вымученной улыбкой), сейчас читают мои мысли. Надеюсь, что это не так, а если так, то будьте добры, не перебивайте меня, пока я не изложу все, что должен.

«Что я тебе говорил, — вмешался Пат, — не вздумай ничего подписывать, пока я не просмотрю текст».

«Заткнись — ответил я, — я не хочу слушать».

Обычно голос Пата звучал как шепот, но теперь в нем тонули реальные звуки.

Мистер Говард продолжал:

— Может быть, вы недоумеваете, почему это Фонд Поощрения Перспективных Исследований финансирует наш Проект? Фонд всегда поддерживал начинания,

которые способствуют накоплению знаний. Однако в данном случае существует более важная причина... несравненно более важная... благородная цель, для достижения которой жизненно необходимы именно вы.

«Видишь? Не забудь пересчитать сдачу!»

«Тихо, Пат!»

— Разрешите мне процитировать, — продолжал мистер Говард, — небольшой отрывок из устава Фонда Поощрения Перспективных Исследований: «Забота о благоденствии потомков». — Он закатил трагическую паузу. Уверен, что он планировал ее заранее. — Леди и джентльмены, что наиболее важно для наших потомков?

«Иметь предков!» — тут же отозвался Пат.

На секунду мне показалось, что он воспользовался своими голосовыми связками. Однако никто ничего не заметил.

— На это может быть только один ответ: жизненное пространство. Пространство, чтобы расти, пространство, чтобы создавать семью, чтобы вспахивать безбрежные поля, выращивать на них золотое зерно, чтобы хватило места для парков, для школ, для домов. Сейчас на нашей планете живет более пяти миллиардов человек; еще сто лет назад, когда численность населения была вдвое меньше, чем сейчас, Земля была уже перенаселена так, что голод стал неизбежной реальностью. И все же сегодня в полдень нас было на четверть миллиона душ больше, чем в этот же час вчера; наш ежегодный прирост составляет больше девяноста миллионов! Только феноменальные усилия по возобновлению и охране ресурсов плюс контроль над рождаемостью, который каждодневно ужесточается, позволяют нам сдерживать наступление голода. Мы создали в сердце Сахары море, мы растопили ледяную шапку Гренландии, мы обводнили засушливые степи, и тем не менее год от года растет потребность в пространстве для непрерывно увеличивающегося населения.

Я не слишком уважаю речи. Да и вообще все, что он говорил, было общеизвестно. Черт! Да мы с Патом ощутили нынешнюю ситуацию, так сказать, на собственной шкуре; мы ведь были теми самыми котятками, которых по закону следовало утопить; наш старик еже-

годно платил налог, благодаря которому мы имели право жить дальше.

— Прошло уже столетие с тех пор, как начались межпланетные полеты. Человечество распространилось по всей Солнечной системе. Можно было бы предположить, что девяти планет хватит для расы, которая слишком плодovита, чтоб жить только на одной. Но вам всем известно, что дело обстоит иначе. Из всех детей Папаши Солнца только прекрасная Терра по-настоящему пригодна для жизни людей.

«Спорю, он пишет рекламные проспекты».

«И плохие», — согласился я.

— Мы колонизировали их, но с колоссальными затратами. Даже упрямые голландцы, ведя свою борьбу с морем, не встречались с такой суровой и почти безнадежной задачей, с какой встретились колонисты Марса, Венеры и Ганимеда. Человеческому роду нужны не эти безводные, раскаленные или безвоздушные обломки творения; он обязательно обретет то, чего он жаждет. Нам нужны другие планеты, такие же удобные для жизни, как та, на которой мы стоим сейчас. И они есть, их множество! — Он воздел руки к потолку и возвел очи. — Есть десятки, сотни, тысячи таких... вон там! Леди и джентльмены, время для звезд пришло!

«А вот и бросок, — спокойно сказал Пат. — Да еще крученный. Этот мяч идет прямо в сетку».

«Пат, какого черта он добивается?»

«Он агент по продаже недвижимости».

Пат не так уж сильно ошибся. А потому я не стану цитировать остальную часть речи мистера Говарда. Когда мы с ним познакомились поближе, он оказался совсем неплохим парнем, но его завораживали звуки собственного голоса, так что лучше я сам кратко изложу содержание его речи. Он напомнил нам, что ракетный космический корабль «Авангард» был шесть лет назад послан к Проксиме Центавра. Мы с Патом знали об этом не только из «Новостей», так как мамин брат — дядя Стив — собирался на нем лететь. Ему отказали, но некоторое время мы наслаждались почетом, который оказывали нам по причине нашей кровной близости с человеком, внесенном в списки кандидатов на

полет; подозреваю, что мы раззвонили по всей школе, будто дядя Стив будет обязательно включен в команду.

С тех пор никто не слышал об «Авангарде», он ожидался обратно лет через пятнадцать-двадцать, а может быть, и никогда. Причина, по которой о корабле не было известий, как указал мистер Говард и как всем было известно, заключалась в том, что радиogramмы с кораблей, находящихся в нескольких световых годах от Земли и летящих со скоростью, близкой к скорости света, просто не посылаются. Даже если предположить, что корабль имеет силовую установку, достаточно мощную, чтобы послать радиосигналы на расстояние, измеряемое световыми годами (что, может быть, и не является невозможным в космическом смысле, но уж точно недостижимо с точки зрения современной инженерной науки), то и тогда какой смысл посылать сообщение, которое идет лишь чуть быстрее самого корабля, пославшего его? «Авангард» прибудет домой почти одновременно со своим сообщением, переданным по радио.

Какой-то недоумок из нас спросил насчет «почтовых» ракет. Мистера Говарда такой вопрос огорчил, он стал отвечать на него, но я не слушал. Если радио оказывается недостаточно быстрым средством доставки, то что уж тут говорить о почтовых ракетах? Уверен, доктор Эйнштейн наверняка перевернулся в своем гробу, услышав такой вопрос.

Мистер Говард поторопился перейти к новой теме, чтобы его не перебивали подобной чушью. Фонд Поощрения Перспективных Исследований планирует послать еще около дюжины космических кораблей в разных направлениях для обследования солнечных систем, в поисках планет, похожих на Землю и пригодных для колонизации. Корабли будут отправлены в космос на долгие сроки, так как каждый из них должен обследовать не одну солнечную систему.

— И именно здесь, леди и джентльмены, ваша роль становится решающей для нашего, потрясающего воображение проекта поиска жизненного пространства, так как именно **вы** будете тем средством, с помощью которого капитаны космических кораблей смогут сообщать на Землю о своих открытиях.

Тут даже Пат примолк.

Вдруг кто-то встал в задних рядах аудитории. Это оказался представитель одной из самых взрослых среди нас пар близнецов. Братьям было лет по тридцать пять.

— Извините меня, мистер Говард, но не могу ли я задать вам вопрос?

— Разумеется.

— Меня зовут Грегори Грейм, а мой брат Грант Грейм. Мы оба физики. Конечно, мы не можем считаться специалистами по космической проблематике, но кое-что из области теории связи нам известно. Даже если принять, ради экономии времени, постулат, что телепатия сработает в межзвездных пространствах, — а я в это не верю, но доказать свою правоту не могу, — то, даже приняв указанный постулат, я не вижу, чем это нам поможет. Телепатия, свет, радиоволны, даже тяготение не могут иметь скорость распространения больше скорости света. Такова природа вещей в нашей Вселенной, таков неизбежный предел скорости действия всех видов связи. Всякий другой взгляд означал бы, что мы уткнемся в известное с древности философское противоречие между действием и расстоянием. Возможно, нам удастся использовать телепатию для передачи наших открытий. А затем отправить корабль на поиски новых... но, чтобы наше послание достигло Земли, все равно потребуются световые годы. Двусторонняя связь между кораблем и Землей даже с помощью телепатии абсолютно невозможна, она противоречит всем известным физическим законам.

Грейм, казалось, был смущен, что приходится сообщать такие банальные истины. И тихо сел на свое место.

Мне показалось, что он положил мистера Говарда на обе лопатки. Пат и я имели отличные оценки по физике, и то, что сказал Грейм, было непреложной истиной, полученной, так сказать, из рук самого Всевышнего. Однако мистера Говарда это даже не шелохнуло.

— Я прошу ответить нашего эксперта. Доктор Лихтенштейн! Будьте добры...

Доктор Мейбл встала, зарделась, хихикнула и, волнуясь, сказала:

— Мне ужасно жаль, доктор Грейм, правда, ужасно жаль, но телепатия — это нечто совсем иное. — Она снова хихикнула. — Не мне, конечно, говорить об этом, поскольку вы — телепат, а я нет, но телепатия абсолютно не имеет никакого отношения к скорости света.

— Но она *должна* его иметь! Законы физики...

— О Боже! Разве мы хоть как-то дали вам понять, что телепатия — физическое явление? — Она крепко сжала свои маленькие ручки. — Вернее всего, она таковым не является.

— Все окружающее — физические явления. Я включаю сюда и физиологию, разумеется.

— В самом деле? Вы действительно так думаете? О, мне бы вашу уверенность! Но физика для меня всегда была ужас как трудна. Однако я не понимаю, почему вы так твердо убеждены, что телепатия — явление физическое? При всем желании нам не удалось ее зарегистрировать каким-либо прибором. Боже мой, мы даже не знаем, какова природа связи между материей и сознанием... Материально ли сознание? Я, по правде говоря, не знаю. Но зато нам точно известно, что телепатия действует быстрее света, так как это мы измерили.

Пат рывком выпрямился.

«Теперь держись, парень! Мы, пожалуй, останемся на второй сеанс».

Грейм был ошеломлен. Доктор Мейбл торопливо поправила:

— Нет, нет. Не я, конечно! Это сделал доктор Эбернетти.

— *Горацио Эбернетти?! — удивился Грейм.*

— Да. Его зовут именно так, хотя я, конечно, никогда не осмеливалась называть его по имени. Он жутко знаменит.

— Всего лишь Нобелевский лауреат, — мрачно отозвался Грейм, — по теории поля. Но продолжайте. Что же он открыл?

— Видите ли, мы отправили одного из близнецов на Ганимед. Это ужасно далеко. Потом мы воспользовались одновременно радиотелефоном и телепатией; близнец, находившийся на Ганимеде, одновременно говорил по радио и был в прямой связи — я хочу сказать, в

телепатической связи — со своим братом в Буэнос-Айресе. Известие, посланное телепатически, постоянно опережало радиограмму почти на сорок минут. Ну, что-то в этом роде. Точные расчеты вы можете, если хотите, получить у меня в кабинете.

Грейм с трудом захлопнул рот.

— Когда это было сделано? Почему результаты до сих пор не опубликованы? Кто велел это засекретить? Ведь это, вероятно, самое важное открытие со времен опыта Майкельсона-Морли*... Какой позор!

Доктор Мейбл очень расстроилась, и мистер Говард поспешил на помощь, чтобы снизить накал страстей.

— Никто не намерен скрывать научные открытия, мистер Грейм. И доктор Эбернетти как раз сейчас готовит статью для публикации в «Физикал ревью». Однако должен признать, что Фонд действительно обратился к нему с просьбой не печатать предварительных сообщений, чтобы дать нам время ускорить работы по другому проекту — известному вам как «Генетические исследования», обеспечив ему приоритет по всем параметрам. Мы считаем, что имеем моральное право на то, чтобы сначала разыскать, а потом заключить контракты с потенциальными телепатическими партнерами, раньше других психологических лабораторий и, разумеется, раньше любых амбициозных дельцов, которые захотели бы нас опередить. Доктор Эбернетти согласился. Он не любит предварительных публикаций.

— Если вам от этого полегчает, мистер Грейм, — робко сказала доктор Мейбл, — то телепатия не зависит и от всемирного закона кратности квадратам расстояния. Сила сигнала остается одинаковой и на расстоянии миллиарда миль, и тогда, когда пара телепатов находится в соседних комнатах.

Грейм тяжело опустился на стул.

— Не знаю, так это или не так. Мне приходится пересматривать все, во что я неизбежно верил.

Антракт, возникший по вине братьев Грейм, кое-что прояснил, но в то же время увел нас в сторону от

* Опыт (1881 г.), доказавший независимость скорости света от движения Земли. Нашел объяснение лишь после появления теории относительности.

главной цели собрания, которая для мистера Говарда заключалась в том, чтобы внушить нам идею о необходимости подписать контракты, превращающие нас в космонавтов. Мне-то ее и продавать было незачем. Подозреваю, что каждый мальчишка жаждал попасть в космос. Когда-то мы с Патом удрали из дому, чтобы записаться в Космическую морскую пехоту... а ведь сегодня нам предлагали нечто большее, чем полеты между Землей, Марсом и Венерой; нам предлагали исследовать звездные системы.

Звезды!

— Мы говорим вам об этом до того, как истекли сроки ваших контрактов по участию в исследованиях, — объяснил мистер Говард, — чтобы у вас было время на обдумывание, а у нас — время, чтобы объяснить вам условия и выгоды, которые из них проистекают.

А мне было плевать, какие-такие у них там выгоды. Если б меня позвали только затем, чтоб прицепить к заднице санки, я б все равно сказал *да*, не думая ни о пламени, бьющем из дюз, ни о космических скафандрах, ни о чем вообще.

— Об обоих членах каждой телепатической пары позаботятся одинаково, — заверил нас мистер Говард. — Тот, который полетит к звездам, получит высокое жалованье и отличные условия работы в самых современных космических кораблях, в компании с экипажами, подобранными с учетом психологической совместимости, а также высокой профессиональной пригодности; тот, кто останется на Земле, обретет обеспеченное будущее как с финансовой точки зрения, так и с точки зрения заботы о здоровье. — Он улыбнулся. — В первую очередь именно здоровья, ибо необходимо, чтоб жил он долго и был здоров настолько, насколько это может быть обеспечено последними достижениями науки. Не будет преувеличением сказать, что подписание контракта добавит ему по меньшей мере тридцать лет жизни.

Тут-то я понял, почему большинство близнецов, проходивших тестирование, были так молоды. Тот близнец, который отправлялся к звездам, не рисковал сильно состариться, учитывая, что полет будет совершаться на околосветовых скоростях. Даже если полет продлится

целое столетие, для него лично пройдет гораздо меньше времени, так что братишка, оставшийся на Земле, здорово обгонит его по возрасту. Вот почему с ним станут носиться как с членом королевской семьи — надо же продлить ему жизнь, чтобы «радиоприемник» не сломался преждевременно.

Пат воскликнул:

«Эй, Млечный Путь, держись — я иду!»

А мистер Говард продолжал:

— Мы хотим, чтобы вы все продумали очень тщательно; это ведь будет без преувеличения самое важное решение за всю вашу жизнь. На плечах горсточки собравшихся здесь и подобных вам, но пока живущих в других городах нашего шарика, то есть всего лишь ничтожно малой доли одного процента человечества, на плечах этой бесценной частички человеческого рода покоятся все его надежды. Поэтому думайте, не упуская из виду ничего, и дайте нам возможность разъяснить вам все, что, вероятно, тревожит вас. Не спешите.

Рыженькие сестрички встали и пошли по проходу, задрав носики вверх. Им не нужны были слова, чтобы дать понять всем, что они не желают иметь ничего общего с таким неподходящим для настоящих леди грубым и неприличным делом, как исследования космоса. В молчании, которым сопровождался их торжественный исход, Пат громко сказал мне:

«Вот шагают матери будущих пионеров. Вот он дух, благодаря которому была открыта Америка».

И когда они проходили мимо, он разразился градом презрительных насмешек, а я вдруг понял, что он вовсе не пользуется телепатией, ибо близняшки сначала окаменели, а потом опрометью кинулись к дверям. Раздались смущенные смешки, а мистер Говард поспешил взять дело в свои руки, будто ничего не произошло; я же телепатически отчитывал Пата.

Мистер Говард попросил нас явиться завтра в обычное время, пообещав, что представители Фонда разъяснят нам любые детали, связанные с контрактом. Он посоветовал нам привести с собой адвоката, тех же, кто еще не достиг совершеннолетия (а таких было больше половины) — родителей или адвокатов последних.

Пат прямо пенился, когда мы уходили; зато я почти растерял былой энтузиазм. Еще во время речи мистера Говарда перед моими глазами вспыхнул ослепительный свет: один из нас должен остаться на Земле; и я понял с той же уверенностью, с какой мог спорить, что бутерброд всегда падает маслом вниз, кто именно из нас двоих окажется этим оставшимся. Вероятное увеличение жизни на тридцать лет не соблазняло меня. Зачем мне эти лишние тридцать лет, если я проведу их завернутым в кокон из ваты? Для того, кто останется на Земле, не будет космических полетов даже в пределах Солнечной системы... а я ведь еще даже на Луне не побывал.

Я попытался подорвать энтузиазм Пата, сказав ему без всяких экивоков, что на этот раз черта с два соглашусь без серьезной драки на худший кусок пирога.

— Слушай, Пат. Мы будем тащить соломинки или кинем монету.

— Чего? О чем ты там бормочешь?

— Ты прекрасно знаешь, о чем я говорю.

Он отмахнулся от меня как от мухи и ухмыльнулся.

— Больно рано ты начал кипятиться, Том. Пары будут формироваться по желанию Фонда. Тут не нам решать.

Я знал, что он уже решил лететь во что бы то ни стало, и знал, что я обречен на поражение.

Глава 4

Всегда ли полбуханки лучше, чем ни одной?

Наши родители подняли заранее предвиденный нами шумер. Любое семейное сборище у Барлеттов и без того на слух воспринимается как время кормежки в зоопарке, но в данном случае орово достигло небывалого накала. В дополнение к Пату, мне, Фейт, Хоуп, Чарити и нашим предкам сегодня тут присутствовали еще новенький с иголки муж Фейт — Фрэнк Дюбуа и почти такой же свежеиспеченный жених Хоуп — Лотар Сембрич. Их обоих в общем можно не считать, они всегда казались мне примером того, как низко готова пасть девушка, если она очень хочет выйти замуж, но места они занимали много и время от времени подавали реплики, способные еще больше запутать дело. Разумеется, присутствовал брат мамы — дядя Стив, который появился на Земле, чтобы провести здесь свой очередной отпуск.

Именно присутствие дяди Стива и побудило Пата вынести вопрос на открытое обсуждение, вместо того чтобы обрабатывать па и ма поодиночке. Наши предки считали, что дядя Стив оказывает на нас разлагающее

влияние, но безумно им гордились; каждый из его редких визитов на Землю воспринимался как настоящий праздник.

Мистер Говард дал нам образец контракта, чтобы мы взяли его домой и внимательно с ним ознакомились. После ужина Пат сказал:

— Между прочим, па, Фонд предложил нам сегодня новый контракт, на этот раз долгосрочный.

Он вынул из кармана контракт, но не отдал его па.

— Но я полагаю, вы им сказали, что у вас скоро начнутся занятия в школе?

— Разумеется, сказали. Но они настояли, чтобы мы отнесли контракт домой и обсудили его с родителями. О'кей, мы же заранее знали, что вы ответите.

Пат начал засовывать контракт обратно в карман.

Я сказал Пату по-тихому:

«Что за дурацкая мысль? Ты заставил его сказать "нет", и теперь он вынужден будет стоять на своем».

«Пока он еще ничего не сказал, — ответил мысленно Пат, — не смей толкать меня под локоть!»

Па уже тянул руку к контракту.

— Дай-ка мне поглядеть на него. Нельзя же принимать решение, досконально не зная всех фактов.

Однако Пат не торопился расставаться с документом.

— Ну, там есть специальная статья насчет стипендий, — сознался он, — и, согласно ей, мы с Томом не сможем больше ходить в одну школу, как это было раньше.

— Что ж! Может, это и не так плохо. Вы с Томом слишком зависите друг от друга. Когда-нибудь наступит время, и вам придется бороться с этим холодным и жестоким миром в одиночку... так что, если вы будете ходить в разные школы, это может оказаться не таким уж плохим началом подготовки к самостоятельной жизни.

Пат протянул ему контракт, раскрытый на второй странице.

— Это в десятом параграфе.

Па прочел сначала десятый параграф, чего и добивался Пат, и брови у него полезли вверх. В десятом параграфе сообщалось, что первая сторона, именуемая в дальнейшем ФППИ, будет содержать вторую сторону в любой школе по выбору последней, выплачивая

все издержки во время продолжения действия контракта или более короткое время, по усмотрению второй стороны, и обязуется сделать то же самое для третьей стороны после завершения активного периода, предусмотренного контрактом, плюс гарантирует обучение с помощью репетиторов во время активной фазы; смысл всех этих витиеватых словес сводился в тому, что Фонд сейчас и до конца будет платить за обучение того из близнецов, кто останется дома, а за того, который улетит к звездам, заплатит после возвращения... и все это в дополнение к нашему жалованию — смотри параграф седьмой. Па отыскал параграф седьмой, и его брови забрались еще выше, а трубка выпала изо рта. Он взглянул на Пата.

— Верно ли я понял, что они намерены нанять вас на должность техников-связистов десятого разряда, несмотря на отсутствие у вас опыта работы?

Дядя Стив так и плюхнулся на стул, чуть не сломав его.

— Брюс, ты, кажется, назвал десятый разряд?

— Тут так написано.

— С оплатой по ставкам ФППИ?

— Да. Я не знаю, сколько это будет, но, как мне известно, они нанимают обученный персонал только начиная с третьего разряда.

Дядя Стив присвистнул.

— Мне даже неохота говорить тебе, что это за деньжищи, Брюс. Но главнокомандующий всеми электронщиками Плутона имеет десятый разряд... и ему потребовалось двадцать лет службы и докторская степень, чтобы занять этот пост. — Дядя Стив поглядел на нас. — А ну, выкладывайте, приятели, где тут зарыта собака? Что это — взятка? — Пат ничего не ответил. Дядя Стив повернулся к па и буркнул: — Все, что набрано петитом, можешь не читать; пусть ребята немедленно подписывают контракт. Каждый из них станет получать больше, чем мы с тобой вместе взятые. С Санта-Клаусом, знаешь ли, спорить не приходится.

Но па уже вчитывался в петит от параграфа «один А» до разделов, касающихся штрафов за нарушение контракта. Все было изложено хитроумным юридическим языком и сводилось к тому, что мы включаемся в

состав команды космического ракетного корабля ФППИ на один полет, хотя одному из нас придется выполнять обязанности на Земле. Там было еще много чего предусмотрено, чтобы оставшийся на Земле не смог как-нибудь уклониться от своих обязательств, но, в общем, все сводилось к вышесказанному.

В контракте не указывалось, ни куда полетит корабль, ни сколько времени займет само путешествие.

Наконец па отложил контракт, и его тут же схватила Чарити. Па отобрал его назад и передал мамочке. Потом он сказал:

— Мальчики, этот контракт выглядит так роскошно, что где-то в нем обязательно должна быть заковыка. Завтра утром я постараюсь изловить судью Холланда и попрошу его вместе со мной пройти по всему документу. Но если я понял верно, то вам предлагают все эти блага плюс чудовищно высокое жалование с условием, что один из вас полетит на «Льюисе и Кларке»*.

Дядя Стив насторожил уши.

— «Льюис и Кларк», Брюс?

— «Льюис и Кларк» или какой-нибудь другой корабль того же класса, если понадобится. А что? Ты знаешь этот корабль, Стив?

У дяди Стива лицо стало невозмутимым, как у классного игрока в покер, и он ответил:

— Я на нем не бывал. Насколько я знаю, совсем новый корабль. И очень хорошо оборудованный.

— Рад это слышать. — Па поглядел на ма. — Что скажешь, Молли?

Мама ничего не ответила. Она читала контракт и с каждой новой строчкой все больше бледнела. Дядя Стив поймал мой взгляд и почти незаметно отрицательно покачал головой.

Я сказал Пату:

«Дядя Стив обнаружил заковыку».

«Он не станет вмешиваться».

* Мэрриуотер Льюис и Вильям Кларк в 1803 г. возглавили экспедицию по исследованию бассейна Миссури и его связи с Тихоокеанским побережьем. В 1805 г. вышли к устью р. Колумбии. После завершения экспедиции вся эта территория («Страна Орегон») была присоединена к США.

Наконец ма подняла голову и тоненько сказала па:

— Я подозреваю, что ты уже готов согласиться?

Голос был какой-то больной. Контракт выпал у нее из рук, и Чарити снова схватила его как раз в ту минуту, когда Хоуп вцепилась в него с другой стороны. Кончилось это тем, что наш шурин Фрэнк Дюбуа отобрал у них документ и уткнулся в него, держа листы так, чтобы другие, глядя из-за плеча Фрэнка, могли читать текст.

— Успокойся, успокойся, милая, — мягко ответил па, — помни, что мальчики уже взрослые. Я был бы рад, если б вся наша семья могла всегда жить вместе. Но это невозможно. И тебе это известно не хуже, чем мне.

— Брюс, но ты обещал мне, что они не отправятся в космос.

Брат ма бросил на нее косой взгляд; его грудь была украшена ленточками орденов, полученных за космос. Но па продолжал все так же мягко:

— Не совсем так, дорогая. Я обещал, что не разрешу им до совершеннолетия записаться в ряды Вооруженных сил Мира; я хотел, чтоб они получили образование, и я не мог допустить, чтоб ты за них волновалась. Но сейчас совсем другое дело... и если мы откажемся от него, то все равно скоро наступит день, когда они смогут вступить в армию, хотим мы того или не хотим.

Мама обернулась к дяде Стиву и с горечью сказала:

— Стивен, это ты вбил в их головы эту злосчастную мысль!

Казалось, он рассердился, но ответил так же мягко, как па:

— Успокойся, сестренка. Меня ведь тут не было. И ты мне это дело не шей. Кроме того, этим мальчишкам ничего не надо вбивать в голову, они сами генерируют идеи.

Фрэнк Дюбуа прочистил горло и громко вякнул:

— Поскольку это, по-видимому, семейное дело, то вам, без сомнения, интересно знать, что я думаю об этом.

Я сказал только для Пата:

«Никто не интересуется твоим мнением, мякинная голова!»

Пат ответил:

«Пусть болтает. Может, он и есть наше главное секретное оружие».

— Если вам угодно выслушать тщательно взвешенное мнение опытного бизнесмена, то этот так называемый контракт есть или чей-то дурацкий розыгрыш или предложение столь невероятное, что оно не заслуживает ни малейшего внимания. Я допускаю, что близнецы обладают каким-то извращенным талантом вырождков, хотя я лично не видел ничего подтверждающего это. Однако сама идея платить им больше, чем получает зрелый мужчина, — это, знаете ли... совершенно недопустимый метод воспитания детей. Если бы они были моими сыновьями, я бы, естественно, ничего подобного не разрешил. Конечно, они не мои...

— Нет, не твои, — согласился па.

Фрэнк бросил на него острый взгляд.

— Это что, сарказм, папа Барлетт? Я ведь только пытаюсь помочь. Но, как я сказал вам еще вчера, если эти близнецы поступят в какую-нибудь хорошую школу бизнеса и будут трудиться как порядочные, я найду им место в хлебопекарном деле. И если они будут работать хорошо, то не вижу причин, почему бы им не достичь таких успехов, каких достиг я сам. — Фрэнк был младшим партнером своего отца в автоматической пекарне; и вечно приставал к людям с рассказами о том, какую деньгу он зашибает. — А что касается этой идеи насчет космических полетов, то я всегда говорил, что если человек хочет, чтоб из него что-то получилось, то надо сидеть дома и вкалывать. Прошу извинить меня, Стив.

Дядя Стив сказал деревянным голосом:

— С радостью извинил бы... твое отсутствие.

— Э?

— Замнем для ясности. Ты оставь космос в покое, а я обещаю, что никогда не стану печь хлебы. Между прочим, у тебя мука на лацканах.

Фрэнк быстро глянул на свою грудь. Фейт смахнула что-то с его пиджака и сказала:

— Да это ж просто пудра.

— Конечно, пудра, — согласился Фрэнк, помогая ей отряхивать одежду. — Должен сказать тебе, Стив,

что я, как правило, слишком занят, чтобы бывать на производственном этаже. Почти не вылезаю из офиса.

— Так я и думал.

Фрэнк вдруг вспомнил, что они с Фейт опаздывают на какое-то другое свидание и что им пора уходить, но па неожиданно задержал их.

— Фрэнк, а что это был за намек? Будто мои мальчики выродки?

— Что? Я никогда не говорил ничего подобного.

— Рад это слышать.

Они ушли в глубокой клейкой тишине, нарушаемой лишь гудением Пата, который в уме, но очень громко исполнял «Марш гладиаторов».

«Мы победили, малыш!»

Мне тоже так казалось, но Пат счел необходимым закрепить успех. Он взял контракт.

— Значит, все в порядке, па?

— М-м-м... Я хочу проконсультироваться с судьей Холландом, и, кроме того, я не имею права говорить за твою мать. — Это нас не очень пугало; ма не стала бы сопротивляться, если б отец согласился, особенно в том случае, если тут же присутствовал и дядя Стив. — Но вы вправе сказать, что дело не получило отрицательной оценки. — Он нахмурился. — Между прочим, там не указана продолжительность полета.

Дядя Стив пришел нам на помощь:

— Обычное дело для гражданских кораблей, Брюс. Ты записываешься на полет со своей родной планеты и обратно.

— Хм... без сомнения. Но разве они вам ничего не сказали, мальчики?

Я услышал, как застонал Пат.

«Вот и конец всему! Что мы ему ответим, Том?»

Па ждал, а дядя Стив пристально следил за нами. Наконец он сказал:

— Лучше давайте начистоту, ребята. И, возможно, мне следовало упомянуть в разговоре, что я сам пытаюсь получить койку на одном из этих кораблей — с временным увольнением из армии и все такое прочее. Так что мне это дело известно.

Пат что-то пробормотал неразборчиво. Па резко прикрикнул:

— Говори же, сынок!

— Они сказали, что полет продлится... вероятно, около столетия.

Ма упала в обморок; дядя Стив подхватил ее, а все присутствующие стали носиться вокруг с холодными компрессами, мешая друг другу; мы же сидели как в воду опущенные. Когда ма очнулась, дядя Стив сказал па:

— Брюс, я, пожалуй, заберу ребят на прогулку, поставлю им по стаканчику крепкой сарсапариллы*, чтобы они тут не путались под ногами. Все равно сегодня тебе с ними разговаривать не с руки.

С отсутствующим видом па согласился, что это недурная мысль. Я знаю, па любит нас всех, но, если бы потребовался выбор, никто из нас в сравнении с ма не значил бы ровно ничего.

Дядя Стив привел нас в заведение, где он мог получить нечто более соответствующее его вкусу, нежели сарсапарилла, и первым делом наложил вето на попытку Пата выклянчить пиво.

— Не выпендривайся, мальчуган. Уж не собираешься ли ты выставить меня человеком, спаивающим детишек родной сестры?

— Пиво никому не может повредить.

— Вот как? Я до сих пор разыскиваю парня, который когда-то сказал мне, что пиво — просто безалкогольный напиток. Собираюсь выбить у него мозги с помощью глиняной пивной кружки. Так что лучше помолчи.

В общем, мы получили свое прохладительное питье, а дядя Стив выбрал себе какое-то жуткое пойло, которое он называл «марсианским шенди»**; мы принялись обсуждать проект «Лебенсраум». Дядя Стив знал о нем куда больше нас, хотя вплоть до сегодняшнего дня никаких официальных сообщений о проекте в прессе не было; думаю, тот факт, что Стив был приписан к

* Безалкогольный напиток, производимый из корня тропического растения того же названия.

** Смесь простого пива с имбирным.

Начальнику Главного штаба, имел кое-какое значение, хотя он об этом и не заикался.

Пат волновался и все время приставал к дяде Стиву:

— Дядя Стив, а есть ли хоть какой-то шанс, что родители нас отпустят? Или нам с Томом лучше просто забыть обо всем?

— Что? Конечно, вас отпустят.

— Не может быть! Что-то сейчас на это совсем не похоже. Насколько я знаю па, он скорее снимет с нас шкуру и сделает из нее прикроватный коврик, чем позволит ма почувствовать себя несчастной.

— Без сомнения. Кстати, идея насчет коврика вовсе неплоха. Но поверьте мне, мальчики, все будет ладно... при условии, что вы воспользуетесь вескими аргументами.

— Это какими же?

— М-м-м... Мальчики, поскольку я служу при штабе, мне приходилось иметь дело со многими крупными шишками. Если ты прав, а генерал ошибается, то существует только один способ заставить его поступить по-твоему — заткнись и не спорь. Дай фактам самим говорить за себя, а генералу время, чтобы придумать достаточно убедительное объяснение причин своего перехода на другую позицию. — Похоже, Пата это не убедило. А дядя Стив продолжал: — Поверьте мне, ваш родитель — человек здравомыслящий, а ваша мать, хоть и не такова, но скорее будет страдать сама, чем причинит боль кому-то, кого она любит. Этот контракт настолько важен для вас, что родители не смогут отказать вам: конечно, если вы дадите им время попривыкнуть к мысли о разлуке. Однако, если вы начнете ныть, кланчить и спорить, как вы делаете всегда, вы заставите их объединиться против вас.

— Как это? Я никогда не ною, я просто пользуюсь логикой...

— Умолкни. Я от тебя устал. Пат, ты всегда был самым противным отродьем, вечно ноющим, чтобы добиться своего... И ты, Том, ничуть не лучше. А с годами вы мало изменились; просто отточили свои технические приемы. Сейчас вам задаром предлагают то, за что я с радостью отдал бы свою правую руку. Мне следовало бы отойти в сторону и полюбоваться, как вы своими

руками провалите дело. Но этого я не сделаю. Держите свои длинные языки за зубами, будьте тише воды, ниже травы, и вы добьетесь своего. Прибегнете к вашей обычной мерзкой тактике — и обязательно проиграете.

Таких слов мы ни от кого не потерпели бы. Если б это был кто-то другой, Пат просигналил бы мне и врезал противнику выше живота, а я — ниже. Но с человеком, который носит на груди ленточку «За Цереру», так не поступают; его слушают. Пат мне даже ни словечка не шепнул.

Вместо этого мы стали обсуждать сам проект «Лебенсраум». Двенадцать космических кораблей должны были вылететь одновременно, приблизительно по расходящимся от Солнца радиусам, образующим как бы оси двенадцатигранника; однако радиусами их можно было назвать лишь условно, ибо миссия каждого корабля заключалась не в исследовании какого-то сектора космоса, а в том, чтобы посетить как можно больше звезд, относящихся к тому же типу, что и Солнце, сделав это за кратчайший промежуток времени. Дядя Стив объяснил, как для каждого корабля были вычислены минимаксные поисковые орбиты, но я этого не понял; чтобы понять, требовалось знание исчислений, которые мы еще не проходили. Впрочем, это не важно. Каждый корабль должен был затратить как можно меньше времени на прыжки от одной звездной системы до другой и как можно больше на исследование каждой из них.

Пат никак не мог оставить мысль о том, как бы это половчее заставить наших родителей решить дело в нашу пользу.

— Дядя Стив, даже положившись на ваше мнение о том, что нам не надо торопиться, не следует ли одновременно использовать аргумент, к которому они, может быть, прислушаются. Возможно, вы и сами могли бы выдвинуть его.

— Хм?

— Ну, насчет того, что полбуханки лучше, чем ничего. Вероятно, до них еще не дошло, что один из нас останется дома? — Я успел ухватить начало фразы, которую собирался сказать Пат, и это было вовсе не

«один из нас останется дома», а «Том останется дома». Я хотел было заспорить, но потом решил спустить дело на тормозах. Фразу-то он ведь не произнес. А Пат продолжал: — Им известно, что мы рвемся в космос. Если они не разрешат нам сделать это сейчас, мы добьемся своего позже и другим способом. Если мы поступим в твой род войск, мы, конечно, сможем приезжать домой в отпуск, хотя и очень редко. Если же мы эмигрируем, то все равно что умрем для них; ведь очень немногим эмигрантам удастся набрать денег на посещение Земли и уж во всяком случае не за тот срок, пока их родители еще живы. Поэтому, если нас оставят дома сейчас, то как только мы достигнем совершеннолетия, они, возможно, уже никогда больше нас не увидят. Если же разрешат лететь, то один из нас не только останется дома, но вся семья будет находиться в постоянном контакте с другим — ведь именно в этом контакте и заключена идея использования телепар. — Пат с тревогой посмотрел на дядю Стива. — Так не следует ли нам самим сказать им об этом? Или, может быть, ты сам подсунешь им нашу идейку?

Дядя Стив ответил не сразу, хоть я и не видел никакой логической неувязки в сказанном Патом. Два минус два — это ноль, а два минус один — это все же один.

Наконец дядя Стив медленно произнес:

— Пат, неужели ты не можешь вбить в свою глупую башку, что их надо оставить в покое?

— Не вижу, чем плоха моя логика.

— Да когда же эмоции побеждались логикой? Тебе следовало бы снова прочесть ту историю, где царь Соломон предложил разрубить младенца надвое. — Дядя Стив отпил из своего стакана и вытер рот. — То, что я вам сейчас расскажу, строго-секретно. Знаете ли вы, что Планетарная Лига рассматривает вопрос о переводе этих кораблей в разряд боевых?

— Как? Почему? Мистер Говард ничего такого не говорил...

— Говорите потише... Проект «Лебенсраум» исключительно важен для Департамента Мира. Если разобратся, то главной причиной войн всегда были потреб-

ности населения в расширении пространства, хотя, конечно, влияли и другие факторы.

— Но мы же запретили войны.

— Верно. И именно поэтому парням, вроде меня, платят жалованье, чтоб они успевали затапывать горящие кусты, прежде чем пожар охватит весь лес. Мальчишки, если я расскажу вам обо всем остальном, вам придется хранить этот секрет не только сейчас, но, возможно, до конца вашей жизни.

Терпеть не могу секретов. Уж лучше брать деньги в долг. Секрет-то не вернешь туда, откуда ты его взял. И все же нам пришлось пообещать хранить его.

— О'кей. Я видел оценки, сделанные Департаментом Мира по этому проекту, заказанные самим ФППИ. Когда «Авангард» ушел в полет, ему давали лишь один шанс из девяти на возвращение. Теперь у нас оборудование куда лучше; мы обладаем лучшей техникой; благодаря этому шансы возросли до одного из шести для каждой посещенной планетной системы. Согласно разработанным индивидуальным траекториям, корабль посетит в среднем шесть звезд. Поэтому у него есть лишь один шанс из тридцати шести на благополучное возвращение из полета. Для двенадцати кораблей это значит, что есть лишь один шанс из трех на то, что хоть *один* корабль вернется обратно. Вот тут-то и выступаете на сцену вы — «выродки».

— Не смей называть нас выродками, — крикнули мы почти одновременно.

— Выродки, — повторил он. — И все мы благодарим Всевышнего за то, что вы — выродки — существуете, ибо без вас Проект был бы просто не осуществим. Корабли и их команды могут быть заменены: корабли — это просто деньги, а людей, вроде меня, у которых любопытство перевешивает здравый смысл, хоть пруд пруди. И если кораблей можно не жалеть, то информация, которую они соберут, совершенно бесценна. Поэтому те, кто сидит наверху, и не ждут, что корабли вернутся домой, ибо нам *необходимы* эти планеты земного типа; в них нуждается все человечество. Вот для чего вы, парни, и нужны: передавать на Землю результаты поисков. И если это будет сделано, то

совсем не имеет значения вопрос — вернутся корабли обратно или не вернутся.

— Меня ты не напугал, — отозвался я.

Пат посмотрел на меня и отвел глаза. Я без всякой телепатии вполне определенно дал ему понять, что вопрос, кто именно полетит, между нами далеко еще не решен.

Дядя Стив пристально посмотрел на меня и сказал:

— А я и не ожидал другого, учитывая твой возраст; впрочем, я тоже не боюсь; я и так живу взаимы начиная чуть ли не с девятнадцати лет. И я настолько убедил себя в собственной удаче, что, если какой-нибудь из кораблей вернется на Землю, готов спорить — это будет мой корабль. Однако теперь, быть может, вы поймете, почему глупо доказывать вашей матери, будто половина пары близнецов лучше, чем ни одного? Эмоционально ваш довод никуда не годится. Идите-ка вы домой и снова перечитайте притчу о заблудшей овце*. Если вы скажете матери, что один из вас будет вкушать безопасность дома, то это заставит ее сконцентрировать всю силу своих чувств на том, что другой ее сын в опасности и его дома *не будет*. Если ваш па попытается успокоить ее, он наверняка споткнется на фактах, о которых я говорил, ибо не все они секретны. И это в первую очередь относится к тем, на которых статистики основывают свои расчеты; просто сейчас реклама Проекта будет стараться всячески подчеркивать его выгоды и всячески замалчивать опасности.

— Дядя Стив, — возразил Пат, — я не понимаю, откуда такая уверенность, что большинство кораблей погибнет.

— Такой уверенности нет. Это лишь сравнительно оптимистические предположения, основанные на учете опыта, который накопила наша раса, исследуя неизведанные просторы. Видишь ли, Пат, можно оказаться правым и раз и другой раз подряд, но когда дело касается исследования совершенно неизвестных людям территорий, то первый же раз, когда ты ошибешься, окажется и твоим последним разом. Потому что ты умрешь. Приходилось ли тебе когда-нибудь видеть дан-

* Евангелие от Матфея, 18, 12-13.

ные, относящиеся к истории исследования нашей крохотной Солнечной системы? Исследовать — это все равно что играть в русскую рулетку; ты можешь выиграть раз и другой раз, но если будешь играть долго, игра тебя убьет, будь уверен. Поэтому на данной стадии не следует тревожить своих родителей. Мне-то все равно — я уверен, что человек имеет право умереть так, как ему хочется; и это единственное право, которое пока не додумались обложить налогом. И все же не следует привлекать внимание родных к тому факту, что одному из вас не суждено вернуться в родной дом.

Глава 5

Вторая договаривающаяся сторона

Дядя Стив был прав, когда предсказал, что наши родители капитулируют — через три недели Пат уехал для прохождения тренировки.

До сих пор не пойму, как Пату удалось обойти меня, чтобы полететь в космос. Мы никогда не бросали жребий, никогда не вступали в драку из-за этой проблемы, и я никогда не давал своего согласия. Однако уехал именно Пат.

Не раз я пытался выяснить с ним это дело, но он каждый раз отбрыкивался, говоря, что я зря волнуюсь, что надо подождать и посмотреть, как пойдут дела. И вдруг обнаружилось, что все убеждены, что летит именно Пат, а я остаюсь дома. Может быть, мне следовало проявить больше характера в тот день, когда мы подписывали контракт, и Пат вдруг замешкался, дав мне подписать первым, благодаря чему в бумагах я стал числиться «второй договаривающейся стороной», то есть той, что остается дома, а не «третьей» — той, что летит. Мне, однако, тогда казалось, что вряд ли это повод для скандала, поскольку вторая и третья стороны объявлялись взаимозаменяемыми по согласованию всех трех сторон, выступающих в контракте. Пат сам указал

мне на это обстоятельство, как раз перед тем как мы поставили свои подписи; несравненно важнее было закончить формальности, пока наши родители не раздумали, и получить их подписи.

Планировал ли Пат уже тогда, как ему половчее облапошить меня? Если даже и так, то я ни разу не поймал его в тот момент, когда он формулировал бы свои мысли словесно. И другой вопрос — а не попробовал бы я сам поступить с ним так же, если мне пришлось бы это в голову? Не знаю. Честно говорю, не имею понятия. Во всяком случае, я постепенно и сам стал приходить к убеждению, что дело решено; члены семьи принимали такое распределение обязанностей как нечто само собой разумеющееся, персонал ФППИ — тоже. Тогда я сказал Пату, что не считаю это дело решенным. В ответ он просто пожал плечами и напомнил, что уже получил распоряжение ФППИ на отправку; сам же он тут вовсе ни при чем. Может быть, я сумею убедить их изменить свое решение... если, конечно, мне наплевать, что своими действиями я рискую провалить все дело вообще.

Конечно, ничего подобного я не хотел. Я же не знал тогда, что ФППИ готов ползать на коленях и плакать горькими слезами, лишь бы не выпустить из рук любую пару молодых и здоровых телепатов. Мы были уверены, что у них от желающих отбоя нет. Думал, что если начну скандалить, то ФППИ просто разорвет контракт, ведь они имели право сделать это в любой момент до наступления «Дня Д»*, заплатив пустячную неустойку. Вместо этого я перехватил па наедине и поговорил с ним. Это уже само по себе яснее ясного показывает, что я дошел до точки; ни Пат, ни я никогда не бегали порознь к родителям, чтобы ябедничать друг на друга. Было жутко принудить себя к этому, я заикался, мемекал и лишь с огромным трудом наконец добился, чтобы па понял, почему я чувствую себя обманутым.

Па, похоже, проникся и сказал:

— Том, я думал, что вы с братом сами решили это между собой.

* День начала операций (воен.).

— Но это же как раз то, что я тебе стараюсь внушить. Ни о чем мы не договаривались.

— И чего же ты хочешь от меня?

— Ну... я хочу, чтоб ты заставил его вести себя порядочно. Мы должны хоть спички тащить, что ли... или ты сам бросишь за нас жребий и присмотришь, чтоб все было по-честному. Можешь так сделать?

Па занялся своей трубкой, как он всегда делает, когда хочет потянуть время. Наконец он произнес:

— Том, я не вижу, как ты можешь выйти из этой ситуации, раз все уже задействовано. Чего ты ждешь, чтоб я расторг контракт? Это не легко, но я наверняка сумею.

— Не надо тебе разрывать наш контракт! Я просто хочу иметь равные шансы. Если я проиграю, то тут же заткнусь. Если же выиграю, то ничего не изменится, кроме того, что полечу я, а дома останется Пат.

— М-м-м... — Па пускал из трубки клубы дыма и казался погруженным в размышления. — Том, ты хоть разок видел в последние дни свою мать?

Я, разумеется, видел ее, но почти не разговаривал. Она бродила по дому, как зомби, совершенно потерянная и убитая горем.

— А что такое?

— Я не могу обречь ее на новые страдания. Сейчас она переживает весь ужас потери твоего брата. Я не могу позволить, чтоб ее снова заставили перенести такое же горе, но теперь уже из-за тебя. Этого она не выдержит.

Я знал, что ма сейчас очень тяжело, но не понимал, что произойдет, если мы с Патом поменяемся ролями.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что ма предпочитает, чтоб все осталось так, как есть? Что она согласна, чтоб летел Пат, но не я?

— Нет, не хочу. Твоя мать любит вас обоих одинаково.

— Но тогда ей должно быть все равно!

— Нет, не все равно. Она уже частично смирилась с грозящей ей потерей одного сына. Если б вы сейчас поменялись ролями, ей пришлось бы пережить все заново, но уже из-за другого сына. Так с ней обращаться жестоко. — Он ударил трубкой по пепельнице —

жест, означавший то же, что и удар молотка, извещающий о закрытии собрания. — Нет, сынок, боюсь, тебе придется придерживаться соглашения в том виде, как оно подписано.

Дело было безнадежное, и я заткнулся. Если па вытащил на свет божий вопрос о благополучии ма, то бороться было так же невозможно, как побить козырного туза.

Через четыре дня Пат улетел в Тренировочный центр. В эти дни я видел его редко, за исключением тех часов, которые мы вместе проводили в Транслун-Билдинг; он удирал каждый вечер на свиданку с Моды, а меня с собой не приглашал. Он объяснил, что это последние дни, которые он видит ее, тогда как у меня впереди вагон времени, а потому «не возникай, дружище!» И я не спорил; это было не только справедливо само по себе, но мне еще просто не хотелось присутствовать на их свиданиях в подобных обстоятельствах. Пат и я в эти дни отдалились друг от друга больше, чем когда-либо.

Однако это нисколько не отразилось на наших телепатических способностях, и каков бы ни был характер этой «настройки», она так легко давалась мозгам, что мы, во всяком случае, могли включать ее столь же просто, как заговаривать друг с другом, и выключать с той же легкостью. Нам не требовалось ни «концентрироваться», ни «освобождать мозг от посторонних мыслей» и не было нужды прибегать к приемам дешевой восточной мистики. Когда мы хотели «говорить» между собой, мы говорили.

Когда Пат уехал, я почувствовал себя страшно одиноким. Конечно, мы были с ним на связи по четыре часа в день и могли связаться в любой момент, если бы мне захотелось с ним поболтать, но уж раз вы прожили всю жизнь, делая все в четыре руки, то трудно не выйти из строя, когда приходится действовать в одиночку. Новые привычки у меня еще не успели выработаться. Например, я уже готовился идти куда-то и вдруг останавливался как вкопанный у дверей, стараясь вспомнить, что я забыл. Оказывалось — Пата. Ужасно плохо идти куда-то одному, если вы всегда бывали там вдвоем. Кроме того, ма стала вдруг какой-то искусственно оживленной, навязчиво заботливой, а потому совер-

шенно невыносимой. К тому же я начал плохо спать по ночам. Дело в том, что швейцарский Тренировочный центр работал по их местному времени, а потому и я, и все прочие близнецы, жившие кто где, но не в Швейцарии, должны были отрабатывать тренировочные сеансы тоже по швейцарскому времени. Каждую ночь уже в два часа Пат начинал свистеть мне прямо в ухо, после чего приходилось работать до восхода, а отсыпаться днем урывками.

Это было страшно неудобно, но необходимо; к тому же платили мне хорошо. Впервые в жизни у меня была такая уйма денег. То же самое случилось и со всей семьей, так как, несмотря на протесты па, я начал щедро платить за свое содержание. Я даже купил себе часы (Пат забрал наши с собой), невзирая на их высокую цену, и мы стали поговаривать о переезде в большую квартиру.

Однако ФППИ занимал все больше и больше места в моей жизни, и я начал понимать, что контракт требует от меня отнюдь не только времени для записи посланий от моего брата-близнеца. Почти немедленно в действие вступила геронтологическая программа. «Геронтология» — смешно звучит, если этот термин применять к человеку, у которого еще и права голоса-то нет, но смысл его был совершенно ясен — я должен был жить как можно дольше, для чего и требовалось эту самую программу запустить с ходу. Теперь вопрос о том, что я ем, перестал быть моим личным делом; я должен был перейти на диету, которую разработали специально для меня, и тут уж никаких сэндвичей, схваченных на бегу. Был составлен длинейший список «особо опасных» вещей, от которых мне было велено держаться подальше. Мне сделали прививки от всего на свете, начиная от «колена горничной»* и кончая болезнью попутаев. Со мной носились как с писаной торбой и изучали так внимательно, что не хватало разве только жульнического наложения рук.

Единственным утешением служило то, что, по словам Пата, то же самое было с ним. Ведь при всем

* Воспаление сумки наколенника (meg.).

нашем невежестве и дурном характере, для ФППИ мы были драгоценным и незаменимым средством связи, так что за нами ухаживали не хуже, чем за знаменитыми призовыми скакунами или премьер-министрами; ухаживали так, что обычным людям в это было трудно поверить. Сплошное занудство!

Первую неделю или даже дней десять, после того как уехал Пат, я не стал даже звонить Моди; при мысли о ней мне становилось как-то неловко. Наконец, она позвонила сама и спросила, не обиделся ли я на нее. Или, может, думаю, что ее посадили на карантин? Мы тут же договорились о свидании на вечер. Это свидание, пожалуй, трудно назвать праздником. Моди пару раз назвала меня Патом, что и раньше случалось нередко, но только тогда это не имело особого значения, поскольку мы с Патом привыкли к тому, что люди путают нас. Теперь же это было вдвойне неприятно — призрак Пата убивал в наших душах всякую радость.

Когда Моди повторила ту же ошибку во второй раз, я сказал со злостью:

— Если ты хочешь говорить с Патом, я тебя с ним соединю через полсекунды!

— Как? Что ты говоришь, Том?

— Ох, знаю я, что ты хотела бы видеть на моем месте Пата! И если тебе кажется, что мне приятно служить второсортной заменой, так советую хорошенько подумать.

У Моди навернулись на глаза слезы, мне стало стыдно и более неловко, чем раньше. Мы обменялись горькими упреками, и вдруг я обнаружил, что рассказываю Моди о том, как Пат меня облапошил.

Ее реакция оказалась совсем не той, которую я ожидал. Вместо того чтобы посочувствовать мне, она воскликнула:

— Ох, Том, Том! Разве ты не видишь, что Пат тебе ничего не сделал и во всем виноват ты сам?

— Как это?

— Причина не в нем; она в тебе. Меня, бывало, тошнило просто, глядя на то, как ты позволяешь Пату помыкать тобой. Тебе нравилось, что он тобой помыкает. У тебя же явная склонность к мазохизму.

Я так разозлился, что сначала даже слов подобрать не мог.

— Что ты болтаешь? Какая-то дешевая «кухонная» психиатрия! Не пройдет и минуты, как ты станешь мне внушать, что я стремлюсь к саморазрушению.

Моди мигнула, стараясь стряхнуть с ресниц слезы.

— Нет. Хотя, может быть, именно это заложено в Пате. Он постоянно шутит на эту тему, но я знаю, что тут скрыто нечто очень опасное. Уверена, мы больше его никогда не увидим.

Мне нужно было хорошенько прожевать услышанное, прежде чем проглотить его.

— Уж не хочешь ли ты сказать, — медленно произнес я, — что я позволил Пату вытеснить меня потому, что испугался полета?

— Что? Ну, Томми, милый, я же ничего подобного не говорила.

— Во всяком случае, звучит похоже.

И тут я понял, почему это звучало похоже. Может быть, я действительно сдрейфил? Может быть, потому я и боролся за свое место недостаточно решительно и позволил Пату выпихнуть себя... что знал, что случится с тем, кто отправится в полет?

Итак, возможно, я трус!

Мы помирились, и свидание вроде должно было закончиться к общему удовольствию. Когда я проводил ее до дому, я подумал было, не поцеловать ли ее на сон грядущий — я никогда еще этого не делал, так как мы с Патом вечно следили друг за другом, как ястребы. Думаю, она тоже ждала этого... и вдруг Пат громко свистнул мне в ухо.

«Эй! Не спишь, друг?»

«Конечно, — ответил я коротко. — Но я занят».

«И чем же ты занят? Свиданка с моей девушкой?»

«С чего это ты так решил?»

«Но это ведь так, верно? Я вас вычислил. Ну и как делишки?»

«Нечего совать нос в чужие дела».

«Конечно, конечно. Просто передай ей привет от меня. Привет, Моды!»

Моди спросила:

— Том, о чем ты так глубоко задумался?

— О! Это всего лишь Пат. Он велит передать тебе привет, — ответил я.

— Ах так?.. Ладно, я ему тоже передаю привет.

Я и передал. Пат хмыкнул.

«Поцелуй ее за меня».

Этого я делать не стал. Ни за него, ни за себя.

Но я позвонил ей на следующий день, и после этого мы с ней гуляли ежедневно. Отношения с Моды развивались в высшей степени удовлетворительно... настолько удовлетворительно, что я начал даже подумывать о том, что студенты колледжей нередко женятся и что я вполне могу себе это позволить, если все и дальше так пойдет. О! Я вовсе не был уверен на все сто, что захочу стреножить себя в столь юные годы, но так тяжело быть одному, если ты привык быть постоянно рядом с кем-то другим.

А потом Пата доставили к нам на носилках.

На самом-то деле это был специально зафрахтованный санитарный самолет. Наш болван тайком сбежал из общежития и попробовал покататься на лыжах, о которых знал столько же, сколько я о нырянии за жемчугом. И падение-то было не такое уж ужасное — Пат просто запутался в собственных ногах. И вот, пожалуйста, его притаскивают домой на носилках, полностью парализованного ниже пояса, с бездействующими ногами. Конечно, его следовало бы сразу положить в больницу, но он попросился домой, и ма тоже хотела, чтобы он был дома, так что па не оставалось ничего другого, как настоять, чтоб это было исполнено. Пата положили в комнату, освободившуюся с отъездом Фейт, а я стал снова спать на диванчике. Все домашние были прямо-таки убиты и при этом куда больше, чем когда Пат уезжал в Швейцарию. Па почти что вытолкал Фрэнка Дюбуа в шею, когда Фрэнк сказал, что теперь, раз эта дурацкая бредятина насчет космических полетов кончилась, он все еще готов предоставить Пату работу, если тот сейчас же начнет изучать счетоводство, так как счетовод может работать и в инвалидной коляске. Не знаю, может быть, у Фрэнка были самые

лучшие намерения, но иногда мне кажется, что в некоторых случаях «добрые намерения» следует квалифицировать как серьезное преступление.

Но вот что меня страшно поразило, так это поведение ма. Она была переполнена слезами и сочувствием и не могла оторваться от Пата — часами массировала ему ноги, пока сама чуть не валилась с ног от усталости. Но я видел (не знаю, обратил ли на это внимание па), что она была счастлива почти до неприличия — ее «бэби» вернулся к ней. Нет, слезы ма вовсе не были притворными... но, видно, женщины могут одновременно и лить слезы и трепетать от счастья.

Все мы знали, что «космическая бредятина» уплыла, так сказать, из наших рук навсегда, но не обсуждали этого — даже мы с Патом и то молчали. Пока он беспомощно и неподвижно лежал на спине и, ясное дело, чувствовал себя немного хуже, чем я сам, было, разумеется, не время ругать его за то, что он сначала сгреб все под себя, а затем навсегда погубил наши шансы. Возможно, я был зол на него, но сейчас вряд ли можно было вымещать на нем свои чувства. Я с горечью ожидал, что вскоре жирные щеки от ФППИ перестанут появляться в нашем доме и снова в семье станет плохо с деньгами, и случится это как раз тогда, когда они так необходимы; я отчаянно ругал себя за покупку дорогих часов и за то, что так швырялся деньгами, водя Моды в такие места, которые раньше нам были не по карману; но чаще я старался не думать об этом — что толку горевать о пролитом молоке? А вот о чем приходилось думать — так это о том, где я буду работать, раз не попаду в колледж.

Поэтому визит к нам мистера Говарда застал меня врасплох — все-таки в глубине души я надеялся, что ФППИ поддержит нас в своей платежной ведомости, хотя бы до тех пор пока Пата не прооперируют, несмотря на то что несчастный случай произошел не по их вине, а был следствием нарушения Патом хорошо известных порядков и распоряжений. Однако, учитывая колоссальное богатство Фонда, я полагал, что они могут позволить себе проявить щедрость.

Но мистер Говард даже не думал поднимать вопрос о том, платить или не платить Фонду за увечье Пата; он

просто хотел знать, как скоро я могу явиться в Тренировочный центр.

Я ничего не понимал, ма ударились в истерику, а па дико разозлился, но мистер Говард был непоколебим. Послушать его, так можно было подумать, что вообще ничего не случилось. Во всяком случае, ничего такого, что давало бы хоть малейшее основание думать, будто мы свободны от нашего контракта. «Вторая сторона» и «третья сторона» соглашения были взаимозаменяемы; поскольку Пат лететь не мог, естественно, лететь должен я. Ничего не произошло такого, что могло помешать нам выполнить роль коммуникационной пары. Просто нам предоставили несколько дней, чтобы успокоиться после печального инцидента, но не могу ли я немедленно прибыть на работу? Время подпирает.

Па побагровел и потерял контроль над собой. Неужели им мало того, что они сделали с его семьей? У них что, совести нет, что ли? Неужели они не понимают?..

В разгар этой суматохи, пока я пытался вникнуть в новую ситуацию и при этом никак не мог сообразить, как же мне на нее реагировать, Пат послал мне телепатический сигнал:

«Том, немедленно гони сюда!»

Я извинился и рванул к нему. Мы с Патом, можно сказать, почти не общались телепатически с тех пор, как с ним произошло несчастье. Несколько раз он звал меня ночью подать ему воды или что-то в том же роде, но по-настоящему мы вообще не разговаривали ни вслух, ни с помощью телепатии. Он был погружен в черное унылое безмолвие, которым отгородился от меня. Я просто не знал, как с этим бороться; ведь впервые один из нас болел, а другой был совершенно здоров.

Но когда он позвал, я опрометью бросился к нему.

— Закрой дверь.

Я закрыл. Он мрачно поглядел на меня.

— Я успел ухватить тебя до того, как ты на что-то согласился, верно?

— Ага.

— Иди к ним и скажи па, что я хочу видеть его немедленно. А ма передай, что я очень ее прошу перестать лить слезы, так как это действует мне на нервы. — Он сардонически улыбнулся. — Скажи мистеру Го-

варду, что мне надо поговорить с родителями наедине. А потом дуй отсюда.

— Чего?

— Уходи из дома, не прощайся и не говори, куда идешь... Когда ты мне понадобишься, я дам знать. Если ты будешь тут болтаться, ма возьмется за тебя и заставит надавать кучу обещаний. — Он холодно поглядел на меня. — А у тебя не было и нет никакой силы воли.

Я проглотил эту шпильку — он ведь все же был болен.

— Слушай, Пат, учти, что комбинация исключительно сложная. Мать собирается во что бы то ни стало настоять на своем, а па так разозлился, что я удивляюсь, как это он удержался и не выдал мистеру Говарду пару хороших оплеух.

— С ма я справлюсь; с па — тоже. А Говарду лучше вообще не соваться в это дело. Валяй сматывайся. Гони их сюда, а потом исчезни.

— Ладно, — произнес я смущенно, — хм... слушай, Пат, я тебе очень благодарен.

Он посмотрел на меня, и его губы скривились в усмешке.

— Думаешь, я ради тебя стараюсь?

— Ну, я думал...

— А ты думать-то не умеешь... Я же все эти дни ничем, кроме этого, не занимался. Если мне предстоит оставаться калекой, то уж не воображаешь ли ты, что я собираюсь провести всю жизнь в каком-нибудь инвалидном доме? Или тут рядом с ма, которая будет дрожать надо мной, и с па, которому придется рассчитывать каждый пенни, и с девчонками, которым тошно на меня смотреть? Нет уж, такое не для Патрика! Если мне выпал этаким жребий, то я хочу иметь все самое лучшее... Сиделок, что будут вскакивать, как только я пошевелю пальцем; танцовщиц, чтоб плясали да ублажали меня... И тебе надлежит позаботиться, чтоб ФППИ платил за это. Мы можем выполнять условия контракта, и мы будем их выполнять! О, я знаю, у тебя вовсе нет охоты лететь, но уж теперь хочешь не хочешь, а *придется*.

— Это я-то не хочу?! У тебя все в котелке перемешалось! Ты меня обошел по кривой! Ты...

— Ладно. Забудь. Вижу, ты так и рвешься в бой. — Он вытянул руку, ткнул меня пальцем под ребро, а потом улыбнулся до ушей. — Значит, мы оба полетим. Ты потащишь меня на себе всю дорогу, ни на шаг не отойдешь. А теперь исчезни и принимайся за дело.

Я уехал ровно через два дня. Когда Пат обрушил на ма свои рвущие душу аргументы, она даже сопротивляться не стала. Раз для того чтобы добыть денег ее болящему дитяти на необходимое ему лечение и все прочее, надо отправить меня в космос, что ж, это, конечно, ужасно, но ничего не поделаешь. Она сказала мне, что ее сердце разрывается из-за моего отъезда, но я-то понимал, что она не так уж и огорчена. А вот я огорчился и еще как... ибо меня грызло любопытство, каков был бы расклад, если б на месте Пата оказался я. Неужели ма отправила бы Пата так же легко, как меня, ради того, чтоб я получил все, чего мне захочется? А потом я решил не ломать из-за этого голову; видно, родители сами не знают, есть ли у них любимчики... не знают даже в том случае, если таковые бесспорно существуют.

Перед самым моим отъездом па вызвал меня для мужского разговора наедине. Он долго откашливался и заикался, и рассыпался в извинениях, что не смог обсудить со мной эти вещи гораздо раньше, и казался куда более смущенным, чем я сам, а уж я-то чувствовал себя жутко неловко. Когда же па окончательно запутался, я намекнул ему, что в одном из наших школьных курсов освещались почти все проблемы, о которых он пытался мне поведать. (Я даже словечка не проронил, что этим курсом было просто половое созревание.) Па тут же просветлел и радостно сказал:

— Ладно, сынок. Твоя мать и я всегда старались научить тебя тому, что такое хорошо и что такое плохо. Помни только, что ты Барлетт, и тогда вряд ли наделаешь много ошибок. Что же касается этой конкретной проблемы, то всегда спрашивай себя, того ли сорта эта девица и испытываешь ли ты чувство гордости, если при-

ведешь ее домой и познакомишь со своей матерью; меня такое поведение вполне удовлетворит.

Я пообещал; мне пришло в голову, что вряд ли у меня будут большие шансы попасть в дурную компанию, особенно если учесть, что психологи чуть ли не потрошили каждого, кто собирался принять участие в проекте «Лебенсраум». Так что была почти полная гарантия, что в наш бочонок ни одного гнилого яблока не попадет.

Когда я вижу, насколько наивны родители, я всегда удивляюсь, как это человеческому роду удастся воспроизводить себя. Тем не менее все вышло очень трогательно, и я высоко оценил те усилия, которые затратил па, чтобы вправить мне мозги; па всегда был хорошим парнем и всегда хотел, чтобы было как лучше.

Я назначил Моду прощальное свидание, но его трудно было назвать особо удачным: мы провели его у постели Пата. Она поцеловала меня на прощание — по просьбе самого Пата... а, да ладно, что уж там!

Глава 6

Космический ракетный корабль «Льюис и Кларк»

В Швейцарии я пробыл всего лишь два дня. Еле успел глянуть краешком глаза на озеро возле Цюриха, вот и все; время было спрессовано в попытке быстренько протащить меня сквозь все то, на изучение чего Пату потребовались недели. Это, конечно, было невозможно, а потому мне выдали кучу миникассет, которые я должен был изучить уже после старта корабля.

У меня было одно преимущество: «Вспомогательный язык Планетарной Лиги» считался в нашей школе обязательным предметом; этот жаргон был рабочим языком проекта «Лебенсраум». Не могу похвастаться, что я на нем болтал свободно, когда попал в Проект, но освоить это дело трудностей не представляло. Конечно, кажется странным коверкать знакомые слова на новый лад, но к этому быстро привыкаешь, а кроме того почти вся техническая терминология, как правило, заимствовалась из словаря, разработанного Международным жене́вским бюро, — его словарным запасом уже давно пользуются повсеместно. Фактически, как сказал мне руководитель Тренировочного центра профессор Брюнн,

связисту-телепату не так уж много надо знать, перед тем как он явится на борт корабля; главная цель Тренировочного центра — собрать в одном месте все команды и дать им возможность вместе есть и спать, чтобы психологи могли выявить личностные особенности, которые не удалось уловить в процессе тестирования.

— В отношении тебя, сынок, никаких сомнений нет. У нас есть данные о твоём братишке, а нам прекрасно известно, что твои показатели почти полностью совпадают с показателями Пата. Вы — телепаты — должны уж очень отклоняться от общепринятых стандартов поведения, чтобы нам пришлось дисквалифицировать кого-нибудь из вас.

— Сэр?

— Не понимаешь? Мы можем отклонить кандидатуру капитана корабля только из-за того, что пониженное содержание сахара в крови перед завтраком вызывает у него латентную склонность раздражаться, пока ему не подадут его утреннюю миску с овсянкой. У нас есть возможность иметь по двадцать кандидатов на каждую должность и перетасовывать их до тех пор, пока команда не станет работать так же чисто, как работает труппа партерных акробатов. Вы же — дело совсем другое. Вас так мало, что нам приходится смотреть сквозь пальцы на любые ваши эксцентричные выходки, если только они не подвергают опасности весь корабль. Я лично, например, не стал бы возражать против тебя на том основании, что ты веришь в астрологию. Хотя, надо полагать, ты в нее не веришь? Верно?

— Господи, конечно, нет! — ответил я, ужасно шокированный.

— Вот видишь! Ты нормальный интеллигентный мальчик; ты годишься. Бог мой, да мы бы взяли даже твоего близнеца вместе с его носилками, если бы у нас не было другого выхода.

Когда я прилетел в Цюрих, там оставались одни телепаты. Капитаны, расчеты астрогаторов и ракетчиков были отправлены на корабли первыми, за ними последовали ученые специалисты и штабной состав. Все «лодыри», кроме нас, уже были на борту. А у меня не хватило времени даже на то, чтобы как следует познакомиться с моими коллегами — мыслечитчиками.

Это была поистине странная компания, и я начал понимать, что имел в виду профессор Брюнн, говоря, что нам — «выродкам» — делаются немалые скидки. Нас было двенадцать мыслечитчиков — я хочу сказать — двенадцать только для «Льюиса и Кларка»; всего же для эскадры из двенадцати кораблей их было свыше полутора сотен, то есть здесь были собраны половинки всех телепатических пар, с которыми ФППИ удалось подписать контракт. Я спросил одного из них — Бернарда ван Хоутена, почему каждый корабль берет с собой такую тьму телепатов.

Он с жалостью поглядел на меня.

— Попробуй-ка поработать головой, Том. Если в приемнике перегорит сопротивление, что надо делать?

— Как что? Заменить его.

— Вот тебе и ответ. Мы — запасные части. Если какой-то конец телепары помрет или еще что, этот «передатчик» перегорит и уже навсегда. Тогда они включают другую пару. Надо быть уверенными, что у них к концу полета останется хоть одна работающая телепара... Во всяком случае, они на это надеются.

Я еле-еле успел ко времени отлета из Цюриха запомнить имена наших мыслечитчиков. Там были: я, Бернард ван Хоутен, Анна Хорошен, полукитайка-полуперуанка по имени Мей-Линг Джонс (она произносила свою фамилию как «Хонс»), Руперт Хауптман, Глория Мария Антонита Докампо, Сэм Рохас и Пруденс Мэтьюз. Все они были примерно моих лет; еще значился некий Дасти Родс, выглядевший лет на двенадцать и уверявший, что ему четырнадцать. Я никак не мог понять, как ФППИ удалось уговорить родителей отпустить в полет такого ребенка. Может, они терпеть его не могли? Вообще-то говоря, представить себе такую ситуацию было совсем нетрудно.

Затем в нашу семью входили трое значительно более пожилых — мисс Гамма Фортни, Кас Уорнер и Альфред Макнейл. Мисс Гамма была существо фантастическое — что-то вроде старой девы, которая твердо решила не переступать порог тридцатилетия; она была членом тройни. ФППИ наскреб четыре тройни близнецов-мыслечитчиков, которых удалось уговорить лететь. Их намеревались использовать для связи между

кораблями, разбив последние на четыре группы по три, причем каждая группа из трех связывалась с другой близнецами-двойняшками. Поскольку тройни встречаются в восемьдесят шесть раз реже, чем двойни, приходится удивляться, что среди них удалось найти столько телепатов и уговорить их лететь; надо думать, что при этом пришлось закрыть глаза на вопрос — нормальны ли они или не так чтобы очень. Полагаю, что мисс Альфу, мисс Бету и мисс Гамму больше всего привлекал эйнштейновский эффект времени: они могли расквитаться со всеми мужчинами, которые некогда не пожелали на них жениться, тем, что сами остались бы молоды, в то время как бывшие поклонники уже отдали бы концы от старости.

Мы были «угловым» кораблем, а Кас Уорнер — нашим связным, замыкавшим нас на своего близнеца на «Васко да Гаме», что связывало между собой две группы кораблей по три в каждой. Другие пары близнецов соединяли остальные «углы». Те мыслечитчики, которые работали, обеспечивая связь между кораблями, не обязательно должны были быть молоды, так как их двойняшки или тройняшки не оставались на Земле и, следовательно, не рисковали состариться, пока их братья или сестры сохраняли бы свою молодость, согласно законам относительности. Касу Уорнеру исполнилось сорок пять — это был славный спокойный мужчина, которому очень нравилось сидеть за одним столом с нами — мелюзгой.

Двенадцатым был мистер («зови меня дядюшка Альфред») Макнейл — неописуемо милый старикан. Это был негр в возрасте не меньше шестидесяти пяти (точнее сказать не берусь), обладавший той праведностью, которой обзаводятся некоторые старики, если только им удастся избежать превращения в зануд и эгоистов... Стоило только поглядеть на него, чтобы сразу биться об заклад на любую сумму, что дядюшка Альфред в своей церкви служит диаконом.

Я сошелся с ним потому, что невыносимо затосковал по дому в ту первую ночь, когда оказался один в Цюрихе. Дядюшка Альфред почувствовал это, пригласил меня после ужина в свою комнату и как-то очень быстро успокоил. Я принял было его за одного из

психиатров Фонда, вроде профессора Брюнна, но нет — он оказался половинкой телепары и даже не из пары однорядцевых близнецов. Его партнер оставался на Земле.

Я не мог в это поверить, пока дядюшка Альфред не показал мне вторую половинку своей телепары — это была девчушка со смеющимися глазками и множеством «пороссячих хвостиков» — туго заплетенных коротеньких косичек. Только тогда я усек своей тупой башкой, что встретился с величайшей редкостью — телепатической парой, составленной не из близнецов. Она звалась Селестина Регина Джонсон и приходилась Макнейлу внучатой племянницей; он же называл ее Конфеткой, что я узнал, когда дядюшка представил меня ее фотографии и объяснил девочке, кто я такой.

Тут мне пришлось сделать небольшую паузу, чтобы рассказать об этом деле Пату, совсем забыв, что он с ними обоими познакомился гораздо раньше меня.

Дядюшка Альфред уже был на пенсии и оказался главным товарищем игр своей крохотной внучатой племянницы, так как жил вместе с племянницей и ее мужем. Он сам учил малютку говорить. Когда ее родители погибли в дорожной катастрофе, ему пришлось вернуться на работу, ибо он решил не отдавать девчурку на удочерение.

— Я понял, что могу следить за Конфеткой, даже когда не вижу ее. Она была расчудесным ребенком, и это означало, что я могу нянчить ее даже в то время, когда приходится быть вне дома. Я понял, что обладаю особым даром, что Господь в своем бесконечном милосердии даровал мне то, в чем я нуждался больше всего, чтобы заботиться о моей малютке. Единственно, что беспокоило дядюшку Альфреда, так это мысль, что он может не прожить так долго, или, что еще хуже, не сможет работать столько, сколько необходимо, чтобы вырастить Конфетку и дать ей хороший старт в жизни. Но потом появился проект «Лебенсraum», который и решил все. Нет, он нисколько не боялся покинуть Конфетку, ибо в действительности разлуки не было, ведь каждую минуту суток они были вместе. У меня создалось впечатление, что фактически он даже видел ее, но расспрашивать о деталях было неловко. В любом случае для него даже каменные стены не могли стать

тюрьмой, а световые годы не означали разлуки. Дядюшка Альфред твердо знал, что бесконечная милость Господня, которая так долго позволяла им быть неразлучными, продлится столько, сколько надо, для того чтобы он мог завершить свою миссию. А что случится после этого — в руках Господа.

Я никогда не встречал никого, кто был бы так тихо и безоблачно счастлив. Я забыл о своей тоске по дому, пока не ушел от него и не лег в постель. Тогда я позвал Пата и рассказал ему о том, что подружился с дядюшкой Альфредом. Пат ответил, что точно — дядя Альф славный чудак, а теперь не уютно ли мне заткнуться и посопеть в две дырочки, поскольку завтра нам предстоит очень тяжелый день.

А затем нас срочно перебросили в южную часть Тихого океана, и мы провели одну ночь на атолле Кантон, прежде чем отправиться на борт корабля. В лагуне нам поплавать не разрешили, хотя Сэм и подбил меня, Мей-Линг и Глорию устроить пикничок; купание сочли делом потенциально опасным. Вместо него мы отправились пораньше спать и были разбужены за два часа до восхода солнца — отвратное время суток, особенно если учесть, что ощущение времени полностью нарушено из-за того, что за короткий промежуток пересекаешь чертову уйму часовых поясов. Я даже как-то перестал соображать, зачем тут оказался, и вообще, к чему это все.

Космический корабль «Льюис и Кларк» находился в нескольких сотнях миль к востоку от атолла, в самой пустынной части океана. Я и не подозревал, что на свете может быть столько воды, пока не глянул на нее с высоты, а ведь и оттуда видна всего лишь крохотная частичка колоссальной водной поверхности. Если бы придумать, как получше использовать эти бесконечные акры воды, ну хоть бы так же продуктивно, как используется долина Миссисипи, то никакие новые планеты нам не понадобились бы.

С этой высоты «Льюис и Кларк» гляделся на манер баскетбольного мяча, частично погруженного в воду;

то, что он формой напоминал скорее турнепс, не было видно. Он плавал дюзами вниз; полусферическая верхняя часть — вот и все, что открывалось взгляду. Я мельком увидел ее, окруженную глубоко сидящими грузовыми судами, казавшимися рядом с «Льюисом и Кларком» совсем крошечными, а затем воздушный автобус завис над полусферой, и нам велели, соблюдая все предосторожности, спуститься по лестнице, а главное — ничего не забыть в автобусе. Я подумал, что если бы чего и забыли, то уж обращаться в бюро потерянных вещей нам не пришлось бы. От этой мысли повеяло холодком... Полагаю, я все еще тосковал по дому, хотя сейчас и находился в перевозбужденном состоянии.

Несколько раз я умудрился заблудиться, пока наконец разыскал свою каюту, что произошло в тот самый момент, когда система оповещения загрела: «Команде приготовиться к ускорению. Всем свободным от вахт привязаться к койкам. Ракетным постам рапортовать в порядке очередности. Готовность минус четырнадцать минут». Голос говорящего звучал так обыденно, будто он сообщал, что «Местные пассажиры выйдут для пересадки в Бирмингеме».

Каюты были достаточно велика, она вмещала двустворчатый шкаф, письменный стол со встроенной в него видеоаппаратурой и магнитофоном, небольшой умывальник и две опускающиеся койки. Сейчас они были опущены, что существенно уменьшало жизненное пространство. Так как в каюте никого не было, я выбрал себе койку, лег поудобнее и затянул три пояса безопасности. Только я успел это сделать, как в каюту просунул голову этот шибздик Дасти Родс.

— Эй! Ты занял мою койку!

Я хотел было послать его подальше, но потом решил, что предпусковое время не так уж годится для ссоры.

— Валий укладывайся, — ответил я, расстегнул пояса, залез в другую койку и снова затянул ремни.

Дасти был явно разочарован; полагаю, он уже настроился на скандал. Вместо того чтобы лечь на освободившуюся койку, он высунул голову в коридор и принялся водить ею из стороны в сторону. Я посоветовал:

— Лучше б ты пристегнулся. Команда уже была.

— Ерунда! — ответил он, не оборачиваясь. — Времени еще сколько угодно. Еще успею заглянуть на пару минут в рубку управления...

Я хотел было предложить ему прошвырнуться заодно и наружу, если у него такой настрой, но тут появился корабельный офицер, проверявший каюты.

— А ну-ка в койку, сынок, — сказал он спокойно тем не признающим возражений тоном, каким обращаются к собаке, отдавая ей команду «К ногам!». Дасти открыл рот, закрыл его и полез в койку. Офицер закрепил на нем ремни, спеленав его, как маленького ребенка, и постаравшись, чтобы, лежа на койке, нельзя было дотянуться до пряжек. Грудной ремень он вообще затянул поверх рук Дасти.

Потом он проверил мои ремни. Руки у меня были свободны, но все, что он сказал, было:

— Руки во время взлета держи на матрасе.

И вышел.

Раздался женский голос:

— Всем связистам специального назначения связаться со своими телепартнерами.

С Патом я был в перманентной связи уже с того момента, как проснулся, успев описать ему «Льюиса и Кларка», увидев корабль впервые, а потом и то, что видел внутри корабля. Тем не менее я окликнул его.

«Ты тут, Пат?»

«Естественно. И вообще никуда не собираюсь уходить. Как идут делишки?»

«Старт через десять минут. Нам только что приказали установить связь с партнерами на время взлета».

«Да уж, пожалуйста, оставайся на связи, а то я тебе все уши оборву! Не хочу пропустить ни единой мелочи!»

«О'кей, о'кей! Не стоит так дергаться. Пат? Все это мало походит на то, чего я ждал».

«Вот как! А почему?»

«Не знаю. Вероятно, я ожидал, что будут духовые оркестры, речи и все прочее. В конце-то концов, это же великий день. Но если не считать того, что нас сфотографировали вчера вечером на атолле Кантон, то даже проводы в скаутский лагерь у нас, пожалуй, проходили торжественнее».

Пат хмыкнул.

«Знаешь, оркестровые трубы у вас, пожалуй, заряжали бы при всплеске, не говоря уж о том, что музыканты могли бы схватить приличную порцию нейтронов».

«Верно. Верно».

Меня не надо было убеждать, что ракетному кораблю необходимо обширное свободное пространство для взлета. Даже сейчас, когда методика старта была усовершенствована, что позволило использовать в качестве стартовой площадки поверхность океана, а не космическую станцию, для этого все же требовалось не меньше нескольких тысяч квадратных миль водной глади. И то пришлось выслушать немало невежественной болтовни о том, что волны, вызванные ударом из дюз, изменят климат и что правительство обязано вмешаться в это дело.

«Зато у нас тут хватает и оркестров и речей. Как раз сейчас мы наслаждаемся разглагольствованиями некоего достопочтенного Дж. Лилберри Эггхеда... Хочешь послушать?»

«Нет. Не стоит беспокоиться. А кто такие "вы"?»

«Да вся наша семья. Только что заявили Фейт и Фрэнк».

Я хотел спросить насчет Моды, но в эту минуту по системе оповещения прозвучал новый голос:

— Приветствую вас на борту, друзья. Говорит капитан корабля. Мы оторвемся от Земли с небольшим ускорением всего лишь в три «g»; тем не менее хочу напомнить, что руки надо держать внутри коек. Тройная сила тяжести будет сохраняться лишь на протяжении шести минут, после чего вы сможете встать. Стартуем мы вторым номером — сразу же за «Генри Гудзоном».

Я повторил Пату все, что сказал капитан, стараясь успевать за ним слово в слово; это был один из навыков, которым мы овладевали, пока Пат находился в Тренировочном центре. Передаваемые нами мысли должны были стать как бы эхом того, что говорит другой; одним словом, телепара должна работать синхронно — и как микрофон, и как динамик. Думаю, что Пат в эти секунды действовал точно так же, повторяя, как эхо, слова капитана нашей семье, возможно, всего лишь на

долю секунды позже того, как их произносил я. Это было совсем нетрудно, учитывая нашу практику.

Капитан продолжал:

— «Генри» готовится к старту... десять секунд... пять секунд... ПОШЕЛ!

Я ощутил что-то вроде тепловой вспышки, хотя находился в закрытом помещении. В течение нескольких секунд динамик передавал нечто, напоминавшее удары мокрого снега по оконному стеклу — мягкие, хлопающие и далекие. Пат заорал:

«Ну и ну!»

«Что это было, Пат?»

«Он вылетел из воды так, будто его в задницу пчела ужалила. Всего-то и было видно — дырку в океане и вспышку огня. Подожди-ка секунду, они перевели трансляцию с космической станции на Луну».

«У тебя обзор куда лучше, чем у меня. Я-то не вижу ни черта, кроме потолка своей каюты».

Женский голос произнес:

— Мистер Уорнер! Мисс Фортни! Телепатам, обеспечивающим связь с другими кораблями, приступить к работе.

Капитан скомандовал:

— Всем членам команды быть готовыми к старту. Начинаем отсчет до нуля.

И тут же раздался другой голос:

— Шестьдесят секунд... пятьдесят пять... пятьдесят... сорок пять... задержка на сорока пяти... задержка на сорока пяти... задержка... задержка...

Я уже готов был завопить от этого слова как оглашенный.

«Том, что случилось?»

«Откуда ж мне знать?»

— Сорок... тридцать пять... тридцать...

«Том, ма говорит, чтобы ты берег себя».

«И что же, по ее мнению, я должен делать?! И без того лежу в койке, спеленутый ремнями».

«Я-то знаю, — хмыкнул Пат, — держись за ветку покрепче, чтоб не упасть, счастливчик! Сейчас из-под тебя вытащат лестничку!»

— Четыре... три... два... один!..

Я не видел вспышки и ровно ничего не слышал. Просто стал жутко тяжелым. Вроде бы на меня навалилась вся куча-мала игроков футбольной команды.

«Ничего не видеть, кроме пара на том месте, где вы только что были». — Я не ответил, мне было невыносимо трудно дышать. — *«Камеры переключены. Они следят за вами с помощью телефото. Том, видел бы ты это! Вы смотрите как солнце! Сжигаете все остальное изображение в ящике».*

«Да как же я могу видеть это, — сказал я в сердцах, — когда сам нахожусь внутри Солнца?!»

«Ты, кажись, подавился? С тобой все в порядке?»

«Ты бы тоже подавился, если б тебе на грудь навалили мешки с песком».

«Так плохо?»

«Во всяком случае, не так уж приятно. Но, думаю, скоро все будет о'кей».

Пат оставил меня в покое и принялся очень четко излагать все то, что он видит на экране телека. «Ричард Е. Бэрд»* стартовал за нами еще до того, как нам удалось достигнуть второй космической скорости; Пат рассказывал об этом со всеми подробностями. Мне отвечать было нечего; я ничего не видел, а болтать охоты не было. Хотелось просто лежать тихонько и чувствовать себя ужасно несчастным.

Предполагаю, что так продолжалось минут шесть, хотя ощущалось по меньшей мере как час. Спустился очень долгое время, когда я уже решил, что контрольная аппаратура сгорела и нам придется лететь с таким ускорением до тех пор, пока мы не достигнем скорости света, тяжесть исчезла и я почувствовал себя легким как снежинка... Если б не ремни, я наверняка взлетел бы к потолку.

— Мы снизили ускорение силы тяжести до ста десяти процентов земной, — весело произнес капитан. — Наша полетная скорость будет расти, но мы должны дать своим новичкам какое-то время на адаптацию. — Его тон изменился, и он сказал деловито: — Всем постам принять противорадиационные меры, а третьей секции встать на космическую вахту.

* Известный полярный исследователь, адмирал (1888—1957).

Я распустил ремни, сел, потом встал. Может быть, мы и стали на десять процентов тяжелее, но я этого не чувствовал. Ощущение было великолепное. Пошел к дверям, рассчитывая поглядеть, как там и что, и увидеть чуть побольше того, что я углядел, прибыв на борт.

Дасти Родс заорал на меня:

— Эй! Сейчас же вернись и развяжи меня! Этот кретин так запрягал пряжки, что мне до них не дотянуться.

— Скажи «пожалуйста».

То, что сказал Дасти, было вовсе не похоже на «пожалуйста». И все же я его освободил. А следовало бы заставить его сказать «волшебное слово»; это наверняка избавило бы меня от крупных неприятностей в дальнейшем.

Глава 7

Девятнадцать тысяч девятьсот возможных перестановок

Первое, что случилось со мной на «Льюисе и Кларке», мне показалось сначала просто сном: в коридоре я нос к носу столкнулся с дядей Стивом!

Я шел по круговому коридору, куда выходили спальные каюты моей палубы, отыскивая коридор, ведущий к осевой части корабля. Повернув за угол, я врезался в кого-то. Сказал «извините» и хотел идти дальше, когда человек ухватил меня за руку и с силой хлопнул по плечу. Я взгляделся, и вдруг оказалось, что это дядя Стив собственной персоной, расплывшийся в улыбке и орущий во весь голос:

— Привет, однополчанин! Рад видеть тебя на борту.

— Дядя Стив!!! А что ты тут делаешь?

— Выполняю специальное поручение Генерального штаба... присматривать за тобой, чтоб не влип в какую-нибудь историю.

— Как это?

Разумеется, все оказалось совсем не таким таинственным, когда он популярно объяснил мне ситуацию. Дядя Стив уже месяц знал, что его рапорт об отчисле-

нии для работы в ФППИ по проекту «Лебенсраум» получил одобрение; родственникам он об этом ничего не рассказывал, но упорно добивался разрешения с кем-нибудь поменяться местами, чтобы служить на том же корабле, где будет Пат. Или, как выяснилось теперь, на том, на котором оказался я.

— Я думал — твоей матери полегчает, если она будет знать, что я смогу присмотреть за ее мальчиком. Можешь рассказать ей об этом в следующий раз, когда у тебя будет сеанс связи с братишкой.

— Я скажу ей об этом немедленно, — ответил я, издав в уме боевой клич для Пата. Мне показалось, что он не больно-то заинтересовался моим сообщением; вероятно, это была своего рода реакция, и он был сердит за то, что я занял предназначенное ему место. Но мама была рядом, и Пат сказал, что передаст ей все.

— О'кей! Ей все уже известно.

Дядя Стив поглядел на меня с недоверием.

— Неужели все так просто?

Я объяснил ему, что это ничуть не труднее обычного разговора... Разве что побыстрее, поскольку «думать» слова можно скорее, чем произносить их, особенно если хорошенько натренируешься. Но дядя Стив прервал меня.

— Не трудись. Ты пытаешься объяснить слепому, что такое свет. Я просто хотел, чтобы сестренка знала.

— Ну, тогда все в порядке.

Только теперь я заметил, что форма на дяде Стиве другая. Ленточки на груди были те же, но форма говорила о принадлежности к корпорации ФППИ, как и моя, что меня ничуть не удивило, но я обратил внимание, что на ней отсутствовали обычные шевроны.

— Дядя Стив... на тебе майорские нашивки?

Он кивнул.

— Можно сказать, пареньку из нашего городишка, наконец, повезло. Это, знаешь ли, все упорный труд, честный образ жизни и прочее в том же духе.

— Ха! Вот шикарно-то!

— Меня перевели со званием, присвоенным при выходе в запас, плюс еще с добавочной звездочкой за исключительно высокие показатели при тестировании. Представляешь? Если б я остался в войсках, то ушел

бы в отставку как корабельный сержант и то в лучшем случае. Ведь в мирное время производство в новый чин случается редко. Но Проекту нужен определенный тип людей, а вовсе не какие-то звания. А у меня, понимаешь ли, оказалось как раз нужное число рук и ног для этой работы.

— А какая у тебя работа, дядя?

— Командир корабельной охраны.

— Вот оно что! А от чего нас нужно охранять?

— Неплохой вопросик. Спроси меня этак через годик-другой, может, я и сумею ответить тебе поподробнее. На самом деле эту должность лучше бы назвать «командир десантников». Когда мы обнаружим многообещающую планету (я хочу сказать, когда и если), я и буду тем самым дурачком, которому предстоит вылезти наружу, поглядеть, каков там ландшафтик, дружелюбны ли туземцы, а в это время вы — наше драгоценнейшее достояние — будете посапывать, наслаждаясь полнейшей безопасностью. — Он поглядел на свое запястье. — Пойдем пожую маленько.

Есть мне не хотелось, а хотелось поглядеть, как тут и что, но дядя Стив крепко ухватил меня за руку и потащил в столовую.

— Когда ты протрубишь на солдатской службе столько же, сколько я, то усвоишь, что спать надо всегда, когда предоставляется случай, а для жратвы никогда не бывает ни слишком рано, ни слишком поздно.

Это была столовая самообслуживания, типа кафетерия. На «Л. К.» не полагалось ни официантов, ни каких либо видов специального обслуживания, если исключить капитана и вахтенных. Мы прошли вдоль прилавка, и тут обнаружилось, что мой аппетит вполне на уровне. На этот (единственный) раз дядя Стив усадил меня за стол, предназначенный для начальников отделов.

— Леди и джентльмены, это мой двухголовый племянник Том Барлетт. Его другая башка осталась на Земле — он часть близнецовой телепары. Если он делает что-либо неположенное, мне не жалуйтесь, а просто стукните его чем потяжелее. — Он глядел на меня, а я все больше заливался краской. — Скажи им «приветик», сынок, или просто кивни головой, если уж говорить до сих пор не научился.

Я кивнул и сел. Моей соседкой оказалась очень милая пожилая женщина из тех, на коленях которых обожают гнездиться маленькие детишки. Она улыбнулась и сказала:

— Очень рада, что ты зашел к нам, Том.

После я узнал, что она тут Главный эколог. Ее имя — доктор О'Тул, только так ее никто не называет, и она замужем за одним из релятивистов.

Дядя Стив обошел весь стол, называя кто из них кто и чем они занимаются: Главный инженер, Главный релятивист (дядя Стив назвал его астрогатор, поскольку на обычных кораблях его должность называется именно так), Главный планетолог Гарри Гейтс, штатный ксенолог и другие (я в тот раз, конечно, их имен не запомнил) и, наконец, Резервный капитан Уркварт. Я не расслышал слова «резервный» и поразился, что он такой молодой. Дядя Стив тут же просветил меня.

— Нет, нет! Он не капитан. Он тот человек, который станет капитаном, если выяснится, что нужно заменить старого. Напротив тебя сидит Главный хирург, но пусть тебя это не вводит в заблуждение — сам он никогда не оперирует. Доктор Деверо — наш босс по части утряски мозгов.

Я, должно быть, выглядел чересчур обалдевшим, так как дядя Стив добавил:

— Не сечешь? Он психиатр. Док Деверо как ястреб следит за каждым нашим движением и пытается вычислить, как скоро ему предстоит явиться к нам со смиренной рубашкой и шприцем в руке. Я верно говорю, док?

Деверо спокойно продолжал намазывать маслом булочку.

— В основном, майор. Но вы пока можете завтракать спокойно. Мы, надо думать, до вечера за вами не придем. — Он был похож на жирного маленького лягушонка, очень некрасивого, но удивительно мягкого и непоколебимо спокойного. Он продолжал: — Мне сейчас в голову пришла очень огорчительная мысль, майор.

— Мне казалось, что мысли вас никогда не огорчают?

— Все относительно. На меня тут возложили обязанность следить, чтобы такие психоватые типы, как вы, не спятили бы совсем, но забыли о необходимости

приставить кого-нибудь и ко мне, чтоб поддерживать меня в нормальном состоянии. Как же быть?

— М-м-м... — Дядя Стив, казалось, погрузился в глубокое раздумье. — А я и не знал, что специалистов по утряске мозгов хоть кто-нибудь на свете считает нормальными.

Доктор Деверо кивнул:

— Вы схватили самую суть. Ведь и в вашей профессии сумасшествие рассматривается как достоинство. Передайте мне соль, пожалуйста.

Дядя Стив замолк и сделал вид, что вытирает кровь, якобы текущую из разбитого носа. Вошел еще один человек и тоже присел к столу. Дядя Стив представил меня и сказал:

— Это штабной коммодор Фрик, глава отдела связи. Твой босс, Том.

Коммодор Фрик сухо кивнул и спросил:

— Разве вы не в третьей секции, юноша?

— Э-э-э... не знаю, сэр.

— А я знаю... да и вам не мешало бы знать. Явитесь в рубку связи.

— Э-э-э... Вы хотите сказать, явиться сейчас же, сэр?

— Немедленно. Вы уже и без того опоздали на полчаса.

— Извините, — произнес я и растерянно вскочил, чувствуя себя исключительно глупо. Глянул на дядю Стива, но он даже не посмотрел в мою сторону. Сделал вид, что ничего не слышит.

Рубка связи находилась двумя палубами выше, прямо над рубкой управления. Я ее не сразу нашел. Там уже были Ван Хоутен и Мей-Линг и еще какой-то мужик, которого звали Трейверс, оказавшийся вахтенным начальником. Мей-Линг перелистывала кипу бумаг и даже не подняла глаз: я понял, что она на телесвязи. Ван буркнул:

— Где ты, черт возьми, шатаешься? Я успел проголодаться.

— Я не знал, — запротестовал я.

— А полагалось бы знать!

Он вышел, а я повернулся к мистеру Трейверсу.

Он вставлял кассету с пленкой в автопередатчик, молча закончил свое дело и только тогда небрежно ответил:

— Возьмешь вон тот хлам, когда она с ним покончит, и делай с ним то, что привык делать. Хоть толку в этом мало.

— Вы хотите, чтоб я прочел эти бумаги моему брату?

— Именно так я и сказал.

— Желаете, чтобы он записал передачу?

— Передачи всегда записываются. Тебя что — ничему не научили?

Я подумал было, не объяснить ли ему, что именно так и обстоит дело, поскольку не было времени учиться, а потом решил, да какой в этом прок? Он, надо думать, принял меня за Пата и считал, что я прошел полный курс подготовки. Я взял бумаги, с которыми покончила Мей-Линг, и присел к столу.

А Трейверс продолжал болтать:

— Не знаю, зачем вы, выродки, тут нужны, во всяком случае сейчас. Нужды в вас никакой, мы пока еще находимся в сфере действия радио.

Я бросил бумаги на стол и встал.

— Не смейте называть нас выротками!

Он поглядел на меня и ответил:

— Бог ты мой! Ишь какой длинный вымахал! Садись и работай.

Мы были примерно одного роста, но он выглядел лет на десять старше и, вероятно, был фунтов на тридцать тяжелее. Может быть, я и спустил бы это дело на тормозах, если б тут никого не было. Но уж никак не в присутствии Мей-Линг.

— Я сказал, не смейте называть нас выротками. Это оскорбительно.

Он поглядел на меня устало и без тени улыбки, но не встал. Я решил, что драки не будет, и мне сразу полегчало.

— Ладно, ладно, — пробурчал он. — Нельзя быть таким обидчивым. Сядь и займись передачей.

Я сел, проглядел то, что должен был передавать, потом вызвал Пата и велел ему включить магнитофон; это ведь была не тренировочная передача.

«Повтори вызов через полчаса. Я обедаю», — ответил он.

«А я завтракал, но мне не дали закончить. Перестань валять дурака, Пат. Лучше перечитай контракт, который ты так рвался подписывать».

«Как будто ты не рвался. В чем дело, парень? Уже дрейфишь?»

«Может — да, а может — нет. У меня возникло предчувствие, что из этого вряд ли получится долгий и веселый пикничок. Одно я уже усвоил твердо: если капитан пошлет тебя за ведром краски, то, значит, он рассчитывает получить его полным доверху и никаких извинений в случае чего не примет. Так что включай маг и готовься записывать цифирь».

Пат что-то пробормотал, сдался и после короткой задержки, безусловно, вызванной ма, которая требовала, чтобы он сначала поел, объявил «Готов».

Передача действительно состояла почти исключительно из групп цифр (касавшихся, я думаю, нашего старта) и кода. В этом случае было необходимо, чтобы Пат повторял вслух все, что я передавал ему. Особых трудностей не было, просто жуткая скукота. Единственное послание, шедшее открытым текстом, было от капитана, который распорядился послать букет роз некой миссис Детвейлер в Брисбейне, с оплатой из его средств, лежавших на счету ФППИ, и с запиской «Благодарю за незабываемый прощальный ужин».

Больше никто личных писем не отправлял; думаю, что просто не оставили на Земле необрубленных концов.

Я подумал было, не послать ли букет роз Моди, но как-то не хотелось проводить этот заказ через Пата. Я решил, что могу воспользоваться помощью Мей-Линг, но тут же вспомнил, что хотя у меня и были деньги в банке, но своим поверенным я назначил Пата; так что, если б я заказал розы, то чек все равно подписал бы он.

Так что я решил не пользоваться теми мостами, которые уже сжег за собой.

Жизнь на борту «Л. К.» или «Элси»*, как мы прозвали свой корабль, постепенно приобретала характер рутины. Ускорение увеличилось еще на пятнадцать процентов, что довело мой вес до ста пятидесяти восьми

* Аббревиатура названия корабля. Буква С в слове Clark называется «Си».

фунтов; ноги ужас как болели, пока я не попривык, что произошло довольно скоро; есть все-таки свои преимущества в худобе. Мы, «выродки», были разделены на пять вахт, по два человека в каждой, так как мисс Гамма и Кас Уорнер в списки вахтенных не включались — по «горизонтали» они связывали нас с другими кораблями. Сначала свободного времени у нас было много, но капитан быстро положил этому конец.

Зная, что ФППИ в действительности не ждет, что мы вернемся, я как-то почти позабыл о том пункте контракта, где говорилось о занятиях с репетиторами во время полета, и вдруг узнал, что капитан вовсе не расположен о нем забывать. Учиться должны были все, а отнюдь не одни телепаты, еще не вышедшие из школьного возраста. Капитан назначил Школьный совет в составе доктора Деверо, миссис О'Тул и мистера Кришнамурти; были разработаны программы курсов практически по всем воображимым дисциплинам — от живописи до древней истории. Сам капитан преподавал именно последний предмет, причем обнаружилось, что Саргон Второй* и Сократ** были ему знакомы не хуже родных братьев.

Дядюшка Альфред попытался записаться на все курсы, что было просто невозможно, даже если бы он перестал спать по ночам и отстаивать вахту. У него никогда, сказал он мне, не было времени, чтобы получить образование, как ему хотелось, и вот теперь, наконец, он намеревался урвать все, что возможно. Даже мой родной дядя Стив записался на парочку курсов. Думаю, что я по этому поводу выразил больше удивления чем надо, так как он высказался так:

— Знаешь, Том, еще во время моего первого полета я понял, что единственный способ сделать пребывание в космосе переносимым — это взять какой-то предмет для изучения и обсосать его со всех сторон. Я даже стенографии и той учился. А на этом корабле мы имеем потрясающее собрание блистательных умов, о встрече с которыми можно только мечтать. Если ты не восполь-

* Царь Ассирии в 722—705 гг. до н. э., разгромивший Израильское царство.

** Древнегреческий философ (около 470—399 гг. до н. э.).

зуешься этим, значит, ты полный идиот. Возьми, к примеру, хотя бы курс кулинарии мамыши О'Тул: где еще ты найдешь человека, окончившего Высшие курсы французской кухни и готового задарма обучать тебя этому высокому искусству? Ну-ка, ответь мне.

Я возразил, что вряд ли мне когда-нибудь понадобится знание тайн изысканной французской кухни.

— При чем тут это? Знания важны не тем, будешь ты их применять или нет. Они важны сами по себе. Погляди-ка на дядюшку Альфа. Он счастлив как мальчишка, у которого новая рогатка, а кроме того, если ты не запишешься на курсы, старина Деверо найдет способ занять твой ум, заставив тебя, скажем, пересчитать все заклепки на корабле. Как ты думаешь, почему капитан сделал именно его председателем Школьного совета?

— Об этом я не думал.

— Ну так подумай. Величайшая опасность в космосе — это спятить на почве клаустрофобии. Тебя на долгое время запирают в крохотном пространстве, а снаружи нет ничего, кроме чертовски пустого вакуума... ни тебе уличных фонарей, ни кегельбанов. А внутри — все те же опостылевшие лица, которые ты уже начинаешь ненавидеть. Так что хороший капитан обязательно позаботится, чтоб тебе было интересно жить и чтоб работал ты до изнеможения. А наш капитан — самый толковый из всех, кого я знаю, иначе ему бы и не оказаться на нашей посудине.

Я начал понимать, что многие порядки на «Элси» преследуют одну и ту же цель — поддержать в нас духовную и телесную бодрость и хорошее настроение. Говоря так, я имею в виду не только школу, но и многое другое. Возьмите, например, количество народу на борту — нас ведь почти двести человек. Дядя Стив говорил мне, что «Элси» могла бы функционировать и с командой из десяти человек — капитан, три офицера в рубке управления, три инженера, один связист, один фермер и кок. Черт возьми, можно было бы обойтись и вдвое меньшим числом — два офицера (один из них капитан), два специалиста по ракетным двигателям и фермер-кок.

Тогда почему же двести?

Во-первых, места хватало. «Элси», как и другие корабли этого класса, была перестроена из колоссального грузовоза, которым ФППИ пользовался для доставки грузов на Плутон и вывоза оттуда различных руд на Землю. Во-вторых, требовался многочисленный научный персонал, чтобы исследовать планеты, которые мы надеялись открыть. В-третьих, многие из нас представляли собой как бы запасные части, вроде Резервного капитана Уркварта или, скажем, меня самого. Кое-кто из нас умрет своей смертью, другие будут убиты; корабль же должен лететь дальше.

Но главная причина, как я выяснил в дальнейшем, заключалась в том, что никакая немногочисленная изолированная социальная группа не может быть стабильна. Есть даже соответствующие математические расчеты с эмпирическими формулами и символами вроде «латерального давления», «обменной валентности» и «экзогамной разгрузки» (последний термин просто значит, что молодым людям из маленьких деревушек следует искать жен в других местах, подальше от своей деревни).

А можно взглянуть на это иначе. Представим себе космический корабль с одним-единственным человеком на борту, который должен лететь несколько лет. Только человек, уже чокнутый в определенном смысле, может в нем существовать; иначе он так свихнется в каком-то другом смысле, что примется выламывать из панелей приборы. Теперь возьмем двухместный корабль; даже если вы посадите в него пару влюбленных друг в друга, наподобие Ромео и Джульетты, то все равно к концу полета Джульетта уже будет демонстрировать характер и привычки «черной вдовы»*.

Три человека — тоже плохо, может быть, даже хуже, чем два, особенно если двое объединятся против одного. Большие числа куда менее опасны. Даже если у вас есть только двести человек, то, значит, возможны девятнадцать тысяч девятьсот разных комбинаций, чтобы перетасовать их, образуя либо антагонистические, либо хорошо совместимые пары. Таким образом, как

* Американский весьма ядовитый паук. Самки этого вида поедают самцов в момент спаривания.

видите, социальные условия быстро улучшаются с увеличением численности команды. Чем больше народу, тем больше шансов найти себе друзей и избежать соприкосновения с людьми, которые вам неприятны. На борту космического корабля это имеет колоссальное значение.

Помимо курсов, избираемых по желанию, нам потребовались и такие, которые назывались «корабельным обучением»; под этим капитан понимал, что каждый человек на борту обязан приобрести еще хоть одну специальность, кроме той, с которой он записан в полет. Я отстоял две вахты в увлажнительной камере, пока главный инженер Роч не подтвердил письменно, что, по его мнению, из меня никогда не выйдет механика по ракетным двигателям, поскольку у меня врожденное отсутствие способностей к атомной физике. Честно говоря, я действительно нервничал от близости атомного котла и от сознания, что всего лишь в нескольких футах от нас бушует сорвавшийся с цепи ад.

Не лучше получилось и с профессией фермера; две недели я провел возле установки искусственного кондиционирования атмосферы, и единственное, что мне удалось совершить, не наделав больших ошибок, — это научиться кормить цыплят. Когда же обнаружилось, что я неправильно веду перекрестное опыление каких-то кабачков, пользовавшихся особым расположением миссис О'Тул, она отпустила меня, скорее с сожалением, чем с раздражением.

— Том, — спросила она, — а что ты умеешь делать?

Я подумал.

— Хм-м... могу мыть пробирки. И еще я разводил хомячков.

Тогда она отправила меня в научно-исследовательский отдел, где я приступил к мытью посуды в химической лаборатории и к кормлению подопытных животных. Мензурки тут были из небьющегося стекла. А к электронным микроскопам меня и на пушечный выстрел не подпускали. В общем же я был доволен — ведь меня могли послать и в прачечную.

Из девятнадцати тысяч девятисот перестановок, возможных на «Элси», Дасти Родс и я были наихудшей. Я

не пошел заниматься в живописный класс потому, что он записался туда раньше меня; этот прыщ был неплохим рисовальщиком. Могу судить об этом со знанием дела, так как сам прилично рисую, недаром меня туда очень тянуло. Что еще хуже, так это то, что у него был оскорбительно высокий коэффициент интеллигентности — выше, чем у гения, и уж, конечно, куда выше, чем у меня. Так что в спорах он клал меня на обе лопатки. Вместе с тем, у него были манеры поросенка и социальные понятия скунса — ну просто дрянь, с какого конца к нему ни подойти.

Слова «пожалуйста» и «спасибо» в его словаре начисто отсутствовали. Он никогда не застилал сам постель — разве что над ним стоял кто-нибудь с палкой, но зато мне частенько приходилось находить его в моей койке на скомканных простынях, пачкающим грязными ногами мое одеяло. Дасти никогда не вешал одежду на распорки и постоянно оставлял в умывальнике грязь; самое лучшее настроение выражалось у него мрачным молчанием.

Кроме того, он крайне редко принимал ванну. А на корабле это почитается за тяжкое преступление.

Сначала я пытался соблюдать в общении с Дасти хоть минимум вежливости, потом стал ругаться, а напоследок прибег к угрозам. Наконец, выведенный из терпения, сказал, что следующий принадлежащий ему предмет, который окажется в моей койке, прямехонько отправится в конвертер. Дасти только ощетинился, и на следующий же день я нашел его фотокамеру у себя на одеяле, а грязные носки на моей подушке.

Я шваркнул носки в раковину умывальника, который Дасти оставил полным грязной воды, а камеру запер в своем шкафчике, намереваясь заставить его хорошенько попотеть, прежде чем я ее верну.

Дасти даже не пикнул. Вскоре, однако, выяснилось, что камера преблагополучно из шкафчика испарилась, несмотря на то что он запирался на замок, который господа Джейл и Таун* легкомысленно нарекли «неуязвимым». Вместе с камерой пропали и мои чистые ру-

* Знаменитая американская фирма, специализирующаяся на производстве автоматических замков.

башки... вернее сказать, пропала их чистота, так как некто тщательно и в высшей степени компетентно измарал каждую из них.

Я на Дасти не ябедничал. Для меня было делом чести справиться с ним без посторонней помощи. Мысль, что я не смогу одолеть парнишку вполтину меньше меня ростом и намного моложе, как-то, сами понимаете, меня не вдохновляла. Но я поглядел на то безобразие, в которое он превратил мою одежду, и сказал себе: «Том Пейн, лучше признайся, что побежден, и зови на помощь, иначе останется тебе только одно — сознаться в спровоцированном убийстве».

Как выяснилось, жаловаться мне не пришлось. Меня вызвал на ковер сам капитан; Дасти наябедничал на меня первым.

— Барлетт, юный Родс сказал мне, что ты к нему цепляешься. А как выглядит дело с твоей точки зрения?

Я почувствовал, что вот-вот взорвусь от избытка эмоций. С большим трудом перевел дыхание и попытался успокоиться; капитан явно задавал вопросы не из одного праздного любопытства.

— Не могу сказать, что цепляюсь к нему, сэр, хотя, конечно, мы с ним плохо ладим.

— А рукоприкладства с твоей стороны не было?

— Э-э-э... по правде говоря, ни разу не наподдал ему, сэр. Но мне часто приходилось вытаскивать его из моей койки и тут вряд ли я с ним особо нежничал.

Капитан вздохнул.

— А может быть, тебе и следовало наподдать ему хорошенько. Конечно, без моего ведома. Ладно, расскажи-ка мне все поподробнее, постарайся быть откровенным и ничего не упустить.

Ну, я и рассказал. В общем, все это были мелочи, и мне даже стало как-то стыдно... у капитана было множество несравненно более важных дел, чем выслушивать, каждый ли день мне приходится отскабливать грязь в умывальнике, прежде чем мыть лицо, или нет. Тем не менее капитан слушал очень внимательно.

Однако, вместо того чтобы как-то откомментировать услышанное и, возможно, намекнуть мне, что такой дылда мог бы и получше управиться с этим шибзди-ком, капитан просто сменил тему разговора.

— Барлетт, ты видел ту картину, которую Дасти нарисовал для сегодняшнего номера корабельной газеты?

— Да, сэр. Шикарная штука, — пришлось признать мне. Это была зарисовка результатов сильнейшего землетрясения в Сантьяго, которое случилось уже после нашего старта с Земли.

— М-м-м... Нам приходится делать вам, людям, обладающим особыми талантами, определенную скидку. Юный Дасти полетел с нами только потому, что он единственный мыслечитчик, способный принимать и передавать изображения.

— А... а это важно, сэр?

— Может оказаться важным. Правда, мы выясним это, только когда возникнет необходимость применить подобное свойство. Но вполне возможно, от него будет зависеть само наше существование. Иначе я бы никогда не позволил этому испорченному до мозга костей отродью ступить на борт моего корабля. — Капитан нахмурил брови. — Однако доктор Деверо не считает Дасти патологическим случаем.

— Э-э-э... Я же не утверждал, что он сумасшедший, сэр.

— Будь добр, помолчи и выслушай меня внимательно. Деверо говорит, что у мальчишки неустойчивая личность: с одной стороны — ум, который сделал бы честь любому взрослому, а с другой — страшная отсталость в социальном смысле. Его пристрастия, его шкала ценностей такие же, как у ребенка лет пяти, но они скомбинированы с могучим мозгом. Более того, доктор Деверо утверждает, что ему удастся заставить детскую часть личности Дасти повзрослеть; говорит, что готов спорить на свой диплом.

— И что же? Извините, я хотел сказать «да, сэр!»

— А то, что тебе следовало бы отлупить его как следует. Вся беда с этим парнем, что его родители, вместо того чтобы драть его как последнего сукина сына, постоянно восхищались его умом. — Капитан снова вздохнул. — А теперь мне придется заняться этим самому. Доктор Деверо утверждает, что у меня подходящий отцовский имидж.

— Да, сэр.

— Черта с два «да, сэр»! Это же не корабль, это же какой-то детский сад! Скажи, у тебя есть еще какие-нибудь проблемы?

— Нет, сэр.

— Это я тебя на всякий случай спросил. Дасти еще жаловался, что наши кадровые связисты называют вас «выродками». — Капитан бросил на меня быстрый взгляд. Я промолчал. Было как-то противно говорить об этом. — В любом случае это больше не повторится. Много лет назад мне пришлось наблюдать, как кто-то из команды рвался проткнуть своего приятеля ножом только за то, что тот упорно дразнил его «лысым». Отныне мои люди будут вести себя, как леди и джентльмены, иначе я им головы поотрываю. — Он снова помрачнел. — Я переведу Дасти в другую каюту, ту, что прямо дверь в дверь с моей. Если Дасти перестанет к тебе липнуть, ты его не трогай, а если нет... действуй по собственному разумению, помня, что несешь за свои действия полную ответственность; однако не забывай, что я не имею права требовать от человека, чтобы он давал всякому малолетнему прохвосту вытирать об него ноги. Все! Можешь быть свободным.

Глава 8

Кое-что насчет относительности

Я пробыл на борту «Элси» уже неделю, когда на Земле приняли решение оперировать Пата. Брат известил меня, что операция назначена, но не слишком распространялся о ее характере. Он, видно, решил изобразить из себя эдакого железного супермена, который собирается щелкать арахисовые орешки и читать комиксы, пока его будут кромсать доктора. Я-то полагаю, что он просто перепугался до полусмерти... Во всяком случае, я бы на его месте взмок от страха.

Впрочем, все равно я бы в операции ни черта не понял, даже если бы был посвящен в мельчайшие детали; я ведь не нейрохирург, да и вообще никто; вытащить занозу — вот максимум моих возможностей.

Однако операция означала, что мы какое-то время не сможем выстаивать вахт, а потому пришлось о ней доложить коммодору Фрику. Оказалось, он уже был в курсе благодаря обмену радиограммами между кораблем и ФППИ. Фрик освободил меня от дежурства за день до того, как должны были оперировать Пата, и велел считать себя подвахтенным, но с обязательством быть готовым выйти на пост в случае возникновения критической ситуации в период, когда Пат будет по-

правляться. Забот у Фрика в связи с моим освобождением не прибавилось, так как, во-первых, телепатов у нас хватало, а во-вторых, мы все еще имели радиосвязь с Землей.

Через две недели после того, как мы ушли в полет, и за день до того, когда должны были потрошить Пата, я сидел в своей каюте размышляя, не прошвырнуться ли мне в рубку связи, чтоб предложить там свою неоценимую помощь по очистке мусорных корзин и микрофильмирования, или же лучше затаиться, пока кто-нибудь не явится по мою душу.

Я остановился на последнем решении, вспомнив совет дяди Стива никогда не вызываться добровольцем, и уже начал было опускать койку, как мой «говорильник» вдруг рявкнул: «Т. П. Барлетту, связисту специального назначения, явиться к Главному релятивисту».

Я снова закрепил койку, одновременно подумав, не оборудована ли моя каюта подглядывающей аппаратурой, ибо каждый раз, как я опускал койку в рабочие часы, меня тут же брали за жабры.

Доктора Бэбкока в рубке управления не оказалось, и меня оттуда быстренько поперли, впрочем, не раньше чем я успел взглянуть на нее хоть одним глазком — рубка была табу для всех, кто в ней не работал. Доктора Бэбкока я нашел в вычислительном центре, расположенном как раз напротив рубки связи, куда бы я и отправился в первую очередь, если б мне не загорелось подглядеть, что за штука такая — эта самая рубка управления.

— Т. П. Барлетт, связист десятого разряда, явился по требованию к Главному релятивисту, — отчеканил я.

Доктор Бэбкок быстро развернул свое вращающееся кресло и поглядел на меня. Это был крупный мосластый мужик, состоявший, казалось, из одних рук и ног и похожий скорее на лесоруба, чем на специалиста в области математической физики. Я сразу понял, что он выпендривается — усвоил, знаете, такие манеры: локти на стол, речь простонародная — и все это понарошку. Дядя Стив говорил, что у Бэбкока больше ученых степеней, чем носков у нормального человека.

Он выпалился на меня и заржал.

— И где это ты набрался липовых офицерских манер, сынок? Давай садись, пусть ходули-то отдохнут. Ты — Барлетт?

Я сел.

— Да, сэр.

— А какого дьявола тебя вместе с твоим братишкой-близнецом сняли с дежурств?

— Так мой брат находится в госпитале, сэр. Ему завтра собираются делать операцию на позвоночнике.

— А почему ты мне об этом не доложил? — Я промолчал, так как его вопрос был бессмыслен: я же ему не подчинялся. — Фрик мне ни о чем никогда не докладывает, капитан мне ни о чем не докладывает, ты мне ничего не докладываешь. Я, значит, должен слоняться по коридорам и питаться слухами, чтоб выяснить, что тут у вас происходит. А ведь я как раз собирался поработать с вами завтра. Ты же слышал об этом, верно говорю?

— Э-э-э... нет, сэр.

— Конечно, нет. Потому что я, знаете ли, тоже никому ничего не докладываю. Ну и порядочки же на этом корабле! Лучше б я в Вене остался! Чудесный городок. Тебе никогда не приходилось пить кофе с пирожными на Ринге*? — Ответа он не ждал. — Ладно, все равно, раз я собирался поработать с тобой и с твоим братишкой завтра, то придется нам перенести это дело на сегодня. Вели ему приготовиться.

— Хм... А чего вы от него хотите, доктор? Его ведь уже увезли в госпиталь.

— Да ты ему только скажи, чтоб готовился. Хочу вас прокалибровать. На предмет расчета разброса индекса ошибок у вас обоих.

— Сэр?

— Твое дело десятое, вели ему приготовиться.

Итак, я вызвал Пата. Я не разговаривал с ним с самого завтрака и не знал, как он отнесется к такому делу.

Однако ему все уже было известно.

* Одна из известнейших улиц Вены.

«Да, да, — сказал он устало, — они как раз устанавливают в моей палате аппаратуру. Мать подняла такой тарарам, что мне пришлось выставить ее».

«Слушай, Пат, если тебе неохота заниматься этим делом, в чем бы оно ни заключалось, так я скажу, пусть они отваливают. Это же просто нахальство».

«Да какая разница, — ответил он сердито. — Мне все равно надо чем-то занять оставшиеся до операции шестнадцать часов. А кроме того, это, возможно, будет вообще наша последняя совместная работа».

Впервые он дал мне понять, насколько напряжены его нервы. Я заторопился:

«Не говори так, Пат! Ты обязательно поправишься. Снова станешь ходить. Черт! Да ты даже сможешь кататься на лыжах, если захочешь».

«Кончай разыгрывать из себя эдакого богрячка! Я уже получил от родителей такую порцию этой похлебки, что мне ее ввек не проглотить. Просто с души воротит».

«Но послушай, Пат...»

«Сказано тебе, кончай! Давай лучше займемся тем, чего им от меня надо».

«Ладно, давай», — а вслух я произнес: — Он готов, доктор.

— Еще минутку. Запускай камеру, О'Тул. — Доктор Бэбкок нажал на своем столе какую-то кнопку. — Коммодор Фрик?

— Да, доктор, — ответил голос Фрика.

— Мы готовы. Вы придете?

— У нас тоже все готово, — услышал я ответ своего босса. — Мы идем.

Через минуту он вошел вместе с Анной Хорошен. Я же пока осматривался по сторонам. Целую стенку вычислительного центра занимал сам компьютер. Поменьше, чем в Лос-Аламосе, но ненамного. Мигание его огоньков, должно быть, кому-то о чем-то говорило. Под прямым углом к консоли расположился мистер О'Тул, а над консолью был большой дисплей. Примерно каждую секунду метавшаяся в центре дисплея кривая давала всплески.

Анна кивнула мне, но молча. Я понял, что она тоже на связи. В это время Пат окликнул меня:

«Том, у вас на корабле есть девчонка по имени Анна Хорошен. Нет ли ее где-нибудь поблизости?»

«Есть, а что?»

«Передай ей привет от меня. Мы с ней познакомились в Цюрихе. А ее сестренка Бетти сейчас сидит возле меня. — Пат хихикнул, и мне сразу полегчало. — Хорошенькие девчонки, а? Моги уже ревнует».

Бэбкок обратился к Фрику:

— Велите им начинать. Сначала мы прогоним синхронизацию, начав с их конца.

— Анна, передавай.

Девушка кивнула. Я не мог понять, зачем им вторая телепара, раз есть мы с Патом. Скоро я понял зачем: у Пата и у меня загрузка предстояла — будь здоров.

Пат вслух отсчитывал время, тикая, как большие часы. Мне было велено повторять эти звуки... и каждый раз, как я это делал, кривая на дисплее выдавала всплеск. Бэбкок внимательно следил за их появлением, а потом развернул меня так, чтоб я не мог видеть дисплея и поправил на мне ларингофон.

— Повторим.

Пат сказал *«Начинаем»* и принялся за свое тиканье. Я изо всех сил старался не отставать от него, хотя вся процедура казалась мне совершенно бессмысленной. Я слышал, как Бэбкок тихо сказал кому-то:

— Таким образом мы отсекаем обратную связь и вводим поправки на скорость звука. Хотел бы я как-то поточнее измерить скорость передачи в синопсах.

— А вы с Деверо посоветовались? — спросил Фрик. Я продолжал тикать.

— А теперь, юная леди, повторим ту же процедуру, но наоборот, — сказал Бэбкок и надел мне наушники. В них я услышал такое же тиканье, какое только что передавал Пат. — Ты слышишь метроном, отградуированный по частоте монохромного света, а у твоего брата точно такой же — до нашего вылета мы их взаимосинхронизировали. Теперь ты потикай-ка для него.

Ну, я и пошел. Эта работа явно действовала вроде как гипноз; было куда легче поймать темп тиканья и выдерживать его, нежели выбиться из этого темпа. И отвязаться от него тоже было невозможно. Я начал

подремывать, но все равно продолжал тикать в том же темпе — остановиться не было сил.

— Конец серии, — объявил Бэбкок.

Тиканье прекратилось, и я принялся оттирать уши.

— Доктор Бэбкок?

— Чего тебе?

— А как вы различаете, кто когда тикает?

— А? Это ты не можешь, а вот О'Тул очень даже может, и он все записал на пленку. То же самое делается и на том конце. Только ты не бери это в голову; твое дело постараться работать синхронно, не выбиваясь из темпа...

Весь этот идиотизм продолжался больше часа. Иногда передавал Пат, иногда я. Наконец О'Тул поднял на нас глаза и сказал:

— Фактор усталости начинает сказываться, док. Расхождения во второй серии никуда не годятся — превышают допустимые ошибки.

— О'кей, кончаем, — объявил Бэбкок. Он поглядел на меня. — Поблагодари от меня своего брата и отключайся.

Коммодор Фрик и Анна ушли. Я же медлил. Наконец доктор Бэбкок оторвался от своих бумаг и сказал:

— Можешь идти, дружище. Спасибо.

— Э-э-э... доктор Бэбкок...

— Ну? Выпаливай.

— Не объясните ли вы мне, что это все означает?

— Ох, извини! Я еще не привык пользоваться людьми вместо приборов; напрочь выскочило из головы... Садись. Мы делали именно то, из-за чего вас — мыслечитчиков — взяли в полет: исследовали природу времени.

Я прямо обомлел.

— Сэр? Я думал, мы тут для того, чтобы передавать на Землю сообщения о планетах, открытия которых от нас ожидают?

— Ах это!.. Да, конечно, и это тоже... Но то, о чем я говорю, гораздо важнее. Людей, знаешь ли, на свете и без того уйма. Зачем же поощрять новую колонизацию? Любой математик решит тебе проблему перенаселенности в одно мгновение — надо просто перестрелять всех через одного.

Мистер О'Тул отозвался, не поднимая глаз:

— Что мне в вас нравится, шеф, так это ваше большое доброе сердце.

— А ну, потише, там, на «галерке» Так вот, сынок, сегодня мы пытались выяснить природу времени. — Должно быть, на лице у меня выразилась вся мера моего удивления, так как Бэбкок продолжал: — О, мы знаем, что такое время... но уж больно много этих самых времен. Видишь вот это? — И он показал на дисплей, где все еще без устали каждую секунду проскакивали пики. — Это сигналы гринвичского времени; сигнал принят по радио и скорректирован с учетом нашей относительной скорости и ее изменения. Затем есть время, отсчеты которого ты слышал в своих наушниках — корабельное время. Затем есть время, отсчеты которого ты получал от своего брата и передавал нам. Мы старались сличить их все друг с другом, но трудность состоит в том, что нам приходится включать в цепь людей, а в то время как одна десятая секунды практически не ощутима для человеческой нервной системы, физические приборы легко измеряют даже микросекунды. Любая радарная система запросто может разделить микросекунду на части подобно тому, как ты разрезаешь ножом фунтовый кусок масла. Поэтому нам приходилось множество раз повторять одно и то же, дабы скомпенсировать собственное несовершенство.

— Понятно, но что именно вы ожидали обнаружить?

— Если бы я «ожидал», я бы этим не занимался. Но можно сказать, что мы пытались выяснить, какой смысл вкладывается в слово «мгновенно».

Мистер О'Тул с трудом оторвал взгляд от консоли.

— Если оно вообще имеет хоть какой-то смысл, — поправил он.

Доктор Бэбкок покосился на него.

— Ты все еще тут?... «Если оно вообще имеет хоть какой-то смысл»... Сынок, со времен великого доктора Эйнштейна слова «мгновенный» и «мгновенность» у любого физика считались неприличными. Мы выкинули к чертям самую концепцию мгновенности, мы отрицали, что в этих словах есть хоть какой-то смысл, и построили без них блистательную структуру теоретиче-

ской физики. А затем появились вы, мыслечитчики, и одним пинком разрушили эту структуру. Ох! Только, ради Бога, не считай себя виноватым, ведь в каждой квартире время от времени необходима уборка. Если бы вы, ребята, проделывали свои ярмарочные фокусы всего лишь на скорости света, мы бы отвели вам место в своих отчетах и постарались бы поскорее забыть о вашем существовании. Но вы нахально настаивали, что работаете на скоростях, чудовищно превышающих скорость света, что сделало вас в физике столь же желанными, как желанна свинья на праздновании бракосочетания. Из-за вас физики разбились на две главных школы, одна из которых хочет просто вас классифицировать как чисто психологический феномен, не имеющий к физике ни малейшего отношения; эти парни считают, что ежели они зажмурятся, то вас вроде бы и в природе не будет. Вторая же школа полагает, что если то, что вы, так сказать, производите, можно измерить, то тогда обязанность физиков заключается в том, чтобы оное измерить и опубликовать, поскольку физика — прежде всего искусство измерять явления и давать им точные количественные оценки.

О'Тул пробормотал:

— Хватит вам философствовать, док.

— А ты занимайся своей цифирью, О'Тул. У тебя, как я вижу, душа напрочь отсутствует. Так вот, эти ребята жаждут измерить, на каких-таких скоростях вы работаете. Им неважно, как вы это делаете — они уже оправились от удара, что эта скорость превышает скорость света, им только хочется выяснить, какова же она конкретно. Их не удовлетворяет то, что вы делаете это мгновенно, иначе им, знаешь ли, пришлось бы из одной веры переходить в другую. Они хотят точно установить скорость передачи мысли — скажем, во столько-то раз быстрее скорости света. А узнав это, они модифицируют свои уравнения и с радостным визгом вернутся в свои привычные и хорошо наезженные колеи.

— Это уж точно, — согласился О'Тул.

— Но есть и третья школа мыслителей, единственно правильная... Моя школа.

О'Тул, не поднимая глаз, издал губами неприличный звук.

— У тебя что, приступ астмы? — с наигранной тревогой спросил Бэбкок. — Между прочим, хоть какие-нибудь результаты ты уже получил?

— Пока ничего определенного. Отклонения времени в обе стороны то отрицательные, то положительные, но всегда в пределах ошибки наблюдения.

— Видишь, сынок? Вот это и есть правильная школа. Она измеряет, что происходит, а там хоть трава не расти.

— Слушайте! Слушайте!

— Заткнись ты, гнусный ирландский ренегат! Кроме того, вы, мыслечитчики, впервые дали нам реальный шанс *проверить* еще одно дельце. О преобразованиях Лоренца слышал?

— Вы имеете в виду уравнение Эйнштейна?

— Ясное дело. Тебе известно то, которое относится ко времени?

Я поднапрягся. Мы с Патом прослушали курс физики на первом году обучения. Это было уже давненько. Я взял бумажку и изобразил на ней формулу в том виде, в котором она мне запомнилась:

$$t_0 = t \sqrt{1 - v^2/c^2}.$$

— Именно это, — отозвался доктор Бэбкок. — При относительной скорости «v» временной интервал в первой системе координат равняется временному интервалу во второй системе координат, умноженному на корень квадратный из единицы минус квадрат отношения относительной скорости к скорости света. Конечно, это — формула специальной теории относительности для постоянных скоростей. При наличии ускорения все делается сложнее, однако существует множество разногласий в вопросе о значении этой формулы, если она вообще хоть что-то значит.

Я выпалил:

— Как! А я был уверен, что теория Эйнштейна доказана?! — Мне внезапно стало ясно, что, если уравнения Эйнштейна неверны, нам придется пробыть в пути чертовски много времени; ведь Тау Кита — наша

первая цель — лежит в одиннадцать световых годах от Солнца... А это всего лишь первая цель, другие-то куда дальше.

Но ведь все говорили, что, как только мы достигнем околосветовой скорости, месяцы станут пролетать мимо нас будто дни. Уравнения Эйнштейна *доказывали*, что это так.

— Внемли же мне! Скажи, как можно доказать, что в птичьем гнезде *действительно* есть яйца? Не мучай без нужды свое серое вещество: надо просто залезть на дерево и посмотреть. Другого пути нет. Вот мы и лезем на дерево.

— Как это прекрасно, — сказал О'Тул. — Сними штаны и лезь выше.

— Потихе там! Одна из философских школ утверждает, будто эти уравнения означают всего лишь, что часы станут показывать другое время, если ты станешь смотреть на них с той звезды, мимо которой пролетаешь... чего ты, конечно, сделать никак не можешь. А реального сжатия или растяжения времени происходить не будет, что бы там ни означал сам термин «реальное». Другая школа, опираясь на соответствующие формулы для расстояния и массы, а также на то, что знаменитый опыт Майкельсона-Морли показал, что преобразование расстояния является «реальным», а также на то, что увеличение массы поддается расчету и практически используется в ускорителях элементарных частиц и вообще в ядерной физике, например, в двигателе нашего корабля, делает из этих соображений вывод, что различия в течении времени тоже должны быть настоящими, поскольку выведенные из него формулы подтверждаются практикой. Однако толком никто ничего не знает. Так что остается одно — лезть на дерево и смотреть.

— И когда же мы узнаем правду?

Я все еще никак не мог успокоиться. Ведь я соглашался провести на корабле несколько лет *эйнштейновского* времени. То, что мы можем погибнуть в эти годы (а дядя Стив говорил, что, вероятнее всего, именно это с нами и произойдет), меня как-то мало беспокоило. Но смерть на «Элси» от старости — вовсе не то, на что я рассчитывал. Страшно было даже подумать, что мне

предстоит стать пожизненно заключенным внутри этих стальных стен.

— Когда? Господи, да это нам уже *известно!*

— Известно?! И каков же ответ?

— Не торопи меня, сынок. Мы летим уже пару недель при ускорении, равном $1,24 g$; к настоящему времени мы достигли скорости около девяти тысяч миль в секунду. Пока мы еще не очень удалились от Земли, скажем, всего лишь на половину светового часа или на 5 450 000 000 миль. Нам понадобится не менее полугода на то, чтобы приблизиться к скорости света. Но тем не менее мы уже сейчас идем на внушительном проценте этой скорости — примерно на пяти процентах ее. Этого достаточно, чтобы определиться. Ее воздействие на время вполне поддается измерению с помощью вас — мыслечитчиков.

— И что же, сэр? Есть ли реальная разница во времени или только относительная?

— Ты орудуешь ошибочными терминами, но эта разница «реальна», если считать, что данное слово имеет какой-то смысл. Отношение сейчас составляет около 99,9%.

— Если говорить точнее, — добавил О'Тул, — то «пробуксовка Барлетта», таков технический термин, который я только что изобрел, то есть его отставание во времени по сравнению со временем его братишки на Земле достигла двенадцати единиц на десять тысяч.

— И ты смеешь выставять меня врунишкой из-за одной пятидесятой какого-то жалкого процентика? — жалобно заныл Бэбкок. — О'Тул, ну зачем я взял тебя с собой?

— Только для того, чтобы было кому исправлять ваши арифметические ошибки, — ответил его помощник.

Пат велел мне не болтаться под ногами, когда его начнут оперировать, но я все же возник. Я заперся в каюте, чтоб никто меня не беспокоил, и связался с Патом. Он спорить не стал; когда я что-то говорил, он отвечал, и чем ближе подходил час операции, тем охотнее шел он на общение... Просто оживленная бол-

товня ни о чем и обо всем. Однако меня это не могло обмануть.

Когда его увезли на каталке в операционную, он сказал:

«Том, видел бы ты моего анестезиолога! Прекрасна, как солнечный день! И размер удобный, чтоб держать на коленях».

«Разве ее лицо не закрыто маской?»

«Знаешь, не совсем. Мне видны ее очаровательные голубые глазки. Думаю, стоит спросить, не свободна ли она сегодня вечером».

«Моди это может не понравиться».

«Ты Моди сюда не впутывай; должен же больной иметь хоть какие-то привилегии? Подожди минутку, я ее спрошу».

«И что она ответила?»

«Говорит "не очень" и что я тоже буду в таком положении несколько дней. Но номер телефона я у нее все же возьму».

«Ставлю два против пяти, она тебе его не даст».

«Ладно, попытка не пытка... Ох, ох, слишком поздно. Они уже начинают... Том, ты бы даже не поверил, что бывают такие иглы. Она величиной с воздушный шланг. Анестезиолог хочет, чтоб я считал. О'кей! Все, что угодно за улыбку. Один... два... три...»

Пат дошел до семи, я тоже вел отсчет. И с каждой секундой ощущал, как все сильнее и сильнее меня охватывает чувство непереносимого напряжения и ужаса. Теперь я знал, что Пат с самого начала был уверен будто не выйдет отсюда живым. На счете «семь» он потерял над собой контроль, хотя мозг еще не отключился. Может, те, кто стоял у операционного стола, думали, что он уже потерял сознание, но я знал, что это не так; он был в ловушке и кричал, и молил, чтоб его спасли из нее.

Я окликнул его, и он звал меня, но встретиться друг с другом нам не удалось. А потом и я попал в ловушку. И так же, как он, почувствовал, что заблудился, что не могу понять, что со мной происходит, что мы ощупью бредем в ледяной тьме и страшном одиночестве пространства, в котором обречены умереть.

А затем я почувствовал, как в спину мне вонзается лезвие ножа, и заорал от невыносимой боли.

Из того, что было дальше, мне вспоминаются лишь какие-то лица, плавающие надо мной. Кажется, кто-то произнес:

— Смотрите, он приходит в себя, доктор.

Мне почудилось, что этот голос не принадлежит ни одному из склонившихся надо мной лиц; он звучал откуда-то издалека.

Потом осталось только одно лицо, которое спросило:

— Тебе получше?

— Пожалуй, да. А что случилось?

— Ну-ка выпей это. Давай я поддержу тебе голову.

Когда я снова очнулся, то обнаружил, что спать больше не хочется и что я лежу в корабельной больничке. Там был и доктор Деверо, склонившийся надо мной.

— Решил, значит, все-таки вынырнуть на поверхность, юноша?

— Вынырнуть откуда, доктор? Что произошло?

— Точно не знаю. Но ты выглядел как классический случай пациента, погибающего от хирургического шока. К тому времени, когда нам удалось взломать замок твоей двери, ты был уже почти мертв. Ну и задал ты нам работенку! Ты можешь мне рассказать, как это было?

Я попытался собраться с мыслями и вдруг вспомнил. Пат! Я мысленно вызвал его:

«Пат! Где ты, дружище?»

Он не ответил. Я сделал еще попытку, и, когда он снова не ответил, я понял все. Сел на койке и с трудом выдавил:

— Мой брат... он умер!

Доктор Деверо прикрикнул на меня:

— Чушь! Приди в себя! Ляг! Вовсе он не умер... разве что произошло это за последние десять минут, в чем я сильно сомневаюсь.

— Но я не могу до него докричаться! Откуда вы знаете? Говорю вам, я не могу до него докричаться.

— Послушай, перестань-ка ты прыгать до потолка! А знаю я потому, что непрерывно следил за происходящим все утро с помощью вахтенных мыслечитчиков. Сейчас он спит, приняв восемь гранов гипнала, вот почему ты и не можешь до него дотянуться. Может быть, я и дурак, сынок, — я ведь, как идиот, не предупредил тебя, что ты должен держаться подальше от операционного стола, но я все же давно занимаюсь починкой человеческих мозгов и в известной степени представляю, что произошло с тобой в эти часы. Меня извиняет только то, что с подобной ситуацией я столкнулся впервые.

Тут я слегка успокоился. В том, что мне не удастся пробиться к Пату, если его накачали наркотиками, нет ничего удивительного. Отвечая на вопросы доктора Деве-ро, я умудрился более или менее связно рассказать о том, что со мной случилось, но, конечно, не во всей полноте, так как передать другому человеку представление о том, что происходит в вашей собственной черепушке, невозможно.

— Э-э-э... а успешно ли прошла операция, доктор?

— Что ж, пациент выкарабкался из нее живым. Поговорим об этом позже. А сейчас повернись.

— Чего еще?

— Повернись на живот. Хочу полюбоваться на твою спину.

Он поглядел на нее, а потом вызвал двух своих помощников. Только в их присутствии он позволил себе пощупать мою спину.

— Больно?

— Ох! О да, там здорово болит. А что у меня со спиной?

— Да, собственно, ничего такого. Просто ты обзавелся двумя отличными стигматами*, точно соответствующими разрезам, которые делают при операции Макдугала... а именно эту методику применили, оперируя твоего брата.

* Здесь: кровотокающие пятна на коже, возникающие иногда в результате определенных психологических потрясений; в случае религиозной мании эти стигматы могут соответствовать ранам на теле Христа.

— А... а что это значит?

— Это значит, что человеческий мозг невероятно сложен, а мы о нем мало чего знаем. Ну а теперь повернись и спи. Собираюсь продержатъ тебя в постели еще парочку дней.

Спать мне не хотелось, но уснул почти тотчас. Разбудил меня вызов Пата.

«Эй, Том, где ты? Кончай грыхнуть!»

«Тут я. В чем дело?»

«Том... ко мне вернулись мои ноги!»

— Да знаю я, — буркнул я и опять погрузился в сон.

Глава 9

Кое-что о сородичах

Поскольку Пат одержал победу над параличом, я должен был бы чувствовать себя наверху блаженства, так как имел вроде бы все, чего только мог пожелать. Однако почему-то получилось совсем по-другому. До того как с Патом произошло несчастье, я отлично знал, почему я психую — потому что он летит, а я нет. После же несчастного случая я чувствовал себя виноватым, так как получил желаемое благодаря катастрофе, сломавшей жизнь брату. Казалось, подло ощущать себя счастливым, раз он превратился в калеку, тем более что из-за его увечья я приобрел то, чего желал больше всего на свете.

Значит, теперь, когда он стал выздоравливать, я должен был бы радоваться и вернуть себе ощущение счастья.

Скажите, а вам когда-нибудь приходилось бывать на вечеринке, от которой вы ожидали бурного веселья, а оно внезапно обернулось для вас жуткой скукищей? Без всякой причины — просто веселья нет, а мир сер и пресен.

Кое-что из того, что лишало меня аппетита к жизни, я мог определить. Во-первых, присутствие Дасти, но

его от меня к этому времени уже забрали. Во-вторых, были и другие люди, особенно среди электронщиков, с которыми мы отстаивали вахты и которые называли нас «выродками» и другими дурацкими прозвищами и держались с нами соответственно. Но капитан расчистил и это, а когда мы познакомились поближе, люди вообще забыли о таких мелочах. Одна из релятивисток — Джанет Мейерс — блестяще считала в уме, что делало ее тоже своего рода выродком, но все смотрели на это как на самую обычную способность и вскоре стали относиться точно так же и к тому, что делали мы.

После того как мы вышли из сферы действия радиосвязи с Землей, капитан вывел нас из-под начала коммодора Фрика и организовал самостоятельный отдел, во главе которого поставил Альфреда Макнейла, а его заместителем сделал Руперта Хауптмана, так что Руп стал следить за расписанием вахт, а дядюшка Альфред взял на себя заботы о нашем питании и дисциплине. Старого дядюшку мы любили слишком сильно, чтоб доставлять ему неприятности, и если кто-то из нас начинал валять дурака, то дядюшка огорчался, а мы хорошенько наподавали виновнику. Это срабатывало отлично.

Думаю, что реорганизацию порекомендовал капитану доктор Деверо. Дело в том, что коммодор Фрик нас не очень жаловал. Он был инженером-электронщиком и всю жизнь переходил от одной хорошей аппаратуры связи к другой, еще лучшей... И вдруг появились мы, которые обеспечивали связь быстрее и лучше, причем без всякой аппаратуры. Коммодора я не виню; я бы на его месте тоже обозлился. Но все равно с дядюшкой Альфом нам работалось лучше.

Весьма вероятно, что часть моих переживаний возникла в связи с «Васко да Гамой». Самое тяжелое в космическом полете — это то, что в нем ровным счетом ничего не происходит. Поэтому очень скоро важнейшим событием дня для нас стало появление нашей утренней газеты. Весь день каждый мыслечитчик, стоявший на вахте (разумеется, когда он не был занят передачами, что требовало не так уж много времени), записывал новости. Таким образом, служба новостей у нас была даровая, даровыми же были и тематические

статьи, а Дасти иллюстрировал материал, копируя картинки, посылавшиеся ему его близнецом Расти. Ночной вахтенный связист редактировал материалы, а мыслечитчики и связисты утренней вахты печатали газету, так что она появлялась в столовой уже к первому завтраку.

Объем газеты мы не оговаривали; он определялся тем, сколько могла наработать такая малочисленная редакция. Помимо новостей из Солнечной системы, мы давали еще корабельные новости и не только с «Элси», но и с остальных одиннадцати кораблей эскадры. Все (кроме меня) хорошо знали членов экипажей этих кораблей. Они либо встречались с ними в Цюрихе, либо, подобно таким космическим волкам, как капитан и некоторые другие, имели друзей и знакомых, дружеские отношения с которыми уходили в глубь времен.

В большинстве случаев корабельные новости носили, так сказать, сугубо внутренний характер. Нам же они доставляли больше удовольствия, чем сообщения с Земли или из Солнечной системы, так как мы ощущали кровную близость с кораблями эскадры, хотя нас разделяли миллиарды миль, а сами корабли с каждой секундой удалялись от нас. Когда на «Лейфе Эрикссоне» поженились Рей Джилберти и Сумира Ватанабе, на каждом корабле эскадры устроили бал. Когда же на «Пинте» родился ребенок, а нашего капитана пригласили быть крестным отцом, мы все ужасно гордились этим.

С «Васко да Гамой» нас связывал Кас Уорнер, а мисс Гамма Фортни соединяла «Элси» с «Марко Поло» и «Санта-Марией» через своих сестер мисс Бету и мисс Альфу. Кроме того, мы получали новости и с других кораблей, но только, так сказать, кружным путем. Корабельные новости никогда не подвергались сокращениям, зато новости с Земли корнали частенько. Уже и сейчас Мама О'Тул жаловалась, что, если объем газеты будет и дальше расти, ей придется или выдавать чистые наволочки и простыни только раз в неделю, или инженеры должны будут построить новую прачечную только для стирки газет. И все же у Отдела экологии всегда была наготове чистая и свежевывглаженная бумага для каждого нового выпуска.

Иногда мы выпускали и дополнительные экстренные номера, как, например, в тот раз, когда Люсиль Лавонн выиграла титул Мисс Солнечная система и Дастин написал ее портрет, да еще такой, что можно было поклясться, будто это фотография. На этом выпуске мы потеряли много бумаги, так как нашлось немало любителей, которые повесили свои экземпляры на стенку кают, вместо того чтобы вернуть их назад для последующего восстановления. Я и сам так поступил и даже уговорил Дастин поставить на рисунке свой автограф. Его это удивило, но и обрадовало, хотя ответил он мне грубостью; художнику все же свойственно ценить свою работу, сказал бы я, даже если он всего лишь ядовитый нахаленок.

Я говорю все это к тому, что появление газеты «Элси Таймс» было одним из важнейших событий дня, а корабельные новости — центральной частью ее содержания.

Я не был на ночной вахте, но к завтраку опоздал-таки. Когда я влетел в столовую, все сидели, как обычно, уткнув носы в свои экземпляры «Таймс», но к еде никто даже не притронулся. Я сел между Ваном и Пруденсом и спросил:

— В чем дело? Чего все такие понурые?

Пруденс молча сунула мне «Таймс».

Первая страница была обведена траурной рамкой. И очень большими буквами шел заголовок «Погиб "Васко да Гама"».

Я не мог в это поверить. «Васко» отправился к альфе Центавра, но ему предстояло добираться туда еще не меньше четырех лет по земному времени; он пока еще далеко не достиг околосветовой скорости. Не было никаких причин, чтобы в тех местах, где летел корабль, ждать каких-то опасностей. Должно быть, ошибка.

Я перевернул лист, чтобы посмотреть статью на второй странице. Там в рамочке было напечатано сообщение командора «Санта-Марии».

«Официальное сообщение. Сегодня в ноль три часа тридцать четыре минуты по гринвичскому времени был утерян контакт с РКК «Васко да Гама» (ФППИ 172). В это время у него были задействованы две линии связи — одна с Землей, другая с «Магелланом». В

обоих случаях передачи прекратились на полуслове без предупреждения и примерно в один и тот же момент, если учесть различия в корабельном времени. На корабле было одиннадцать связистов-телепатов; возобновить с ними связь оказалось невозможно. В силу сказанного, следует считать корабль со всей его командой погибшим».

Сообщение от ФППИ всего лишь подтверждало, что связь с кораблем утеряна. Было еще заявление нашего капитана и более подробная статья с комментариями, полученными с других кораблей; я прочел все подряд, но все равно суть дела укладывалась в один заголовок... «Васко» ушел туда, куда уходят все корабли, если они не возвращаются в порт.

Внезапно я вспомнил что-то и огляделся. Место Каса Уорнера пустовало. Дядюшка Альф перехватил мой взгляд и сказал шепотом:

— Он знает, Том. Капитан разбудил его и сообщил сразу же, как только это произошло. Хорошо лишь одно — он не был на связи с братом, когда произошла катастрофа.

Я не уверен, что дядюшка Альф правильно оценил ситуацию. Если бы так случилось с Патом, я хотел бы быть с ним до конца, верно ведь? Думаю, да, хотел бы. Во всяком случае уверен, что сам дядюшка отдал бы все на свете, чтобы только держать ручку Конфетки в своей руке, если бы произошло что-то и ей пришлось бы совершить «Большой прыжок» раньше него. А Кас и его брат Калев были очень близки; я это хорошо знаю.

Ближе к вечеру того же дня капитан отслужил заупокойную службу, и дядюшка Альфред произнес короткую проповедь, а все мы спели молитву о путешествующих. После этого мы притворились, что никогда на свете не было корабля, называвшегося «Васко да Гамой». Правда, это было чистое притворство.

Кас покинул наш стол, и Мама О'Тул взяла его к себе помощником. Кас и его брат работали в каком-то отеле до того, как их заарканил ФППИ, так что Кас стал ей неоценимым подспорьем; держать корабль с двумя сотнями пассажиров в состоянии экологического равновесия — работенка будь здоров! Бог мой, да только выращивать пищу для двухсот человек и то огром-

ное дело, а тут еще надо было использовать сельское хозяйство для поддержания атмосферного баланса; а ведь только производство дрожжевых культур и гидропоника полностью занимали время девяти человек.

Через несколько недель Кас уже взял на себя обязанности по «содержанию дома» и обслуживанию столовой, так что Мама О'Тул могла отдать все силы научным и техническим проблемам, хотя и продолжала присматривать за разнообразием и качеством нашего меню.

И все же не «Васко да Гама» был причиной моего дурного настроения; я там никого не знал. Уж если Кас смог перебороть себя и вести нормальную и полезную жизнь, то я тем более не имел основания для хандры. Нет. Думаю, тут не меньшую роль, чем все остальное, сыграл мой собственный день рождения.

В нашей столовой на стене висели два больших циферблата электронных часов, которые управлялись из вычислительного центра релятивистов. А над ними помещались два электронных же календаря. Ну, типа тех, что висят в банках. Когда мы стартовали, оба часовых циферблата показывали одно и то же время по Гринвичу, а календари — одну и ту же дату. Затем, по мере увеличения ускорения и приближения нашей скорости к скорости света, разрыв между временем «Элси» и временем Земли стал становиться заметнее, и он непрерывно нарастал, что отражалось во все большем расхождении показаний обоих часов. Сначала мы об этом много говорили, а теперь просто не обращали внимания на гринвичский циферблат... Ну какое нам дело до того, что сейчас три часа утра следующей среды по Гринвичу, если на корабле наступило время второго завтрака? Ситуация, в общем, сходная с той, которая существует на Земле в связи с часовыми поясами и расхождениями в датах; каждодневного интереса она не вызывает. Я даже не замечаю ворчания Пата насчет того, что ему приходится вставать на вахту в такие непривычные для него часы, так как сам я выхожу на вахту в любое время суток.

А потому я совершенно обалдел, когда Пат разбудил меня свистком в середине ночи и завопил:

«С днем рождения!!!»

«Э? С чьим?»

«С твоим, дурень! С нашим! Да что с тобой? Считать, что ли, разучился?»

«Но...»

«Умолкни. Мне как раз принесли торт, и все наши собираются петь "Счастливого дня рождения". Я тебе протранслирую».

Пока они пели, я встал и, натянув штаны, отправился в столовую. У нас была середина ночи и поэтому тут горел только ночник. И все же я видел и циферблаты, и электронные календари; ну и, разумеется, по гринвичской дате был наш день рождения, а с учетом разницы в часовых поясах между Гринвичем и Канзасом сейчас дома как раз наступило время ужина.

Но это не был мой день рождения. Я состоял совсем в другом списке, и мне казалось, что в этом есть какая-то дикая несправедливость.

«Я задул все свечи, парень, — весело объявил Пат, — значит, еще годик нам гарантирован. Ма хочет знать, испекли ли тебе торт там — у вас?»

«Скажи ей, что испекли».

Разумеется, никто ничего подобного у нас не сделал. Но мне не хотелось вступать с ними в объяснения. Ма и без того легко возбудима, так зачем же еще пытаться разъяснять ей Эйнштейна. Что же касается Пата, так он должен был бы соображать лучше.

Домашние подарили Пату новые часы. И он сказал, что там есть еще здоровенная коробка шоколадных конфет, предназначенная для меня, — нельзя ли ему ее открыть и пустить по кругу? Я велел ему начинать, а сам не знал, что делать: то ли радоваться, что меня не забыли, то ли обидеться за этот подарок. Я же не мог ни видеть его, ни потрогать. Вскоре я сказал Пату, что мне пора спать, попросил его пожелать всем спокойной ночи и поблагодарить их от моего имени. Заснуть не мог долго; лежал с открытыми глазами, пока не зажглись дневные огни в коридорах.

На следующей неделе на наш стол и в самом деле принесли торт, и все пели для меня, и я получил уйму сделанных из самых лучших побуждений, но совершенно не нужных подарков — а что вы можете подарить человеку на корабле, когда вы едите за одним столом,

а снабжаетесь из одного и того же склада? Я встал и поблагодарил всех, кто-то заорал «речь!», и я остался и танцевал с девушками. Тем не менее я никак не мог воспринять и этот день, как день *своего* рождения, так как мой миновал еще на прошлой неделе.

Пожалуй, именно на следующий день после этого в мою каюту заглянул дядя Стив и, конечно, обнаружил меня там.

— И где это вы прячетесь, молодой человек?

— А? Да нигде.

— Вот и я так подумал. — Он уселся на мой единственный стул, а я лег на койку. — Всякий раз, как ты мне понадобишься, тебя нигде нет. Ты же не стоишь весь день на вахте; и не вкалываешь без передышки где-нибудь еще. Так где же ты торчишь? — Я промолчал. Я и сейчас был там, где проводил большую часть времени, то есть лежал на койке и пялился в потолок. Дядя Стив не отставал: — Когда человек во время полета начинает забиваться в щель, то обычно лучше всего, как я знаю по опыту, предоставить его самому себе. Он либо преодолеет свою тоску сам, либо в один прекрасный день отправится к воздушному шлюзу, не утруждая себя заботой о скафандре. Но в первом и во втором случае ему не хочется, чтоб к нему приставали. Однако ты сын моей сестры, и я несу за тебя определенную ответственность. Что с тобой? Ты никогда не приходишь потрепаться или сыграть во что-нибудь вечером, а шляешься с тоскливо вытянутым лицом; что тебя грызет?

— Со мной все в порядке, — ответил я зло.

Дядя Стив разделался с моим ответом с помощью краткого и крайне неприличного слова.

— Давай-ка выкладывай, мальчуган. С тобой что-то творится с тех самых пор, как погиб «Васко да Гама». В этом, что ли, дело? Сдают нервишки? Если так, то у доктора Деверо есть в запасе пилюли с синтетической храбростью. Никто не обязан знать, что ты их принимаешь, да и стыдиться тут нечего, так как каждый из нас время от времени обнаруживает, что подхватил медвежью болезнь. Мне даже стыдно сказать тебе, какую острую форму она приобрела в первый раз, когда я оказался в бою.

— Нет. Не думаю, что дело в этом. — Честно говоря, я ведь думал об этом, и очень может быть, что все к тому и сводилось. — Дядя Стив, а что случилось с «Васко»?

Он пожал плечами:

— Или реактор пошел вразнос, или они во что-то врезались.

— Но реактор не может пойти вразнос, правда ведь? И в космосе налететь не на что.

— Что ж! И то и другое верно. Но предположим, что реактор все же взорвался. Тогда в миллионную долю секунды корабль должен был превратиться в маленькую звезду. И я не могу представить себе лучшего конца человеческой жизни. Впрочем, и второй вариант тоже был бы скор, так скор, что ты не заметил бы никакой разницы с первым. Думал ли ты когда-нибудь, сколько кинетической энергии мы запихали в этот корабль при такой-то скорости? Доктор Бэбкок говорит, что когда мы достигнем скорости света, то по сути дела превратимся в волновое излучение, хотя и продолжим с удовольствием лопать картофельное пюре с подливкой, не замечая в их вкусе ровным счетом никакой разницы.

— Но мы же на самом деле такой скорости никогда не достигнем?

— Док сказал то же самое. Мне следовало бы употребить слова «если достигнем». Это тебя и беспокоит, малыш? Боишься, что вдруг раздастся «бух!», как на «Васко да Гаме»? Если так, то разреши тебе сказать, что все способы помереть в собственной постели куда хуже... особенно если ты окажешься таким дураком, что согласишься помереть от старости... Кстати, это та судьба, которой я всеми силами постараюсь избежать.

Мы поговорили еще немножко, но ни до чего не договорились. Он ушел, пригрозив, что вытащит меня из каюты насильно, если я буду продолжать торчать там больше времени, чем нужно для сна и отдыха. Надо думать, именно дядя Стив стукнул на меня доктору Деверо, хотя оба они это впоследствии отрицали.

Как бы там ни было, а доктор Деверо уже на следующий день перехватил меня в коридоре, увел в свою каюту, усадил и открыл толковище. У него была

большая, обжитая, удобная, но не так чтобы очень прибранная каюта. В своей хирургической клинике он никого не принимал.

Я немедленно потребовал отчета, на каком основании он пожелал со мной беседовать.

Док широко открыл свои лягушачьи гляделки и принял совершенно невинный вид.

— Случайно наскочил на тебя, Том. — Он взял в руки колоду перфорированных карточек. — Видал, сколько?! Это карточки тех, с кем мне довелось пообщаться на этой неделе. Надо же мне делать вид, будто я недаром ем свой хлеб.

— Ладно, на меня вам нечего зря тратить время. Со мной все в порядке.

— Знаешь, а я как раз люблю терять время зря. Психология — роскошный рэкет. Не надо отмывать руки, готовясь к операции, не надо совать свой нос в вонючие глотки пациентов; сиди себе да слушай, как кто-то заливает тебе насчет того, что когда он был маленьким, то терпеть не мог играть с другими маленькими мальчиками. Вот и ты поговори со мной немножко. Говори, что хочешь, а я пока подремлю. Если будешь болтать достаточно долго, то, может, я успею отдохнуть после той партии в покер, на которой я проторчал почти всю ночь, а вдобавок отмечу в дневнике, будто бы проработал чуть ли не целый день.

Я сделал попытку заговорить о чем-то нейтральном, но из этого ничего путного не вышло. Пока я пытался, меня вызвал Пат. Я попросил его выйти на связь попозже — сейчас я занят. Доктор Деверо внимательно наблюдал за выражением моего лица, а затем неожиданно спросил:

— О чем ты сейчас думал?

Я объяснил, что это дело может и подождать — просто со мной хотел поговорить брат.

— Хм... Том, расскажи-ка мне о своем братишке. У меня не было времени познакомиться с ним поближе там, в Цюрихе.

И прежде чем я понял, что делаю, я уже успел выложить ему кучу сведений о нас обоих. С доктором было удивительно легко говорить. Дважды я решал, что он спит, но каждый раз, когда я замолкал, он просыпал-

ся и задавал вопрос, который заставлял меня начинать разговор по-новой.

Наконец док произнес:

— Знаешь, Том, однайцовые близнецы представляют исключительный интерес для психологов, не говоря уж о генетиках, социологах или биохимиках. Вы появились из одного яйца столь сходными, какими только могут быть два органических комплекса. А затем стали превращаться в двух совершенно разных людей. Связаны ли эти расхождения только с окружающей средой? Или действует и нечто совсем другое?

Я прокрутил в уме сказанное.

— Вы имеете в виду душу, сэр?

— М-м-м... спроси у меня об этом в следующую среду... Иногда нам приходится резко отделять свое частное или личное мнение от собственных же социальных или научных взглядов. Впрочем, не обращай внимания. Главное то, что вы, близнецы-мыслечитчики, необычайно интересны. Я надеюсь, что серендипиозные* результаты проекта «Лебенсраум» будут, как это нередко случается, куда значительнее ожидаемых.

— Сере... что, доктор?

— А? Серендипиозные. Это прилагательное от слова «серендипити». А серендипити означает, что ты копаешь землю, надеясь отыскать там червяка, а наталкиваешься на золотую жилу. В науке так бывает сплошь и рядом. И в этом причина того, что «бесполезная» чистая наука всегда практичнее работ, нацеленных на решение практических задач. Но давай поговорим о тебе. Я не могу решить за тебя твои собственные проблемы, это ты должен сделать сам. Давай поваляем дурака и сделаем вид, что я могу помочь... хотя бы в оправдание получаемой мной зарплаты. Видишь ли, два обстоятельства торчат наружу, как забинтованный большой палец. Первое — это то, что тебе не нравится твой брат. — Я начал было протестовать, но он даже слушать меня не стал. — Дай мне говорить. Почему ты так уверен, что ошибаюсь именно я? Ответ: потому, что

* Серендипити — счастливая способность к открытиям, инстинктивная прозорливость. В данном случае — незапланированные результаты.

тебе с колыбели внушали, что ты его любишь. Родные братья всегда «обожают» друг друга; это одна из основ нашей цивилизации, столь же прочная, как мамочкин яблочный пирог по праздникам. Люди обычно верят тому, что им твердят с ранних лет и достаточно часто. Надо думать, что сама по себе вера в братскую «любовь» — прекрасная штука, так как у братьев и сестер куда больше возможностей и причин ненавидеть друг друга, чем у кого бы то ни было.

— Но мне же Пат *нравится*! Это только...

— «Только». Только что? — настойчиво и спокойно спросил док, когда я бросил фразу неоконченной. Я не ответил, а он закончил ее сам: — Только то, что у тебя есть все основания его не любить. Он помыкал тобой, и изводил тебя, и хватал то, что было особенно желанно для тебя. Когда же он не мог добиться своего в честной драке, он бежал за помощью к вашей матери, чтоб она через отца помогла ему получить желаемое. Ему досталась девушка, о которой мечтал ты. Так почему же такой брат должен тебе нравиться? Если б он был посторонним, а не братом-близнецом, неужели ты бы полюбил его за такие пакости? Или возненавидел бы?

Вкус сказанного мне совсем не понравился.

— Я был к нему несправедлив, доктор. Не думаю, чтобы Пат понимал, что он поступает по-свински... и уверен, что наши родители намеренно никогда не поощряли любимчиков. Возможно, я просто расхныкался от жалости к себе.

— Может быть, и так. Может быть, во всей этой истории нет ни слова правды, и ты в силу особенностей своего характера просто не способен отличить правду от лжи, поскольку сам замешан в этом деле... И все же суть его заключается в том, что ты именно так оцениваешь ваши отношения... Тебе такой человек был бы отвратителен, но беда в том, что этот человек — твой брат-близнец и ты «обязан» его любить. Оба чувства борются между собой. И ты не обретешь внутреннего мира, пока не поймешь, какое из этих чувств фальшиво, и не отделаешься от него. А уж это зависит только от тебя самого.

— Но, черт возьми, доктор, я же *действительно* люблю Пата!

— В самом деле? Тогда тебе лучше выкинуть из головы представление, что все эти годы он пытался всучить тебе грязный конец палки. Сильно сомневаюсь, чтобы тебе это удалось. Ты просто привык к нему; нам всем приятны вещи, к которым мы привыкли, — старые туфли, старые трубки; даже дьявол, которого мы знаем давно, для нас лучше, чем совсем незнакомый. Ты лоялен по отношению к брату; он тебе необходим, а ты — ему. Но любить его? Мне это представляется в высшей степени маловероятным. С другой стороны, если тебе удастся вбить в свою голову мысль, что у тебя больше нет нужды, чтоб он нравился тебе, то, может быть, ты в конце концов и полюбишь его немного за то, каков он есть в действительности. И, уж конечно, станешь более терпимым к Пату, хотя я и сомневаюсь, что когда-нибудь ты сумеешь полюбить его по-настоящему. Ведь он довольно неприятный тип.

— Это неправда! Пат всегда всем нравился.

— Только не мне... М-м-м... Том, я ведь немного сжульничал. Я знаю твоего брата гораздо лучше, чем сказал тебе. Ни один из вас, по правде говоря, особого восторга не вызывает, но вы с ним действительно очень похожи. Ты уж не обижайся. Я-то терпеть не могу «милых» людей, их «приятная легкость» выворачивает мне кишки. Я люблю импульсивных ребят с прочной сердцевинкой, замешанной на здоровом эгоизме; с точки зрения моей профессии, такие люди находка. Ты и твой братишка примерно одинаково эгоистичны, но он умудряется извлекать из этого больше прибыли. Кстати, он тебя любит.

— Э-э...

— Да. Ну, как он любил бы собаку, которая послушно бежит на его свист. Он ощущает себя как бы покровителем, особенно когда это не противоречит его собственным интересам. Одновременно он тебя презирует; считает слабаком, а, по его мнению, смиренники недостойны наследовать Землю; право на это имеют лишь такие крутые ребята, как он сам. — Я обдумал сказанное и разозлился. Я и не сомневался, что Пат именно так и относится ко мне — снисходительно-покровительственно — и с готовностью позаботится, чтобы я получил свой кусочек пирога... при условии,

что он получит больший. — Вторая вещь, которая совершенно очевидна, — продолжал док Деверо, — заключается в том, что ни ты, ни твой брат не хотели отправляться в полет.

Это было столь чудовищно несправедливо и ложно, что я разинул рот, да так и позабыл его закрыть. Доктор Деверо поглядел на меня.

— Да? Что ты хотел сказать?

— Господи, да это самая большая глупость из всех, что мне приходилось слышать, доктор! Единственный настоящий разлад между мной и Патом возник именно потому, что мы *оба* хотели лететь, но в полет мог уйти только *один*.

Док покачал головой:

— Все обстоит как раз наоборот. Вы оба хотели остаться дома, но сделать это мог только один. Просто твой брат, как всегда, выиграл.

— Да ничего подобного! Да, Пат выиграл, но выиграл лишь *шанс* на полет; а это вовсе не то, что говорите вы! И он полетел бы, если б не тот несчастный случай!

— «Тот несчастный случай!»... М-м-м... Да! — Доктор Деверо сидел неподвижно, голова опущена на грудь, ручки сложены на животе, сидел так долго, что я было подумал, уж часом не заснул ли он? — Том, я собираюсь сказать тебе нечто, что тебе не положено знать; скажу лишь потому, что считаю необходимым для твоего спокойствия. Только прошу, чтоб ты никогда не обсуждал этого вопроса с братом... Если ты это сделаешь, я... я выставлю тебя перед всем белым светом жалким лгунишкой. Потому что для Пата это было бы губительно. Ты меня понял?

— Тогда незачем мне и говорить, — ответил я грубо.

— А ты заткнись и слушай. — Док взял со стола какую-то папку. — Здесь доклад об операции, сделанной твоему брату, написанный на том жаргоне, которым мы пользуемся, чтобы пациенты ничего не поняли. Ты тоже не поймешь, да к тому же доклад был послан не прямо к нам, а через «Санта-Марию» и закодирован. Хочешь знать, что они обнаружили, распотрошив твоего братишку?

— Хм... не особенно.

— Его позвоночник не был поврежден.

— Как?! Вы хотите сказать, что Пат *симулировал* паралич? Я вам не верю.

— Легче, легче, сынок. Конечно, не симулировал. Ноги *были* парализованы. Он и не смог бы симулировать паралич так, чтобы нейрохирург не определил бы этого. Я сам его осматривал; твой брат был парализован. Но не из-за повреждения позвоночника — это знал и я, и те хирурги, которые его оперировали.

— Но... — Я потряс головой. — Видимо, я совсем отупел...

— Успокойся, мы тут все такие. Том, человеческий мозг вовсе не простое устройство; это ужасно сложная штукавина. Где-то на его верхушке находится сознание, у которого имеются собственные мысли и стремления, частично порожденные самим мозгом, частично внушенные ему пропагандой, образованием, желанием производить хорошее впечатление и стремлением казаться в глазах других людей привлекательным. А ниже лежит подсознание — слепое, глухое, тупое и коварное, обладающее, как правило, совсем другим набором стремлений и другими мотивациями действий. Оно стремится получить свое... и когда ему это не удастся, оно поднимает бучу, пока не будет удовлетворено полученным результатом. Если ты хочешь обрести легкую жизнь, то фокус заключается в том, чтобы, узнав, чего именно хочет твое подсознание, предоставить ему это на льготных условиях, прежде чем оно доведет тебя до эмоционального банкротства, добиваясь получения того, чего жаждет. Ты знаешь, что такое психопат?

— Хм... сумасшедший.

— «Сумасшедший» — тот термин, от которого мы стремимся избавиться. Психопат — это бедняга, которому пришлось продать свою лавочку и отправиться в мир голышом, чтобы удовлетворить требования своего подсознания. Он достиг с ним соглашения, но оно разорило его. Моя работа заключается в том, чтобы помогать людям достигать соглашений, которые не разоряли бы их. В общем, я исполняю роль хорошего адвоката. Мы никогда не советуем своим клиентам избегать всякого соглашения, а просто добиваемся, чтобы оно было заключено на наиболее выгодных для них условиях. Так вот — к чему я веду: твоему брату

удалось заключить соглашение со своим подсознанием на весьма приемлемых условиях, даже на очень хороших, учитывая, что он сделал это без квалифицированной помощи специалиста. Его сознание подписало контракт с ФППИ, а его подсознание решительно заявило, что он ни в коем случае не должен этот контракт выполнять. Конфликт был так глубок, что другого человека он мог и погубить. Но не твоего брата. Поэтому его подсознание предпочло устроить несчастный случай, такой, который мог бы вызвать паралич, и в самом деле вызвал его — *настоящий* паралич, заметь; не какую-нибудь пошлую подделку. Просто твой брат с честью избавился от обязательства, которого он выполнить не мог. Затем, когда отправиться в полет было уже физически невозможно, он подвергся операции. Хирургия просто-напросто устранила крохотный дефект на кости, но ему внушили, что паралич будет излечен... Так оно и произошло.

Деверо пожал плечами.

Я обдумывал сказанное, пока у меня в голове не наступил полнейший сумбур. Эти сознания, подсознания... я же учил про них и даже сдавал зачеты... но я так и не разобрался, не обнаружил их глубинного смысла. Док Деверо мог ими пользоваться как своего рода «образами», пока не посинеет, но все равно они не смогут опровергнуть тот факт, что и Пат и я *стремились* к полету, и единственной причиной того, что Пат остался на Земле, был несчастный случай, превративший его в калеку. Может быть, паралич и был проявлением истерии, может быть, Пат сам запугал себя и внушил себе, что покалечен сильнее, чем это было на самом деле. Вот и все. И ничего больше.

Однако доктор Деверо говорил так, будто этот несчастный случай вовсе не был несчастным случаем. Ну и что? Может быть, Пат позеленел от страха, а гордость не позволяла ему это показать? Но я все равно не допускал даже мысли, что по горному склону он скатился нарочно.

В любом случае док глубоко заблуждался в одном: я *хотел* лететь. О, может быть, я где-то в глубине души и трусил, а кроме того, я помнил, как ужасно тосковал

вначале по дому... но ведь это же совершенно естественно.

«Но тогда почему же ты так распустил нюни, гурень?»

Нет, это не Пат сказал. Это я сам разговаривал с собой. Черт, а может быть, это было мое подсознание, на этот раз заговорившее в полный голос?

— Док?

— Да, Том?

— Вы сказали, что подсознание всегда побеждает? Значит, вы не правы или в первом случае, или во втором.

Он вздохнул.

— Ну, это не совсем то, что я сказал. Тебя сюда загнали прямо на рысях. Подсознание — оно тупое и часто действует с опозданием, так что у твоего не было времени выработать что-нибудь простенькое, типа несчастного случая с лыжами. Но оно упорное. Оно требует, чтобы ты вернулся домой, а ты этого сделать не можешь. Оно, однако, не желает слышать твоих аргументов. Оно требует от тебя невозможного, подобно ребенку, который плачет из-за того, что ему не дают луну.

Я передернул плечами.

— Послушать вас, так я попал в отвратительную кашу.

— Нечего тебе предаваться такому отчаянью. Гигиена мышления — процесс коррекции того, что может быть скорректировано в адаптации к неизбежному. Перед тобой открыты три пути.

— А мне кажется, ни одного.

— Три. Ты можешь продолжать входить в штопор, пока твой мозг не выработает фантазию, приемлемую для подсознания... Психопатическая приспособляемость или то, что ты назвал «сумасшествием». Или ты будешь продолжать слоняться таким же, каков ты сейчас — несчастный, лишний как для себя, так и для товарищей по работе. При этом ты постоянно будешь пребывать в опасности свалиться за грань безумия. Наконец, ты можешь пошарить в своем мозгу, познакомиться с ним поближе, выявить, чего он действительно хочет, и показать ему, что и почему он получить не может, после

чего заключить с ним достаточно здравый союз, основанный на том, что возможно. Если у тебя хватит мужества и стойкости, ты попробуешь этот путь.

Доктор ждал ответа, пристально вглядываясь в мои глаза.

— Хм... Пожалуй, лучше попробовать. Только как это сделать?

— Уж никак не валяньем на своей койке и скулежом насчет того, что могло бы случиться да не случилось; это уж точно.

— Мой дядя Стив... я говорю о майоре Лукасе... — проговорил я задумчиво, — уже дал мне понять, что этого делать не следует. Он хочет, чтоб я действовал, чтоб побольше общался с людьми. Полагаю, это полезно.

— Конечно, конечно. Только этого мало. Ты не можешь вытащить себя из беды, в которой оказался, только притворяясь, будто стал душой общества на вечеринках. Тебе надо приспособиться к самому себе.

— Да, сэр. Но как?

— Что ж, мы этого вряд ли добьемся, если ты будешь ежедневно являться ко мне, рассказывать о себе всякие байки, а я в это время буду держать тебя за ручку. М-м-м... могу посоветовать попытаться письменно изложить свои мысли о том, кто ты такой, где ты был и как оттуда попал сюда. Если изложишь это во всех подробностях, может быть, и поймешь «почему», а также и «как». Копни себя поглубже и, возможно, выяснишь, кто ты такой, чего хочешь и какую часть того, что хочешь, можешь получить.

Наверняка я выглядел здорово ошарашенным, так как док добавил:

— Ты ведешь дневник?

— Время от времени веду. Я захватил его с собой.

— Используй его как источник. «Жизнь и труды Т. П. Барлетта, эсквайра». Пиши как можно подробнее и постарайся говорить правду... и всю правду.

Я обдумал это дело. Есть вещи, которых никому не скажешь.

— Хм... я полагаю, вы захотите это прочесть, доктор?

— Я? Боже упаси! У меня и так продыху нет, а тут еще читать любительские упражнения в художественном творчестве двухсот человек с поехавшей крышей!

Нет, это *только* для тебя, сынок; ты будешь писать это самому себе... Но, смотри, пиши так, будто о себе ничего не знаешь и тебе надо все разжевать. Пиши, будто ожидаешь скорой потери памяти и хочешь увериться, что, если нужно, ты опять сможешь сложить цельную картинку. Опиши все. — Он наморщил лоб и добавил недовольным тоном: — Если почувствуешь, что наткнулся на что-то важное и тебе нужен совет со стороны, думаю, я смогу выкроить немножко времени и, в крайнем случае, прочесть страничку-другую. Но обещать наверняка не могу. Пиши для себя самого — для человека, больного амнезией.

И тогда я пообещал ему попробовать... Вот и пробую до сих пор. Пока не вижу, чтоб это принесло много пользы (хотя я вроде и начал постепенно вылезать из болота), да сейчас как раз и времени мало, чтоб делать работу так, как велел дядя Деверо. Придется по заключительной части пробежаться сравнительно бегло — ведь это первый свободный вечерок, выдавшийся у меня за месяц.

Удивительно все же, как много можно вспомнить, коли берешься за это по-настоящему.

Глава 10

Кое-что о взаимоотношениях

За это время на борту «Элси» много чего произошло. Во-первых, мы уже перевалили через «бугор» и теперь спускались вниз по его противоположному склону, сбрасывая скорость с той же быстротой, с какой наращивали ее после старта; мы должны были прибыть к Тау Кита примерно через шесть месяцев по корабельному времени.

Я, однако, забежал немного вперед в своем рассказе. По корабельному времени прошел уже год, как я начал писать дневник, значит, по земному — пролетело уже двенадцать лет с тех пор, как мы покинули Терру. Но забудем про земное время; оно для нас ровным счетом ничего не значит. Мы прожили в корабле тринадцать месяцев по местному времени, а за этот срок произошло много событий. Пат женился — нет, разумеется, это случилось не на корабле, и я, видно, начал излагать не слишком удачно.

Вероятно, будет правильнее начать с другой свадьбы, когда Чет Трейверс женился на Мей-Линг Джонс. Это событие было встречено всеобщим одобрением, если не считать одного инженера, который сам был влюблен в нее. Свадьба позволила нам — «выродкам»

и электронщикам — окончательно зарыть томагавк войны, поскольку один из них женился на одной из наших, и особенно потому, что сам коммодор Фрик провел невесту под руку по проходу между столиками в столовой, выглядя столь же важным и гордым, как если бы она была его собственной дочкой. Отличная получилась пара; Чет у еще не исполнилось тридцати, а, по моим расчетам, Мей-Линг было по меньшей мере двадцать два.

Однако из-за этого брака нам пришлось внести кое-какие изменения в расписание дежурств, и Руп поставил меня дежурить с Пруденс Мэтьюз.

Пру мне всегда нравилась, хоть особого внимания я ей не уделял. Надо было, по меньшей мере, раза два поглядеть на нее, чтобы понять, что вообще-то она хорошенькая. А еще у нее была такая манера смотреть на вас, которая здорово повышала вашу самооценку. К тому времени, как мы начали нести совместные вахты, я как-то мало общался с девушками; думаю, я был «верен» Моду. Но когда я приступил к своей исповедальной истории для доктора Деверо, выяснилось, что если ты что-то напишешь на бумаге, то вроде этому приходит конец. Я сказал себе: «А почему бы и нет? Том, старина, Моду бесповоротно ушла из твоей жизни, так ушла, будто один из нас помер. Но жизнь продолжается, и продолжается она вот тут — в этом самом космическом корыте».

Я не предпринял никаких чересчур решительных действий; просто извлекал как можно больше удовольствия из общества Пру... А удовольствий был вагон и еще маленькая тележка, не иначе.

Я слышал, что, когда животные попарно покорно заходили на борт Ковчега, Ной тут же разгонял их по половому признаку — одних на левый, других на правый борт. На «Элси» — все по-другому. Чет и Мей-Линг имели возможность познакомиться так близко, что решили сделать свою близость постоянной. Ведь меньше половины команды пришло на борт уже женатыми; для остальных же не было никаких препятствий действовать как заблагорассудится, была бы только охота.

Однако приглядывали за нами, хоть и не навязчиво, но не хуже, чем на Земле. Причем наблюдение вовсе

не выглядело кем-то организованным, хотя, как подумаешь получше, то, вероятно, было именно таким. Если кто-то желал кому-то слишком долго спокойной ночи, после того как в коридоре уже притушили огни, то частенько случалось, что дядюшка Альф почему-то вставал и шаркал куда-то по этому же коридору. А бывало, что Мама О'Тул отправлялась в неурочный час приготовить себе чашечку шоколада, чтобы прогнать бессонницу.

Иногда мог появиться даже капитан. Уверен, что у него глаза были и на затылке. И он ими подмечал все, что происходило на корабле. Впрочем, я уверен, что то же самое можно сказать и о Маме О'Тул. А дядюшка Альф, вероятно, принадлежал к числу тех гипотетических телепатов, которые могут читать мысли у кого угодно; только он был слишком деликатен и слишком умен, чтобы дать кому-нибудь это понять.

А может, это док Деверо так великолепно изучил всю команду с помощью своих перфорированных карточек, что всегда знал, куда, как говорится, может прыгнуть кролик, и тут же посылал своих гончих на перехват. От дока, я считаю, можно было ожидать чего угодно.

Действия всегда были таковы, что их вполне хватало, перебора же не наблюдалось никогда. Никто не возражал против поцелуя-другого, если находились желающие попробовать их на вкус; с другой стороны, у нас не произошло ни единого скандала из тех, что то и дело вспыхивают в любой общине. Уверен, что не было, ведь такие вещи в тесном корабельном пространстве не скроешь. Зато тепленьких поцелуев и не слишком страстных объятий никто, казалось, не замечал.

Разумеется, мы с Пру не занимались ничем таким, что могло бы стать предметом критики со стороны окружающих.

Тем не менее мы все больше и больше времени проводили вместе как на вахте, так и вне ее. Я относился к этому не так чтобы очень серьезно и не помышлял насчет женитьбы; и все же мне было ясно, что наши отношения приобретают определенную значимость. Во взглядах Пру, бросаемых на меня украдкой, проглядывало нечто собственническое, а наши руки, встречающиеся друг с другом при передаче страничек рапортов,

иногда вздрагивали, будто между ними проскакивали искры.

Мне было хорошо, радость жизни переполняла меня, и времени на писание своих мемуаров почти не оставалось. Я даже прибавил в весе четыре фунта и уж больше никак не испытывал тоски по дому.

Мы с Пру приобрели привычку, уходя с вахты вместе, совершать по дороге к каютам набег на буфетную. Мама О'Тул не возражала; она оставляла дверь в буфетную открытой, чтобы каждый, кому захочется перехватить кусочек, мог бы получить его без труда; Мама говорила, что тут наш дом, а вовсе не тюремная камера. Обычно мы с Пру довольствовались сандвичем, но иногда выдумывали и что-то более экзотическое, а потом с удовольствием уплетали за обе щеки это блюдо, прежде чем отправиться спать. О чем мы говорили — не представляет для вас интереса; главное — то теплое чувство, которое согревало нас обоих.

Однажды, когда в полночь мы сдали вахту, каюткомпания оказалась совсем пустой; игроки в покер разошлись рано, даже обычно засиживавшихся допоздна шахматистов и тех не было. Я пошел в буфетную и принялся поджаривать сандвич с дрожжевым сыром. Буфетная у нас довольно тесная, и, когда Пру повернулась, чтобы включить малый гриль, она мимолетно прижалась ко мне.

Я вдохнул запах ее чудесных свежевымытых волос и еще чего-то — не то цветущего клевера, не то фиалок. А потом сжал Пру в объятиях.

Она не сопротивлялась. На мгновение вроде бы окаменела, но это тут же прошло.

Девушки восхитительны. Костей у них нет вообще, и мне думается, что они, по меньшей мере, градусов на пять теплее нас, даже если ртутный термометр и не показывает этой разницы. Я наклонился к ней, она подняла лицо, зажмурила глаза... и все кругом стало таким, что лучше и быть не может.

Может быть, целовались мы всего полсекунды, но я знал, что ей это нравится ничуть не меньше, чем мне, и здесь уж никакого преувеличения нет.

Но вдруг Пру вырвалась из моих объятий, как вырывается из захвата борец, и замерла, прижавшись спи-

ной к прилавку, возле которого мы стояли, — вид у нее был жутко испуганный. Что ж, надо думать, и у меня он был не лучше. На меня она даже не посмотрела; она уставилась в пустоту и, казалось, к чему-то прислушивалась... и тогда я понял — такое выражение у нее бывало всегда во время сеанса связи; только сейчас она выглядела почему-то страшно несчастной.

Я вскрикнул:

— Пру! Что случилось?!

Она не ответила, просто повернулась и пошла. Она успела уже сделать несколько шагов к дверям, когда я бросился к ней и схватил за руку.

— Послушай, чем я тебя обидел?

Она снова вырвалась, а потом, видимо, вспомнила, что я все еще нахожусь тут же.

— Мне очень жаль, Том, — сказала она хрипло. — Моя сестра страшно разозлилась.

С Пейшенс Мэтьюз я не был знаком, а уж в данную минуту меньше всего мечтал о такой чести.

— Ну и что? Господи, в жизни не видал такого идиотизма...

— Ты не нравишься моей сестре, Том, — ответила она твердо, как будто этим было сказано все. — Спокойной ночи.

— Но...

— Спокойной ночи, Том.

За завтраком Пру была мила, как всегда, но когда она передавала мне рогалик, никаких искр между нами не пробежало. И я нисколько не удивился, когда Руп в тот же день произвел перестановки в расписании дежурств; я даже не стал его спрашивать почему. Пру меня не избегала, она, вероятно, даже не отказалась бы и потанцевать со мной, но огонь погас, и ни один из нас не попытался разжечь его снова.

Много времени спустя я поделился с Ваном тем, что произошло между мной и Пру. Нет, сочувствия от него я не дождался.

— Думаешь, ты первый, кому отдавило пальцы дверями? Пру — милая и славная малышка, это тебе говорит дедуля Ван Хоутен. Но если даже сам сэръ Галахад заявит сюда на белом скакуне, ему сначала придется испросить разрешения поговорить с Пру у Пейшенс, а

уж потом обращаться к ней. И то, готов спорить, Пейшенс ответит ему отказом. Пру, конечно, готова на все в своем милом и немножко простоватом стиле, но Пейшенс никогда не разрешит ей ничего более пылкого, чем тарелка горячего — с пылу с жару — горохового супа.

— Это просто стыд! Пойми, для меня это уже ничего не значит, но сестра Пру, если говорить прямо, губит ей жизнь!

— Вообще-то это сугубо личные дела. Сам я сумел достичь компромисса со своим близнецом уже несколько лет назад — мы выбили друг другу по парочке зубов, а потом прекрасно взаимодействовали на чисто деловой основе. А кроме того, откуда тебе, собственно, известно, что у Пру с Пейшенс отношения не складываются сейчас именно таким образом? Может, Пру сама начала это? Первой?

Эта история не отвратила меня от девушек (даже от девушек, имеющих сестренку-двойняшку), однако теперь я предпочитал наслаждаться их компанией только на глазах у всех. А для начала я вообще старался бывать побольше в обществе Дядюшки. Он любил постучать в домино, а потом, когда наши вечерние увеселения кончались, ему нравилось поболтать насчет Конфетки; разумеется, она тоже принимала в наших беседах самое активное участие. Дядюшка время от времени поглядывал на ее большую фотографию, я — тоже, и мы втроем безмятежно пошучивали, причем Дядюшка играл для нас обоих роль «эха». Конфетка была действительно удивительно милым ребенком, а общение с шестилетней девчушкой доставляет массу удовольствия — уж очень завиральные идеи у них бывают в этом возрасте.

Однажды вечером я разговаривал с ними и, как всегда, поглядывал на ее портрет, когда вдруг мне пришло в голову, что время бежит и Конфетка, должно быть, сильно изменилась — они ведь в эти годы растут особенно быстро. Тут же у меня родилась роскошная идея.

— Дядюшка, а почему бы не попросить Конфетку послать свою последнюю фотографию Расти Родсу. А он передаст ее Дасти, который нарисует ее тебе так,

что она будет не хуже вот этой, с той лишь разницей, что та будет посвежее, так что ты узнаешь, как выглядит Конфетка сейчас. Как думаешь, Конфетка? Разве плохая мысль?

«В этом нет необходимости».

В ту минуту я как раз смотрел на фотографию, и у меня чуть крыша не поехала. На мгновение я увидел на фото совсем другое лицо. О, это была та же смешливая девочка, но теперь она казалась старше, у нее не хватало переднего зуба и причесана она была иначе.

И еще она была *живая*. Не просто цветное стерео-фото, а живая. А это, знаете ли, большая разница!

Но стоило мне сморгнуть, как фотография опять оказалась *прежней*.

Я прохрипел:

— Дядюшка, кто это сказал «в этом нет необходимости»? Ты или Конфетка?

— Конечно же, Конфетка. Я только повторил.

— Да, Дядюшка... но я слышал не *тебя*! Я слышал ее. Потом рассказал ему про фотографию.

Он кивнул:

— Да, она выглядит именно так. Только она велит сказать тебе, что зуб уже начал расти.

— Дядюшка... бесполезно отрицать... На какую-то секунду я нахально влез в вашу личную волну!

Случившееся меня просто потрясло.

— Я это знал и раньше. И Конфетка — тоже. Но только ты не «влез», сынок. Друг — всегда желанный гость.

Я все еще пробовал вникнуть в суть происшедшего. Последствия того, что сейчас произошло, были, пожалуй, значительно тех, что возникли, когда обнаружилось, что мы с Патом можем читать мысли друг друга. Только я пока еще не мог осмыслить всей глубины этих последствий.

— Хм... Дядюшка, как ты полагаешь, мы не могли бы повторить это?

«Конфетка, как ты считаешь?»

«Попробовать можно».

Ничего не вышло... если не считать, что мне показалось, будто раз я услышал ее голос одновременно с

голосом Дядюшки, когда она сказала: «Доброй ночи, Томми». Впрочем, полной уверенности у меня не было.

Добравшись до постели, я рассказал Пату о случившемся. Он страшно заинтересовался, когда мне с известным трудом удалось убедить его в том, что такое событие действительно имело место.

«Этим следует заняться, старина. Давай-ка я это зарегистрирую. Док Мейбл, бесспорно, захочет обмозговать такое дело».

«Э-э-э... давай немного подождем, пока я не обговорю его с Дядюшкой Альфом».

«Что ж, ладно. Я полагаю, это его бэби... причем в самых разных смыслах. Кстати, об этой бэби... может, мне следует ее навестить? Если мы на этом конце объединим наши усилия, может, у нас лучше получится? Где живет его племянница?»

«Хм... в Иоханнесбурге».

«М-м-м... Нечего сказать, далековато, но я уверен, ФППИ пошлет меня туда, если доктор Мейбл заинтересуется».

«Вероятно. Но давай, я сначала поговорю с Дядюшкой».

Но Дядюшка сначала решил поговорить об этом с доктором Деверо. Они попросили меня зайти, и док захотел попробовать тут же, не сходя с места. Он, можно сказать, был возбужден, чего я никогда раньше не видел. Я сказал:

— Готов, но, боюсь, ничего не получится. Вчера-то не вышло. Думаю, тот случай был просто необъяснимым феноменом.

— А ты уж лучше скажи, что тебе все приснилось! Если вышло один раз, должно получиться и в другой. Только следует исхитриться и создать соответствующие условия. — Док поглядел на меня. — Не станешь возражать против крошечной дозы гипноза?

— Я? Конечно нет, сэр. Только меня почти невозможно загипнотизировать.

— Вот как? Согласно твоему личному делу, доктору Арно это все же удалось. Давай притворимся, что я — это она.

Я чуть не расхохотался ему в лицо. Скорее уж я похож на Клеопатру, чем док на хорошенькую доктора Арно. Однако ради шутки я согласился попробовать.

— Все, что потребуется от вас обоих, это легкий транс, который позволит отключиться от местных раздражителей и сделает вас более восприимчивыми.

Не знаю, как он должен ощущаться, этот самый «легкий транс». Я его не чувствовал, хоть и не спал.

Зато я опять услышал голос Конфетки.

Полагаю, что интерес доктора Деверо носил чисто научный характер. Любой неизвестный ранее факт, касающийся вопроса, что заставляет людей «тикать», мог вывести доктора из состояния его всегдашней апатии. Дядюшка же Альфред считает, что доктора привела в восторг еще и возможность создать дополнительную линию связи — просто так, на всякий пожарный случай. В том, что сказал Дядюшка, явно прозвучал намек, что ему лично вечная жизнь не суждена.

В словах Дядюшки таился и еще более глубокий смысл. Дядюшка очень деликатно дал мне понять, что если с ним что-то случится, то ему будет радостно знать, что кто-то, кому он верит, станет приглядывать за его бэби. Он не сказал этого напрямик, во всяком случае, не так ясно, поэтому от меня не требовался ответ... И это хорошо — иначе у меня могло бы перехватить горло. Все только подразумевалось — и это был величайший комплимент, полученный мной за всю жизнь. Не уверен, что я его заслуживал, а потому я просто решил вести себя так, чтобы заслужить его в будущем. Если мне когда-нибудь придется занять то место, на которое намекнул Дядюшка.

Теперь я, конечно, мог «разговаривать» и с Дядюшкой Альфом не хуже, чем с Конфеткой. Только я никогда не прибегал к этому, за исключением тех случаев, когда мы все трое собирались вместе; телепатия — это всегда вторжение в личную жизнь, если оно не вызвано необходимостью. Сам я никогда даже не вызывал Конфетку — исключением была пара опытных тестов, проводившихся доктором Деверо, которо-

му загорелось узнать, могу ли я вызвать Конфетку без помощи Дядюшки. Для этого понадобились наркотики — Дядюшка мог проснуться, услышав, что кто-то работает на его «волне». В других случаях я Конфетку не тревожил. Просто не имел права лезть в мозг малышки, если она не была к этому готова и не хотела моей компании.

Все это случилось почти сразу же после того, как Пат женился.

Глава 11

«Пробуксовка»

В течение всего времени, пока мы наращивали скорость, то есть уже после того как доктор Деверо занялся мной, мои отношения с Патом непрерывно улучшались. Я выяснил, что, признавшись самому себе в том, что всю жизнь недолюбливал Пата и даже презирал его, я больше не чувствовал ни того ни другого. Я вылечил его от привычки вызывать меня в любое время, когда ему заблагорассудится, тем, что начал сам вызывать его по пустякам, когда захочу, а он, к своему удивлению, не смог выключать меня с той же легкостью, с какой выключал будильник. В результате мы выработали формулу «живи и давай жить другим» и с тех пор отлично сосуществовали. Вскоре я нашел, что с нетерпением жду времени установленного для «свиданий», и понял, что люблю Пата, но не «опять», а «наконец-то», так как никогда раньше не испытывал к нему таких теплых чувств.

Но постепенно сближаясь с Патом эмоционально, мы одновременно расходились все дальше и дальше в другом — стало сказываться воздействие «пробуксовки». Как вы легко можете понять, анализируя формулы относительности, взаимосвязь их компонентов отнюдь

не линейна — она может быть слабо выражена на начальных стадиях процесса, а затем нарастает черт знает с какой силой по направлению к другому концу шкалы.

Когда мы достигли трех четвертей скорости света, Пат стал жаловаться, что я приобрел дурную привычку растягивать слова, в то время как мне казалось, что он бормочет их с какой-то непонятной быстротой. При девяти же десятых скорости света различия в произношении составили уже один к двум, но мы поняли, где зарыта собака, и теперь я старался говорить как можно быстрее, а Пат умышленно растягивал слова.

При девяноста девяти сотых скорости света разница достигла уже отношения одного к семи, и нам с Патом оставалось только одно — постараться хоть как-то догадываться о смысле передачи. Однако в тот же день контакт между нами прервался окончательно.

Все остальные мыслечитчики переживали такие же трудности. Конечно, телепатическая связь мгновенна, во всяком случае, триллионы миль, лежавшие между нами, не создавали никакого лага, никакой задержки, типа той, которая возникает при телефонных разговорах Земли с Луной; да и сила сигнала ничуть не слабела с расстоянием. Однако мозг — это плоть и кровь, а сам процесс мышления требует какого-то времени, причем у каждого из нас скорость мышления своя, что и вызвало помехи. Я думал так медленно (с точки зрения Пата), что он никак не мог приноровиться, чтобы замедлить работу своего мозга и остаться на связи со мной. Что касается меня, то время от времени я чувствовал, как Пат пытается «докричаться» до меня, но ощущал это всего лишь как треск в телефонной трубке и уловить смысл шумов при всем старании не мог.

Даже Дасти Родсу и тому не удавалось. Его близнец не мог так долго концентрировать свое внимание на картине, ведь Дасти требовались многие часы, чтобы «увидеть» ее.

Все это было для нас, мягко говоря, очень грустно. Слышать голоса — хорошо, но не тогда, когда ты не понимаешь, что тебе говорят, и не можешь от них отключиться. Возможно, некоторые странные случаи, известные психиатрам, в конце концов вовсе не были

сумасшествием. Может быть, несчастные психи просто настраивались не на ту длину волны, на которую надо.

Дядюшка Альф сначала переносил это тяжелее других, и мы с ним как-то просидели весь вечер, пытаясь наладить связь, объединив наши усилия. А потом он вдруг снова обрел свое всегдашнее спокойствие; Конфетка думала о нем, и он это знал; в таком случае в словах не было нужды.

Пру была единственной, кто радовался нарушению связи; наконец-то ей удалось выскользнуть из-под каблука своей сестрички. Наконец-то ее целовали по-настоящему, может быть, в первый раз за всю жизнь. Нет! Целовал ее не я; просто я как-то спустился вниз, чтобы попить из бачка с водой, но тут же быстро и тихо попятился назад, напрочь позабыв о жажде. Не стоит говорить о том, кто это был, поскольку личность не имеет значения; думаю, что Пру сейчас была в таком состоянии, что накинулась бы и на самого капитана, если б смогла его изловить и заставить стоять смирно. Бедная маленькая Пру!

Мы настроились на то, что придется ждать, пока наконец скорость полета не упадет настолько, что мы снова окажемся в нужной для переговоров фазе. С другими кораблями связь все еще поддерживалась, так как они наращивали скорость синхронно с нами; между нами непрерывно велись переговоры по сути вставшей перед нами дилеммы, существования которой раньше никто не мог и предположить. В некоторых отношениях она была не столь уж и важна, ибо сообщать на Землю нам было не о чем до тех пор, пока мы не начнем тормозить и не приступим к исследованию звездных систем, к которым направлялись. Однако в другом смысле важность происходящего была неоспорима: время, пока «Элси» шла на скорости света (минус величина не толще комариного усика), нам казалось очень коротким; зато для тех, кто остался на Земле, оно составит, по меньшей мере, десять «с хвостиком» полновесных гринвичских лет. Как мы потом узнали, доктора Деверо и его «двойников» на других кораблях и в самом ФППИ очень волновал вопрос о том, сколько телепар все еще будут функционировать (если таковые вообще останутся) по прошествии столь большого срока. И причины

для такого беспокойства были. Исследования неопровержимо доказали, что однояйцовые близнецы никогда не образуют телепар, если их разлучают на несколько лет; отчасти, кстати, по этой причине нас старались брать в полет молодыми — взрослая жизнь часто разлучает близнецов.

До сих пор близнецы, участвующие в проекте «Ленсраум», не были по-настоящему разделены. Конечно, между нами лежали расстояния, которых даже вообразить было невозможно, но каждая пара ежедневно выходила на связь и постоянно практиковалась в общении — вахты были обязательны даже тогда, когда посылать было нечего, кроме сведений о мелких событиях нашей повседневной жизни.

Так вот — не нарушат ли гармонию между телепартерами годы отсутствия контакта?

Меня этот вопрос не волновал; я-то ведь ничего не знал об этих дебатах. Однако несколько слов, сказанных мистером О'Тулом, заставили меня предположить, что через пару недель корабельного времени мы приблизимся к той фазе скорости, при которой снова сможем понимать друг друга.

А пока, что ж, пока не будем выходить на вахту, и то хлеб! Я отправился спать, стараясь не обращать внимания на повизгивания и шорохи внутри черепной коробки.

Разбудил меня Пат.

«Том... Отвечай, Том. Ты слышишь меня? Том... Отвечай же...»

«Эй, Пат, я тут!»

Сна как не бывало. Я уже не лежал, а стоял на полу и был так взволнован, что еле мог говорить.

«Том! О Том! Как я рад слышать тебя, дружище! Ведь прошло два года с тех пор, как мне удалось вызвать тебя в последний раз».

«Но...»

Я начал было спорить, а потом передумал. Это для меня прошло меньше недели, но мне следовало бы поглядеть на гринвичский календарь и свериться с вычислительным центром, чтобы иметь представление, как много времени прошло для Пата.

«Не мешай мне говорить, Том, я ведь долго работать не смогу. Я нахожусь в глубоком гипнозе и напичкан наркотиками уже целых шесть недель. Мне понадобились эти шесть недель, чтобы вступить с тобой в контакт. Держать меня дольше в таком состоянии они опасаются».

«Ты хочешь сказать, что и в эту минуту находишься под гипнозом?»

«Конечно. Иначе не смог бы с тобой разговаривать. Дальше... — Его голос на секунду как бы размылся. — Извини. Нас прервали, чтоб сделать мне еще один укол и внутривенное вливание. А теперь слушай внимательно и записывай расписание: ван Хоутен...»

Он диктовал время по Гринвичу с точностью до секунды для каждого из нас и исчез, когда я читал ему для проверки... Я поймал только «до свидания» уже почти на пределе слышимости, а затем наступило полное молчание.

Я натянул штаны, прежде чем броситься будить капитана, надеть ботинки терпения уже не хватило. Затем проснулись все, и было включено дневное освещение, хотя официально еще стояла ночь, и Мама О'Тул варила кофе, и все говорили одновременно, громко и весело. В вычислительном центре толпились релятивисты и Джанет Меерс рассчитывала корабельное время для встречи Берни ван Хоутена со своим близнецом, так как именно Ван возглавлял список, времени на включение компьютера уже не оставалось.

Вану с братом связаться не удалось, все сидели как на иголках, а Джанет Меерс рыдала, так как кто-то сказал, что она сделала ошибку, вычисляя корабельное время без помощи компьютера. Однако Бэбкок лично проверил ее решение на ЭВМ вплоть до девятого десятичного знака. Ледяным тоном он объявил, что был бы признателен всем, кто перестанет критиковать его подчиненных; такая привилегия принадлежит только ему.

Глория вышла на связь со своей сестричкой почти сразу же после этого, и все сразу почувствовали себя куда лучше. Капитан послал докладную на флагманский корабль через мисс Гамму и получил ответ, что еще два корабля — «Наутилус» и «Христофор Колумб» восстановили контакт с Землей.

Невыходы на вахту или опоздания из-за того, что кто-то по дороге в рубку решил заскочить в буфет и перехватить там что-нибудь вкусненькое, теперь прекратились. Если пересчет времени, сделанный компьютером, утверждал, что ваш двойняшка будет готов к передаче в три часа семнадцать минут ноль шесть секунд и выйдет на связь лишь на одну минуту по корабельному времени, вы без всяких разговоров ждали его уже с трех часов со включенным магнитофоном и прижатым к губам микрофоном. Для нас — корабельных — это было просто, но каждый понимал, что его телепартнеру пришлось подвергнуться гипнозу и мощной дозе опасных наркотиков, чтоб хоть ненадолго встретиться с нами; кстати, доктору Деверо такая практика была совсем не по душе.

Так что ясно: в таких условиях времени для праздной болтовни не было — ведь ваш близнец, вернее всего, сокращал свою жизнь минимум на час за каждое сказанное слово. Ты записывал все, что он говорит без повторов и задержек; затем транслировал то, что записывал к передаче капитан. И если оставалось несколько свободных секунд, и то ладно. Обычно не оставалось... именно поэтому я мало чего понял насчет женитьбы Пата.

Понимаете, те две недели нашего времени, которые потребовались для перехода от максимальной скорости к торможению, составили на Земле около десяти лет. Соотношение было один к двумстам пятидесяти в среднем, но ведь «в среднем» это же не все время, и где-то посерединке этих двух недель максимум «пробуксовки» был куда больше. Я спросил мистера О'Тула, каков был максимум «пробуксовки», а он в ответ только покачал головой. Не было возможности замерить его, сказал он мне, и вероятные ошибки измерений были больше тех бесконечно малых величин, с которыми ему пришлось иметь дело.

— Скажем так, — закончил он разговор, — я рад, что на этом корабле нет больных сенной лихорадкой, так как один-единственный чих мог бы отбросить нас за границу скорости света.

Он, конечно, шутил, так как, по словам Джанет Меерс, когда наша скорость подходила к скорости света, масса корабля приближалась к бесконечности.

И мы опять на целый день выпали из контакта.

В конце одной из «пиковых» вахт (а они никогда не продолжались сейчас больше пары минут по корабельному времени) Пат сказал мне, что они с Моды собираются пожениться. И тут же исчез, прежде чем я успел поздравить его. Я начал было говорить, что Моды слишком молода и что ему не следовало бы торопить ее, но из этого ничего не вышло. Контакт прервался.

Не могу сказать, чтобы я ревновал. Когда я как следует покопался в себе, то решил, что нисколько не ревную, ибо обнаружилось, что никак не могу вспомнить, как выглядит Моды. О, я, конечно, помнил, что она блондинка, что у нее маленький вздернутый носик, постоянно обзаводившийся в летнее время щедрой порцией веснушек. Но восстановить в памяти ее лицо я никак не мог. Лица Пру или Джанет — пожалуйста, а ее — не мог. В общем, мои ощущения сводились преимущественно к тому, что я вроде бы оказался не в своей тарелке.

Припомнив, что надо бы свериться с гринвичским временем, я попросил Джанет рассчитать его в соответствии с точным корабельным временем моей последней вахты. И только тогда понял, что с моей стороны ужасно глупо заниматься критикой действий Пата — ведь ему оказалось уже двадцать три года, а Моды — двадцать один, почти двадцать два.

Во время следующей вахты мне удалось вставить слово «поздравляю», но на этот раз не успел ответить Пат. Он это сделал только в следующей передаче: *«Спасибо за поздравление. Мы назвали ее в честь ма, но я думаю, она будет похожа на Моды».*

Тут уж я совсем запутался. Пришлось снова обратиться за помощью к Джанет, и выяснил, что все правильно. Я хочу сказать, что если супружеская пара живет вместе уже два года, то появление малышки вряд ли может рассматриваться как сногсшибательный сюрприз, а? Разве что для меня.

Словом, мне за эти две недели пришлось изрядно попотеть, приспособляясь к новым условиям. Вначале

мы с Патом были почти одного возраста, если исключить весьма незначительную «пробуксовку». В конце же этого периода (я называю концом тот момент, когда больше уже не надо было прибегать к крайним мерам для обеспечения телепатической связи) мой близнец стал старше меня на одиннадцать лет, и у него оказалась дочка семи лет от роду.

Я перестал думать о Модии, как о девочке, и уж совсем забыл, что когда-то был в нее влюблен. Решил, что, должно быть, она растолстела, сделалась неряшливой и все больше и больше опроцается — она ведь никогда не могла сопротивляться искушению съесть лишний шоколадный эклер. Честно говоря, мы с Патом тоже расходились все дальше и дальше, так что сейчас между нами было уже очень мало общего. Мелочи корабельной жизни ему явно казались скучными, а я со своей стороны не мог заставить себя интересоваться его гибкими конструкциями и суммами уплаченных штрафов. Мы все еще удовлетворительно держали телепатическую связь, но делали это подобно двум почти посторонним людям, ведущим телефонный разговор. Меня это огорчало, так как я дорос до любви к Пату совсем незадолго до того, как он стал уходить от меня.

А вот чего мне ужасно хотелось, так это повидать свою племянницу. Знакомство с Конфеткой убедило меня, что маленькие девочки куда забавнее щенят и даже прелестней, чем котята. Я припомнил свою идею насчет Конфетки и пошел на поклон к Дасти.

Он согласился. Дасти не может пропустить шанса показать всем, как прекрасно он рисует. Да и вообще он помягчел — насколько это слово применимо к его натуре; теперь он уже не скалит зубы, когда вы хотите его приласкать, хотя, возможно, понадобятся годы, чтобы он научился «вилять хвостиком».

Дасти нарисовал чудесную картинку. Все, чего не хватало Бэби Молли, чтобы выглядеть чистым херувимчиком, так это пары маленьких крылышек. Я видел в ней некоторое сходство с собой... то есть, вернее, с ее отцом.

— Дасти, какой прелестный рисунок! Он похож? Дасти прямо оцетинился.

— Откуда мне знать! Но если микронные различия или ничтожные отклонения в тонах, которые можно обнаружить с помощью спектрографа, от той фотки, которую твой братец прислал моему, имеются, я готов сжевать ее на месте! Однако не могу поручиться за способы, к которым могут прибегнуть тщеславные родители, чтоб приукрасить свое сокровище!

— Извини, извини. Отличная картинка! Хотел бы я хоть чем-нибудь отплатить тебе.

— Ладно, не стоит из-за этого страдать по ночам от бессонницы; чего-нибудь соображу. Мои услуги, знаешь ли, дорогого стоят.

Я снял со стенки изображение Люсиль Лавонн, а на его место повесил Молли. Портрет Люсиль я все же не выкинул.

Примерно пару месяцев спустя доктор Деверо нашел совершенно новые возможности использовать мою способность «переключаться» на длину волны дядюшки Альфа и Конфетки, чем те, которые были очевидны для меня. Я продолжал разговаривать с ними обоими, хотя и не так часто, как в начале. Конфетка теперь стала молодой леди, почти восемнадцатилетней, училась в нормальной школе Вичватерсранда* и уже начала сама давать пробные уроки. Никто, кроме Дядюшки и меня, не звал ее «Конфеткой», да и мысль, что я когда-нибудь смогу заменить дядюшку Альфа, была давно забыта — при таких огромных расхождениях в течении времени скорее уж она будет воспитывать меня.

Но доктор Деверо не забыл этого дела. Однако о своих переговорах с ФППИ по этому поводу он меня не информировал. По-видимому, и Пату велили держать все при себе до тех пор, пока они не будут готовы окончательно. Так что впервые я узнал обо всем, когда однажды велел Пату выйти на связь и подготовиться к записи каких-то рутинных материалов (к этому времени мы уже опять выстаивали обычные вахты).

«Не валяй дурака, старина, — отозвался Пат, — и отдай всю эту муть какой-нибудь другой жертве. Мы же с тобой займемся кое-чем новеньким».

«Что такое?»

* Возвышенность и городок в ЮАР.

«Распоряжение ФППИ да еще по заказу самого высокого начальства. Молли подписала свой временный исследовательский контракт так же, как это сделали мы с тобой когда-то».

«Как? Но она же не двойняшка!»

«Дай-ка я попробую ее сосчитать. Нет, вроде она сейчас тут одна, хотя иногда, сдается мне, она превращается в целое стадо диких слонов. Впрочем, она здесь сама и очень хочет сказать "Привет" своему дяде Тому».

«Отлично. Привет, Молли».

«Привет, дядя Том».

Ну, тут я чуть из собственной кожи не выскочил. Все произошло совершенно неожиданно, Хоть бы какой-нибудь шорох, что ли...

«Эй, кто это был? А ну, скажи еще раз».

«Привет, дядя Том, — она довольно хихикнула, — а у меня новый обруч для волос».

Я с трудом сглотнул.

«Ручаюсь, ты в нем выглядишь роскошно, милочка. Хотелось бы взглянуть не тебя. Пат! Когда это случилось?»

«Да, знаешь, почти незаметно в течение последних десяти недель. Хотя потребовалось провести несколько встреч с доктором Мейбл, чтоб все заработало как надо. Между прочим, потребовались и еще более тяжелые переговоры с... хм... с бывшей мисс Каурик, прежде чем удалось уговорить ее разрешить нам с Молли попытать счастье».

«Он говорит о мамочке, — сказала Молли конспиративным шепотом, — ей это жутко не нравится. А мне нравится, дядя Том. Думаю, это очень даже клево».

«У меня теперь из-за них ни минуты покоя, — пожаловался Пат. — Слушай, Том. Это ведь просто проверочный сеанс, поэтому я отключаюсь. Мне надлежит доставить этот маленький кошмар к ее драгоценной мамочке».

«Она собирается уложить меня спать после обеда, — пожаловалась Молли. — А я уже слишком взрослая для этого. До свидания, дядя Том, я тебя люблю».

«И я тебя люблю, Молли».

Я обернулся, гляжу: вот они стоят — док Деверо и капитан, — и уши у них только что не хлопают от любопытства.

— Как получилось? — потребовал информации док Деверо, весьма взволнованным (во всяком случае для него) тоном.

Я сделал мощное усилие и постарался сохранить невозмутимое выражение лица.

— Удовлетворительно. Нормальный контакт.

— А бэби? Тоже хорошо?

— Конечно, сэр. А разве вы ожидали другого?

Он испустил продолжительный вздох.

— Сынок, кабы мы в тебе не нуждались, я б тебе вышиб мозги старым телефонным справочником.

Думаю, Молли и я были не первой «вторичной» телепарой во всей эскадре. Но не последней. ФППИ, действуя на основе гипотезы, выработанной с учетом случая дядюшки Альфа и Конфетки, предположил, что можно формировать новые телепары в тех случаях, если новый ее член очень юн годами и связан родственными узами со взрослым членом старой телепары. В некоторых случаях это срабатывало. В других — даже и пытаться не стали, так как там не оказалось детей нужного возраста.

У Пата и Моды, как раз перед тем, как мы достигли Тау Кита, родилась еще одна девочка. Моды наотрез отказалась дать разрешение проводить опыты с Линеттой; она сказала, что два выродка для ее семьи — более чем достаточно.

Глава 12

Тау Кита

К тому времени, когда до Тау Кита нам оставалось всего несколько световых часов пути, мы уже знали, что нам опять выпал выигрышный номер; используя обычное стерео и стерео с эффектом Допплера, Гарри Гейтс сфотографировал там около дюжины планет. Гарри был не только главным планетологом, но и вообще возглавлял Исследовательский отдел. Я так считаю, что его ученых званий хватило бы на изготовление недурного ожерелья, но я звал его просто «Гарри», потому что так делали все. Он не принадлежал к числу тех, кого обязательно именуют «доктор». Был он жутко энергичен и казался намного моложе своих лет.

Гарри вся Вселенная представлялась хитроумной игрушкой, которую ему подарили для забавы; и он порывался разобрать ее на части, чтобы понять, как же она работает. От этой игрушки он пребывал в постоянном восхищении и готов был обсуждать ее с кем угодно и в любое время дня и ночи. Я подружился с ним, когда занимался мытьем пробирок, так как Гарри вовсе не смотрел на лаборантов, как на роботов; он обращался с ними, как с людьми, и ему было вовсе неважно, что он

знает куда больше, чем они — он даже думал, что может у них кое-чему научиться.

Как он нашел время, чтобы жениться на Барбаре Куипер, я не знаю, но Барбара была вахтенным инженером-ракетчиком, так что, вернее всего, у них началась дискуссия по поводу физики, которая как-то переключилась на физиологию и социологию; Гарри ведь интересовался всем на свете. А вот найти свободную минутку в ту ночь, когда родился их первый ребенок, ему не удалось, так как именно в эти часы Гарри фотографировал планету, названную им Констанцией в честь своей новорожденной дочки. Многие возражали против этого, так как хотели назвать планету по-своему, но капитан решил, что тут следует применить старое правило: открыватели астрономических объектов имеют право присваивать им названия по собственному выбору.

То, что Констанция была открыта, отнюдь нельзя считать случайностью. (Я имею в виду планету, а не бэби; бэби и не думала теряться.) Гарри нужна была планета, расположенная примерно в пятидесяти-пятидесяти одном миллионе миль от Тау; вернее сказать, ФППИ желал, чтобы планета находилась от этой звезды именно на таком расстоянии. Видите ли, в то время как по спектральным параметрам Тау — близкая родственница нашего Солнца, она меньше его по размерам и дает примерно три десятых тепловой радиации Солнца, так что, согласно старинному закону об обратной кратности квадратам расстояний, который с успехом используется при планировании освещения в вашей гостиной или при фотосъемке со вспышкой, планета, расположенная в пятидесяти миллионах миль от Тау, должна была получать столько же тепла и света, что и планета, лежащая в девяноста трех миллионах миль от Солнца, а именно такое положение, как известно, занимает наша Земля. Нам ведь нужна была вовсе не любая планета, иначе нам следовало оставаться в пределах Солнечной системы: нам нужно было, так сказать, факсимильное издание Земли — другие не годились бы для колонизации.

Если вы подниметесь на крышу своего дома в ясную ночь, вы увидите столько звезд, что, возможно, реши-

те, будто таких планет, как Земля, там столько же, как блох на собаке. Что ж! В каком-то смысле это верно; по расчетам Гарри, их от ста тысяч до ста миллионов в одном только Млечном Пути. И вам надо умножить эти цифры на сколько хотите, чтобы получить результат для всей Вселенной.

Беда в том, что они расположены не слишком удобно для нас. Тау Кита лежит всего лишь в одиннадцати световых годах от Земли, большинство же других звезд нашей Галактики удалены от Земли в среднем более чем на пятьдесят тысяч световых лет. Даже Фонд Перспективных Исследований не мог позволить себе мыслить в таких категориях; если звезда не находилась ближе ста световых лет или около того от Земли, то было глупо думать о возможности ее колонизации даже с помощью ракетных космических кораблей. Разумеется, ракетный корабль мог отправиться так далеко, как требовалось, мог даже пересечь всю Галактику, но кому нужны доклады о состоянии своей не-движимости, если они появятся после того, как на Земле наступит и минует парочка ледниковых периодов? Проблема перенаселенности будет решена тем или иным путем задолго до этого... причем, возможно, так, как решали свои проблемы знаменитые килкенийские коты*.

Однако в пределах ста световых лет от Земли имелось немногим больше тысячи пятисот звезд. И только сто шестьдесят из них обладали спектральными характеристиками, сходными с нашим Солнцем. Проект «Лобенсраум» был рассчитан на изучение не более половины последних. Скажем, семидесяти пяти, а теперь даже меньше, так как мы уже потеряли «Васко да Гаму».

Если в процессе поиска будет обнаружена хотя бы одна планета действительно земного типа, уже это окупит все затраты по Проекту. Однако уверенности, что так случится, не было. Звезда солнечного типа могла не иметь планеты, сходной с Землей; планета могла оказаться слишком близко к «огню» или, наоборот, слишком далеко от него, иметь слишком малые

* Легендарные коты, которые будто бы дрались до тех пор, пока от них не оставались одни хвосты и клочки шерсти.

размеры, чтоб удержать атмосферу, или иметь слишком мало H_2O , которая, как известно, входит в состав всего, что мы потребляем.

Или, наконец, планета может быть заселена такими грубиянами, у которых есть свои соображения насчет отношений между ними и открывателями.

У «Васко да Гамы» была наилучшая перспектива первым выйти на планету земного типа, поскольку звезда, к которой он летел, альфа Центавра-А — единственная звезда в этой части Вселенной, которая действительно является близнецом Солнца (компаньон «А» — альфа Центавра-Б — совсем другая, это спектральный тип К)*. Мы по расчету шансов занимали второе место, так как хотя Тау Кита даже менее близка к солнечным характеристикам, чем альфа Центавра-Б, но зато ближайшая звезда типа «G» находится всего лишь в тринадцати световых годах от Земли, что давало нам, по меньшей мере, двухгодичное преимущество над «Магелланом» и почти четырехгодичное над «Наутилусом».

Конечно, все это в том случае, если мы найдем хоть что-нибудь подходящее. Представьте же, как мы обрадовались, когда обнаружили, что у Тау Кита есть шансы стать золотой россыпью.

Гарри тоже находился в приподнятом настроении, но совсем по другой причине. Я забрел в обсерваторию в надежде поглазеть на небо: один из недостатков «Элси» состоит в том, что выглянуть наружу практически невозможно. Заметив мое появление, Гарри схватил меня за руку и воскликнул:

— Нет, ты погляди-ка на это, приятель!

Я поглядел. «Это» — был листок бумаги, исписанный множеством цифр; вполне возможно — график севооборотов Мама О'Тул.

— Ну и что это такое?

* Речь идет о спектральных классах звезд, различающихся по интенсивности линий в их спектрах в зависимости от физических условий (температуры, давления и т.п.). Выделяются классы О и В (голубые звезды), А и F (белые), G (желтые), К (оранжевые) и М (красные).

— Ты что, читать разучился? Это правило Боден*, вот что это такое!

Мне пришлось призадуматься. Дай-ка вспомнить... нет, это закон Ома... Наконец я вспомнил. Правило Боден — просто геометрическая прогрессия, описывающая расстояния планет Солнечной системы от Солнца. Никому еще не удалось объяснить причину такого их расположения, и не во всех случаях эта прогрессия была верна, хотя, как помнится, Нептун, а может быть, Плутон был открыт именно благодаря расчетам, опиравшимся на эту прогрессию; похоже, все-таки это было всего лишь случайное совпадение.

— Ну и что? — спросил я.

— «Ну и что?!» — говорит этот человек! Господи Боже! Это же самое великое открытие с тех пор, как Ньютона стукнуло яблоком по башке!

— Возможно, Гарри, но я сегодня особо туповат. Я думал, что правило Боден просто случайность... так почему бы этой случайности не обнаружиться и тут?

— Случайность! Слушай, Том, если ты выкинешь семерку восемьсот раз подряд, это будет означать, что кто-то смухлевал с костяшками!

— Но это-то всего во второй раз!

— Это совсем не одно и то же. Дай мне листок бумаги побольше, и я напишу тебе уйму нулей, которые нужны для того, чтобы выразить, насколько мала вероятность такого «случайного совпадения». — Гарри погружился в раздумье. — Томми, старый дружище, похоже, это и есть тот ключ, которым удастся открыть загадку сотворения планетных систем. За это нас похоронят где-нибудь совсем рядышком с самим Галилеем. М-м-м... Том, к сожалению, нам не придется долго болтаться в этих местах; нам, видишь ли, просто необходимо поскорее убраться отсюда и поглядеть на систему бета Гидры, чтобы убедиться, что и там то же самое — нужно же нам получить доказательства для

* Боден Иоганн Элерт (1747—1826) — немецкий астроном, иностранный член-корреспондент Петербургской Академии наук. Один из авторов эмпирического правила Тициуса-Боден, согласно которому можно сделать приближенное определение расстояний планет от Солнца.

этих дремучих старперов на Земле... А это их убедит! Должно убедить! Надо сказать капитану, что нам предстоит изменить свои планы.

Он сунул листок в карман и опрометью выбежал из обсерватории. Я огляделся, но антирадиационные шторы плотно закрывали все обсерваторные иллюминаторы. Так что выглянуть наружу мне так и не удалось.

Естественно, капитан никаких планов менять не стал; мы ведь пустились в полет в поисках почвы, пригодной для обработки, а не для того, чтобы раскрывать нераскрываемое. Поэтому через несколько недель мы уже крутились на орбите вокруг Констанции. Впервые за время полета мы перешли на режим свободного падения, ибо даже в период перехода от режима акселерации к торможению мы избежали свободного падения, воспользовавшись вместо этого пространственной кривой; главные инженеры не любят прекращать работу ракетных двигателей, разве что им будет нужно время, чтобы произвести капитальный ремонт перед новым запуском; так было в случае с «Петром Великим», который отключил свои ракеты, не смог их включить и упал на Солнце.

Не люблю я невесомости; впрочем, она ничего, если вы не будете слишком перегружать желудок.

Гарри не выглядел чересчур огорченным. У него теперь была целая планета, с которой можно было забавляться, поэтому он отложил в стол правило Бодэ и занялся делом. Мы оставались на орбите, высотой около тысячи миль, до тех пор, пока не собрали все данные о Конни, которые могли быть получены дистанционным наблюдением, то есть путем визуального изучения поверхности, изучением радиационной обстановки и поглощающей спектральной особенности ее атмосферы. У планеты было две луны, одна из них весьма приличной величины, хотя и меньше нашей, так что нам удалось рассчитать силу тяжести на поверхности Конни с большой степенью точности.

С этой высоты Конни выглядела, безусловно, подходящей для обживания. Коммодор Фрик приказал своим мальчикам и девочкам установить в столовой релейный экран, позволявший принимать цветные и увеличенные стереоизображения, так что мы все могли насладиться

этим зрелищем. Фотографии Конни выглядели точно так же, как фотографии Земли, сделанные с космических станций, — зеленая, голубая, коричневая планета, наполовину скрытая облаками, с ледяным покровом на полюсах, словно две белые шапки. Давление атмосферы было меньше, чем у нас, зато содержание кислорода в ней — выше; она была вполне пригодна для дыхания. Спектр поглощения показывал несколько большее содержание двуокиси углерода, примерно такое же высокое, как в те времена, когда на Земле образовывались залежи каменного угля.

Планета оказалась меньше Земли, но площадь ее суши — больше, так как океаны не отличались крупными размерами. В каждой передаче на Землю сообщались хорошие новости, и мне удалось временно слегка потеснить в мозгу Пата мысли о доходах и расходах... Пат ведь создал инкорпорированную компанию «Братья Барлетт» и, видимо, считал, что я дико интересуюсь проблемами бухгалтерии хотя бы потому, что мое, накопленное в ФППИ жалование вошло в состав уставного капитала. Черт! Я и до денег-то не дотрагивался так давно, что начисто позабыл, что они еще в ходу у других людей.

Естественно, главные наши усилия были направлены на выяснение вопроса, не владеет ли кто-нибудь этой планетой... нет ли на ней разумных существ, способных пользоваться орудиями, возводить постройки и социально организованных. Если бы таковые нашлись, нам было приказано смыться оттуда без посадки, изыскать на какой-нибудь другой планете той же системы необходимое нам топливо, а уж экспедицию с целью установления дружественного контакта пусть отправляют другие... и потом: ФППИ не желал повторять ужасную ошибку, допущенную в свое время на Марсе.

Однако электромагнитный анализ ничего не обнаружил во всем диапазоне от гамма-излучения до самых длинных радиоволн. Если там внизу и были люди, они не пользовались радио, у них не было городского освещения и они не располагали атомной энергией. Не было у них ни летательных аппаратов, ни дорог, ни морского транспорта, не было и чего-то похожего на города. Поэтому мы спустились до уровня верхней границы

атмосферы и стали кружить от полюса к полюсу, как бы разрезая планету на апельсиновые дольки, что позволило нам исследовать всю ее поверхность, так как каждый виток корабля охватывал новый сектор.

Затем мы исследовали ее визуально, фотографируя и ощупывая поверхность радарными. Уверен, что мы не пропустили ничего крупнее, чем, скажем, бобровая плотина. Ни городов, ни строений, ни дорог, ни мостов, ни кораблей — словом, было ясно, что хозяев тут нет. Ах, животные? Этого добра — сколько угодно! На равнинах бродили стада, а время от времени на глаза попадались и какие-то более мелкие зверюги. В общем — рай для скотоводов!

Капитан послал сообщение: «Готовлюсь к посадке».

Я тут же помчался записываться в десантную группу. Сначала бросился к дяде — к майору Лукасу — с просьбой включить меня в число «стражей». А он велел мне отправляться обратно и поиграть в оловянных солдатиков.

— Если ты думаешь, что мне нужен необученный рекрут, то ты еще глупее того психа, за которого ты, очевидно, меня принимаешь. Коли тебе хочется побывать в солдатской шкуре, то надо было подумать об этом сразу же, как только мы рванули с Земли.

— Но у тебя же в охране есть люди из всех отделов!

— Верно, но каждый из них — отлично натренированный солдат. Нет, серьезно, Том, я не могу включить тебя. Мне нужны люди, способные защитить меня, а не зеленые новички, которых должен буду защищать я сам. Так что извини.

Тогда я разыскал Гарри Гейтса и упросил его позволить мне присоединиться к той партии ученых, которую будет прикрывать охрана. Гарри сказал:

— Конечно, почему бы нет. Грязной работы, которой мои примадонны не желают пачкать свои ручки, сколько угодно. Можешь начать с проверки списка снаряжения.

Я проверял, а Гарри записывал. Наконец он произнес:

— Слушай, а как тебе нравится ощущать себя маленьким зеленым человечком с летающей тарелки?

— Чего, чего?

— Ну быть энэлошником... Мы же энэлошники, это-то ты понимаешь?

Я наконец понял. НЛО, или «неопознанные летающие объекты». Отчеты о массовой истерии, связанные с НЛО, имеются во всех трудах по истории космических полетов.

— Я полагаю, что мы сами и есть что-то вроде НЛО.

— Именно ими мы и являемся. НЛО были разведывательными кораблями, мы — тоже. Они обследовали Землю, им не понравилось увиденное, и они улетели. Если б они не обнаружили, что Земля кишит враждебно настроенными туземцами, они бы, конечно, приземлились и начали бы хозяйничать у нас точно так же, как это собираемся сделать сейчас мы.

— Гарри, неужели ты *действительно* веришь, что НЛО нечто большее, нежели игра расстроенного воображения или ошибки наблюдателей? Я думал, что это гипотеза себя давно изжила.

— А ты пройдишь-ка еще разок по доказательствам, Том. В нашем небе незадолго до того, как мы сами приступили к космическим прыжкам, происходило нечто. Безусловно, большая часть сообщений была враньем. А некоторые — нет. Невольно приходится верить фактам, когда они появляются у тебя перед глазами, иначе вся Вселенная предстанет перед тобой в искаженном виде. Ты же наверняка не считаешь, что только люди способны на строительство космических кораблей?

— Ну... вероятно, нет. Но если еще кто-то их строил, то почему они не прилетели к нам давным-давно?

— Простая арифметика, дружок; Вселенная огромна, а мы находимся на ее задворках. Впрочем, может, они и прилетали. Это, конечно, только мое предположение. Они обследовали Землю, и она оказалась не такой, какая им нужна. Может быть, им не понравились мы, может, наш климат. Поэтому НЛО улетели. — Он задумался. — А может, они и садились-то только затем, чтобы запастись топливом.

Вот и все, что я извлек из моего пребывания в рядах научного отряда; когда Гарри внес мое имя в список, капитан его тут же вычеркнул.

— Ни один связист специального назначения не покинет борт корабля.

Этим было сказано все. У капитана железная воля. Ван получил разрешение присоединиться, так как его брат погиб в результате несчастного случая, пока мы шли на пиковой скорости, так что я вызвал Пата, рассказал ему о Ване и предложил немедленно отдать концы. Пат эту шутку почему-то не оценил.

«Элси» опустилась в океан на подходящей глубине, а затем с помощью вспомогательных ракет ее подогнали поближе к берегу. Она плавала, высоко высовываясь из воды, поскольку две трети ее баков были пусты: топливо сожжено, вода полностью дезинтегрирована сначала в процессе достижения околосветовой скорости, потом в процессе торможения. Инженеры тут же принялись за ремонт ракетной системы, еще до того как мы добрались до якорной стоянки. Насколько мне известно, ни один из них не вызвался добровольцем в десантный отряд; думаю, что для большинства инженеров высадка на Констанции — просто шанс пополнить запасы ракетного топлива и заняться починками и ремонтом, который был им не под силу во время полета. Их совершенно не интересовало, где они находились или будут находиться, лишь бы ракетная система работала, а вся механическая часть тикала, как часы. Доктор Деверо рассказывал мне, что главный металлург шесть раз летал к Плутону, но ни единого раза не ступал на почву другой планеты, кроме Земли.

— А это нормально? — спросил я, думая о том, сколько доку Деверо пришлось возиться со всякими психами, включая и меня самого.

— Для данной породы кошек — это свидетельство полного умственного здоровья. Любую же другую породу я бы уже давно запер на замок и кормил бы через замочную скважину.

Сэм Рохас обиделся на дискриминацию телепатов еще сильнее, чем я: ему не терпелось ступить на землю

незнакомой планеты подобно Бальбоа, Колумбу и Ланде*. Он пришел ко мне обсудить это дело.

— Том, ты собираешься такое терпеть?

— Что ж, не скажу, чтоб мне все очень нравилось, но что здесь можно *поделать*?

— Я тут перекинулся кое с кем парой слов. Все просто. Мы не потерпим.

— Не потерпим чего?

— М-м... просто не потерпим. Том, с тех пор как началось торможение, я стал ощущать, что мои телепатические способности слабеют. По-видимому, то же самое происходит и с остальными, во всяком случае с теми, с кем я разговаривал. А как у тебя в этом смысле?

— Ну... я не...

— А ты подумай получше, — оборвал он меня. — Наверняка ты тоже заметил. А то как же! Я даже сомневаюсь, чтобы мне удалось в данный момент связаться со своим близнецом. Похоже, это имеет отношение к тем местам, где мы сейчас находимся... Может, что-то странное в радиации Тау Кита или еще что... А может, это излучение самой Констанции. Кто знает? И уж если говорить откровенно, то кто сумеет нас проконтролировать?

Тут до меня стало доходить. Я ничего не ответил, хотя идея была уж такая соблазнительная.

— Если мы не сможем больше работать связистами, — продолжал Сэм, — нас придется перевести на какие-то другие работы... к примеру, в десантную группу. А когда мы снова окажемся вне пределов действия этой таинственной силы, то вполне возможно, что опять обретем способность посылать доклады на Землю. Не исключена возможность, что кое-кто из девочек, которым вовсе нечего делать у десантников, сумеет и сейчас поддерживать контакт с Землей и отправлять туда текущие сообщения... особенно если нас — выроdkов — перестанут дискриминировать.

— Прекрасная идея, — согласился я.

* Вероятно, имеется в виду Диего де Ланда (1524—1579), бывший епископом Юкатана, чьи труды — главный источник сведений о жизни индейцев майя.

— Пошевели-ка над ней мозгами, и ты обнаружишь, что и твой телепатический талант непрерывно ослабевает. Что же касается меня, то я уже почти что оглох. — И Сэм ушел.

Некоторое время я играл с этой идейкой. Я знал, что капитан сразу распознает стачку, как только увидит ее... но что он сможет с нами *сделать*? Обозвать всех лжецами и подвесить за большие пальцы, пока мы сами не сдадимся? Но как он сможет с уверенностью определить, на самом ли деле мы «скисли» как мыслечитчики? Ответ: в этом у него *уверенности* быть не может; никто, кроме самих мыслечитчиков, не знает, как они это делают. Когда наши контакты вдруг обрываются в самом разгаре передачи, капитан не начинает в нас сомневаться, он просто принимает обрыв как данность. Ему и сейчас пришлось бы отнестись к этому точно так же, а что он при этом будет думать, не имеет ни малейшего значения.

Ибо он нуждается в нас, ибо мы — незаменимы.

Па когда-то работал арбитром в местном отделении своей гильдии. Я хорошо помню, как он однажды сказал, что стачку следует объявлять лишь тогда, когда нужда в рабочих так велика, что стачка выигрывается чуть ли не до ее объявления. Так что капитан был в ловушке; это уж точно. Мы были ему *необходимы*. Ни единого штрейкбрехера ближе одиннадцати световых лет не было. Нет, он не посмеет разговаривать с нами с позиции силы.

Не исключено, однако, что стачку может сорвать кто-нибудь из наших же. Посмотрим. Ван ничего не значит, Кас Уорнер — тоже, они потеряли своих телепартнеров, их братья погибли. Сестра Пру, Пейшенс, была жива, но эта телепара так и не восстановилась после «пика» скорости — сестра Пру отказалась принимать опасные для здоровья наркотики и от гипноза отказалась тоже, поэтому им так и не удалось наладить нарушенный контакт. Мисс Гамму можно не считать, потому что корабли, на которых были ее сестры, все еще набирали скорость, и мы, следовательно, не имеем возможности связаться через эти корабли с Землей, пока какой-нибудь из них не начнет тормозить. Не считая меня и Сэма... кто ж остается? И можно ли на

них положиться? И так — Руп, Глория, Анна, Дасти... и, конечно, Дядюшка... И Мей-Линг.

Да, все они надежны. То, что корабельная прочая публика заставила нас ощутить себя «выродками», когда мы впервые попали на корабль, сплотило нас. Даже если кто-то и сочтет предложенные действия неправильными, он все равно не пойдет против друзей. Даже Мей-Линг, хоть она и вышла замуж за аутсайдера. Так что дело это, пожалуй, может выгореть. Если Сэм сумеет со всеми договориться.

Видно, я жутко хотел попасть на Конни... и хотя предложенная идея дурно пахла, я все равно рвался туда.

И все же... было в этой истории что-то неприятное, заставлявшее почувствовать себя мальчишкой, который на свои развлечения собирается истратить деньги, собранные его воскресной школой.

Для того чтобы выяснить настроение всех, у Сэма оставалось время до полудня завтрашнего дня, так как сейчас мы держали только одну вахту в сутки. В непрерывной связи не было необходимости, да и на корабле сейчас прибавилось работенки из-за подготовки экспедиционной группы. В общем, я отложил эту проблему в долгий ящик и отправился на нижнюю палубу отбирать крыс, которые предназначались для научных целей экспедиции.

Однако до завтра мне ждать не пришлось; Дядюшка собрал нас всех тем же вечером, и мы набились в его каюту, как сельди в бочку; тут были все, кроме мисс Гаммы, Вана, Пру и Каса. Дядюшка оглядел нас, лицо у него было какое-то вытянутое и грустное; он сказал, что жутко сожалеет, что нам некуда сесть, но что он постарается нас надолго не задерживать. А затем произнес весьма витиеватую речь насчет того, что всегда смотрел на нас как на своих детей и постепенно искренне полюбил и что мы во веки вечные останемся его детьми, что бы там ни случилось. А потом он заговорил о чувстве достоинства, которое делает человека Человеком.

— Настоящий человек платит по своим счетам, он должен быть чист, он уважает других людей и держит свое слово. За это он не требует награды; он делает это

все просто потому, что должен быть в мире с самим собой. Билет на Небо стоит дорого. — Он помолчал и задумчиво произнес: — Но главное, он выполняет обещанное. — Потом снова оглядел нас и добавил: — Вот и все, что я хотел вам сказать. Но раз уж мы тут собрались все вместе, хочу сделать объявление. Руп внес кое-какие изменения в расписание вахт. — Он поискал глазами Сэма Рохаса. — Сэм, я хотел бы, чтобы ты встал на следующую вахту завтра в полдень. Ты не возражаешь?

Абсолютная тишина тянулась так долго, что наши сердца, казалось, пропустили по три удара. Потом Сэм выговорил с некоторым трудом:

— Ну, разумеется, Дядюшка, если тебе так уютно.

— Буду очень признателен тебе, Сэм. По ряду причин я бы не хотел ставить на эти часы кого-то другого... а самому тоже ужасно не хочется выходить на вахту, если бы ты не смог. Боюсь, в этом случае мне пришлось бы сказать капитану, что выстоять ее просто некому. Так что я очень рад, что ты согласился.

— Хм... что ж... разумеется. Не о чем и говорить.

И это был конец забастовки.

Однако Дядюшка еще и не думал нас отпускать.

— Я решил, что надо вам рассказать об изменениях в расписании дежурств, раз вы тут все собрались, чтоб Рупу не пришлось ходить за каждым из вас и просить завизировать списки. Но вообще-то я позвал вас совсем по другому поводу. Скоро с корабля уйдет десантная группа. Хотя Констанция выглядит вполне безопасной и симпатичной, но я считаю, было бы рискованно... мало ли что... болезни, о которых мы и понятия не имеем, дикие звери, которые могут оказаться смертельно опасными в каких-то, еще неизвестных нам отношениях, ну и мало ли что... Вот мне и пришло в голову, что мы можем оказаться полезными. Мы могли бы одного нашего послать с десантной группой, а другого поставить на вахту в рубке, а земные части их телепар пусть свяжутся на это время по телефону. Таким образом мы будем находиться в постоянной связи с десантной группой, даже если радио сломается, или еще что... Конечно, дополнительной работы будет уйма, а славы — никакой... Но, пожалуй, все окупит-

ся, если нам удастся таким образом спасти жизнь хоть одному из наших товарищей.

Тут внезапно вмешался Сэм:

— И как ты думаешь, кто пойдет с десантным отрядом, Дядюшка?

— Господи, да откуда ж мне знать? Это не входит в наши служебные обязанности, мы не можем претендовать на дополнительную плату за вредность, так что я никогда не взял бы на себя смелость *приказать* кому-нибудь из вас... надеюсь, и капитан меня в этом поддержит. Но я думаю, что добровольцев у нас найдется достаточно, чтобы можно было регулярно сменять тех, кто будет нести вахту вне корабля. — Он растерянно моргал и вообще казался каким-то неуверенным. — Но никто не обязан вызываться волонтером. Я думаю, будет лучше, если вы сообщите мне о своих намерениях в частном порядке.

Долго ждать ему не пришлось; мы все как один записались в волонтеры. Даже Мей-Линг поступила так, а потом разрыдалась и чуть не потеряла голову от злости, когда Дядюшка мягко указал ей, что надо бы получить согласие мужа, на что она, конечно, никак не могла рассчитывать: семья Трейверсов ожидала своего третьего.

Дядюшка обратился к капитану уже на следующее утро. Я хотел поболтать в тех краях в надежде подхватить какую-нибудь информацию, но у меня оказалась масса работы, и я страшно удивился, когда через полчаса меня вызвали из лаборатории по внутренней сети оповещения. Я помыл руки и помчался в каюту Старика.

Дядюшка уже был там, причем выглядел довольно мрачным, да и капитан был не по-обычному суров. Я попробовал вызвать Дядюшку на волне Конфетки, чтоб узнать, как дела, но на этот раз он меня проигнорировал. Капитан же холодно окинул меня взглядом и сказал:

— Барлетт, мистер Макнейл предложил план, согласно которому люди из вашего отдела хотели бы оказать помощь десантной группе в проводимых ею исследованиях. Я хочу сказать со всей откровенностью, что я этот план не одобряю. За предложение благодарю... но у меня не больше желания рисковать

людьми вашей специальности в таком предприятии, чем отдать приказ о переоборудовании корабельного ракетного двигателя в стерилизатор кухонной посуды. Всегда следует видеть разницу между главными задачами и второстепенными. — Он побарабанил по столу. — Тем не менее в этом предложении есть свои достоинства. Я не могу рисковать всем вашим отделом... но могу рискнуть одним связистом специального назначения, чтобы повысить безопасность десантной группы. Мне пришло в голову, что у нас на корабле имеется телепара для горизонтальной связи, и поэтому нет необходимости в релейной станции на Земле. Я говорю о тебе и мистере Макнейле. Ну? Что ты скажешь?

Я чуть было не заорал «конечно!», но тут мысли мои закрутились с бешеной быстротой. Если я отправлюсь с десантниками после всего, что было вчера, то Сэм может отреагировать на это весьма болезненно... да и все остальные — тоже. Они, чего доброго, подумают, что я все это подстроил нарочно.

— Ну? Отвечай же!

А черт, какое мне дело, что они там подумают! От таких вещей не отказываются.

— Капитан, вам отлично известно, что я подавал рапорт о включении в поисковую партию еще несколько дней назад.

— Точно. Ты прав. Ладно, в твоём согласии я был уверен заранее. Но ты меня не так понял. Ты не пойдешь; это работа для мистера Макнейла. Ты же останешься тут и будешь держать с ним связь.

Я так удивился, что чуть не пропустил всю дальнейшую речь капитана. Пришлось тут же запросить Дядюшку:

«В чем дело, Дядюшка? Неужели ты не понимаешь, что все до единого решат, будто ты их объехал на кривой?»

На этот раз он ответил мне, и в голосе его звучала тревога.

«Знаю, сынок; капитан взял меня на испуг».

«И что же ты собираешься делать?»

«Не знаю. Как ни поступаю — все плохо».

Неожиданно в разговор вмешалась Конфетка:

«Эй! Из-за чего вы оба так суетитесь?»

Дядюшка произнес мягко:

«Исчезни, родненькая. Это мужской разговор».

«Ничего себе!»

Но больше она нас не прерывала.

А капитан продолжал:

— ...В любой ситуации, где надо делать выбор между людьми одной профессии, мы никогда не рискуем молодым, если опасное дело может быть выполнено более пожилым человеком. Это стандартное правило, которое в одинаковой степени применимо к капитану Уркварту и ко мне или к любым другим парам. На первом месте — порученное нам дело. Барлетт, твоя ожидаемая полезность, по крайней мере, на сорок лет продолжительнее, чем у мистера Макнейла. Поэтому именно ему должно быть отдано предпочтение в опасной миссии. Отлично, джентльмены, вы получите мои инструкции позже.

«Дядюшка, что же ты скажешь ему? Может быть, ты и согласен, но я — ни в какую!»

«Не толкай меня под локоть, сынок». — Дальше он продолжал уже вслух: — Нет, капитан.

Капитан так и вскинулся:

— Это еще почему, старый мошенник?! Неужели ты так ценишь свою шкуру?

Дядюшка поглядел ему прямо в глаза.

— Она у меня все-таки единственная, капитан. Но в данном случае речь не о ней. И, может быть, вы несколько поторопились, обзывая меня всякими словами.

— А? — Капитан налился кровью. — Прошу прощения, мистер Макнейл. Беру свои слова обратно. Однако мне кажется, вы обязаны объяснить свое отношение к вопросу.

— Это я и собираюсь сделать, сэр. Мы оба пожилые люди — вы и я. Я вполне могу обойтись без выхода на поверхность этой планеты, точно так же как и вы. Но молодежь устроена иначе. Вы прекрасно знаете, что мои ребята вызвались добровольцами в десантную группу вовсе не потому, что они ангелы, ученые или филантропы... а потому, что им безумно хочется сойти с корабля. Вам это известно; вы сами сказали мне это не более десяти минут назад. И если вы прекратите играть в прятки с самим собой, то при-

знаетесь, что большинство этих детей никогда не подписали бы контракт на полет в космос, если бы понимали, что значит быть запертым в стальной коробке и никогда близко не подойти к тому, что они зовут «Приключением». Не деньги занимали их, когда они ставили подписи под контрактом, а зов дальних миров. А теперь вы отнимаете у них надежду на исполнение заветной мечты.

Капитан еще больше помрачнел. Его кулаки сжимались и разжимались, потом он пробурчал:

— В том, что вы говорите, должно быть, есть смысл. Однако здесь решения принимаю я; и не имею права перекаладывать эту обязанность на других. Мое решение остается прежним. Вы отправляетесь, Барлетт остается на корабле.

Я не выдержал:

«Дай ему понять, что он лишился своих передатчиков вообще, будь они прокляты!»

Дядюшка ничего не ответил.

— Боюсь, что так у вас не получится, капитан. Это работа для добровольцев... а я волонтером не вызывался.

Капитан с трудом выговорил:

— Я не уверен, что тут нужны добровольцы. Мои полномочия в определении обязанностей подчиненных очень широки. Я прихожу к выводу, что вы отказываетесь выполнять свой долг.

— Это не так, капитан. Я не говорил, что отказываюсь выполнять ваши приказы, я сказал лишь, что не вызывался добровольцем. Но я полагаю, что должен просить вас отдать этот приказ в письменном виде, а я завизирую его своей подписью и примечанием: «Принято к исполнению, но под давлением» — и потребую, чтобы копия этого документа была передана в ФППИ. Я не собираюсь идти добровольцем.

— Но, черт побери, вы же вызвались вместе со всем своим отделом. Вот почему вы находитесь здесь! Я и выбрал вас.

Дядюшка отрицательно покачал головой:

— Не совсем так, капитан. Мы вызвались всем отделом. Вы отвергли предложение всего коллектива. Если я дал вам повод думать, что пойду волонтером на каких-то других условиях, то очень об этом сожалею.

Дело обстоит именно так, как я вам изложил. А теперь, с вашего разрешения, сэр, я пойду и скажу своим ребятам, что вы нам отказали.

Капитан снова побагровел. И вдруг разразился громовым хохотом. Вскочил с места и крепко обнял Дядюшку за узкие плечи.

— Ах ты, старый мошенник! А ты действительно мошенник, мошенник с мятежным черным-пречерным сердцем! Ты заставил меня пожалеть о старых добрых временах, когда таких типов можно было сажать на хлеб и воду да еще прописывать им добрую порцию линьков! Ну а теперь садись, и мы обсудим все спокойно. Барлетт, ты можешь идти!

Я ушел очень неохотно и постарался избегать встреч с другими «выродками», так как не имел ни малейшего желания отвечать на их вопросы. Однако Дядюшка был догадлив — он вызвал меня по телепатической связи сразу же, как только вышел из каюты капитана и тут же изложил суть дела. Он, я, Руп и Сэм будем сменять друг друга, причем первая очередь (поскольку она наиболее опасна) будет Дядюшкина. Девушки будут держать корабельные вахты, так же как и Дасти, приравненный к ним из-за его нежного возраста. Но им была подброшена мозговая косточка: если врачи и ученые определяют, что планета безопасна, им разрешат, тоже по очереди, побывать в туристических вылазках. *«Мне пришлось вывернуть ему руки, — признался Дядюшка, — по этому поводу. И все же он согласился».*

Это вроде бы была наивысшая точка кризиса; Конни казалась не более опасной, чем Канзас. Прежде чем кто-нибудь вышел наружу без карантинного спецкостюма, мы подвергли воздействию местной атмосферы крыс и канареек; им она пришлась вполне по вкусу. Когда первая партия отправилась на берег, ее участники, одетые в карантинные костюмы, хотя и дышали воздухом Конни, но только после того как он проходил сквозь электростатические прокладки; вместе с этой партией отправились еще два подопытных «кролика» — Бернارد ван Хоутен и сэр Персиваль де Свин.

Ван все еще не отошел после гибели брата; он вызвался добровольцем, и я думаю, что доктор Деверо уговорил капитана разрешить ему это. Кому-то все равно пришлось бы; ведь можно проделать какие угодно микроскопические и химические анализы, но все равно настанет день, когда придется живому человеку подставить этой планете свою шкуру, чтобы узнать — дружелюбна она нам или враждебна. Как говорит доктор Бэбкок, рано или поздно приходится лезть на дерево. Так что Ван вышел наружу без карантинного костюма, в одних шортах, рубашке и туфлях, как две капли воды похожий на вожатого скаутов.

Сэр Персиваль де Свин, конечно, был волонтером, но ему явно казалось, что его отправили на пикник. Его привязали в кустах и разрешили пастись на свободе и есть любых представителей флоры Конни, которые покажутся ему съедобными. Свиньи — ценнейшие лабораторные животные; они всеядны, подобно крысам и людям, и, как мне говорили, их обмен веществ очень близок к нашему, недаром они болеют многими человеческими болезнями. Если Персиваль выживет, то почти наверняка выживем и мы, особенно учитывая, что Персиваль не получил тех прививок, которые сделали всем нам, — не получил даже широкоспектральной сыворотки ГАР, которая, как считается, способна защитить даже от тех болезней, с которыми человечество еще не сталкивалось.

Перси толстел, лопал все, пил воду из ручья. Ван обгорел на солнце, а потом покрылся коричневым загаром. Оба чувствовали себя отлично, и пионерная партия стащила свои карантинные спецкостюмы. И тут же все (включая даже Перси) слегли с трехсуточной перемежающейся лихорадкой и с чем-то вроде диареи; однако все выздоровели и вторично никто из них не заболел.

Дальше произошла смена участников группы, и все, кроме дяди Стива, Гарри и еще нескольких, которых они отобрали, уступили свои места другим членам команды. Половина участников второй партии получила сыворотку, сделанную из крови тех, кто уже перенес трехдневную лихорадку; почти никто из привитых не заболел. Но вернувшихся на корабль внутрь допустили не сразу — они были помещены в карантин, устроен-

ный на временной дополнительной палубе, возведенной над полусферой носовой части «Элси».

Я не хочу, чтобы у вас создалось впечатление, будто эта планета совсем уж похожа на городской парк; впрочем, убить вас могут и в Канзасе. На планете обитали здоровенные, похожие на ящера хищники, с которыми дела иметь не рекомендовалось. Один из этих экземпляров все же получил Лефти Гомеса в первый же раз, когда мы встретились с этой тварью и убил бы еще, по меньшей мере, двоих, если бы Лефти принадлежал к числу тех, кто мечтает жить вечно. Я никогда не поставил бы на Лефти, что он из породы героев, ведь он был всего лишь помощником повара-хлебопека и заведовал продскладом корабля, но дядя Стив говорит, что безоглядная отвага — самое распространенное из всех человеческих достоинств и что семь из каждых десяти — потенциальные претенденты на медали за доблесть, если их поставить в соответствующую ситуацию.

Очень может быть. Я-то принадлежу к числу этих самых трех. Не думаю, что я способен стоять насмерть и пытаться выколоть глаза чудовищу обыкновенным походным вертелом.

Впрочем, *tyrannosaurus ceti* был недостаточно опасен, чтобы заставить нас отказаться от этой планеты, если уж мы узнали, что они тут обитают и каков у них нрав. Любая крупная кошка была бы наверняка страшнее, потому что кошки умны, а эта зверюга была тупа. Просто надо стрелять первым, а разрывная пуля укладывает ее наповал, превращая в потенциальный ковер. Настоящей защитой от человека тиранозавр не обладает, и когда-нибудь люди истребят их поголовно.

Десантная группа разбила лагерь в виду корабля на берегу очаровательного залива Бэбкока, где мы встали на якорь. Два вертолета патрулировали местность каждый день, идя постоянно в паре, так, чтобы один мог спасти команду другого, если б этот другой потерпел аварию; причем они никогда не улетали дальше, чем на сотню миль от корабля. Мы вовсе не собирались завоевывать эту планету, а просто старались выяснить, могут ли ее завоевать другие люди и закрепить за собой. Могут. Во всяком случае, вблизи Бэбкок-бея... ну а

оттуда, где человек зацепился хотя бы большим пальцем ноги, его уже не спихнешь.

Моя очередь пришла только в четвертую смену, а к этому времени уже даже женщинам разрешалось выходить на бережок; тревожные дни остались позади.

Самые странные ощущения, когда ты впервые сходишь с корабля, связаны со *встречей с погодой*. Уже два года я жил в искусственной атмосфере и забыл, что такое дождь, ветер, луч солнца, падающий на твое лицо. На борту «Элси» вахтенный инженер время от времени просто наобум немного изменял влажность, температуру и содержание озона в воздухе — считалось, что это содействует улучшению нашего обмена веществ. Но это не была *погода*; ну, вообразите себе, будто вы целуетесь с сестренкой вместо...

От первой капли дождя я просто ошалел; даже не понял, что это такое. А затем принялся носиться взад и вперед, выплясывая как оглашенный, пытаюсь поймать капли открытым ртом. Это был дождь, настоящий дождь, и это было непередаваемо прекрасно!

Той ночью я никак не мог уснуть. Ветерок на лице, посапывание и похрапывание товарищей, отдаленные шорохи каких-то тварей за нашим оборонительным оцеплением, отсутствие *настоящей* темноты — все это прогоняло сон. Корабль ведь тоже живой — у него свои специфические шумы, но они совсем другие, чем тут, под открытым небом; планета жила своей жизнью.

Я тихонько встал и на цыпочках вышел из палатки. Перед палатками мужчин, примерно в футах пятидесяти от них, виднелся вахтенный. Меня он не замечал, так как внимательно смотрел на циферблаты и экраны, контролирующие работу внутренних и внешних ограждений и охранного поля, прикрывавшего нас сверху. Мне не хотелось вступать в разговор, а поэтому я вернулся и обошел палатку сзади, чтоб не видеть даже слабого отсвета приборов вахтенного. Там я остановился и стал любоваться небом.

В первый раз со времени отлета с Земли я увидел его по-настоящему; ночь была безоблачна. Я стоял как заколдованный, даже слегка опьяненный этим зрелищем.

Потом я попробовал отыскать знакомые созвездия.

Это было нетрудно. Одиннадцать световых лет для большинства звезд все равно что для нас переход на другую сторону улицы. Большая Медведица стояла прямо над головой. Только она казалась чуть-чуть более разползшейся, чем видится с Земли, но узнать ее было легко. Орион сверкал у самого горизонта прямо передо мной, зато Процион как-то сильно сдвинулся, а Сириуса вообще не было видно, возможно, он ушел за горизонт; Сириус ведь еще ближе к Земле, чем Тау Кита, и с того места, откуда я смотрел сейчас, его, возможно, следовало искать совсем в другой части небосвода. Я попробовал в уме построить на звездной полусфере обратный треугольник, чтобы определить, где же должен находиться Сириус, но запутался и сдался.

Затем я попытался отыскать Солнце. Я знал, где оно должно быть — в созвездии Волопаса, между Арктуром и Девой, но прежде всего надо было разыскать этого Волопаса, а уж после пуститься на поиски старины Солнца.

Волопас находился у меня за спиной, почти столь же близко к горизонту, как Орион на другой стороне небосвода. Арктур немного сдвинулся, и это слегка подпортило булавообразную форму Волопаса. Но я не сомневался, что это он и есть.

А вот и Солнце! Желто-белая звезда того же цвета, что и Капелла, только менее яркая, примерно второго класса. Все сходилось: и позиция, и класс. Кроме того, эта звезда и не могла быть ничем иным, так как в этом секторе не было никаких столь же ярких звезд, когда мы с Патом учили астрономию, надеясь получить медаль за знание астрогации. Это, бесспорно, было Солнце.

Я смотрел на него с какой-то задумчивой печалью, скорее приятной, чем вызывающей боль. Интересно, что сейчас делает Пат? Надо думать, гуляет с дочкой? Или нет? Я никак не мог вспомнить, какое там сейчас время по Гринвичу. Он на Земле, ему тридцать лет, у него пара ребятишек, лучшая часть жизни уже позади... А я нахожусь здесь, и лет мне столько, что на Земле я бы сейчас только-только заканчивал второй курс колледжа.

Нет... Ничего подобного; там я был бы ровесником Пата.

Но мне же не *тридцать*!

Я прибодрился и решил, что в конце концов мне повезло больше, хотя поначалу думал иначе. Я вздохнул, немного побродил крутом, ни о чем не беспокоясь, так как даже эти ящеры не могли подобраться к нашей ночной защите без того, чтобы на их барабанные перепонки не обрушились громы и молнии. Если, конечно, допустить, что у них есть уши. Загончик Перси располагался поблизости; он услышал меня и подошел к самой выгородке, так что мне ничего не оставалось, как пройти туда и почесать ему рыльце.

— Ничего себе местечко, дружище! Как считаешь?

Я подумал, что, когда «Элси» вернется домой (а я сейчас уже не верил в мрачные предсказания дяди Стива), так вот, когда я окажусь дома, мне все еще будет двадцать с хвостиком, и это прекрасный возраст для эмиграции. А Конни — это то место, куда бы стоило вернуться; именно так оно выглядит.

Перси ответил мне тихим похрюкиванием, которое я перевел как: «*Неужели ты мне ничего не принес пожрать? А еще грутом считаешься!*» Мы с Перси закадычные друзья; на борту корабля я его кормлю наряду с его родными братцами, хомячками и крысами.

— Перси, ты свинья.

Он не стал спорить, но продолжал похрюкивать в мою пустую ладонь. А я подумал, что одиннадцать световых лет не так уж много; в общем все почти как у нас. И звезды почти те же.

Наконец Перси надоели телячьи нежности, да и мне тоже, я вытер руку об штаны и отправился спать.

Глава 13

О несущественных отношениях

За бетой Гидры. Мне надо или заполнить образовавшийся пробел в повествовании, или бросить все это. Времени на писанину почти нет — у нас не хватает рабочих рук. Не знаю, что именно мы подцепили на Констанции, может быть, это вообще был всего лишь результат плохо проведенной дезинфекции продовольственных складов, но так или иначе у нас теперь дел столько, что их не переделаешь, и это в первую очередь касается моего отдела. Нас осталось только шестеро, а передавать приходится много. Мы — это Дядюшка, я, Мей-Линг, Анна, Глория и Сэм. Дасти выжил, но потерял связь со своим партнером и, видимо, навсегда. У его брата не было детей, чтоб создать вторичную телепару. Они просто «разошлись» друг с другом на последнем «пике» скорости, и этот контакт потом уже не восстановился.

Я теперь почти полностью завишу от моей внучатой племянницы Кэтлин и ее матери Молли. Пат и я еще иногда разговариваем, но только с их помощью; если мы пытаемся сделать это вдвоем, то получается так, будто мы находимся в шумном заводском цеху. Знаешь, что твой собеседник что-то говорит, но чем боль-

ше вслушиваешься, тем меньше понимаешь. Пату уже пятьдесят четыре — это после того, как мы снова шли отрезок пути на околосветовой. У нас с ним осталось совсем мало общего. После смерти Моды его ничто, кроме дел, не интересует. А мне они до лампочки.

Дядюшка у нас единственный, кто не ощущает ослабления связи со своей первой партнершей. Селестине сейчас сорок два, но они не только не расстались, а стали еще ближе друг к другу. Я все еще зову ее «Конфеткой», хотя бы ради того, чтоб услышать ее смешок. Трудно поверить, что она в два раза старше меня; ведь ей бы полагалось еще носить косички и ходить без передних зубов.

В общей сложности, во время «чумы» мы потеряли тридцать два человека. Я тоже заболел, но выздоровел. Доктору Деверо это не удалось, равно как Пруденс и Рупу. Нам пришлось поднапрячься и сделать вид, что тех, кого не стало, никогда не было. Умер ребенок Мей-Линг, но она несет вахты, работает до упаду и даже смеется. Мне кажется, что больше всего нам не хватает Мамы О'Тул.

Что же еще произошло важного? Ну а что может происходить важного на корабле? Ничего. Бета Гидры оказалась пустой тратой времени. Не только ничего похожего на планету земного типа, но даже океанов — я имею в виду водных — и то не обнаружилось; выбор топлива корабля от аммиака до метана, и главный инженер с капитаном провели немало совещаний, пока наконец не остановились на аммиаке. Теоретически «Элси» может сжигать что угодно; дайте ее конвертеру пожевать хоть что-то, и старая формула $E = mc^2$ начнет работать; ракеты выплюнут массу в виде радиации на скорости света и в виде нейтронов — на околосветовой. Но в то время как конвертеру неважно, что кушать, вспомогательному оборудованию ракетного двигателя, устроенному так, что ему требуется жидкость и, желательно, вода, это не безразлично.

У нас же был выбор — воспользоваться ли аммиаком (уже жидким) на одной планете, или лететь к другой, гораздо более далекой и состоящей преимущественно из льда, температура которого к тому же ни на волос не поднималась над абсолютным нулем. В

общем, они помолились и плюхнули «Элси» в аммиачный океан, наполнив этой жидкостью все баки старушки. Планету называли «Инферно»*, а потом употребляли слова куда более сильные. Мы просидели на ней четыре дня при двух силах тяжести, было дьявольски холодно даже с обогревателями, работающими на полную катушку.

Система беты Гидры — это та система, куда я не захотел бы возвратиться ни за какие коврижки; пусть ее забирают себе существа с другим метаболизмом. На здоровье! Кто остался ею доволен, так это Гарри Гейтс, ибо планетарный расклад тут тоже полностью соответствовал правилу Бодэ. А по мне — не все ли равно, в каком порядке расположены планеты, да хоть клином, причем как угодно — углом вперед или углом назад!

Единственно, что отложилось в моей памяти крепко (из всего происшедшего за это время), так только осложнения в политической обстановке на Земле. Начало нашего последнего пика скорости совпало с открытием военных действий между Федерацией Афро-Европы и Эстадос Юнионс де Суд**. Вроде бы к нам это отношения не имело (и для большинства команды так оно и было), во всяком случае, мы о своих симпатиях помалкивали. Но мистер Роч — главный инженер — был уроженцем Федерации, а его первый помощник родился в Буэнос-Айресе. Когда Буэнос-Айрес был уничтожен, включая, надо думать, и родственников мистера Регато, последний обвинил в этом персонально своего босса. Глупо, конечно, но что поделаешь!

После этого капитан отдал приказ, что он лично будет контролировать все новости с Земли, прежде чем они попадут в нашу газету, и напомнил нам о существовании особых правил, касающихся работы связистов в случае возникновения угрозы безопасности средствам связи. Полагаю, что я и без этого напоминания сообразил бы, что сначала надо такую информацию показать капитану, а уж потом печатать, хотя полной уверенности у меня нет. Ведь у нас на «Элси» цензуры отродясь не бывало.

* Ад (ит.).

** Соединенные Штаты Юга (исп.).

Из этой запутанной ситуации нас вывело только то обстоятельство, что в это время мы как раз достигли пиковой скорости. А когда вышли из пика, то оказалось, что на Земле прошло уже четырнадцать лет и нынешний политический расклад совершенно изменился — Аргентина и ее бывший противник теперь стали союзниками и были на ножах с остальной частью Южной Америки. Через некоторое время мистер Роч и мистер Регато снова стали поигрывать в шахматки, как будто и не было случая, после которого капитан отдал специальный приказ, запрещающий хватать друг друга за глотку.

Все, что произошло за это время на Земле, кажется мне каким-то нереальным, хотя мы регулярно продолжаем получать оттуда новости, когда не идем на пиковых скоростях. Нашему сознанию все время приходится приспосабливаться к новым обстоятельствам; вот «Элси» проходит пик... там на Земле пролетают годы, и все меняется. Теперь бывшая Планетарная Лига именуется «Объединенной системой» и уверяет, что новая конституция делает войну невозможной.

А для меня это та же Планетарная Лига, тем более что в свое время считалось, будто она тоже исключала возникновение войн. Интересно, а что им удалось изменить, кроме названия?

Половины доходящих до нас новостей я вообще не понимаю. Кэтлин, например, сказала мне, что ее класс объединил все свои «уравнители», чтобы купить в подарок своей школе «Фэрди» в честь окончания обучения, и что они собираются «запузырить» его в первый раз на приуроченных к этому дню играх, с которых ей предстоит тут же за ним смотреть, поскольку она отвечает за его сохранность. Это известие я получил в свою последнюю вахту. Хотел бы я знать, что такое «Фэрди» и почему бы этому «Фэрди» не остаться там, где он был раньше?

Не понимаю я и новостей из области техники и технологии, о которых нам сообщают. Не понимаю, но по крайней мере, я знаю, почему не понимаю, а кроме того, на борту всегда можно найти кого-то, кто в этом деле сечет. Релятивисты прямо балдеют от тех вещей, о которых нас извещают и которые носят столь узко

специальный характер, что их приходится транслировать повторно и подтверждать правильность текста, прежде чем отдавать «потребителям». А Джанет Меерс в это время торчит за нашими спинами и дожидается, чтобы стащить кассету с мага чуть ли не до того, как перестанут крутиться бобины. Мистер О'Тул тоже волнуется, но это находит выражение только в том, что кончик носа у него делается ярко-красным. Доктор Бэбкок никакого волнения не обнаруживает, хотя и он два раза подряд опаздывал к столу, после того как я сделал для него копию монографии под названием «Самнер о некоторых аспектах несущественности». Потом мне довелось отправлять в ФППИ то, что написал доктор Бэбкок об этой монографии. Ответ был напигован совершенно несъедобной математикой, но я уловил, что доктор Бэбкок весьма вежливо дал понять профессору Самнеру, что тот — осел.

Джанет Меерс попыталась объяснить мне, в чем тут дело, но я усвоил только то, что концепция мгновенности заставляет рассматривать физику с совершенно новых позиций.

— До сих пор, — сказала она мне, — мы все концентрировались на относительных свойствах континуума «пространство-время». Однако то, что делаете вы, мыслечитчики, превращает пространство-время во что-то несущественное. Без времени нет пространства; без пространства не может быть времени. Соответственно, без пространства-времени нет и законов сохранения энергии-массы. Господи! Да нет вообще ничего! Из-за этого кое-кто из стариков просто спятил. Только теперь мы начинаем понимать ту роль, которую вы, мыслечитчики, вероятно, сыграете в физике — я говорю, разумеется, о новой физике; ведь в этой науке сейчас все меняется.

У меня и со старой-то физикой были нелады; а попытка усвоить новую вызывала головную боль, как только я начинал думать о ней.

— А есть во всем этом практический смысл? — спросил я.

Она посмотрела на меня так, будто я нанес ей личное оскорбление.

— Физика не обязательно должна иметь практическое применение. Она просто *есть*.

— Ну, не знаю. Старая физика все-таки приносила пользу; возьми, к примеру, ракетный двигатель.

— Ах это!.. Это не физика, это просто техника.

Тон был такой, будто я сказал что-то неприличное.

Никогда мне не понять Джанет, и, в общем, наверное, хорошо, что она решила «быть мне только сестрой». При этом она объяснила, что не имеет ничего против того, что я моложе ее, но что ей будет трудно смотреть снизу вверх на человека, который не в состоянии решить в уме даже простенькое уравнение четвертой степени.

— ...а жена просто обязана смотреть на своего мужа снизу вверх, ты согласен?

Сейчас мы набираем скорость при полутора *g*. «Пробуксовка» сводит каждый форсаж скорости и каждый период торможения к четырем месяцам корабельного времени, хотя сами «прыжки» стали длиннее. В периоды форсажа я вешу двести двадцать фунтов, и приходится носить специальный корсет, чтоб защитить позвоночник, но, в общем, пятидесятипроцентная добавка к весу переносится без особого труда и может быть даже полезна, так как на корабле всегда легко отыскать отговорку, чтобы не заниматься физкультурой.

ФППИ больше не пользуется наркотиками для того, чтобы поддерживать контакты между телепарами в пиковые периоды, что наверняка доставило бы удовольствие доктору Деверо, который их решительно не одобрял. Теперь наши телепартнеры работают только под влиянием гипноза и внушения; иначе нам с ними никак не встретиться. Кэтлин удалось только таким путем преодолеть последний пик, но я полагаю, что в масштабе флота мы неизбежно будем терять все новые и новые телепары, если на Земле не удастся подобрать нам новых партнеров уже из третьего поколения. Не знаю, что стало бы с моей связью, если бы не Кэтлин. Надо думать, контакт с Землей оборвался бы. «Нинья» и «Генри Гудзон» сейчас имеют всего по две действующие телепары, а у остальных четырех кораблей, еще поддерживающих контакт с Землей, дела обстоят вряд ли лучше. Мы, пожалуй, самые благополучные, хотя

почти не получаем новостей с других кораблей — мисс Гамма выпала из контакта со своими сестрами, а может быть, потеряла их навсегда: «Санта-Мария» числится пропавшей без вести, а «Марко Поло» — всего лишь как потерявший контакт, так как связь с ним нарушилась во время подхода к пику скорости, а стало быть, она не сможет наладиться еще несколько гринвичских лет.

Мы сейчас идем к маленькой звезде типа G, столь плохо видимой с Земли, что у нее нет не только имени, но даже греческого буквенного обозначения — один номер в звездном каталоге. С Земли она кажется принадлежащей к созвездию Феникса и находится между созвездиями Гидруса (Южная Гидра) и Кита (Гидрус не следует путать с Гидрой; последняя лежит в шести часах по системе небесных координат* дальше и севернее). Дядюшка назвал ее «стоп-сигналом», и мы все теперь ее так зовем, нельзя же произносить длиннейший номер, присвоенный ей каталогом Паломира, каждый раз, когда говорится о цели нашего полета. Нет сомнения, что эта звезда получит более достойное имя, если там найдется планета, хотя бы вполтину не уступающая Конни. Кстати, Конни будет колонизироваться, несмотря на эпидемические заболевания, которые мы там, возможно, подхватили; первые корабли с будущими колонистами уже пошли к ней. Не знаю, какая муха нас укусила (вполне возможно, мы ее притащили с собой с Земли), но эта болезнь не страшнее полудюжины других, которыми когда-то болели люди и с которыми они сражались до победного конца, пока полностью не уничтожили все вирусы. Таков во всяком случае официальный взгляд, и отправка кораблей-пионеров предпринята на основе предположения, что люди, вероятно, переболеют этой заразой, но в конце концов найдут способ победить ее.

Что касается моего мнения, то думаю, каждый вид смерти опасен не меньше других; уж если ты помер, значит — помер, даже если смерть произошла от ка-

* Небесные координаты — числа, с помощью которых определяется положение светил на небесной сфере. В первой экваториальной системе небесных координат 1 час равен 15° .

кой-то ерунды. А «чума» хоть и опасна, но меня убить она не смогла.

«Стоп-сигнал» не стоил остановки. Теперь мы идем к бете Кита, что в шестидесяти трех световых годах от Земли.

Ох, как мне хотелось бы, чтобы Дасти все еще мог получать и передавать изображения! Мечтаю увидеть одну из своих правнучатых племянниц — Вики. Знаю, как она выглядит: волосы цвета моркови, веснушки вокруг носа, зеленые глаза, крупный рот и скобки на зубах. Сейчас она обладательница шикарного фонаря под глазом, полученного в школе, когда кто-то обозвал ее «выродком», а ей это не понравилось. Ох, как хотелось бы мне полюбоваться на эту драку! Так что я знаю, как она выглядит, но я отдал бы многое, чтобы *посмотреть* на нее хоть одним глазком.

Забавно — наша семья производит одних девочек. Нет, когда я пересчитываю всех потомков, в том числе детей и внуков моих сестер, то вроде бы число мальчишек примерно соответствует числу девчонок. Но Мод и Пат родили двух девиц и ни одного мальчугана, а я улетел и не женился; имя Барлеттов обречено на исчезновение.

Конечно, я мечтаю иметь фото Вики. Я знаю, что она не очень красива, но готов спорить — чертовски привлекательна; наверняка похожа на мальчишку со своими вечными ссадинами на коленках, потому что терпеть не может «девчоночьих» игр. Обычно она не спешит исчезать сразу же после официального сеанса связи, и мы с ней подолгу болтаем. Возможно, с ее стороны это просто проявление вежливости, ибо, надо полагать, она представляет меня таким же старым, как ее прадед Барлетт, хотя мать и говорила ей, что я вовсе не такой. Полагаю, что все зависит от точки зрения. По своим годам я должен был сейчас заканчивать колледж, а ей известно, что я близнец Пата.

Что ж, если ей охота воображать меня с длинной белой бородой, то на здоровье, лишь бы продолжала

«водиться» со мной. Сегодня она что-то здорово торопилась, хоть и не растеряла обычной вежливости.

«Пожалуйста, извини меня, дядя Том. Мне надо еще успеть сунуть нос в учебник алгебры. Скоро контрольная».

«Святая истина?» — спросил я.

«Святая истина, не сойти мне с этого места! Я бы с удовольствием осталась!»

«Ну, беги, Веснушка. Привет твоим».

«Пока! Я вызову тебя завтра с утра пораньше».

Нет, она в самом деле милая девчушка.

Глава 14

Элизия

Бета Кита — большая звезда; если оценивать ее по светимости*, она такая большая, что может быть отнесена к гигантам — точнее к слабым гигантам, так как она в тридцать семь раз ярче Солнца. С Земли она выглядит такой яркой, что у нее есть даже собственное имя — Денеб Кайтос, но мы ее так не зовем, потому что «Денеб» невольно вызывает в памяти совсем другой Денеб — альфу Лебеда, которая и в самом деле звезда первой величины, но находится совсем в другой части неба и почти в тысяче шестистах световых годах отсюда.

Поскольку бета Кита гораздо ярче Солнца, планета, которую мы ищем (если допустить, что она существует) должна находиться в шестистах миллионах миль от нее, то есть дальше, чем Юпитер от нашего Солнца.

Мы обнаружили планету в пятистах восьмидесяти миллионах миль, то есть в допустимых пределах. Еще

* Светимость — сила света звезды, обычно выражается в единицах, равных светимости Солнца. Классы светимости: сверхгиганты, яркие и слабые гиганты, субгиганты, карлики, субкарлики, белые карлики. Различия между сверхгигантами и белыми карликами в 10^8 раз.

лучше было то, что это одна из самых маленьких планет системы, которая в общем-то характеризуется планетой слишком больших для нас размеров; следующая за ней, например, больше Юпитера.

Мне доверили составить под не слишком придирчивым руководством Гарри план и график обязательного дистанционного исследования Элизии*. Сам же Гарри в это время был занят тем, что не хуже доброго фокстерьера «рыл землю», стремясь закончить свой магноторус** до того, как придется все бросить и переключиться на экспедиционные работы на поверхности планеты.

Он хочет поскорее передать свои выводы на землю, дабы имя его заняло почетное место в Пантеоне Славы, хотя вслух он об этом не распространяется, так что трудно его назвать полностью заиклившимся на Пантеоне. Тем не менее Гарри убежден, что создал новую космогоническую теорию формирования солнечных систем, которая включает в себя и правило Бодэ. Он говорил, что если его выкладки верны, то практически каждая звезда любых спектральных классов и размеров должна иметь свои планетные системы.

Все может быть... Откуда же мне знать. Я вообще не понимаю, на черта нужны звезды без планет, и не могу поверить, чтобы такая сложнейшая штукавина, как Вселенная, возникла бы случайно. Ясное дело — планеты созданы для того, чтобы ими пользовались.

Действовать в качестве Пятницы при Гарри — одно удовольствие. Все, что мне надлежало делать, — это выкопать записи предварительного обследования Конни из микрофильмов и разработать соответствующую программу для Элизии с учетом того, что рабочих рук в отделе стало несколько меньше. Впрочем, желающих нам помочь было предостаточно, так как, насколько нам известно, мы — единственный корабль, который дважды вытаскивал счастливый жребий, и один из четырех, коим удалось обнаружить хоть что-то стоящее. Сейчас мы уже сели на воду и ждем, чтобы медицина дала о'кей наземной разведке. Свободного

* Райская (греч.).

** Великое творение (лат.).

времени у меня стало больше. Попробовал вступить в контакт с Вики, чтобы запросто поболтать с ней вечером. Но на Земле тоже был вечер, Вики собралась на свидание и весьма вежливо отшила меня.

Вики повзрослела за наш пик в последнем прыжке; теперь она уже интересуется мальчиками и у нее не хватает времени на своего древнего дядюшку.

«*Это Джордж?*» — спросил я, когда она пожелала узнать, по достаточно ли важному делу я беспокою ее.

«*Что ж, если тебя это касается, то да, действительно, Джордж*», — буркнула она.

«*Не ершишь, Веснушка* — сказал я. — *Просто поинтересовался, вот и все*».

«*Ну а я ответила*».

«*Конечно, конечно. Развлекайся, малышка, только возвращайся пораньше*».

«*Ты говоришь совсем как папуля*».

Должно быть, она права. Если честно, мне этот Джордж не слишком по душе, хотя я его никогда не видел, не увижу и почти ничего о нем не знаю, за исключением того, что Вики называет его «*десятой силой*» и «*первым среди охвостья*», несмотря на то что он «*пыжится изо всех сил*», если я догадываюсь, что она имеет в виду; впрочем, она рассчитывает как-то «*уравнять*» это дело.

Что именно она хочет этим сказать, я, конечно, не понял, но предположил, что в общем это звучит скорее как сдержанная похвала и что она надеется или превратить Джорджа почти в идеал, или «*разболтать в грабаган*», когда покончит, наконец, с его воспитанием. Сильно подозреваю, что Джордж — прыщеватый, весьма невежественный зануда, каким я был когда-то сам и каких терпеть не мог — что-то вроде нынешнего Даста Родса, только без его удивительного ума.

Все это звучит так, будто я ревную к этому мальчишке, которого никогда не видел, девушку, которую мне тоже видеть не приходилось. Но это, конечно, не так. Мой интерес к ней чисто отцовский или «старшебратский», хотя родство у нас довольно далекое — мои родители были всего лишь двумя из ее шестнадцати предков, то есть родство столь отдаленное, что большинство людей даже не подозревает о существовании у них подобных родственников.

А может быть, в дикой теории Вана все-таки что-то есть? И все мы становимся психованными маразматиками, а молодость сохраняют лишь наши тела? Да нет, это же глупо. Ведь, хотя на Земле и прошло семьдесят пять гринвичских лет, для меня минуло всего лишь четыре года с тех пор, как мы ее покинули. Я спал в своей койке на «Элси» тысячу четыреста ночей, ел по три раза в день, да еще прихватывал раза два чего-нибудь — это на каждую из ночевок. Так что прошло только четыре года, а вовсе не семьдесят.

Нет, просто я разочарован тем, что в мой первый свободный вечер, выпавший за пару последних недель, у меня не оказалось никакого более интересного дела, чем писать дневник. Но уж если я заговорил о сне, то невредно было бы придавить ухом этак минуток шестьсот; завтра наружу выходит первая партия, если, конечно, медики разрешат, и у меня будет забот полон рот. Мне-то идти не придется, но надо переделать кучу дел, чтобы эти ребята смогли отправиться в путь.

Мы попали в жуткую переделку. Не знаю, как будем жить дальше.

Лучше начну сначала. Элизия годилась по всем параметрам; предварительный анализ показал, что ее атмосфера пригодна для дыхания, климат мало отличался от земного, даже чуть помягче; вода, кислород и содержание двуокиси углерода — в норме; словом, никаких особых неприятностей. Признаков разумной жизни, конечно, нет, иначе нам бы пришлось отсюда смыться. Этот мир можно было назвать водяным в еще большей степени, чем Землю, так как до девяноста процентов площади планеты занимали океаны; мы даже обсуждали, не назвать ли ее «Аквария» вместо «Элизия», но кто-то заметил, что нет смысла нарекать планету именем, которое может оттолкнуть колонистов, ведь на самом деле пригодной земли тут ничуть не меньше, чем на нашей планете.

Так что мы подгребли под бочок к острову, по размерам сходному с Мадагаскаром — по масштабам Земли это почти континент — с идейкой, что такую

территорию можно будет без труда исследовать во всех подробностях и сразу же отрапортовать о ее готовности принять колонистов, как только сюда придет корабль ФППИ. Мы знали, что Конни уже заселяется, и хотели, чтоб эта планета была тоже подготовлена к колонизации, а «Элси» могла бы поскорее отправиться на поиски новых миров.

Я слегка шлепнул Перси и велел ему как следует оценить эстетическую привлекательность ландшафта и доложить, не обнаружит ли он там какую-нибудь достойную внимания леди своей породы. Дядя Лукас перебрал на берег отряд своих стражей, и в тот же день к ним присоединилась группа ученых. Было ясно, что Элизия, как и Конни, особых проблем не создаст и что она почти такой же ценный приз, конечно, если не считать, что тут нам могут встретиться экзотические инфекции, с которыми мы не сумеем справиться.

Это было две недели назад.

Все шло по заведенному шаблону, без неожиданностей, ну, как идет обычный завтрак. Перси и другие лабораторные животные на местной диете процветали, Вану не удалось подхватить ничего опаснее слабой чесотки, и теперь он сам пробовал перейти на элизийский подножный корм: были там весьма чудные четырехкрылые птицы, которые отлично смотрелись в жареном виде; Ван сказал, что они по вкусу напоминают запеченную индюшку со слабым привкусом дыни. Что касается сэра Перси де Свина, то он начисто отказался есть какую-то рыбу из числа пойманных, а крысы, которые ее поели, подошли, так что дары моря пришлось исключить из диеты до проведения дополнительных исследований. Рыбы по виду отличались от наших. Они были какие-то плоские, вроде камбалы, и обладали щупальцами, как у рыбы-кошки, только на концах эти щупальца расходились веером, а не торчали заостренными пиками.

Гарри Гейтс считал, что это органы осязания, но, может быть, они имеют и функции манипуляторов.

На острове нам не встретилось ничего, даже близко напоминающего тех хищных ящеров с огромными пастьми, которые убили Лефти Гомеса. Однако трудно было предсказать, с чем можно встретиться на других

островах, поскольку их разделяли обширные водные пространства, и эволюция на каждой островной группе могла развиваться по совершенно разным путям.

Мы собирались рекомендовать заселить остров Деверо первым, а уж потом, не спеша, исследовать остальные.

Я должен был отправиться на берег с третьей сменой, Дядюшка взял на себя первую неделю, затем получил недельный отдых, а теперь готовился к вахте на корабле, чтобы я поддерживал с ним связь с берега. Но в последний момент я согласился поменяться с Анной, которой до смерти не терпелось поскорее ступить на сушу. Я-то вовсе не хотел меняться, но в мои обязанности со времени смерти Рупа входило составление расписания дежурств, и отказать Анне мне было как-то неудобно. Глория тоже отправилась с ней, так как в эту группу входил и ее муж, но Глория в счет не шла, так как ее земной телепартнер в это время был на каникулах.

Когда они покидали корабль, я стоял на вершине купола «Элси», с завистью наблюдая, как они садятся в шлюпки. На куполе была устроена временная смотровая палуба, как раз рядом с воздушным шлюзом; это было отличное место для наблюдения за шлюпками, которые загружались у грузовых люков, расположенных гораздо ниже. Инженеры закончили осмотр и ремонт и уже почти заполнили водой емкости, предназначенные для старта и форсажа; «Элси» сидела глубоко в воде, и грузовые люки находились всего лишь в десяти футах над ватерлинией. Это значительно облегчало грузовые операции; в то время когда мы на берег отправляли первую партию, емкости были еще пусты, шлюпки приходилось опускать на таях почти на сотню футов, а пассажиры карабкались по веревочным лестницам, что не так-то легко для людей, страдающих боязнью высоты, а таких довольно много. Но теперь все было тип-топ.

Воздушный шлюз годился только для людей; все, что имело более крупные габариты, шло через грузовые люки. Последние можно было легко переоборудовать в воздушные шлюзы, что мы и сделали на «Инферно», вблизи беты Гидры. Но если атмосфера нормальная,

люки используются просто как ворота. Они вели на грузовую палубу, находящуюся ниже пассажирской, и над вспомогательными машинными помещениями. На грузовой палубе хранились три наших шлюпки и два вертолета. Шлюпки можно было спустить на воду с помощью шлюпбалок прямо с тех мест, где они были укреплены. Но вертолеты сначала приходилось обвязывать лодочными фалами, потом вытаскивать наружу, укреплять дополнительными фалами, спущенными со смотровой площадки, а затем поднимать вдоль купола «Элси» на временную верхнюю палубу, где к ним крепились винты.

Мистер Регато крыл такую процедуру последними словами всякий раз, как к ней приходилось прибегать. «Забава для кретинов» — таково было наиболее мягкое из его выражений...

— Я не видел ни одного корабельного проектировщика, который не чувствовал бы себя наверху блаженства, когда думал, как у него красиво да гладко получается. Но они никогда не задумываются о судьбе тех бедолаг, которым приходится *пользоваться* этой красотой.

Все это может быть и верно, но именно эта система позволяла выгружать вертолеты с помощью самых простых средств, не прибегая к сложной технике, которая так легко выходит из строя; вероятно, это и было, как я понимаю, одной из главных задач при оборудовании кораблей для Проекта. В тот день, однако, вертолеты были уже снаружи и вполне готовы: один из них — в лагере, а другой крепко пришвартован рядом со мной на смотровой палубе. Все, что оставалось сделать, так это загрузить шлюпки.

Шлюпки были китобойные, отлитые из стекла с тефлоном; им была придана непотопляемость с помощью пластиковой пены, залитой во все пустоты. Они были так прочны, что если вмятину в их бортах еще можно было сделать, приложив немало усилий, то, чтобы пробить дыру в днище, уже потребовалось бы мощное сверло или ацетиленовая горелка; тем не менее они были так легки, что четыре человека вполне могли поднять их, разумеется, без груза. Без всякой опаски шлюпку можно было вытаскивать на скалистый берег, там разгружать и уже без груза оттаскивать подальше

от линии прибоя. В действие они приводились ракетными двигателями, работавшими на спирту, точно такими же, как и моторы вертолетов, но, кроме моторов, у них были еще весла и паруса. Нам пока не приходилось пользоваться веслами, но все мужчины под бдительным оком моего дяди Стива проходили «сухие» тренировки с ними.

Лодки пришли ночью, нагруженные всевозможными экспонатами для научно-исследовательского отдела; теперь им предстояло вернуться с людьми, сменяющими тех, кто сейчас был на берегу. Со смотровой вышки я хорошо видел в полумиле от корабля группу тех, кто должен был вернуться, — они ждали на песчаном пляже прибытия шлюпок. Две шлюпки уже отвалили, но поджидали третью; в каждой сидело человек по восемнадцать и лежало несколько тюков с разным имуществом, затребованным Гарри Гейтсом для его научных работ на острове, плюс недельный запас продовольствия для всей партии.

Кто-то шевельнулся у меня за спиной. Я повернул голову и увидел, что это сам Старик, который пролезал сквозь дверь люка.

— Доброе утро, капитан.

— Доброе утро, Барлетт. — Он огляделся. — Отличный денек.

— Да, сэр... и местечко тоже расчудесное.

— Это уж точно. — Он поглядел на берег. — Надо будет найти подходящий предлог, чтобы хоть немного похлопать по грязи, прежде чем мы улетим. Стальные полы изрядно поднадоели.

— А почему бы и нет, сэр? Места тут спокойные, совсем не похоже на «Инферно».

— Да уж.

Он отвернулся, и я тоже. Не полагается приставать к капитану с болтовней, кроме тех случаев, когда он сам на это напрашивается. Третью шлюпку уже загрузили и отдали концы. Теперь все три были от нас футах в пятидесяти, образуя колонну, готовую к отплытию на остров. Я помахал Глории и Анне.

Вблизи борта каждой шлюпки высунулась из воды длинная мокрая кишка, толщиной в мое туловище, про-

шла над их серединой и ушла по другую сторону. Я заорал:

— Капитан! Смотрите!

Он повернулся. Шлюпки покачались с боку на бок и сразу же затонули — что-то *затащило* их под воду. Я слышал чьи-то крики, вода кишела телами тонущих.

Капитан наклонился над ограждением возле меня и безмолвно взирал на катастрофу. Потом буднично промолвил:

— Ты можешь запустить мотор вон того вертолета?

— Э-э-э... Думаю, что смогу, капитан.

Я не был пилотом, но как работают моторы — знал.

— Действуй! — Он наклонился еще сильнее над перилами и вдруг закричал срывающимся голосом: — **ЗАКРЫТЬ ДВЕРЬ ГРУЗОВОГО ЛЮКА!!!**

Потом повернулся и нырнул в шлюз. Уже карабкаясь на вертолет, я мельком увидел то, что заставило капитана так закричать. Это была еще одна из этих мокрых кишок, скользивших вверх по корпусу «Элси» в направлении грузового люка.

Запустить мотор вертолета было более сложным делом, чем я воображал. Но на панели управления был отпечатан перечень очередности операций. Я с трудом добрался уже до четвертого пункта «запустить крыльчатку», когда меня спихнул с сиденья Эйс Венцель — механик-ракетчик и одновременно классный пилот. Эйс что-то делал сразу обеими руками. Винты начали вращаться, их тени замелькали на наших лицах, и он заорал:

— Отдать концы!

Меня выпихнули из машины, как раз когда в кабину влезал хирург. Я упал на четвереньки, меня сшибла воздушная волна от винта. Потом я поднялся и огляделся.

Поверхность воды была пуста, там не было *ничего*. Ни мертвых тел, ни пловцов, пытающихся удержаться на поверхности, ни шлюпок. Не было даже каких-нибудь плавающих предметов, хотя кое-какие тюки должны были всплыть. Это я знал точно — сам помогал упаковывать багаж.

Рядом со мной стояла Джанет; тело ее сотрясало от безудержных рыданий без слез. Я тупо спросил:

— Что случилось?

Она попыталась овладеть собой и заикаясь пробормотала:

— Не знаю. Я видела, как одно из них схватило Отто. Оно лишь... Оно лишь...

Джанет опять зарыдала и отвернулась, чтобы скрыть от меня лицо.

На поверхности воды не было ничего, но теперь я видел, что в воде под ее гладью двигались какие-то тела. С высоты ведь можно видеть на большую глубину, если поверхность воды спокойна; вокруг всего корабля, на равных промежутках друг от друга, находились какие-то существа. Скорее всего они походили на китов или, вернее, на таких животных, которых я бы принял за китов. Мне ведь китов видеть не приходилось.

В моей голове, где все полностью перемешалось, забрезжила мысль, что я вижу именно те создания, которые погубили шлюпки, но тут рядом кто-то завопил и показал рукой на берег. Там, на берегу, все еще стояла толпа людей, которые должны были вернуться на борт со шлюпками, но они уже не были одни — их окружали. Эти страшилища вышли из воды на берег, обхватили группу людей с флангов и теперь гнали их к линии прибоя. На таком далеком расстоянии было трудно разобрать детали, и все же я видел этих морских чудищ, так как они были намного крупнее людей. Ног, насколько я мог судить, у них не было, но это им несколько не мешало — они передвигались на удивление быстро.

Мы не могли им помочь ничем. *Ничем!* Под нашими ногами была палуба космического корабля — последнего слова столетий технического прогресса; один удар выхлопами его ракетного двигателя был способен во мгновение ока разрушить целый город. Охрана корабля, находившаяся на берегу, располагала оружием, которое делало каждого из них по силе равным целой армии былых времен, а на корабле такого оружия было еще больше. Но в то время я понятия не имел, где расположен наш арсенал, слышал только, что он находится где-то на палубе для хранения резервного оборудования — ведь вы можете жить на

корабле целые годы, но так и не побывать во всех его помещениях.

Думаю, что сейчас мне полагалось быть на этой самой палубе и вытаскивать оружие. Однако все, на что я был способен в эту минуту, — это торчать на вышке, оцепенев от ужаса, и вместе с десятком других членов команды безмолвно глядеть на то, что происходило на берегу.

Кто-то, однако, оказался расторопнее меня. Двое мужчин выскочили из шлюза и швырнули на палубу пару дальнобойных винтовок, которые тут же лихо-радочно начали собирать, одновременно распаковывая ящики с амуницией. С равным успехом они могли бы и вообще не беспокоиться: к тому времени, когда ружья были готовы для стрельбы по врагу, пляж опустел, и поверхность воды тоже. наших товарищей столкнули в воду и утопили. Вертолет все еще продолжал кружиться над местом гибели; спасательная лестница с него была спущена, но на ней никого не было.

Потом вертолет взял курс от берега, пролетел над лагерем экспедиции и вернулся к кораблю. Пока он шел на посадку, по трапу взбежал Чет Трейверс. Он огляделся, увидел меня и крикнул:

— Том, где капитан?

— В вертолете.

— Ох! — Он наморщил лоб. — Ладно, отдай ему это. Срочно! А я должен быть внизу.

Трейверс сунул мне листок бумаги и исчез. Я поглядел на листок, увидел, что это официальное донесение, увидел, от кого оно, и схватил капитана за руку в ту минуту, когда он вышел из кабины вертолета.

Он отмахнулся.

— Прочь с дороги!

— Капитан, это срочно... это рапорт с острова... от майора Лукаса...

Тут он остановился, вырвал у меня листок и принялся рыться в карманах в поисках очков для чтения, которые, как я ясно видел, торчали у него из нагрудного кармана. Он сунул мне депешу обратно, еще до того как я сообразил помочь ему, и сказал:

— Прочти вслух, мальчик.

Так я и сделал.

«От командира корабельной охраны начальствующему офицеру «Льюиса и Кларка». Девять часов тридцать одна минута. В девять часов ноль пять минут лагерь исследовательской группы был атакован враждебными туземцами, по-видимому, амфибиями. Несмотря на тяжелые потери, атака все же была отбита, и я с семью спасшимися отступил на вершину холма к северу от лагеря. Нам пришлось бросить вторую разведывательную машину. Во время атаки сменная группа ожидала на берегу; мы от них отрезаны, их положение нам неизвестно, хотя можно предположить, что оно отчаянное.

Выводы: атака организована искусно, противник хорошо вооружен. Их главное оружие, видимо, состоит из высоконапорных шлангов, подающих морскую воду под сильным давлением, но они располагают также индивидуальным колющим и режущим оружием. Следует полагать, что у них есть и другие виды вооружения. С большой степенью вероятности можно допустить, что аборигены разумны не меньше нас, хорошо дисциплинированы и, вероятно, их вооружение не уступает нашему. Их многочисленность дает им большие преимущества, даже если допустить, что их оружие не лучше нашего.

Рекомендация: остатки моего отряда могут удерживать свою позицию против того оружия, с которым мы пока столкнулись. Настоятельно советую, чтобы принимаемые меры были пока ограничены действиями по спасению группы, находящейся на берегу. Затем корабль следовало бы вывести на орбиту, пока не будет выработан план дальнейших действий и не будет определено оружие, с помощью которого моя группа сможет освободиться без ущерба для безопасности корабля. С. Лукас, командир. Девять часов тридцать шесть минут».

Капитан взял депешу и, ничего не сказав, пошел к люку. Все молчали, хотя нас тут собралось человек двадцать. Я поколебался было, но, когда увидел, что

остальные собираются спуститься по трапу, протолкался между оставшимися и поспешил за капитаном.

Он остановился двумя палубами ниже и вошел в рубку связи. Я за ним войти не осмелился, но дверь осталась открытой. Там уже были Чет Трейверс, горбившийся над аппаратурой, с помощью которой он поддерживал связь с лагерем, и коммодор Фрик, который склонился над ним с выражением страшной тревоги на лице.

Капитан произнес:

— Соедините меня с майором Лукасом.

Коммодор Фрик поднял на него взгляд.

— Мы пытаемся это сделать. Связь прервалась в тот момент, когда он передавал нам список потерь.

Капитан задумчиво пожевал губами. Выглядел он ужасно измученным.

Потом сказал:

— Продолжайте попытки, — и вышел. В коридоре он увидел меня. — Барлетт!

— Да, сэр?

— У тебя есть связь с Землей? Вызывай немедленно.

Я быстро прикинул время по Гринвичу и тут же вызвал Вики; если она дома, она сможет воспользоваться прямой связью с ФППИ, а они соединят ее с членом телепары Сэма Рохаса, тот свяжется с Сэмом, и капитан сможет поговорить с дядей Стивом через четырехступенчатую релейную систему почти так же быстро, как если бы он связался со Стивом прямо по радио.

«Вики! Проснись, Вики! Срочно!»

«Да, дядя Том? Что случилось? Я спала!»

Коммодор Фрик вмешался:

— Не думаю, чтоб из этого что-нибудь вышло, сэр. Сэма Рохаса среди спасшихся нет. Он был в списке сменяющихся; значит, должен был находиться на берегу.

Конечно! Конечно же... Сэм должен был быть на берегу... А я, верно, стоял и смотрел, как его загоняли в воду.

«В чем дело, дядя Том?»

«Подожди, милая, оставайся на связи».

— Тогда соедините меня с кем-нибудь еще! — рывкнул капитан.

— Больше никого не осталось, капитан, — ответил Фрик. — Вот список спасшихся. Рохас был единственным вырод... единственным специальным связистом, которого отпустили на берег.

Капитан взглянул на список и сказал спокойно:

— Отдайте приказ всей команде, кроме вахтенных, собраться немедленно в столовой.

Он круто повернулся и пошел прямо на меня, я отпрыгнул в сторону.

«В чем дело, дядя Том? Ты чем-то обеспокоен?»

Я постарался овладеть своим голосом.

«Ложная тревога, родная. Забудь о ней и постарайся заснуть. Извини».

«Ладно. Но все равно ты чем-то взволнован».

Я опрометью кинулся за капитаном. Голос коммодора Фрика передавал приказ по системе оповещения, пока мы бежали по трапам, но сам Фрик отстал от меня всего лишь на минуту-две и тут же появился в дверях столовой. В считанные минуты мы собрались там все — жалкая горсточка из числа покинувших Землю. Что-то около сорока. Капитан окинул нас взглядом и спросил Каса Уорнера:

— Это все?

— Да, капитан. Если не считать инженерную вахту.

— А я оставил на вахте Трейверса, — добавил Фрик.

— Хорошо. — Капитан повернулся и стал к нам лицом. — Нам нужно идти на помощь спасшимся — туда, на берег. Добровольцы — вперед.

Мы не выступили, мы рванулись, все как один. Мне бы очень хотелось сказать, что ради дяди Стива я рванулся раньше других, но это была бы неправда. Миссис Гейтс держала на руках маленького Гарри, но я ее все равно не опередил.

— Благодарю вас, — сказал капитан сухо. — А теперь пусть женщины уйдут в буфетную, чтобы я мог отобрать нужных мне мужчин.

— Капитан?

— Да, капитан Уркварт?

— Я поведу отряд.

— Ничего подобного, сэр. Его поведу я сам. А вы сейчас же возьмете несколько женщин, спуститесь вниз и отберете то, что нам понадобится.

Вряд ли Уркварт замешкался хоть на секунду. Он ответил:

— Есть, капитан!

— Это закон. Непреложный закон, если присутствует риск. Этот закон применим ко всем нам. На всех постах, где работают двое мужчин, идет более пожилой. В других случаях, если замена невозможна, идет мужчина, если замены нет — мужчина остается. Он оглядел оставшихся. — Доктор Бэбкок!

— Тут я, шкипер!

Мистер О'Тул попробовал вмешаться.

— Минуту, капитан! Я вдовец и доктор Бэбкок горздо...

— Заткнитесь!

— Но...

— Черт побери, неужели я должен обсуждать свои решения с каждым из вас? Неужели мне надо вам напоминать, что у нас на счету каждая секунда? Отправляйтесь с женщинами!

Багровый от гнева, О'Тул выполнил приказ. Капитан продолжал:

— Мистер Уорнер. Мистер Роч. Доктор Северин... — Он быстро отобрал всех нужных ему мужчин, а остальным указал на буфетную.

Дядюшка Альфред Макнейл попытался распрямить согнутые плечи.

— Капитан, вы забыли меня. Я самый старый в моем отделе.

Лицо капитана смягчилось разве что на волосок.

— Нет, мистер Макнейл, я не забыл, — спокойно сказал он, — но вместимость вертолета ограничена, а нам ведь придется взять на борт еще семерых. Поэтому я вас и пропустил.

Плечи Дядюшки согнулись еще больше, и я подумал, что он сейчас заплачет, но он медленно зашаркал дальше от горсточки избранных. Даст Родс поймал мой взгляд — он выглядел гордым и довольным собой; еще бы, ведь его избрали в число немногих. По виду ему еще не было шестнадцати, и не думаю, чтобы он хоть раз в жизни брился. Наверное, впервые к нему отнеслись так, как будто он был настоящим мужчиной.

Невзирая на то как резко отшили тех, кто пытался пробиться в спасательную группу, я никак не мог примириться с тем, что в нее не вошел. Я снова сделал шаг вперед и тронул капитана за рукав.

— Капитан... Вы должны взять меня. Ведь там мой дядя.

Я думал, он сейчас взорвется, но капитан все же овладел собой.

— Я тебя понимаю. Но ты связист специального назначения, а у нас их заменить нечем. Я скажу мистериу Лукасу, что ты очень старался помочь.

— Но...

— А теперь заткнись и делай, что сказано, иначе получишь такого пинка, что полетишь через всю кают-компанию.

Капитан отвернулся, будто меня вовсе не существовало на свете.

Через пять минут оружие было роздано, и мы толпой полезли по трапам, чтобы проводить уходящих.

Эйс Венцель запустил мотор вертолета на холостые обороты и выскочил наружу. Группа из восьми человек стала подниматься в кабину, капитан шел замыкающим. У Дасти через каждое плечо висели патронташи, в руках он держал дальнобойную винтовку; при этом Дасти восторженно ухмылялся. Он подмигнул мне и крикнул:

— Жди открытку, дружище!

Капитан остановился и позвал:

— Капитан Уркварт!

— Да, сэр.

Резервный капитан и капитан обменялись несколькими фразами, произнесенными очень тихо. Я не слышал их слов и не думаю, чтоб они предназначались для наших ушей. Потом капитан Уркварт громко сказал:

— Есть, капитан. Все будет исполнено.

— Отлично, сэр.

Капитан вошел в кабину, захлопнул дверцу и взял управление на себя. Я подобрался, готовясь к воздушной волне.

Затем нам оставалось только ждать.

Я кочевал между смотровой площадкой и рубкой связи. Чет Трейверс так и не сумел связаться с дядей

Стивом, но зато был на связи с вертолетом. Каждый раз, как я выходил на верхушку купола, я шарил глазами в поисках чудовищ, но, кажется, они покинули эти места.

Наконец я опять спустился в рубку связи и увидел, что Чет заметно повеселел.

— Они выручили их! — объявил он. — И уже взлетели.

Я принялся было его расспрашивать, но он отвернулся, чтобы передать радостную весть по системе оповещения. Тогда я бросился наверх, чтобы взглянуть, не показался ли вертолет.

Я увидел его рядом с вершиной холма, милях в полутора от нас.

Он быстро летел в сторону корабля. Вскоре мы уже могли различить внутри кабины фигуры людей. Когда вертолет подлетел ближе, кое-кто открыл иллюминатор на стороне, обращенной к нам.

Капитан управлял вертолетом не очень умело. Он попробовал посадить его прямо с ходу, но не рассчитал направления ветра, и ему пришлось вернуться на прежний курс, чтобы сделать еще один заход. Этот маневр подвел машину так близко к кораблю, что мы снова увидели лица отдельных людей. Я видел дядю Стива, он узнал меня и помахал рукой; не крикнул, а только помахал. Дасти Родс сидел с ним рядом и тоже заметил меня. Он улыбнулся во всю ширь, махнул рукой и крикнул:

— Эй, Том! А я спас твоего приятеля!

Он потянулся к кому-то за своей спиной, а затем я увидел голову Перси и его раздвоенное копытце, показавшееся в раме иллюминатора, причем Дасти одной рукой держал поросенка, а другой указывал ему на меня. Оба радостно ухмылялись.

— Спасибо! — заорал я в ответ. — Привет, Перси!

Вертолет развернулся в нескольких сотнях футов за кораблем и снова пошел по ветру.

Теперь он летел прямо на корабль и уже должен был вот-вот коснуться палубы, когда нечто высунулось из воды прямо под вертолетом. Кто-то потом говорил, что это машина, но мне показалось, что это был слоновый хобот невероятных размеров. Струя воды, такая

тугая, могучая и блестящая, что она смотрелась как стальная полоса, вылетела из хобота; она ударила по краю винта, и вертолет закачался.

Капитан наклонил машину, и она ускользнула от контакта со струей. Но та последовала за вертолетом, ударила в фюзеляж и опять задела ротор; вертолет резко и опасно наклонился и стал падать.

В минуты опасности от меня мало толку; нужны часы, чтобы я понял, что следовало бы делать в тех или иных обстоятельствах. Но на этот раз я действовал автоматически. Кинулся вниз к трапу, не считая ступенек, и почти мгновенно оказался на грузовой палубе. Люк, выходящий на нужную сторону, был закрыт еще с тех пор, как капитан приказал его задраить несколько часов назад. Я навалился на рукоять, и дверца стала скрипя открываться. Затем оглянулся и увидел то, что было нужно, — шлюпочные фалы, уложенные прямо на полу в свободные бухты и еще не убранные. Я сорвал конец с кнехта и оказался у люка еще до того, как его дверь успела окончательно открыться и лечь на палубу горизонтально. Искалеченный вертолет плавал прямо подо мной, а в воде барахтались люди.

— Дядя Стив! — завопил я. — ЛОВИ!

И зашвырнул конец так далеко, как только смог.

Я даже не видел дядю Стива, когда окликнул его. Все мои поступки диктовались той единственной мыслью, которая сейчас билась в моем мозгу. Потом я увидел его — гораздо дальше от того места, куда я мог бы швырнуть конец. Я даже слышал, как он крикнул «иду, Том!» и стал отчаянно грести к кораблю.

Я был в каком-то стопоре и чуть было не начал тянуть фал обратно, вероятно, с целью швырнуть его подальше, но, к счастью, до меня дошло, что конец, возможно, упал вблизи кого-нибудь еще. Я опять заорал:

— Гарри! Прямо у тебя за спиной! Хватай!

Гарри Гейтс перевернулся в воде, рванулся к фалу и схватил его. Я принялся тянуть.

Я чуть не потерял Гарри, когда уже подтянул его почти к самой корабельной обшивке. Одна его рука практически вышла из строя, и он едва не выпустил канат. И все же общими трудами мы умудрились вытянуть Гарри наверх и в люк; из этого ничего бы не

вышло, если бы корабль сидел в воде хоть чуть менее глубоко. Гарри рухнул на палубу ничком, задыхаясь и рыдая.

Я выхватил конец фала из его сжатого судорогой кулака и бросился к люку, чтобы швырнуть его дяде Стиву.

Вертолет исчез, дядя Стив исчез, поверхность воды была чиста, и только Перси, голова которого высоко высывалась из воды, с суровым упорством продолжал плыть к кораблю.

Я еще раз удостоверился, что на воде не видно ни единого человека. А затем подумал — что же можно сделать для Перси?

Бедный свиной окорочек не мог ухватиться за фал, это уж точно. Так, может быть, удастся накинуть на него лассо? Я с трудом принялся вязать скользящую петлю на толстой веревке. Но едва это у меня получилось, как раздался пронзительный визг ужаса; я высунул голову наружу как раз в тот момент, когда что-то утащило Перси под воду.

Нет, его схватила не пасть. Я очень надеюсь, что это была не пасть.

Глава 15

Долг превышает всего

Не знаю, чего я ожидал после атаки неведомых левиафанов. Мы все ходили как очумелые. Кто-то попытался выйти на смотровую вышку и поглядеть, как там и что, но тут снова появился водомет и чуть не смыл с палубы одного из нас, после чего капитан Уркварт приказал всем членам команды оставаться внутри корабля, а люк закрыть.

Я, конечно, не ожидал получить приказ, который поступил сразу же после ужина (если это можно назвать ужином; большинство обошлось сэндвичами), обязывающий меня немедленно явиться на совещание заведующих отделами.

— Это ведь ты, Том? — спросил меня Чет Трейверс. — Мне сказали, что дядюшка Альфред числится больным. Дверь его каюты заперта.

— Тогда, наверное, я.

Дядюшка перенес случившееся очень тяжело и слег в постель, приняв успокоительное по распоряжению единственного оставшегося в живых медика — доктора Пандита.

— Ну, тогда тебе лучше поторопиться.

Сначала я отправился в каюту капитана Уркварта, но обнаружил, что там темно, потом, сообразив, в чем дело, побежал в капитанскую. Дверь была открыта, и кое-кто уже сидел вокруг стола, во главе которого восседал капитан Уркварт.

— Отдел спецсвязи, сэр, — доложил я.

— Садитесь, Барлетт.

За мной вошел Гарри, и Уркварт встал, закрыл дверь и снова сел на свое место. Я огляделся и подумал, что это довольно-таки странное совещание заведомо. Гарри был единственным боссом, который занимал эту должность при старте корабля с Земли. Мистер Истман сидел на месте коммодора Фрика. Мама О'Тул давно умерла, теперь погиб Кас, так что экологию представлял мистер Кришнамурти, ранее отвечавший лишь за работу кондиционеров и гидропонику. Мистер О'Тул сидел на месте доктора Бэбкока, мистер Регато заменил мистера Роча. Сержант Андрелли, работавший одновременно техником в Инженерном отделе, заменил дядю Стива; это был единственный солдат из охраны корабля, оставшийся в живых и то потому, что два дня назад его прислали из лагеря со сломанной рукой. Доктор Пандит сидел там, где должен был бы сидеть доктор Деверо. Ну а я вообще всего лишь «ИО» — Дядюшка-то находился на борту. Хуже всего было то, что там, где должен был бы сидеть наш капитан, восседал сейчас капитан Уркварт.

Капитан Уркварт открыл наше совещание:

— Нет нужды говорить о нашем положении; оно вам всем известно. Обойдемся и без обычных рапортов начальников отделов. По моему мнению, исследование планеты можно считать завершенным с учетом того, в каком состоянии находится оборудование и персонал... Разве что стоит подготовить доклад о той неожиданной опасности, с которой мы столкнулись сегодня, чтобы первая партия прибывающих колонистов была готова к защите. Есть ли какие-нибудь возражения? Доктор Гейтс, угодно ли вам продолжить ваши исследования?

Гейтс поглядел на него с изумлением и ответил:

— Нет, капитан. В нынешних условиях — нет.

— Кто хочет говорить? — Желающих не было. — Отлично, — продолжал Уркварт, — я предлагаю на-

чать прокладывать курс на альфу Феникса. Похоронную службу отслужим завтра в девять утра. Стартуем в полдень. Есть возражения? Мистер О'Тул?

— Что? Вы хотите знать, успеем ли мы сделать к этому времени расчет траектории? Думаю, да, если мы с Джанет займемся этим немедленно.

— Займитесь сразу же, как только мы разойдемся. Мистер Регато?

Регато выглядел совершенно ошарашенным.

— Я этого не ожидал, капитан.

— Я знаю, что времени мало, но надеюсь, ваш отдел успеет подготовиться? Полагаю, реакторная масса уже на борту?

— Не в этом дело, капитан. Конечно, реактивные двигатели будут готовы. Но я подумал, что мы намереваемся сделать только один длинный прыжок — к Земле.

— Что вас навело на эту мысль?

— Ну... хм... — Новый главный инженер так волновался, что чуть не перешел с межпланетного линго на испанский. — Просто наше нынешнее состояние. Инженерный отдел еле сможет нести вахты и то в режиме «вахта-сон-вахта». Не могу говорить за другие отделы, но уверен, что они не в лучшем состоянии.

— Не можете, а я вас об этом и не спрашивал. В отношении вашего отдела я хочу знать, готова ли инженерная часть?

Мистер Регато с трудом проглотил слюну.

— Да, сэр. Но люди способны выходить из строя не хуже машин.

— А разве вам не пришлось бы выдерживать режим «вахта-сон-вахта», если б мы летели к Солнцу? — Уркварт даже не стал ждать очевидного ответа и продолжал: — Я не думал, что придется разъяснять простые истины. Мы все находимся здесь не ради собственного удовольствия; мы выполняем возложенную на нас миссию... и всем вам это прекрасно известно. Сегодня утром, перед самым своим отлетом, капитан Свенсон сказал мне: «Принимайте команду над моим кораблем, сэр. Пусть он выполнит возложенную на него миссию». И я ответил: «Есть, сэр». Разрешите напомнить вам, в чем заключается эта миссия — мы посланы проводить

определенные исследования столько времени, сколько будем находиться на связи с Землей. Только тогда, когда эта связь прервется, мы можем вернуться на Землю, если такая возможность осуществима. Наш следующий объект исследований — Альфа Феникса. Разве может что-либо быть яснее?

Мысли так кипели у меня в мозгу, что я пропустил почти всю дальнейшую речь капитана. Я думал — за кого принимает себя этот дурень? За Колумба? Или за «Летучего Голландца»? Нас осталось в живых чуть больше тридцати человек на том корабле, который начинал с двумя сотнями. Лодок нет. Вертолетов... Я чуть не пропустил следующую ремарку Уркварта.

— Барлетт?

— Сэр?

— Как насчет вашего отдела?

Меня озарило: ведь мы были ключевым отделом, мы — *выродки*. Когда мы потеряем связь, он будет принужден возвратиться к Земле. Я испытывал сильнейшее искушение сказать, что все мы оглохли, но знал, что этот номер у меня не пройдет. Поэтому я решил тянуть резину.

— Как вы сказали, сэр, мы все еще на связи с Землей.

— Отлично. — Его взор переключился на доктора Пандита.

— Минутку, капитан, — продолжал я настойчиво, — тут есть еще кое-что.

— А? Ну говорите.

— Видите ли, следующий прыжок будет длиться около тридцати лет, не так ли? Я имею в виду по Гринвичу.

— Примерно такого порядка. Чуть меньше.

— «Примерно такого порядка». У нас осталось три связиста специального назначения: я, Дядюшка, я хочу сказать, мистер Макнейл, и Мей-Линг Трейверс. Думаю, Дядюшку вам придется исключить.

— Почему это?

— Потому, что он работает со своим первоначальным телепартнером, а она сейчас так же стара, как и он. Как вы думаете, Дядюшка мог бы еще протянуть тридцать лет?

— Но ведь для него это не будет тридцать... ох, извините. Я понял вас. Ей будет за сотню, если она вообще выживет. Возможно, в маразме.

— Весьма возможно, сэр, но вернее всего — в могиле.

— Ладно, исключим Макнейла. Остаются двое. Вполне достаточно для передачи важнейших сообщений.

— Сомневаюсь, сэр. Мей-Линг тоже оставляет желать лучшего. У нее вторичный телепартнер, которому уже за тридцать и детей у него нет. Учитывая историю других телепар, я бы сказал, что в высшей степени маловероятно, что телепара Мей-Линг будет функционировать после еще одного пика. И во всяком случае не после тридцатилетнего.

— Все равно, остаетесь вы.

Тут я и подумал, что, если у меня хватит мужества перепрыгнуть через собственную голову на ту сторону баррикады, мы отправимся домой. Но это была лишь мимолетная мысль — когда-нибудь я умру, конечно, но уж самоубийцей не стану — это точно!

— Мой случай ненамного лучше. Моему телепартнеру... — тут мне пришлось остановиться и подсчитать, чтобы ответ выглядел внушительно, так сказать, чтоб комар носа не подточил, — ...около девятнадцати, сэр. Бездетна. И никаких шансов, что дети появятся до того, как мы достигнем пика... Впрочем, с грудным младенцем установить контакт все равно нельзя. Когда же мы выйдем из пика, ей будет около пятидесяти. Насколько я знаю, во всей нашей эскадре еще не было случая, чтобы связь между телепартнерами наладилась после столь длительного перерыва.

Он довольно долго молчал, прежде чем ответить.

— У вас есть основания считать, что это действительно невозможно?

— Ну... нет, сэр. Но это в высшей степени маловероятно.

— Хм... вы считаете себя специалистом в области теории телепатии?

— Что? Нет, сэр. Я всего лишь телепат, вот и все.

— Я думаю, что он, по всей вероятности, прав, — вмешался доктор Пандит.

— А вы в этом авторитет, доктор?

— Я, сэр? Вы же знаете, моя специальность — экзотическая патология. Но...

— В таком случае мы лучше проконсультируемся у авторитетных лиц на Земле. Может быть, они смогут порекомендовать нечто, что в какой-то степени улучшит наши шансы. Очень вероятно, что в данных обстоятельствах Фонд опять разрешит прибегнуть к наркотикам, чтобы уменьшить вероятность нарушения связи между телепартнерами во время пика. Или что-то другое в этом же духе.

Я подумал, не сказать ли ему, что Вики вовсе не собирается рисковать, принимая опасные наркотики с большой вероятностью привыкания. Но потом передумал. Пат ими пользовался, и Вики тоже сможет.

— Все, джентльмены. Мы стартуем завтра в полдень. Хм... еще одно... Один из вас дал понять, что моральный уровень команды не слишком высок. Это верно, и я, пожалуй, знаю об этом больше, чем вы. Но моральный уровень вернется к норме, и нам лучше удастся смириться с мыслями о понесенных потерях, если мы все побыстрее вернемся к обычной работе. Я хочу лишь добавить, что вы, как старшие офицеры корабля, можете больше других содействовать повышению морального уровня своим личным примером. Я уверен, что вы это сделаете. — Он встал.

Не знаю, каким путем новости распространяются по кораблю, но к тому времени, когда я попал в кают-компанию, все уже знали, что завтра мы стартуем... и не к Земле. Все шушукались и пережевывали одно и то же. Я постарался поскорее улизнуть — не хотелось вступать в разговоры, тем более что в голове у меня царила полная путаница. Я думал о том, что капитан прямо заиклился еще на одном прыжке, хотя есть большая вероятность, что он не сможет передать на Землю его результаты (если допустить, что они будут), и еще большая, что ни один из нас никогда не попадет домой. С другой стороны, я не мог не восхищаться решительностью капитана, с которой он противостоял всем нам, взывая к нашему чувству долга и подавляя всякое проявление паники. Да уж, в смелости ему не откажешь.

Но смелость была и у «Летучего Голландца», однако, по новейшим сведениям он и до сих пор пытается обогнуть мыс Доброй Надежды, только это ему, как и прежде, не удастся.

Капитан — капитан Свенсон, поправился я, — не пошел бы вот так по-бычьей, напролом.

Или пошел бы? Если верить Уркварту, то последнее, что сказал ему наш капитан, было напоминанием об обязанности вести корабль, дабы выполнить возложенную на него миссию. Все мы были тщательно отобраны (кроме нас, выроdkов), и, вероятно, шкиперов (и запасных шкиперов — тоже) выбирали в первую очередь за бульдожье упорство, то есть за то самое качество, которое позволило Колумбу плыть вперед, когда на кораблях уже кончалась питьевая вода, а команда глухо ворчала, готовясь к мятежу. Я вспомнил, что дядя Стив говорил мне что-то подобное.

Я решил поговорить с дядей Стивом... и вдруг вспомнил, что это невозможно... тогда-то мне и стало по-настоящему плохо. Когда мои родители умерли два пика назад, мне тоже стало плохо, но, скорее, потому, что я не ощутил такого горя, которое, как я знал, должен был бы чувствовать. В тот день, когда это случилось, вернее, в тот день, когда я об этом узнал, они были мертвы уже давным-давно, это были люди, с которыми я Бог знает сколько времени не общался — просто лица на фотографии. А дядю Стива я видел ежедневно; больше того, я видел его *сегодня*. И у меня была привычка тащить к нему все мои трудности, чтобы обсудить их с ним, если мне было не под силу справиться с ними в одиночку.

Вот теперь-то я со всей остротой ощутил его потерю; это был тот самый «отложенный» шок, который вы переносите, если вам особенно крепко врежут в челюсть. Боль проходит лишь тогда, когда вы соберете волю в кулак и поймете, что вам врезали по-настоящему.

Поэтому я ужасно обрадовался, когда кто-то постучал в мою дверь; иначе я бы просто завыл от тоски.

Это были Мей-Линг и ее муж Чет. Я пригласил их войти, и они сели на койку. Чет сразу же приступил к делу.

— Том, какова твоя позиция в этой хреновине?

— В какой?

— В дурацкой затее — продолжать полет, имея лишь тень настоящей команды.

— Моя позиция не имеет значения, — не торопясь ответил я, — не я ведь команду кораблем.

— Ничего подобного! Именно ты и командуешь!

— Как это?

— Ну, не в официальном смысле. Я имею в виду, что ты можешь положить конец этой чепухе. Слушай, Том, все знают, что ты сказал капитану и...

— Кто же это распустил язык?

— А? Не имеет значения. Раз сведения просочились не через тебя, то, надо думать, через кого-то из присутствующих. Во всяком случае, об этом известно всем. Все, что ты сказал капитану, — верно. Суть дела в том, что Уркварт зависит от тебя лично, и ты единственный, кто сможет поддерживать его связь со штаб-квартирой на Земле. Поэтому ты — человек с палкой. И ты можешь его остановить.

— Как? Подожди-ка чуточку. Я же не один. Даже если согласиться, что он не может рассчитывать на Дядюшку, есть еще Мей-Линг...

Чет покачал головой:

— Мей-Линг вовсе не собирается заниматься телепатическими переговорами ради амбиций Уркварта.

Его жена возразила:

— Слушай, Чет, я же не так говорила.

Он любовно поглядел на нее.

— Не будь супердурочкой, моя возлюбленная. Ты ведь прекрасно знаешь — нет ни единого шанса, что от тебя после следующего пика будет хоть какой-то толк. Если до мозгов нашего бравого капитана Уркварта это еще не дошло, то обязательно дойдет... даже если мне придется объяснить ему кое-что словами, которыми пользуются только в мужском обществе.

— Но ведь все же есть вероятность, что я останусь на связи.

— О нет! Никакой вероятности быть не может, иначе мне придется немножко постучать по твоей прелестной головке. Наши дети *должны* расти на Земле.

Она серьезно посмотрела на Чета и погладила его по руке. Трейверсы пока не ожидали ребенка, но все

знали, как крепко они на это надеются. Я начал понимать, почему Чет так тверд... и вполне уверился, что Мей-Линг неизбежно потеряет контакт со своим телепартнером после пика, особенно если ее муж будет разговаривать с ней столь же убедительно, как говорил сейчас. Желание Чета было для нее куда важнее желаний капитана, важнее абстрактного долга по отношению к Фонду на далекой Земле.

Чет продолжал:

— Думай, Том, думай, и ты поймешь, что не имеешь права предать своих товарищей по полету. Идти дальше — чистое самоубийство, и все, кроме капитана, это понимают. Так что наше будущее зависит только от тебя.

— Хм... я подумаю.

— Валяй. И не затягивай надолго.

Они ушли.

Я лег, но сон не шел. Загвоздка заключалась в том, что Чет был наверняка прав... включая и уверенность, что Мей-Линг уже никогда не удастся вступить в контакт со своим телепартнером после нового пика. Практически она теряла его даже теперь. Мне приходилось брать на себя передачу технических или математических текстов, которые она должна была транслировать сама; я делал это уже со времени последнего пика, так как ее контакт часто нарушался. Чет у не придется стучаться в ее бесспорно очаровательную голову — контакт она теряла, сомнений тут быть не могло.

С другой стороны... Когда я в своих размышлениях достиг этого пункта «с другой стороны» в восемнадцатый раз, я встал, оделся и отправился на поиски Гарри Гейтса. Мне подумалось, что раз он глава отдела и присутствовал на совещании, то с ним можно поговорить на эту тему без опаски.

В каюте Гарри не оказалось; Барбара посоветовала поискать его в лаборатории. Там я его и нашел — в одиночестве распаковывающим образцы, присланные на корабль день назад. Он внимательно поглядел на меня.

— Ну, Том, как делишки?

— Не слишком как.

— Знаю. Слушай, у меня еще не было подходящего случая, чтобы поблагодарить тебя. Написать благодарность на бумажке или примешь прямо от сердца?

— Давай считать, что все уже сказано. — Я вначале даже не понял его — честно, за всеми этими делами я ведь совершенно забыл, как вытаскивал его из воды; просто не было времени подумать об этом.

— Как скажешь. Я все равно не забуду. И ты это знаешь, не так ли?

— О'кей. Гарри, мне нужен совет.

— Вон как! Что ж, они у меня имеются на все размеры. И все раздаются бесплатно, хотя, боюсь, большего они и не стоят.

— Ты был на совещании глав отделов сегодня вечером.

— Ты тоже.

Он явно забеспокоился.

— Да. — И я рассказал ему обо всем, что меня тревожило; потом подумал еще и добавил то, о чем говорил Чет. — Что мне делать, Гарри? Чет прав; шансы, что следующий прыжок принесет хоть какую-то пользу, ничтожны. Даже если мы найдем планету, о которой стоит сообщить на Землю, а шансы обнаружить ее, насколько можно судить по данным, относящимся ко всей нашей эскадре, весьма малы, но даже если так произойдет, мы почти наверняка не сможем послать об этом сообщение, а если отправимся сами к Земле, неся это известие, то прибудем туда лет через двести по земному времени. Это глупо и, как говорит Чет, самоубийственно, особенно если учесть, как мало нас осталось. С другой стороны, прав и капитан; мы подписали контракты именно с этим обязательством. Долг экипажа корабля — продолжать полет.

Гарри осторожно распаковал очередной пакет с образцами и только тогда ответил:

— Томми, спросил бы ты меня чего-нибудь полегче. Спроси меня, например, жениться тебе или нет, и я отвечу прямо как из пушки. И вообще все что угодно. Есть только одна вещь, которую ни один мужчина не может подсказать другому, а именно — в чем заключается долг этого другого. Так что придется тебе решать самому.

Я обдумал сказанное.

— Будь оно проклято! Гарри, ты хоть скажи мне, как ты сам смотришь на эти дела.

— Я? — Он отложил свою работу в сторону. — Том, я не знаю. Для меня лично... видишь ли, на этом корабле я был счастливее, чем бывал когда-либо в жизни. У меня жена, у меня ребятишки, они постоянно со мной, и я занят любимой работой. У других, возможно, все иначе.

— А как насчет твоих ребятишек?

— Вот тут, конечно, и есть загвоздка. Семейный человек... — Гарри нахмурился. — Нет, не стану советовать, Том. Если я даже намекну тебе, будто ты не должен делать того, что обязался делать, значит, я подстрекаю тебя к мятежу... а это тяжкое преступление для нас обоих. Если я скажу, что ты должен поступить так, как велит капитан, я окажусь чист перед законом, но, возможно, именно это приведет к гибели тебя, меня, моих детей и всех остальных... потому что в словах Чета много здравого смысла, даже если закон против него. — Гарри вздохнул. — Том, знаешь, я сегодня только чудом не отдал концы — это целиком твоя заслуга, и способность четко мыслить ко мне еще не вернулась. Не могу советовать — боюсь оказаться необъективным.

Я ничего не ответил. Как хотелось в эту минуту, чтобы дядя Стив был со мной! У него-то были ответы на все вопросы.

— Все, что я могу, — продолжал Гарри, — это высказать весьма уклончивое соображение.

— А? И какое же?

— Ты можешь повидаться с капитаном частным образом и выложить ему то, что тебя тревожит. Это, возможно, повлияет на его решение. Во всяком случае, узнать про эти дела будет для него не бесполезно.

Я ответил, что подумаю над его словами, поблагодарил и ушел. Лег в постель и, наконец, забылся сном. В середине ночи меня разбудила корабельная качка. Корабль всегда покачивает, если он лежит на воде, но так странно, какими-то рывками, «Элси» на Элизии еще никогда не дергало.

Качка прекратилась, затем началась снова... потом снова прекратилась... опять началась... Я уже стал гадать, что же там происходит, но корабль вдруг завибрировал совсем по-другому, а эту вибрацию я узнал — так бывает, когда прогревают ракетные двигатели, но еще не на полной мощности. Инженеры говорят, что они «прочищают глотку» — обычное дело при ремонте и проверке. Я решил, что мистер Регато задержался допоздна на работе, и успокоился. Толчки больше не повторялись.

За завтраком я узнал, что это было: левиафаны затеяли очередную пакость — никто не знал, какую именно — против самого корабля... а капитан вполне разумно приказал мистеру Регато использовать против них ракетные двигатели. Пока мы знали о левиафанах очень мало, зато совершенно точно выяснили одно — они не иммунны ни к суперперегретому пару, ни к сильной радиации.

Эта схватка с морскими дьяволами придала мне смелости: я решил повидаться с капитаном, как мне посоветовал Гарри.

Капитан принял меня, заставил ждать не более пяти минут. После этого он сидел молча, предоставив мне возможность говорить столько, сколько я сочту нужным. Я изобразил всю картину такой, какой видел ее сам, не приписывая ничего ни Чету, ни Гарри. По лицу капитана я не мог определить, удалось ли мне произвести на него впечатление или нет; поэтому я со всей решительностью подчеркнул, что Дядюшка и Мей-Линг уже вышли из игры и что шансы, будто от меня будет толк после следующего пика, столь слабы, что он рискует кораблем и командой при очень малой надежде на выигрыш.

Когда я закончил, мне все еще было неясно, добился ли я чего-нибудь, а он и тогда воздержался от прямого ответа. Капитан без всякого намека на вопросительный тон произнес:

— Барлетт, вчера вечером у вас в каюте в течение пятидесяти пяти минут находились два члена команды, причем дверь каюты была наглухо закрыта.

— Чего? Да, сэр.

— И вы с ними обсуждали этот вопрос?

Я хотел было солгать.

— Э-э-э... да, сэр.

— После этого вы разыскивали другого члена команды и оставались с ним до поздней ночи... или, лучше сказать, до раннего утра. С ним вы тоже говорили на эту тему?

— Да, сэр.

— Так. Тогда я арестую вас на время, которое потребуется для расследования двух пунктов: подозрения в побуждении к мятежу и в попытке подготовки мятежа. Вы арестованы, Барлетт. Отправляйтесь в свою каюту и оставайтесь там. Всекие визиты к вам запрещены.

Я с трудом сглотнул. Потом мне на помощь пришло воспоминание о чем-то, что рассказывал мне дядя Стив. Дядя Стив был клевым знатоком космического права и любил на досуге поболтать об этом предмете.

— Есть, сэр. Но я настаиваю, чтоб мне дали свидание с защитником по моему выбору... и чтоб слушание дела велось публично.

Капитан кивнул, как будто я сообщил ему, что на улице дождь.

— Разумеется. Ваши гражданские права будут уважаться. Но с этим делом придется подождать; сейчас мы готовимся к старту. А потому считайте себя под арестом и отправляйтесь в свою каюту.

Он отвернулся, оставив меня наедине с задачей взять самого себя под стражу. Мне показалось, что он даже не рассердился.

Вот я и сижу в полном одиночестве у себя в каюте. Пришлось сказать Дядюшке, что ко мне доступа нет, а позже сообщить то же самое и Чету. Никогда бы не поверил, что со мной такое может произойти.

Глава 16

«Всего лишь математическая абстракция»

Это утро растянулось на целый миллион лет. Вики вызвала меня в обычное время, но я сказал ей, что вахтенное расписание опять изменилось и что я свяжусь с ней попозже.

«Что-то произошло?» — спросила она.

«Нет, девочка, просто на борту происходит кое-какая реорганизация».

«Ладно. Но ты определенно встревожен».

Я не только не стал ей рассказывать, в какую историю вляпался, но даже решил не упоминать о случившейся катастрофе. Время еще будет, пусть все уляжется, хотя, конечно, она может узнать обо всем из официальных сообщений. Пока же нет причин заставлять этого милого ребенка волноваться из-за того, что она не в состоянии изменить.

Минут через двадцать ко мне пришел мистер Истман. На его стук я открыл дверь и сказал:

— Мне запрещено принимать посетителей. Извините. Однако он не уходил.

— Я не гость, Том. Я тут в официальном качестве, от капитана.

— О!

И я впустил его.

При нем был ящик с инструментами. Он поставил его на пол и сказал:

— Отделы обычной и специальной связи объединены, так как у нас слишком мало людей, и получается, я вроде теперь твой непосредственный начальник. Правда, по моему мнению, это ничего не меняет. Но мне придется внести кое-какие изменения в проводку твоего мага, чтобы ты мог диктовать прямо на магнитофон в рубке связи.

— О'кей. Только зачем это понадобилось?

Мистер Истман явно смутился.

— Ну... тебе полагалось бы быть на вахте уже полчаса назад. Мы собираемся устроить так, чтобы ты отрабатывал свои вахты прямо в каюте, со всеми удобствами. Капитан отругал меня за то, что я не сделал этого раньше.

Истман начал снимать панель магнитофона.

А я — так просто лишился дара речи. И тут же опять вспомнил кое-что из рассказов дяди Стива.

— Эй! Погодите-ка минутку!

— Чего?

— Да нет, валяйте, меняйте проводку, мне-то что за дело. Только никаких вахт я отрабатывать не собираюсь.

Истман выпрямился, вид у него был весьма встревоженный.

— Не надо так говорить, Том. У тебя и без того плохи дела, вряд ли стоит их отягощать. Давай забудем то, что ты мне сказал. О'кей?

Мистер Истман был порядочный человек и единственный из электронщиков, никогда не позволявший себе называть нас «выродками». Думаю, он беспокоился за меня совершенно искренне. Тем не менее я ответил ему брюзгливо:

— Не понимаю, как мое положение может стать еще хуже. Передайте капитану мой ответ — пусть он сам несет свои вахты и... — Тут я остановился. Нет, дядя Стив сказал бы все совершенно иначе. — Извините меня, пожалуйста, скажите капитану вот что: «Связист Барлетт выражает капитану свое почтение и сожа-

леет, что не может выполнять свои обязанности, находясь под арестом». Ясно?

— Ну послушай же, Том, ты к этому делу подходишь неправильно. Конечно, в том, что ты говоришь, с точки зрения устава, есть определенный смысл. Но у нас так мало людей, что всем приходится трудиться изо всех сил и помогать другим. Ты же не станешь цепляться за букву закона, это было бы несправедливо по отношению к твоим товарищам.

— Не стану? — Я тяжело дышал, радуясь возможности нанести им ответный удар. — Так у капитана не выйдет, чтоб и начинку слопать и пирог испечь. Человек, который сидит под арестом, не имеет права нести службу. Так всегда было и всегда будет. А вы обязаны передать ему сказанное.

Истман молча закончил менять проводку, каждое его движение отличалось изящной точностью.

— Ты уверен, что хочешь передать капитану именно это?

— Абсолютно.

— Ладно. Эта штуковина теперь соединена так, — добавил он, ткнув большим пальцем в сторону магнитофона, — что ты всегда можешь связаться со мной, ежели передумашь. Ну, бывай.

— Еще вот что...

— Да?

— Возможно, капитан об этом не подумал, поскольку у его каюты есть собственный туалет, но я тут торчу уже несколько часов. Кто сводит меня в сортир и когда именно? Даже арестант имеет право регулярно ходить по нужде.

— Ох, это наверняка моя обязанность. Пошли!

Это была кульминация утренних событий. Я ожидал, что капитан прибежит ко мне уже через пять минут после того, как мистер Истман ушел из моей каюты; он прибежит, дыша огнем и выплевывая угольки. По этому случаю я прокрутил в уме несколько вариантов своих речей, тщательно подбирая слова, чтобы не выйти из рамок закона и соблюсти идеальную вежливость. Я знал, что крепко держу капитана.

Но ничего подобного не произошло. Капитан не объявился; да и вообще не явился никто. Дело шло к

полудню, по сети оповещения о готовности к старту не сообщалось, поэтому я забрался в свою койку, решив, что минуток пять у меня есть, и стал ждать.

Это были невероятно долгие пять минут.

Около четверти первого я сдался и вылез из-под одеяла. Ни старта, ни ланча. Я слышал, как гонг прозвучал в двенадцать тридцать, однако опять ничего и ничего. В конце концов я решил, что могу пропустить одну трапезу, а уж потом подам жалобу, ибо вовсе не имею намерения дать капитану шанс отыграться и обвинить меня в нарушении правил пребывания под арестом. Мне пришло в голову, что можно было бы вызвать Дядюшку и посетовать ему на отвратительную работу службы питания, но, подумав, решил, что чем дольше буду ждать, тем хуже будет для капитана.

Примерно через час после того, как все остальные позавтракали, появился мистер Кришнамурти с подносом. Тот факт, что он принес завтрак сам, вместо дежурного по кухне, убедил меня, что я действительно являюсь Очень Важным Заключенным, особенно если учесть, что Крис явно не желал со мной общаться и даже опасался приближаться ко мне. Он сунул поднос и пробурчал:

— Закончишь, выстави в коридор.

— Спасибо, Крис.

В еде, принесенной на подносе, оказалась записка.

— «Молодчина! Не сдавайся, и мы этой птичке еще обкорнаем крылышки. Все поддерживают тебя».

Подписи не было, а почерк я не узнал. Что это не был Кришнамурти — это точно; ведь его почерк я знал еще с тех пор, когда был придурком на его ферме. Не был это и почерк Трейверса и уж, конечно, не Гарри.

Потом я решил, что не стоит допытываться, от кого записка, разорвал ее на кусочки, которые тут же сжевал как какой-нибудь «Железная Маска» или Граф Монте-Кристо. Наверное, я мало подхожу для роли романтического героя, так как глотать бумажку все же побрезговал; только разжевал и выплюнул. Перед этим я, однако, убедился, что записку прочесть нельзя, так как я не только не хотел знать, кто ее написал, но страшился даже мысли, что кому-нибудь станет известно имя автора.

И знаете почему? Эта записка вовсе не обрадовала меня; наоборот, она меня напугала. О, конечно, минуты на три я возликовал; вырос, знаете ли, в собственных глазах — этакий защитник всех униженных и оскорбленных.

И тут же понял, что означает появление этой записки...

Мятеж.

В космосе это самое страшное слово. Лучше уж любая другая катастрофа, чем он.

Одна из самых первых баек, которые дядя Стив мне рассказал, вернее нам с Патом, и рассказал давно, когда мы еще были ребятишками, содержала такой афоризм: «Капитан всегда прав, даже если он ошибается». Прошли годы, прежде чем я понял истинный смысл этих слов; надо прожить на корабле долго-долго, чтобы усвоить, почему непреложно верны эти слова. Наверное, в глубине сердца я все-таки чего-то в них не понимал до тех пор, пока не получил одобрительную записку; потому что именно в этот момент я усек, что кто-то вполне серьезно думает о свержении власти капитана... и что для этих людей я стал символом сопротивления.

Корабль — это не просто маленький замкнутый мир; его, скорее, можно уподобить человеческому телу. В нем нет места ни демократии, ни даже демократическому консенсусу, как бы приятны и демократичны ни были манеры капитана. Если ты попал в переделку, ты же не станешь ждать, пока проголосуют твои руки, ноги, желудок, глотка и пока не определится желание большинства. И прекрасно, что не можешь. Твой мозг принимает решение, а все остальные члены лишь выполняют его приказ.

Корабль в космосе пребывает в таком положении постоянно, и это естественно. Дядя Стив хотел сказать, что капитану лучше не ошибаться и что тебе надо молиться, чтоб он был прав, даже если ты с ним не согласен... ибо если капитан ошибается, а ты прав, то корабль все равно обречен на гибель.

Но корабль все же не человеческое тело; члены его команды — люди, работающие совместно с той степенью самоотверженности, которая дается нелегко —

во всяком случае мне. Единственно, что удерживает их вместе, это нечто туманное, называемое моралью, нечто такое, о чем ты не имеешь представления до тех пор, пока экипаж не начнет это нечто терять. Я вдруг понял, что «Элси» уже некоторое время теряет свою мораль. Сначала погиб доктор Деверо, затем Мама О'Тул, и эти потери были невозполнимы. Теперь мы потеряли капитана и многих других... и вот «Элси» распадается на части.

Может быть, новый капитан не слишком умен, но он пытается предотвратить дальнейший распад. Я начал понимать, что не поломки машин и не атаки враждебных туземцев губят корабли; более чем вероятно, что самая страшная опасность таится в каком-нибудь юном болване, вообразившем себя умнее капитана и убедившем достаточное число других в том, что он прав. И я подумал, а сколько из восьми кораблей, с которыми мы потеряли контакт, погибли, доказывая, что их капитаны ошибались, а кто-то, вроде меня, был прав?

Нет, быть только правым — еще мало.

Я впал в такое уныние, что уже подумывал, а не пойти ли мне к капитану, не признаться ли в своей неправоте и не попросить ли у него совета, как быть дальше. Однако тут же понял, что и этого тоже нельзя. Капитан отдал мне приказ оставаться в своей каюте — без всяких там «если» или «может быть». И если оказать капитану поддержку и высказать уважение к его власти сейчас было важнее всего прочего, тогда единственное верное решение заключалось в том, чтобы поступать, как тебе велено, и сидеть смирно.

Что я и сделал.

Крис принес мне обед почти вовремя. Позднее, в тот же вечер рупора системы оповещения проорали обычные предупреждения, я улегся в койку, и «Элси» оторвалась от Элизии. Но далеко мы от нее не ушли, легли на околопланетную орбиту, и сразу же наступила невесомость. Я провел бессонную ночь; мне всегда плохо спится в невесомости.

Меня разбудило еле заметное увеличение силы тяжести. Оно составило около половины земной. Крис принес мне завтрак, но я не стал спрашивать, что все

это означает, а сам он мне объяснения не предложил. Где-то в середине утра система оповещения объявила:

— Связисту Барлетту явиться к капитану.

Приказание повторили еще до того, как я понял, что вызов относится ко мне... Я тут же вскочил, провел бритвой по лицу, решил, что форма более или менее в порядке, и бегом помчался к каюте капитана.

Он поглядел на меня только после того, как я доложил о прибытии.

— Ах да, Барлетт. Проведя необходимое расследование, я установил, что причин настаивать на обвинениях нет. Вы освобождаетесь из-под ареста и восстанавливаетесь в должности. Явитесь к мистеру Истману.

Он снова усталился на свои бумаги, а я жутко разозлился. Я разрывался между мощным чувством лояльности к кораблю и капитану — главе вышеозначенного — и столь же сильным желанием дать Уркварту хорошего пинка в брюхо. Одно его доброе слово — и я уверен, что стал бы его верным сторонником, как бы ни развернулись дальнейшие события. А так — я только еще больше обозлился.

— Капитан!

Он перевел взгляд.

— Да?

— Думаю, вы обязаны извиниться передо мной.

— Вы думаете? А я так не считаю. Я действовал в интересах всего корабля. Однако я не держу на вас зла, если это имеет для вас значение. — Он вернулся к своей работе, тем самым отпуская меня... будто мои раненные чувства, если таковые и были, не играли ровно никакой роли.

С тем я и вышел в коридор и доложил мистеру Истману. А что мне еще оставалось делать?

В рубке связи была Мей-Линг, передававшая кодовые группы. Она поглядела на меня, и я заметил, что у нее ужасно усталый вид.

Мистер Истман обратился ко мне:

— Привет, Том. Рад, что ты опять с нами; ты нам нужен позарез. Будь добр, вызови своего телепартнера.

Все-таки забавно, что когда телепат встает на вахту и начинает вести передачу, то присутствующие при этом обычные люди, видимо, не понимают, что другая

часть телепары, то есть партнер на Земле, вовсе не бестелесный дух. Он ест, спит, работает, воспитывает детей, и его нельзя заставить работать в любой момент, когда кому-то понадобится посылать депешу.

— Это особо срочно? — спросил я, поглядев на гринвичский циферблат, а затем на корабельный. Вики должна была выйти на связь со мной не раньше чем через полчаса; сейчас она могла быть дома и бездельничать, но ведь могло быть и иначе.

— Возможно, и не «особо срочно», но что «срочно» — это уж можешь мне поверить.

Тогда я вызвал Вики, и она сказала, что не возражает.

«Кодовые группы, Веснушка, — шепнул я ей. — Поэтому поставь свой маг на повторное проигрывание».

«Он уже весь трясется от нетерпения, дядя Том. Все готово».

В течение трех часов мы работали с кодовыми группами — дело, вряд ли имеющее соперников по утомительности. Я решил, что это, скорее всего, доклад капитана Уркварта о случившемся на Элизии, а еще вернее, его второй доклад, после того как ФППИ потребовал от него дополнительных сведений. Причин секретить все это не было, во всяком случае от меня; я-то лично присутствовал там, следовательно, код нужен был, чтобы хранить в секрете наши дела от земных телепатов до тех пор, пока ФППИ не решит, что именно стоит опубликовать.

Меня это вполне устраивало, так как мне было бы вряд ли приятно передавать открытым текстом подробности кровавой бойни малютке Вики.

В разгар работы в рубке возник капитан и уселся рядом с мистером Истманом; я видел, что они варганят новые кодовые группы; капитан диктовал, а мистер Истман работал на шифровальной машине. Мей-Линг давно ушла. Наконец Вики сказала совершенно измученным голосом:

«Дядя Том, насколько срочны эти анаграммы? Мама звала меня обедать уже с полчаса назад».

«Не отключайся, я сейчас выясню». — Я повернулся к капитану и мистеру Истману, не зная к кому из них следует обращаться в таких случаях. Поймав взгляд

Истмана, спросил: — Мистер Истман, насколько все это срочно? Мы хотим...

— Не мешайте нам, — вмешался капитан. — Продолжайте передачу. А срочно или нет — не ваша забота.

— Капитан, вы не поняли. Я говорю не о себе. Я хочу сказать...

— Продолжайте работу.

Я сказал Вики: *«Не отключайся, родная»*, затем уселся поплотнее и заговорил снова: — Есть, капитан. Я-то готов любоваться вашей абракадаброй хоть всю ночь. Но на другом конце уже нет никого.

— Что вы хотите этим сказать?

— Хочу сказать, что сейчас там время обеда, и для моего партнера оно уже истекает. Если вам угодно получить особый режим работы на Земле, вам необходимо связаться с отделом коммуникаций ФППИ. Мне кажется, что сегодня кто-то что-то напутал со списком дежурств.

— Понятно. — Капитан, как всегда, не выказал никаких чувств. Я начал думать, что он просто робот с проволокой вместо нервов. — Хорошо. Мистер Истман, вызовите мистера Макнейла, и пусть он сменит мистера Барлетта.

— Есть, капитан.

— Извините меня, капитан...

— Да, Барлетт?

— Возможно, вам неизвестно, что партнер Дядюшки живет в гринвичской зоне минус два. Сейчас там глубокая ночь, а партнер — старая леди лет за семьдесят пять. Я думаю, что вам бесполезно знать это.

— М-м-м... Это верно, Истман?

— Думаю, да, сэр.

— Последнее распоряжение отменяется. Барлетт, не согласится ли ваш партнер снова заступить на вахту после часового перерыва на обед? Без того, чтобы обращаться за разрешением к ФППИ?

— Сейчас узнаю, сэр.

Я поговорил с Вики; она была в нерешительности. Я спросил:

«В чем дело, Веснушка? Свидание с Джорджем? Скажи только словечко, и я совру этому капитану Блаю, что ты недосыгаема».*

«О, все в порядке. Пошлю Джорджа подальше. Простое хочется, чтоб они дали нам что-то еще, кроме крошки из алфавита. О'кей. Через час».

«Через час, моя сладость. Беги лопай свой салат. Береги талию».

«С моей талией все в порядке. Спасибо за внимание».

— О'кей, капитан.

— Отлично. Поблагодарите его от моего имени.

Он был так бесстрастен, что мне захотелось хоть чем-нибудь проколоть его толстую кожу.

— Мой партнер — девочка, капитан, а не «он». Ее мать наложила двухчасовой запрет на передачи. Если вам это не по душе, действуйте через ФППИ.

— Так. Хорошо. — Он повернулся к Истману. — Нельзя ли как-то получше организовать вахты этих связистов?

— Я пытаюсь, капитан. Но для меня это ново... да и осталось у нас всего трое вахтенных.

— Наладить круглосуточные вахты из трех человек не так уж трудно. Но у нас, по-видимому, всегда находятся причины, по которым передача невозможна. Ваши соображения?

— Что ж, сэр. Вы только что сами убедились в наличии объективных трудностей. Это дело упирается в необходимость координации с Землей. Э-э-э... мне кажется, работники спецсвязи сами разрабатывают порядок своих дежурств. Или, во всяком случае, один из них.

— Который именно? Макнейл?

— Кажется, обычно этим занимается Барлетт, сэр.

— Так. Барлетт?

— Да, этим занимался я, сэр.

— Очень хорошо. Выполняйте эти обязанности и дальше. Организуйте круглосуточную вахту.

Он уже начал вставать.

Ну как сказать капитану, что он не получит своего ведерка с краской?

* Капитан английского военного брига «Баунти». Его жестокое обращение с командой привело к знаменитому мятежу в 1789 году.

— Есть, сэр. Только... еще минуточку, капитан...

— Да?

— Правильно ли я понял, что вы поручаете мне составить расписание круглосуточной вахты для связи с ФППИ? Приказ за вашей подписью?

— Естественно.

— Но что мне делать, если нам не дадут разрешения на столь продолжительную работу для пожилой леди? Запросить еще более продолжительные вахты для двух других телепартнеров? Но в случае с моим партнером мы встретимся с сопротивлением родителей — она ведь совсем ребенок...

— Понимаю. Не могу взять в толк, зачем штаб-квартира нанимает таких людей.

Я ничего не ответил. Если он не знает, что телепатов не нанимают тем же путем, каким нанимают, скажем, мясников, я не стану ему это разъяснять.

Но капитан стоял на своем.

— Ваши соображения?

— Мне нечего сказать, сэр. Мы не можем получить от них больше трех-четырех часов работы в сутки, кроме особо крайних обстоятельств. Существует ли сейчас такая крайность? Если да, я могу организовать вызов и без обращения в штаб-квартиру.

Прямо он мне не ответил. Вместо этого бросил:

— Организуйте вахтенное дежурство наилучшим образом, исходя из реальных условий. Проконсультируйтесь с мистером Истманом.

Когда он повернулся, чтобы уйти, я успел заметить выражение непереносимой усталости на его лице, и мне стало его ужас как жалко. Я бы ни в жизнь не поменялся с ним работой.

Вики снова встала на вахту после полуночи, несмотря на возражения Кэтлин. Кэтлин предложила отстоять эту вахту сама, но беда в том, что мы с ней уже не могли поддерживать надежный контакт, без подключения Вики, особенно в таких сложных случаях, как передача кодовых групп.

Капитан к завтраку не вышел, а я на него опоздал. Вошел в столовую, огляделся и нашел местечко рядом с Джанет Меерс. Теперь мы уже не рассаживались по отделам — сидели все вместе за одним большим под-

ковообразным столом, а остальная площадь столовой превратилась в гостиную, чтобы зал не выглядел слишком пустым.

Только что я начал возиться со своими поджаренными дрожжами, намазанными на ломтик хлеба, когда вдруг встал мистер Истман и постучал по стакану, прося внимания. Выглядел он так, будто не спал много-много ночей.

— Потише, пожалуйста. У меня поручение от капитана. — Истман вынул из кармана листок бумаги и начал читать его вслух:

«Информация для сведения команды. Согласно распоряжению Фонда Поощрения Перспективных Исследований, миссия нашего корабля пересмотрена. Мы остаемся вблизи Беты Кита, дожидаясь randevu с кораблем Фонда «Серендипити». Встреча кораблей состоится предположительно через месяц. Сразу же после встречи мы начнем разрабатывать орбиту для возвращения на Землю. Ф. Х. Уркварт, командующий "Льюисом и Кларком"».

Я так и застыл с разинутым ртом. Ну и ловкач-тихоня! Все время, пока я всячески мордовал его в своем воображении, он делал все возможное, чтобы убедить штаб-квартиру в необходимости изменить отданные нам ранее распоряжения... Чего же удивляться, что пришлось прибегнуть к кодированию; разве можно сказать открытым текстом, что на корабле бардак, а команда на грани мятежа. Нет, этого следовало избежать любым способом. Я даже обиду перестал чувствовать: он все-таки нам — вырождакам — не доверял, боялся, что мы не удержим в секрете содержание передаваемых материалов. Впрочем, я бы и сам себе такого не доверил, особенно учитывая ситуацию.

Глаза Джанет сияли... как у охваченной любовью женщины или как у математика-релятивиста, который только что открыл новый способ преобразований.

— Значит, им все-таки удалось! — прошептала она себе под нос.

— Удалось что? — спросил я.

Джанет явно вкладывала в свои слова какой-то очень важный для нее смысл. А я и не подозревал, что ей так хочется вернуться на Землю.

— Томми, неужели ты не понимаешь? Они добились, они добились успеха, применив принцип независимости от скорости света! Бэбкок был прав!

— Э-э-э... в чем прав?

— Ну это же ребенку ясно! Какой тип корабля может прибыть сюда за один месяц? Конечно, тот, который построен с учетом принципа независимости и летит со сверхсветовой скоростью! — Она нахмурила брови. — Но если так, то почему им требуется целый месяц? Ведь время не должно иметь никакого значения! Никакой затраты времени не может быть вообще!

— Полегче, полегче, Джанет! Я сегодня особенно туповат — всю ночь не сомкнул глаз. Почему ты говоришь, что этот корабль... «Серендипити», что ли... летит быстрее света? Такого просто не может быть...

— Томми, Томми... ну посмотри... если бы это был обыкновенный корабль, то, чтобы встретиться с нами в этих краях, он должен был бы покинуть Землю шестьдесят три года назад.

— Что ж, очень может быть, что и улетел.

— Томми! Этого быть никак не могло, так как в те годы никто еще не знал, что мы окажемся тут. Подумай, откуда им было знать?!

Я прикинул. Шестьдесят три года гринвичского времени тому назад... м-м-м... ведь это примерно время нашего первого пика. По-видимому, Джанет права. Только безумный оптимист или ясновидящий мог в те времена послать корабль для встречи с нами — здесь и сейчас.

— Тогда я ничего не понимаю.

— Неужели не понимаешь, Томми? А ведь я объясняла тебе, прекрасно помню, что объясняла. Безотнотсительность. Господи, да именно вы — телепаты — были причиной начала этих исследований. Вы доказали, что «мгновенность» является вполне приемлемой концепцией... а неизбежным логическим следствием этого стало понимание того, что ни время, ни пространство просто не существуют.

У меня начала пухнуть голова.

— Не существуют? Тогда в чем же мы, по-твоему, как нам кажется, сидели во время завтрака?

— Все это просто математическая абстракция, милый. И ничего больше. — Джанет улыбнулась мудрой материнской улыбкой. — Мой бедненький сентиментальный Томми! Зря ты так перенапрягаешься...

Полагаю, Джанет была права, так как встреча с ФК «Серендипити» произошла через двадцать девять гринвичских дней. Все это время мы провели в полете, при ускорении силы тяжести, равном $0,5 g$; наша цель лежала в пяти миллиардах миль в северном галактическом направлении от Бета Кита, так как выяснилось, что «Серендипити» не хочет подходить слишком близко к крупным звездам. И все же для расстояния в шестьдесят пять световых лет пять миллиардов миль слишком скромная цель — не мудрено и промахнуться. Все эти дни мы работали как сумасшедшие, разбирая и подготавливая образцы, сопоставляя записи и тому подобное. Кроме того, капитан Уркварт внезапно обнаружил, что для встречи гостей у нас слишком много вещей нуждается в чистке и полировке. На сей предмет он проверил даже личные каюты, что я счел чем-то весьма близким к бесцеремонности.

«Серендипити» имел на борту мыслечитчика, что обернулось большой удачей, когда дело дошло до сближения кораблей. «Серендипити» промазал почти на два световых часа; затем их мыслечитчик и я обменялись координатами по отношению к Бете Кита, передав их друг другу через Землю, причем этот процесс потребовал всего лишь считанных минут. Если бы мы воспользовались радаром или радио, то прокопались бы не меньше недели, да и то гарантии на нашу встречу — никакой.

Когда все это было сделано, «Серендипити» проявил такое проворство, что запросто мог бы вышибить нам мозги. Он чуть ли не плюхнулся нам на колени — мы увидели его на своем радаре почти в тот самый момент, когда я передавал только что принятые его тогдашние координаты нашему капитану. Час спустя, корабль

подошел к нам и состыковался. Это был очень маленький корабль. Когда я впервые увидел нашу «Элси», она показалась мне гигантом; потом я по привычке, и она как бы обрела нормальные размеры, а в некоторых отношениях иногда смотрелась даже слегка перенаселенной. Но из «Серендипити» не получилось бы даже приличного шаттла «Земля—Луна».

Первым на наш борт ступил мистер Уиппл. Пове- рить, что в космосе вам может встретиться человек такого типа, — просто невозможно. Представьте себе — в руках он держал кейс!!! Несмотря на это, он тут же принял на себя руководство всеми делами. С ним при- были два человека, которые немедленно занялись чем- то в небольшом помещении на грузовой палубе. Они заранее знали, какое именно помещение им потребует- ся; так что нам пришлось быстренько повыкидывать хранившийся там запас картошки. Проработав полдня, они установили там нечто, называвшееся ими «генера- тор нуль-поля»; работали они в странных костюмах: сотканых из тонких, как волос, проволочек, обтяги- вавших их фигуры столь же плотно, как бинты обвола- кивают тело мумии. Мистер Уиппл все это время стоял в дверях, наблюдая за работой и покуривая сигару, первую, которую я увидел за все три года и от запаха которой мне тут же стало худо. Релятивисты роились вокруг него, обмениваясь взволнованными коммента- риями; точно так же вели себя и инженеры, однако они явно не понимали и не одобряли увиденного. Я слышал, как мистер Регато сказал:

— Может, оно и так. Только ракетный двигатель намного надежней. На ракеты вы всегда можете поло- житься.

Наш капитан наблюдал за всем происходящим, его каменное лицо не выражало никаких эмоций.

Наконец мистер Уиппл вынул изо рта сигару и не- брежно произнес:

— Ну вот и все, капитан. Томпсон останется с вами и доведет вас до места, а Бьеркенсен пойдет на нашей «Серендипити». Боюсь, с моим присутствием вам при- дется примириться, так как дальше я отправлюсь с вами.

Лицо капитана приобрело оттенок серого гранита.

— Должен ли я понять, сэр, что вы отстраняете меня от командования кораблем?

— Что? Боже мой, капитан! Неужели я дал вам повод так подумать?

— Мне показалось, что вы взяли на себя право распоряжаться моим кораблем... от имени штаб-квартиры. А теперь вы заявляете, что этот человек... э-э-э... Томпсон довезет нас куда-то!

— Бог мой! Конечно нет! Извините меня! Дело в том, что я отвык от церемоний, принятых во время полевой работы. Слишком давно околачиваюсь в штаб-квартире. Прошу вас рассматривать Томпсона как... м-м-м... как лоцмана. Именно так! Он будет вашим лоцманом. Но никто, разумеется, вас не отстраняет, нет; вы остаетесь командиром корабля до тех пор, пока мы не вернемся домой и вы не сдадите официально свой корабль... После этого, само собой, он пойдет на слом...

Мистер Регато сказал странным тоненьким голосом:

— Вы сказали «на слом», мистер Уиппл?!

Я почувствовал, что мой желудок скрутила откуда-то взявшаяся судорога. «Элси» на слом? Да не бывать этому!

— Что? Знаете, я поспешил. Пока еще ничего не решено. Вполне возможно, ее превратят в музей. В самом деле, мне кажется, это отличная мысль! — Он вытащил записную книжку и что-то черкнул в ней. Спрятал в карман и продолжал: — А теперь, капитан, с вашего разрешения, я хотел бы поговорить с вашими людьми. Времени у нас маловато.

Капитан Уркварт молча проводил его в столовую.

Когда мы собрались все, мистер Уиппл улыбнулся и начал:

— Я не очень-то хороший оратор. Просто хочу поздравить вас всех от имени Фонда и объяснить, чем мы занимались. Не буду входить в детали, поскольку я совсем не ученый; я — администратор, которому поручено дело ликвидации проекта «Лебенсраум», а вы — часть этого проекта. Подобные операции по спасению и оказанию помощи, конечно, необходимы; но тем не менее Фонд хотел бы как можно скорее освободить нашу «Серену» вместе с ее собратьями «Безотноси-

тельностью», «Бесконечностью» и «Нулем» для выполнения их главной задачи — то есть исследования звезд в окружающем нас космосе.

Кто-то выдохнул:

— Но ведь и мы занимались именно этим!

— Да, да, конечно! Но времена меняются. Один корабль с генератором нуль-поля может за год посетить больше звезд, чем ракетный корабль за столетие. Вам будет наверняка приятно узнать, что «Нуль», работая в одиночку, открыл за прошлый месяц семь планет земного типа.

Увы! Я не ощутил особого счастья, услышав это известие.

Дядюшка Альфред наклонился вперед и спросил тихим голосом, в котором звучали трагические нотки и который как бы выражал наше общее мнение:

— Минутку, сэр... Не хотите ли вы сказать, что все, что мы делали... было не нужно?

Мистер Уиппл очень удивился.

— О, нет, нет, нет! Я ужасно сожалею, если создал у вас такое впечатление. Все сделанное вами было жизненно необходимым, если бы не вы, то у нас не было бы никаких «нуль-кораблей». Господи, это же все равно что сказать, будто не было нужды в том, что совершил Колумб, потому что теперь мы перепрыгиваем океаны точно грязные лужи!

— Благодарю вас, сэр, — тихо отозвался Дядюшка.

— Вероятно, вам еще никто не рассказывал, какую неизмеримую пользу принес человечеству проект «Либенсраум»? Такое упущение вполне возможно, ведь вокруг Фонда уже довольно давно идет кутерьма — мне это хорошо известно — я сам от недосыпания никак не могу сообразить, что уже сделано, а что еще остается доделать. Но вы же понимаете, не правда ли, что без телепатов, находящихся среди вас, весь этот прогресс был бы просто невозможен? — Уиппл оглядел аудиторию. — Они здесь присутствуют? Я хотел бы пожать им руки. Во всяком случае — я ведь не ученый, помните это, я всего лишь адвокат — и все же, если б не было доказано, что телепатическая связь, без всякого сомнения, мгновенна, причем это утверждение было проверено на протяжении многих и многих

световых лет, то наши ученые все еще выискивали бы ошибки в шести десятичных знаках и утверждали бы, что телепатические сигналы распространяются не мгновенно, а просто на скоростях, которые настолько велики, что их истинные параметры маскируются ошибками инструментов наблюдения. Вот так мне представляется все это дело, во всяком случае, так меня учили. Поэтому, как видите, ваш великий труд дал поразительные результаты, гораздо более значительные, чем ожидалось вначале, хотя, возможно, это были и не совсем те результаты, на поиски которых вы отправлялись.

А я думал о том, что если бы все это было сказано раньше — ну хотя бы несколькими днями раньше, — то дядя Стив, возможно, был бы еще жив. Впрочем, он же мечтал умереть не в собственной постели.

— Но плоды ваших трудов, — продолжал мистер Уиппл, — созрели не сразу. Подобно многим другим научным открытиям, новые идеи должны были какое-то время произрастать среди узких специалистов... а уж потом потрясающие разум результаты были выброшены в мир... Что касается меня, то, если бы шесть месяцев назад кто-нибудь сказал мне, что сегодня я окажусь среди далеких звезд, где стану читать популярные лекции по новой физике, я бы ему ни на грош не поверил. И вот, можете убедиться, я здесь. И среди прочего, я здесь для того, чтобы помочь вам адаптироваться, когда мы окажемся дома. — Он улыбнулся и поклонился.

— Э-э... мистер Уиппл, — спросил Чет Трейверс, — а когда мы окажемся дома?

— Ох, я же не сказал вам этого! Почти немедленно... скажем, сразу после завтрака.

Глава 17

О времени и переменах

Что ж, на этом можно было бы поставить точку и похоронить бывшее по-хорошему. У меня уже никогда не будет времени для писательства. Нас продержали в карантине в Рио около недели. Если бы с нами не было представителя ФППИ, наверняка мы бы еще и теперь торчали там. Впрочем, все были очень милы с нами. Император Бразилии дон Педро Третий вручил каждому из нас по Ричардсоновской медали от имени всей Солнечной системы и произнес речь, из коей явствует, что у него нет четкого представления ни о том, кто мы такие, ни где мы были, но тем не менее наши труды заслуживают величайшего одобрения.

И все-таки внимания нам уделяли гораздо меньше, чем я ожидал. О, я вовсе не хочу сказать, что средства массовой информации нас вообще игнорировали; они поместили наши портреты, они проинтервьюировали буквально каждого из нас. Однако единственная статья в газете, которую я видел, была озаглавлена: «Третья партия Рипов ван Винклей прибыла сегодня».

Репортер — или как его там, написавший про нас — должно быть очень развлекался, когда готовил материал, и я искренне надеюсь, что он когда-нибудь подавится

своими находками. Наши одежды казались ему потешными, наша речь — старомодной, а мы все — очаровательно отсталыми и даже глуповатыми. Под фотографией была подпись: «Шапки долой, цыпулечки! Дедушка доплелся до города».

Больше я ничего не стал читать.

Дядюшку все это не трогало. Я даже сомневаюсь, чтобы он хоть что-то заметил. У него было одно желание — увидеться с Селестиной.

— Я надеюсь, — почти на полном серьезе сказал он мне, — что ребенок хоть на треть научился готовить так же хорошо, как ее мать.

— Ты будешь жить у нее? — спросил я.

— Конечно, как всегда.

Это было вполне логично, так что ответа от меня не требовалось. Мы обменялись адресами. Это тоже было логично, но в то же время и странно, ведь у всех у нас был один адрес — «Элси». И тем не менее я обменялся адресами решительно со всеми и тут же отметил себе навестить брата Дасти, если он еще жив, чтобы рассказать ему, как мы гордимся его братом... может быть, мне удастся разыскать его через Фонд.

Когда нас выпустили из карантина и перед нами, наконец, возникла Селестина Джонсон, я ее не узнал. Я увидел высокую, красивую, пожилую леди, которая кинулась к нам и крепко обняла Дядюшку, чуть ли не оторвав его от земли; я даже подумал, не прийти ли к нему на помощь?

Но тут она поймала мой взгляд, улыбнулась, и я завопил:

— Конфетка!

Она улыбнулась еще шире, и я физически ощутил, как волны любви и нежности накатываются на меня.

«Хелло, Томми, какое счастье опять встретиться с тобой!»

Я дал обещание приехать к ним в гости при первой возможности и ушел. Они не нуждались во мне, чтобы добраться до дому. Меня же встретить не пришел никто; Пат был слишком стар и больше не путешествовал, Вики слишком молода, чтобы отпустить ее одну, а что касается Молли и Кэтлин, я полагаю, их мужья не видели в этом никакой нужды. Да никто из них меня

особо и не любил. Я никого не виню, учитывая все обстоятельства... хотя, надо сказать, прошло уже много времени (для них — многие годы) с тех пор, как я последний раз мысленно разговаривал с их женами без помощи Вики. Но, повторяю, я никого не виню. Если когда-нибудь телепатия станет общим явлением, она неизбежно вызовет среди родственников множество весьма напряженных ситуаций.

Кроме того, я в любой момент мог связаться с Вики, если захочу. И велел ей даже не думать о приезде и не устраивать в связи с этим никакого шума; мне не хотелось, чтоб меня встречали.

Фактически, нас всех, кроме Дядюшки, встречали только представители Фонда. После того как прошел семьдесят один год, на встречу просто некому было приехать. Но почему-то больше всего я жалел капитана Уркварта. Я видел, как он стоит один-одинешенек, тогда как мы толпимся у дверей карантина, дожидаясь своих курьеров-переводчиков. Мы были *вместе*, всецело погруженные в обряд прощания. А у капитана друзей не было — я полагаю, он не мог себе позволить заводить их на борту корабля даже в те времена, когда еще только ждал, что когда-нибудь сможет стать капитаном.

Он выглядел таким мрачным, таким никому не нужным и таким несчастным, что я подошел к нему и протянул руку.

— Хочу попрощаться с вами, капитан. Считаю для себя честью, что служил под вашей командой... и удовольствием.

Последние слова не были ложью; в эту минуту я говорил правду.

Он, казалось, удивился, но затем лицо его расплылось в такой широкой улыбке, что я испугался — не лопнет ли оно, как переспелый орех; физиономия Уркварта явно к таким экспериментам не привыкла. Он схватил мою руку и ответил:

— И для меня это было удовольствие, Барлетт. Желаю тебе всяческого счастья. Э-э-э... какие у тебя планы?

Он спрашивал с таким интересом, что я внезапно ощутил, до какой степени ему охота поболтать, просто пообщаться.

— Пока определенных планов нет, капитан. Сначала съезжу домой, а потом, надо думать, пойду в школу. Раньше хотел поступить в колледж, но, полагаю, придется кое-что подогнать. Крутом уж больно много перемен.

— Да, перемен много, — грустно согласился капитан. — Трудно будет приспособиться.

— Хм... А каковы ваши планы, сэр?

— Никаких. Просто не знаю, что делать.

Он сказал это так обыденно, как бы констатируя непреложный факт; с неожиданно накатившим на меня чувством жалости и тепла я понял, что он говорит правду. Уркварт был капитаном ракетных кораблей — самая узкоспециализированная профессия, какую только можно вообразить... а теперь ракетных кораблей больше не существовало. Ну, совсем как если бы Колумб вернулся из своего первого путешествия и обнаружил крутом одни пароходы. Разве он сумел бы выйти на них в море? Он и капитанского мостика-то не нашел бы, не говоря уж о том, что не знал бы, что делать, если б и взошел на него.

Для капитана Уркварта больше не было места. Капитан стал анахронизмом. Один парадный обед, а там — спасибо, спокойной ночи!

— Думаю, можно выйти в отставку, — продолжал он, поглядывая в сторону. — Я подсчитал размер пенсии — получается чудовищная сумма.

— Еще бы, сэр!

Я-то свою не подсчитывал, ее получал за меня Пат.

— Будь оно проклято, Барлетт! Я же еще слишком молод, чтобы меня в отставку!..

Я поглядел на него. Мне капитан никогда не казался старым, да он и не был таким, особенно в сравнении с нашим прежним капитаном — капитаном Свенсоном. Однако я полагал, что ему лет сорок есть — по корабельному времени.

— Слушайте, капитан, а почему бы вам тоже не поступить в школу? Вы же вполне можете себе это позволить.

Вид у него был совсем разнесчастный.

— Возможно, придется пойти. Может, даже обязательно поступлю. А может, брошу все к черту и эмигрирую. Говорят, сейчас тут выбор мест для эмиграции очень богатый.

— Вероятно, и я в конце концов эмигрирую. Если хотите знать мое мнение, тут стало, пожалуй, слишком тесновато. Я всерьез подумываю о том, как красив Бэбкок-бей.

Я говорил правду — частенько задумывался об этом в течение всей проведенной в карантине недели. Если принять Рио за образчик, то на Земле нет места, где можно было бы упасть со вкусом; мы ведь жили в округе Сантос — вроде бы далеко, а все равно он тоже считался частью Рио.

— Если вернемся в Бэбкок-бей, то там сойдем за старожилков.

— Что ж, может быть, и поеду. Да, пожалуй, надо уезжать!

Но вид у капитана был потерянный.

Наши курьеры-переводчицы получили инструкции развести нас всех по домам или куда укажут члены команды «Элси», но я свою отпустил, как только мне выдали билет домой. Она у меня была очень симпатичная, но мне жутко надоела. Обращалась со мной, как с гибридом старичка, требующего защиты от уличного движения, ребенка-несмышленища, которому все время нужно указывать, что ему делать. Правда, по большей части это были указания, в которых я вовсе не нуждался.

Как только я обзавелся одежкой, на которую не пялились на улицах, я тут же возжаждал самостоятельности. Переводчица за эту неделю чуть-чуть обучила меня «системному языку», так что я смог ориентироваться в простейших ситуациях и надеялся, что мои ошибки в произношении отнесут на счет какого-нибудь местного говора. Фактически же я обнаружил, что «системный язык», если на нем не залетать в горные выси, был просто старым межпланетным жаргоном с упрощенной грамматикой и множеством новых слов.

Иначе говоря, все тот же английский, только его обкорнали и обструтали, чтоб получить торговый жаргон.

Так что я поблагодарил синьориту Гуэру, пожелал ей всего доброго и сунул свой билет сонному привратнику у турникета. Он сказал мне по-португальски, я в ответ глупо ухмыльнулся, поэтому он тут же сменил пластинку:

— Отсюдовато идитто прямоватто. Спроситься у коготто хотится.

Наконец-то я вышел на свой новый путь.

Случилось так, что на этом корабле все, видимо, знали, что я — Рип ван Винкль, и хостесса настаивала на том, чтобы помочь мне при пересадке в Уайт-Сандс. Все относились ко мне по-дружески, и никто надо мной не смеялся. Один парень захотел узнать о положении в колонии, созданной на Капелле Восьмой, и никак не мог взять в толк, почему это я там не бывал, раз все эти годы торчал в космосе. Я пытался объяснить, что Капелла находится совсем в другой стороне небосвода и более чем в сотне световых лет от тех мест, где был я, но добиться, чтоб он усвоил эту простую мысль, мне все же не удалось.

Теперь я стал лучше понимать, почему мы произвели так мало шума в средствах массовой информации. Планет для колонизации было навалом, и чуть ли не каждый день прибавлялись новые, так чего же им было восхищаться тем, что мы открыли шестьдесят лет назад? Или даже тем, что открыто несколько месяцев назад, ведь все это не шло ни в какое сравнение с тем, что открыто только вчера. Что же до звездных кораблей, то смотрите «Новости» — там сообщаются даты их отбытия на ближайшие дни.

Мы были всего лишь крошечным абзацем в истории освоения космоса и подстрочным примечанием в научных трудах; в «Новостях» нам места не было. Я решил, что примечание — тоже неплохая штука и успокоился.

Чем волноваться о таких мелочах, уж лучше поразмышлять над проблемой повышения своего образовательного уровня, который, как я начал понимать, следовало поднять гораздо выше; изменений было куда больше,

чем я мог представить. Взять для примера хотя бы женскую моду — слушайте, я ведь не пуританин, но женщины не одевались (если тут можно применить это слово) так, когда я был мальчишкой. Девушки носят по улицам, не имея на голове ничего... ну, хотя бы на макушке... нет, головы у них совсем обнаженные, как у животных. Хорошо па не дожид до таких зрелищ — он никогда не разрешал моим сестрам садиться за стол с непокрытой головой, даже если мы с Патом были единственными холостыми мужчинами, присутствовавшими на обеде.

Или возьмите погоду. Я знал, что ФППИ работал над проблемой управления ею, но не ожидал, что он тут чего-нибудь добьется. Ну разве не скука, что дождю теперь разрешено идти только по ночам? Или возьмите грузовики. Конечно, от грузовика требуется одно — перевозить вещи отсюда и туда. Однако отсутствие колес придает им крайне неустойчивый вид.

Интересно, сколько времени понадобится для того, чтобы на Земле не осталось ни одного колеса?

Только что я пришел к выводу, что ко всему этому хочешь не хочешь, а придется привыкнуть, и тут же к моему креслу подошла хостесса и положила мне что-то на колени, а когда я поднял эту штуку, она со мной *заговорила*. Просто такой сувенир в память о путешествии.

Городской дом Пата по размерам раз в восемь превышал родительскую квартиру, где мы жили всемером; я решил, что ему, видно, удалось подкупить деньжонок. Рободворецкий взял у меня накидку и ботинки и провел меня к Пату.

Он не встал. Я даже не уверен, что он мог бы подняться с кресла. Я знал, что Пат стар, но не мог представить себе, что он *так* дряхл. Ему было... по-стойте-ка... ему было восемьдесят девять! Да, верно — вскоре нам предстояло отмечать свое девяностолетие.

Я решил держаться как ни в чем не бывало.

— Привет, Пат.

— Привет, Том. — Он дотронулся до ручки кресла, и оно покатилося в моем направлении. — Не двигайся. Стой, где стоишь. Дай посмотреть на себя. —

Он оглядел меня снизу вверх и сверху вниз, а потом удивленно произнес: — В уме я представлял-таки себе, что ты с годами мало переменился. Но *видеть*, да, видеть своими глазами, это совсем другое дело, а? Портрет Дориана Грея*.

Голос у него был совсем старческий.

— А где все домашние? — спросил я, чувствуя себя не слишком уютно.

— Я велел девочкам немного обождать. Хочется сначала побыть с братом наедине. А если ты имеешь в виду Ганса и Грегори, то, без сомнения, увидишь их сегодня вечером за ужином. Ладно, забудем о них, братишка; давай-ка поговорим с тобой вдвоем. Вон ведь сколько времени прошло...

Я видел слезы в его вечно увлажненных старческих глазах. Мне стало совсем не по себе.

— Да, ты прав.

Он наклонился в мою сторону и крепко стиснул подлокотники кресла.

— Скажи мне только одно. Это было увлекательно?

Я и сам не раз думал об этом. Док Деверо... Мама О'Тул... бедная маленькая Пру, которой так и не удалось повзрослеть... дядя Стив... И тогда я постарался выбросить их из своей памяти и дал Пату тот ответ, которого он ждал.

— Да, увлекательно. Ужасно увлекательно.

Он вздохнул.

— Это хорошо. Я перестал сожалеть об этом уже много лет назад. Но если бы не было интересно, то какая это была бы бессмысленная растрата жизненных сил...

— Нет, было.

— Это то, что я и хотел от тебя услышать. Сейчас позову девочек. А завтра покажу тебе завод и представлю нашему персоналу. Я, разумеется, не рассчитываю, что ты сразу же возьмешь дело в свои руки. Если хочешь, возьми длительный отпуск. Только не очень длительный, Том... мне ведь кажется, я начинаю стареть. Уже не могу загадывать далеко вперед, как делал раньше.

* Намек на роман Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея», где разрабатывается сюжет о вечной молодости героя.

Внезапно я понял, что Пат уже спланировал за меня всю мою жизнь, точно так же, как делал это в былые времена.

— Подожди минуту, Пат. Я с удовольствием похожу с тобой по твоему заводу, такое внимание очень лестно. Но больше ни на что не рассчитывай. Сначала я поступлю в школу. Потом... ладно, потом и будет видно...

— Э? Не валяй дурака. И не смей называть это «моим» заводом. Он — «Братья Барлетт, инкорпорейтед». И всегда был таким. И ты за это дело несешь не меньшую ответственность, чем я.

— Успокойся, Пат. Я только...

— Тихо! — Его голос был слаб и тонок, но в нем еще звучали командные нотки. — Я не желаю слышать от вас всякую чушь, молодой человек!.. Уже однажды ты поступил по своей воле и достаточно долго проболтался на этом веселеньком пикнике. Заметь, я не желаю критиковать методы, которыми ты достиг своей цели. Это дела прошлые. Но теперь тебе предстоит закатать рукава и взять на себя ответственность за семейное предприятие. — Он умолк, дыша с трудом, а затем продолжал уже тише, обращаясь, казалось, только к себе самому. — У меня нет сына, у меня нет внуков, я несу этот груз в одиночку... но чтобы мой родной брат... мой единственный брат...

Его голос как бы истончился и смолк.

Я подошел ближе и дотронулся до его плеча, но тут же отдернул руку — ощущение было такое, будто взял пригоршню тонких щечек. Однако я решил, что это дело следует обговорить раз и навсегда; я даже сказал себе, что так с моей стороны будет милосерднее.

— Выслушай меня, Пат. Я не хочу казаться неблагодарным, но скажу тебе напрямик. Я собираюсь жить так, как считаю нужным, жить своей собственной жизнью. Пойми меня правильно. Эта жизнь может включать в себя «Братьев Барлетт», а может и не включать. Вернее всего, последнее. И решать буду я. Больше ничьих приказов не потерплю.

Одним движением руки он отмел все мной сказанное.

— Ты сам не знаешь, чего хочешь; ты еще просто мальчишка. Не важно, мы поговорим об этом завтра. Сегодня день радости.

— Нет, Пат. Я не мальчишка. Я мужчина. И с этим тебе придется смириться. Пусть буду совершать ошибки, но больше не позволю собой командовать. — Он даже не посмотрел на меня. Я же стоял на своем. — Я говорю серьезно, Пат. Настолько серьезно, что, если ты не усвоишь сказанное и не станешь им руководствоваться, я уйду из дома немедленно. И навсегда.

Тогда он поднял глаза.

— Ты не посмеешь так поступить со мной.

— Посмею.

Он поискал что-то в моих глазах.

— Да. Похоже, ты способен на это. Ты же всегда был недобрым. Из-за тебя у меня было много неприятностей.

— Я и теперь зол... если тебе угодно так это называть.

— А!.. Но ты же не посмеешь так обойтись с девочками? С нашей малюткой Вики?

— Посмею, если ты снова будешь давить на меня.

С секунду он глядел мне прямо в глаза, потом его плечи опустились и он спрятал лицо в ладонях. Я решил, что он плачет, и почувствовал себя негодяем, издевающимся над беззащитным стариком. Я похлопал его по плечу, уже почти сожалея, что не потянул еще какое-то время, а, наоборот, форсировал события.

Я вспомнил, как этот дряхлый старик рисковал своим здоровьем и своей психикой для того, чтобы пробиться ко мне во время нашего первого пика, и подумал: если он так жаждет этого, то мне стоит порадовать его. В конце-то концов, не так уж долго ему осталось жить.

Нет!

Не должен один человек навязывать другому свою волю ни силой, ни слабостью. Я — личность... и хочу снова лететь к звездам. Внезапно я понял, куда стремлюсь. О, может быть, сначала колледж... но в будущем непременно полечу к звездам. Я за многое благодарен этому старику, но все равно не позволю ему уродовать мою жизнь. Она моя.

Я взял его за руку.

— Извини, Пат.

Он ответил, не поднимая глаз.

— Ладно, Том. Как скажешь. Я все равно рад, что ты вернулся... хоть и на своих условиях.

Еще несколько минут мы болтали о пустяках, потом Пат велел рободворецкому принести мне кофе... Сам он пил молоко. Наконец Пат сказал:

— Сейчас вызову девочек.

Нажал какую-то кнопку на подлокотнике, там вспыхнула лампочка, и он что-то бормотнул.

В комнату вошла Молли, за ней Кэтлин. Я бы узнал каждую из них где угодно, хотя никогда не видел ни ту ни другую. Молли была женщиной, завершающей свой шестой десяток, но все еще красивой. Кэтлин же только что вступила в четвертый, но выглядела моложе... нет, не так!.. Ей можно было дать ее годы, но она носила их с королевским величием. Молли взяла обе мои руки, встала на цыпочки и поцеловала в губы.

— Мы так рады, что ты вернулся домой, Томми.

— Очень рады, — подхватила ее слова Кэтлин; сказанное ею эхом прозвучало прямо в моем мозгу. Кэтлин тоже поцеловала меня и добавила вслух: — Так вот каков мой престарелый и вечно юный прадедуська! Том, ты заставляешь меня жалеть, что у меня нет такого сына. Да, не очень-то ты похож на дядю. И я, пожалуй, тебя так больше звать не стану.

— Ладно... да и я не ощущаю в себе никаких дядюшкиных чувств. Разве что к Молли...

Молли сначала растерялась, а потом захихикала, как девочка.

— Ладно, дядя Том. Я буду помнить о твоих годах... и относиться к ним с уважением.

— А где Вики?

«Я тут, дядя Том... бугу — мигнуть не успеешь!»

«Поторопись, малышка».

Кэтлин бросила на меня острый взгляд, но ничего не сказала — уверен, что она подслушала непроизвольно. Впрочем, она тут же ответила вслух:

— Вики спустится через минуту, Том. Надо же ей навести марафет. Ты ведь знаешь, каковы эти девчонки.

Вряд ли знаю, подумал я. Но как раз в это мгновение появилась Вики.

На ее лице не было веснушек, не было и скобок на зубах. И рот не так уж велик; он просто отлично подходил к ее лицу. И морковного цвета волосы, кото-

рые так беспокоили ее когда-то, сейчас казались пылающей короной.

Она не теряла времени на поцелуи; просто подошла ко мне, будто мы были совсем одни, взяла мои обе руки и поглядела вверх — в глаза.

«Дядя Том. Том».

«Веснушка».

Не знаю, сколько времени мы изображали из себя мраморные статуи. Наконец она сказала:

«После того как мы поженимся, не будет больше никакой болтовни насчет разделяющих нас световых лет. Понял? Я отправлюсь туда, куда отправишься ты — хоть к заливу Бэбкока, если ты захочешь туда. Но я отправлюсь с тобой».

«Чего? И когда это ты решила выскочить за меня замуж?»

«Ты, кажется, забыл, что я читала в твоем мозгу с тех пор, как была ребенком и делала это куда основательнее, чем ты мог вообразить. Я и сейчас занимаюсь тем же».

«Ну, а как же Джордж?»

«Какой еще Джордж? Это был просто запасной вариант, когда я глумалась, что ты не вернешься до тех пор, пока я не стану совсем старухой. Забудь о Джордже».

«Идет».

Наше «ухаживание» длилось не больше двадцати секунд. Не отпуская моих рук, Вики сказала вслух:

— Том и я идем в город и там поженимся. Мы хотели бы, чтобы и вы пошли с нами.

Так мы и сделали.

Я видел, что Пат внимательно вглядывается в мое лицо во время церемонии и вертит в мозгу мыслишки насчет того, как ее можно использовать в своих целях. Однако Пат явно не понимает нового расклада: если мной и будут командовать, то не ему достанется роль командира. Вики говорит, что она в два счета «раскрутит» меня «на всю катушку». Надеюсь, что нет, но что она постарается, это уж наверняка. Если так случится, я уверен, что сумею приспособиться к этому... ведь мне приходилось приспосабливаться к куда менее приятным вещам

НЕБЕСНЫЙ ФЕРМЕР

Глава 1

Земля

Наш отряд провел весь день в горах Сьерра-Невада и припозднился с возвращением. Из лагеря мы снялись вовремя, но транспортный контроль завернул нас на восток из-за погодных условий. Я был не в духе: когда меня нет дома, отец, как правило, сидит без ужина.

Да еще вторым пилотом мне навязали новичка; мой помощник заболел, и наш скаутский руководитель мистер Кински подсунил мне этого пижона. Сам мистер Кински летел в другом вертолете, с отделением «Пантер».

— А немного побыстрее нельзя? — поинтересовался пижон.

— Слышал когда-нибудь о правилах движения? — спросил я в ответ.

Вертолет, управляемый наземной службой, медленно плыл на автопилоте по грузовому воздушному коридору, куда нас втиснул транспортный контроль.

Пижон рассмеялся.

— Так ты же в любой момент можешь сослаться на экстренные обстоятельства. Смотри, как это делается! — Он включил микрофон. — «Лиса восемь-три» вызывает транспортный...

Я вырубил связь, включил передатчик снова и, когда транспортники отозвались, сказал, что мы вызвали их по ошибке.

Пижон скривился.

— Какой примерный маменькин сыночек! — пропел он приторным голоском.

Вот этого ему говорить явно не следовало.

— Убирайся на корму, — сказал я, — и позови ко мне Слэта Кейфера.

— Зачем это? Он же не пилот!

— Можно подумать, что ты пилот! Весите вы одинаково, а я не хочу, чтобы наша развалюха потеряла равновесие.

Пижон поглубже уселся в кресло.

— Старик Кински назначил меня вторым пилотом. Я никуда не уйду.

Я сосчитал до десяти и спустил это дело на тормозах. Пилотская рубка в воздухе — не место для драки. Больше мы не разговаривали до тех пор, пока я не посадил вертолет на плато Северный Диего и не вырубил мотор.

Конечно, мы прилетели последними. Мистер Кински нас уже ждал, но я его в упор не видел; я вообще никого не видел, кроме этого пижона. Я схватил его за грудки.

— А ну повтори, что ты сказал!

Рядом с нами словно из-под земли вырос мистер Кински.

— Билл! — проговорил он. — Билл! Что все это значит?

Я чуть было не выпалил, что сейчас пересчитаю пижону зубы и освобожу от лишних, но сдержался. Мистер Кински повернулся к пижону:

— Что случилось, Джонс?

— Я ничего не делал! Спросите кого угодно!

Я хотел заявить, что об этом он будет рассказывать совету пилотов: неподчинение в воздухе — проступок серьезный. Но меня остановила фраза «спросите кого угодно». Никто нашу стычку не видел.

Мистер Кински посмотрел на нас обоих и сказал:

— Билл, построь свое отделение, сделай переключку и распусти ребят.

Так я и сделал, а потом отправился домой.

Домой я пришел измотанный и взвинченный. По дороге прослушал новости: ничего хорошего. Из пайка опять урезали десять калорий. От этого известия есть захотелось еще сильнее, и я снова вспомнил, что отец наверняка сидит без ужина. Потом по радио передали, что «Мейфлауэр» наконец готов к полету, уже составляют списки эмигрантов. Счастливики, подумал я. Никаких тебе урезанных пайков. Никаких пижонов Джонсов.

И новенькая с иголочки планета.

Джордж — это мой отец — сидел в комнате, просматривая газеты.

— Привет, Джордж, — сказал я. — Ты ужинал?

— Привет, Билл. Нет еще.

— Сейчас что-нибудь сообразим.

Я заглянул в кладовку и обнаружил, что отец не только не ужинал, но и не обедал. Надо приготовить чего-нибудь посущественнее.

Я вытащил из холодильника два синтетических бифштекса, сунул их в скороварку, чтобы оттаяли, туда же отправил здоровенную печеную картофелину для отца и поменьше — для себя. Потом выудил из морозилки пакет с салатом и оставил его оттаивать на столе.

Пока я возился, наливая кипяток в чашки с бульонными кубиками и кофейным порошком, бифштексы созрели для жарения. Я перекинул их в печку, поставил ее на средний режим и подбавил жару скороварке, чтобы картошка прогрелась одновременно с бифштексами. Потом — назад к холодильнику, пара мороженных на десерт — и обед готов.

Картошка уже согрелась. Я глянул в свою расходную книжку, решил, что мы можем себе это позволить, и шлепнул на картофелины по кусочку маргарина. Тут звякнула печка, я вытащил бифштексы, накрыл на стол и зажег свечи, как любила делать Анна.

— Кушать подано! — провозгласил я. Вернулся на кухню, в темпе переписал с оберток калории и баллы и сунул упаковки в мусоросжигатель. Записи расходов всегда должны быть в порядке.

Отец сел за стол вместе со мной. Если не считать времени, потраченного на записи, приготовление ужина заняло всего две минуты и двадцать секунд; не

понимаю, почему женщины поднимают столько шума из-за стряпни. Системы у них нет, вот в чем беда.

Отец втянул носом воздух и ухмыльнулся.

— Билл, да ты просто транжира! Так мы быстро вылетим в трубу.

— Спокойно, — заявил я. — За этот квартал мы все еще в плюсе. — Я помрачнел. — Но если они не перестанут урезать рацион, в следующем квартале нам придется туго.

Рука Джорджа замерла в воздухе с кусочком бифштекса на вилке.

— Опять?

— Опять. Слушай, Джордж, я ничего не понимаю. Год был урожайный, в Монтане вступила в строй дрожжевая фабрика...

— Ты ведь слушаешь продовольственные сводки, Билл?

— А как же!

— А ты обратил внимание на результаты переписи населения в Китае? Вот и прикинь, что получается.

Я понял, что он имеет в виду, и бифштекс внезапно показался мне куском старой резины. Что толку стараться, рассчитывать, если на другой стороне глобуса люди сводят на нет все твои усилия?

— Эти чертовы китайцы вместо того, чтобы плодить детей, лучше бы жратву выращивали!

— Делиться с ближним нужно по-братски, Билл.

— Но... — начал я и заткнулся. Отец прав, конечно. Он почти всегда прав. Но все равно это как-то несправедливо. — Ты слышал про «Мейфлауэр»? — спросил я, чтобы переменить тему.

— «Мейфлауэр»? А что с ним? — неожиданно насторожился отец. Меня это удивило. После смерти Анны (Анна — это моя мать) мы с Джорджем были настолько близки, насколько это вообще возможно между людьми.

— Ну, он готов к полету, вот и все. Они начинают набирать пассажиров.

— Да? — Опять этот настороженный тон. — Расскажи лучше, что вы сегодня делали.

— Ничего особенного. Прошли пешком миль пять на север от лагеря. Мистер Кински кое-кого проэкзаменовал. Я видел горного льва.

— Серьезно? Я думал, они уже все вымерли.

— Ну, во всяком случае, мне так показалось.

— Наверное, так оно и было. А еще?

Я поколебался, потом рассказал ему про стычку с пижоном Джонсом:

— Он даже не из нашего отряда! Какое право он имеет вмешиваться в управление вертолетом?

— Ты поступил правильно, Билл. Похоже, этот пижон Джонс, как ты его называешь, просто не дорос до звания пилота.

— Между прочим, он на год старше меня.

— В мое время детям до шестнадцати вообще не давали водительских прав.

— Времена меняются, Джордж.

— Это верно. Верно.

Отец внезапно погрустнел. Я понял, что он думает об Анне, и быстро проговорил:

— Возраст — это неважно, но как такое ничтожество, как Джонс, могло пройти тест на психическую устойчивость?

— Психические тесты несовершенны, Билл. Впрочем, как и люди. — Отец откинулся на спинку кресла и зажег трубку. — Хочешь, я уберу сегодня со стола?

— Нет, спасибо.

Он вечно об этом спрашивал, а я всегда отказывался. Отец у меня рассеянный — запросто может швырнуть записи рациона в мусоросжигатель. Я-то все уберу как положено.

— Хочешь партию в криббидж*? — предложил я.

— Да я же тебя без штанов оставляю!

— Это мы еще посмотрим!

Я убрал со стола, сжег тарелки и пошел в гостиную. Отец вытащил игральную доску и карты.

Мысли его явно где-то витали. Я уже готов был воткнуть фишку в последнюю дырочку, а он так и не

* Карточная игра. (Здесь и далее примечания переводчика.)

начал играть по-настоящему. В конце концов он отложил карты и посмотрел мне прямо в глаза.

— Сынок...

— Чего? То есть — да, Джордж?

— Я решил эмигрировать на «Мейфлауэре».

Я свалил на пол игральную доску. Поднял ее, вдохнул поглубже и постарался попасть в тон:

— Вот здорово! Когда мы летим?

Отец яростно пыхнул трубкой.

— В том-то и дело, Билл. Ты останешься здесь.

Я онемел. Таких номеров отец еще никогда не откалывал. Я сидел, беззвучно, как рыба, разевая рот. Наконец мне удалось выдать:

— Отец, ты шутишь!

— Нет, сынок.

— Но почему? Ответь мне только на один вопрос: почему?

— Видишь ли, сынок...

— Зови меня Биллом.

— О'кей, Билл. Я решил попытать счастья в колониях — но это не значит, что я имею право ломать твою жизнь. Тебе нужно получить образование, а на Ганимеде нет приличных колледжей. Закончишь учебу и тогда, если захочешь эмигрировать, милости просим!

— И в этом вся причина? Единственная причина? Только из-за колледжа?

— Да. Ты останешься здесь и получишь диплом. А еще лучше — ученую степень. А потом, если будет желание, присоединишься ко мне. Это не проблема: претенденты, имеющие в колониях близких родственников, идут вне очереди.

— Нет!

Отец упрямо нахмурился.

Но я тоже упрямый.

— Джордж, выслушай меня. Если ты оставишь меня здесь, это ничего не изменит. В колледж я не пойду. Я уже сейчас могу сдать экзамены на гражданство третьего класса. Получу разрешение на работу...

— Тебе не нужно разрешение на работу, — обрывал меня отец. — Я оставляю тебе деньги, Билл. Ты...

— «Оставляю деньги»! Да я не возьму ни гроша, если ты смотаешься и бросишь меня! Буду жить на стипен-

дию, пока не сдам экзамены и не получу рабочую карточку!

— Потише, сынок! Ты ведь гордишься тем, что ты скаут?

— Ну... Да, конечно.

— Помнится мне, скауты должны быть послушными. И вежливыми, кстати, тоже.

Он, как всегда, попал в самую точку. Мне не следовало об этом забывать.

— Джордж!

— Да, Билл?

— Если я тебе нагрубил, извини. Но скаутские законы вовсе не для того придуманы, чтобы все кому не лень могли вить из нас веревки. Пока я живу в твоём доме, я тебе подчиняюсь. Но если ты бросишь меня и уедешь, то потеряешь все права на меня. Это справедливо, так ведь?

— Будь благоразумным, сынок. Я ведь желаю тебе только добра.

— Не увиливай, Джордж. Это справедливо или нет? Если ты улетишь за сотни миллионов миль, как ты сможешь распоряжаться моей жизнью? Я сам буду отвечать за себя.

— Но я тем не менее останусь твоим отцом.

— Отцы и сыновья должны жить вместе. Насколько я помню, отцы, приплывшие в Америку на древнем «Мейфлауэре»*, привезли с собой детей.

— Это совсем другое дело.

— Почему?

— Да потому что Ганимед гораздо дальше — и там куда опаснее.

— Опаснее? Но половина колонии в Плимут-роке вымерла в первую же зиму — это общеизвестный факт. А расстояние не играет никакой роли, главное — сколько времени нужно на его преодоление. Если бы мне сегодня пришлось возвращаться домой на своих двоих, я топал бы ещё целый месяц. Первые переселенцы

* «Мейфлауэр» — название корабля, на котором в 1620 г. в Северную Америку прибыла группа английских переселенцев-пуритан, основавших поселение Новый Плимут, положившее начало колониям Новой Англии.

пересекали Атлантику за шестьдесят три дня, по крайней мере так нас учили в школе. А по радио передавали, что наш «Мейфлауэр» долетит до Ганимеда за шестьдесят дней. Так что от нас до Ганимеда ближе, чем было от Лондона до Плимут-рока.

Отец встал и постучал трубкой, вытряхивая пепел.

— Я не собираюсь обсуждать этот вопрос, сынок.

— Я тоже не собираюсь. — Я набрал в грудь воздуха. Мне бы промолчать, но я уже закусил удила. Никогда в жизни он не позволял себе так со мной обращаться. Боюсь, мне тоже захотелось сделать ему больно. — Единственное, что я могу сказать: не одному тебе осточертел этот урезанный паек. Если ты думаешь, что я останусь здесь, а ты там в колонии будешь лопать от пуза, ты глубоко заблуждаешься. Я-то думал, что мы друзья.

Это было уже совсем гнусно. Мне самому стало стыдно. Что мы с ним друзья, он сказал мне после смерти Анны. Да так оно и было на самом деле.

В ту же секунду, когда я захлопнул рот, до меня дошло, почему Джордж решил эмигрировать — и что пайки тут вовсе ни при чем. Но слово не воробей.

Отец посмотрел на меня и тихо проговорил:

— Вот, значит, как ты думаешь? Что я хочу уехать, чтобы не приходилось сидеть без обеда и экономить паек?

— А зачем же иначе? — Меня несло, и я никак не мог остановиться.

— Хм... Что ж, если ты так считаешь, Билл, нам не о чем больше разговаривать. Спокойной ночи.

Я пошел в свою комнату, весь в растрепанных чувствах. Господи, до чего же мне сейчас недоставало Анны — ну просто до физической боли! Я знал, что отец чувствует то же самое. Она никогда не позволила бы нам забыться до такой степени, чтобы наорать друг на друга. По крайней мере я на него наорал, это точно. И дружба наша раскололась на мелкие кусочки, ее уже не склеишь.

После душа и продолжительного массажа мне немного полегчало. Нет, конечно, дружбе нашей еще не конец. Джордж одумается. Он поймет, что мне необхо-

димо лететь с ним, он не позволит колледжу встать между нами. Я был уверен — ну почти уверен в этом.

И улетел мыслями к Ганимеду.

Ганимед!

Надо же, я ведь даже на Луне ни разу не был!

У нас в классе есть один парень, так он родился на Луне. Родители остались там, а его отправили на Землю в школу. Он вечно выпендривался и строил из себя заядлого космонавта. Но до Луны-то рукой подать, какая-то несчастная четверть миллиона миль*! Да в нее камешками бросать отсюда можно! И потом, Лунная колония себя не обеспечивает, там все те же урезанные земные пайки. Фактически это просто часть Земли, не более. Но Ганимед!

Сами посудите: Юпитер отделяет от Земли приблизительно полмиллиарда миль, чуть больше, чуть меньше, в зависимости от времени года. По сравнению с таким простором расстояние до Луны — это ж сущая мелочь!

Я вдруг запомнил: Ганимед третий или четвертый спутник Юпитера? И мне позарез потребовалось это узнать. На полке в гостиной у нас стоял справочник Элсворта Смита «Путешествие по Земным колониям», из которого можно было почерпнуть массу ценных сведений. Я отправился за ним.

Отец еще не лег — сидел в гостиной и что-то читал.

— Э-э-э... привет! — сказал я и подошел к полке. Он кивнул, продолжая читать.

Книги на месте не оказалось. Я оглянулся вокруг.

— Что ты ищешь, Билл? — спросил отец.

Я наконец узрел, что у него в руках справочник Смита.

— Ничего, — сказал я. — Я не знал, что ты ее читаешь.

— Эту книгу?

— Неважно. Найду что-нибудь другое.

— Бери, я ее уже просмотрел.

— Да не... Ну ладно, спасибо. — Я взял справочник и развернулся.

— погоди минутку, Билл.

* 1 миля = 1,609 км.

Я остановился.

— Я принял решение, Билл. Я не поеду.

— Чего?!

— Ты был прав. Мы с тобой друзья, и мое место здесь.

— Да, но... Послушай, Джордж, зря я ляпнул про паек. Я прекрасно знаю, что паек тут ни при чем. Ты уезжаешь... ну, потому, что тебе обязательно нужно уехать.

Я хотел сказать, что понимаю: он едет из-за Анны. Но боялся, что если произнесу ее имя вслух, то, чего доброго, разрыдаюсь как младенец.

— Ты имеешь в виду, что хочешь остаться и поступить в колледж?

— Ну... — Честно говоря, я вовсе не это имел в виду. Я твердо был намерен лететь на Ганимед. — Я не об этом. Просто я знаю, почему ты хочешь уехать. Почему ты должен уехать.

— Хм... — Он долго возился с трубкой, раскуривая ее. Потом сказал: — Ясно. Хотя и не совсем. Давай договоримся, Билл. Дружба прежде всего. Или мы летим вместе, или вместе остаемся — если только ты сам не захочешь остаться и получить образование, чтобы потом присоединиться ко мне. Так будет справедливо?

— А? Да, конечно!

— Ладно, поговорим об этом позже.

Я пожелал ему спокойной ночи и в темпе смылся в спальню. Уильям, мальчик мой, сказал я себе, дело в шляпе. Если только ты не размякнешь и не согласишься на разлуку. Я забрался в постель и раскрыл книгу.

Ганимед оказался третьим спутником Юпитера; я, конечно, мог и сам об этом вспомнить. Вполне приличная планетка, даром что спутник: больше Меркурия и гораздо больше Луны. Сила тяжести в три раза меньше земной. Там я буду весить около сорока пяти фунтов*. Впервые на Ганимеде люди высадились в 1985 году — это я знал и без Смита, — а проект создания атмосферы

* 1 фунт = 453,59 г.

ры начали осуществлять в 1988 году и продолжали до сих пор.

В книге был стереоснимок Юпитера — вид с Ганимеда: круглый, как яблоко, красновато-оранжевый, приплюснутый на полюсах. Чудесная планета! Я так и уснул, разглядывая снимок.

Следующие три дня мы с классом проходили урок географии в Антарктике, так что с отцом поговорить не удалось. Я вернулся со слегка обмороженным носом, потрясенными фотографиями пингвинов и прояснившимися мозгами. У меня было время подумать.

Отец, как всегда, перепутал расходные записи, но, к счастью, не выбросил упаковки, так что я быстро привел все в порядок. После обеда я позволил ему выиграть две партии, а затем сказал:

— Послушай, Джордж...

— Да?

— Помнишь наш разговор?

— Да, конечно.

— Так вот: я несовершеннолетний и без твоего разрешения уехать не могу. По-моему, лучше бы тебе взять меня с собой, но если ты против, школу я не брошу. В любом случае тебе надо лететь... ты обязательно должен лететь, сам знаешь почему. Прошу тебя: обдумай все как следует. Я очень хочу поехать с тобой, но если нет — капризничать не стану.

Отец даже смутился.

— Это другой разговор, сынок. Значит, ты хочешь отпустить меня, а сам останешься и закончишь школу? Без дураков?

— «Хочешь» — это слишком сильно сказано. Но я согласен.

— Спасибо. — Отец порылся в сумке и достал большую ксерокопию. — Взгляни-ка сюда.

— Что это?

— Копия твоего заявления об эмиграции. Я подал его два дня назад.

Глава 2

Чудовище с зелеными глазами*

Следующие несколько дней я сидел на уроках как на иголках. Отец предупредил меня, чтобы я не зарывался; наши заявления еще никто не утвердил.

— Знаешь, Билл, заявок в десять раз больше, чем мест.

— Но ведь большинство рвутся на Венеру или на Марс. Ганимед слишком уж далеко, это не для неженков.

— Я не говорю о заявках во все колонии; я имею в виду заявки на Ганимед, на первый рейс «Мейфлауэра».

— Все равно, ты меня не испугал. В любом случае подходящих кандидатов будет не больше одного из десяти.

Отец со мной согласился. Впервые в истории, сказал он, колонистов отбирают так тщательно. Обычно колонии были местом ссылки отбросов общества, преступников и неудачников.

— Но, Билл, — продолжил он, — почему ты так уверен, что мы с тобой подойдем? Мы ведь никакие не супермены.

* Слова из реплики Яго: «Ревности страшитесь, генерал: чудовище с зелеными глазами над жертвами смеется» (В. Шекспир, «Отелло», пер. Б. Н. Лейтина).

Я опешил. Мне и в голову не приходило, что мы недостаточно хороши для колоний.

— Джордж, они не могут нас забраковать!

— Почему же? Еще как могут!

— Но с какой стати? Им нужны инженеры, а ты настоящий ас. Я, конечно, не гений, но с учебой у меня порядок. Мы здоровы, у нас нет врожденных отклонений: мы не дальтоники, не страдаем гемофилией или еще чем-нибудь в этом роде.

— У нас нет известных нам отклонений, я согласен. Во всяком случае мне кажется, что мы с тобой правильно выбрали себе предков. Но я не имел в виду такие ярко выраженные недостатки.

— Тогда о чем речь? Чем мы можем им не угодить?

Он вертел в руках трубку, как всегда, когда не хотел отвечать прямо.

— Билл, когда я выбираю для работы сплав, я не говорю: «Вот хороший блестящий кусок металла, давайте пустим его в дело». Я просматриваю длинный перечень тестов со всеми возможными характеристиками и только тогда выбираю сплав, который подходит для моей конкретной цели. Если бы ты подбирал людей для нелегкой работы по колонизации планеты, какие качества служили бы для тебя критерием?

— Ну... Не знаю...

— И я не знаю. Я не психолог и не социолог. Но сказать, что колонии нужны здоровые и образованные люди, все равно что сказать: «Для этой работы мне нужна сталь, а не дерево». Какая сталь — вот в чем вопрос. А может, нужна вовсе не сталь, а какой-нибудь титановый сплав. Поэтому не обольщайся раньше времени.

— Но... Я не пойму — что же мы можем сделать в таком случае?

— А ничего. Если отвергнут, скажешь себе, что ты лучшая в мире сталь и не твоя вина, что им понадобился магний.

Глядя на вещи с такой точки зрения, беспокоиться, естественно, было не о чем, но я все равно беспокоился. Хотя в школе виду не подавал. Я уже всем развонял, что улетаю на Ганимед, и, если дело не выгорит, выпутываться будет нелегко.

Мой лучший друг, Дак Миллер, загорелся идеей поехать вместе с нами.

— Но как ты поедешь? — спросил я. — Твои предки тоже хотят на Ганимед?

— Я все продумал, — ответил Дак. — Нужен только какой-нибудь взрослый, согласный меня опекать. Если сумеешь уговорить своего старика — считай, что дело в шляпе.

— Но что скажет твой отец?

— А ему до фени. Он всю дорогу талдычит, что в моем возрасте сам зарабатывал себе на жизнь. «Парень должен уметь себя прокормить» — вот его любимая песня. Ну как? Поговоришь вечером со своим предком?

Я сказал, что поговорю, и сдержал слово. Отец помолчал немного, потом спросил:

— Ты на самом деле хочешь взять Дака с собой?

— Естественно. Он мой лучший друг.

— А что говорит его отец?

— Он еще не спрашивал отца. — Я объяснил Джорджу, как мистер Миллер относится к этому вопросу.

— Да? — сказал отец. — Тогда подождем, что скажет мистер Миллер.

— Хорошо. Значит, если отец Дака даст добро, ты подпишешься, Джордж?

— Я имел в виду только то, что сказал, Билл. Давай подождем. Возможно, проблема отпадет сама собой.

— А может, мистер и миссис Миллеры тоже решат рвануть на Ганимед, если Дак их как следует накрутит?

Отец скептически вздернул бровь.

— Мистера Миллера к Земле привязывают, так сказать, многочисленные деловые интересы. Думаю, легче сдвинуть с места каменную плотину, чем заставить его пренебречь ими.

— Но тебе же деловые интересы не помешали!

— Так я ведь не занимаюсь бизнесом, а свою профессию я бросать не собираюсь, она мне и там пригодится.

Назавтра я спросил Дака, как дела.

— Забудь об этом, — заявил он. — Считай вопрос закрытым.

— Чего?

— Предок говорит — только последний идиот может умотать на Ганимед. Земля, говорит он, единственная планета в Солнечной системе, пригодная для жизни, и, если бы в правительстве не сидела кучка пустоголовых мечтателей, мы не стали бы швырять деньги в прорву, пытаясь превратить голые скалы где-то у черта на куличках в зеленые луга. Он говорит, все это предприятие обречено.

— Вчера ты так не думал.

— Это пока он мне не прочистил мозги. Знаешь что? Мой предок собирается сделать меня деловым партнером. Как только закончу колледж, он меня построит в нижний эшелон управления. Говорит, не хотел зря трепаться, чтобы я был поинициативнее и научился сам о себе заботиться. Но теперь он решил, что время пришло и пора мне об этом узнать. Что скажешь?

— Звучит заманчиво. Но почему это предприятие обречено?

— «Заманчиво» — и только-то? Ну, предок говорит, что постоянная колония на Ганимеде невозможна. Это опасное и никому не нужное балансирование на краю пропасти — так он дословно и выразился. В один прекрасный день защитные укрепления рухнут, колония будет сметена, колонисты погибнут и люди наконец перестанут идти наперекор природе.

Больше нам потрепаться не удалось — пора было бежать на урок. Вечером я рассказал отцу о нашем разговоре.

— Что ты думаешь по этому поводу, Джордж?

— Думаю, в его словах есть доля правды...

— Что?!

— Тихо, не заводись с пол-оборота. Если на Ганимеде случится катастрофа, с которой мы не сумеем справиться, планета действительно вернется в свое первоначальное состояние. Но это не вся правда. У людей есть забавная склонность считать естественным то, к чему они привыкли. Однако окружающая среда на Земле перестала быть естественной в том смысле, какой они вкладывают в это слово, с тех пор как человек спустился с дерева. Билл, ты знаешь, сколько народу живет в Калифорнии?

— Пятьдесят пять миллионов шестьдесят тысяч.

— А тебе известно, что первые колонии вымерли здесь от голода? Но так было! Как же могут пятьдесят с лишним миллионов жить тут и не голодать? Пусть даже на урезанных пайках? — спросил отец и сам ответил на свой вопрос: — На побережье у нас стоят четыре атомные станции, которые превращают морскую воду в питьевую. Мы используем каждую каплю реки Колорадо и каждый фут снега, выпадающего в горах. И еще у нас есть уйма всяких технических устройств. Если все они выйдут из строя — предположим, сильное землетрясение вдруг разрушит атомные станции, — штат опять превратится в пустыню. Сомневаюсь, что в таком случае удастся эвакуировать все население. Большинство, скорее всего, погибнет от жажды. И все же я не думаю, что это не дает мистеру Миллеру спокойно спать по ночам. Он считает Калифорнию прекрасной «естественной» средой. Будем надеяться, Билл. В распоряжении у людей есть масса и энергия, а в головах есть мозги — значит, мы можем создать любую среду, какую захотим.

После этого я редко виделся с Даком. Мы с отцом получили уведомления, что надо пройти тесты на пригодность для колонизации, и свободного времени у нас почти не оставалось. К тому же Дак вообще как-то переменялся... Хотя, может, это я стал другим. Я ни о чем не мог думать, кроме как о путешествии, а Дак о нем разговаривать не хотел. Или, если говорил, то нес такую чушь, что совершенно выводил меня из себя.

Отец не разрешил мне бросить школу, пока не будет полной определенности насчет полета, но мне поневоле приходилось сачковать — из-за тестов. Мы прошли все обычные физические испытания плюс дополнительные штучки. Например, тест на перегрузку: я выдержал восемь «g», потом вырубился. Был еще тест на переносимость низкого давления воздуха — если у вас варикозные вены или кровь течет из носа, можете забыть про колонии. Ну и еще куча всяких испытаний.

Мы благополучно с ними разделились. Но потом начались психологические тесты, а это куда хуже, потому что ты не имеешь понятия, какой реакции от тебя ожидают. А порой даже не подозреваешь, что в данный момент тебя тестируют. Первым делом они провели

сеанс гипноза. По-моему, это уж совсем нечестно. Откуда мне знать, о чем я могу натрепаться во сне?

Как-то днем я сидел в приемной и ждал психиатра — сидел до умопомрачения долго. В комнате были двое лаборантов. Когда я вошел, один из них вытащил из шкафа папку с моей медицинской картой и положил на стол. Другой, рыжий парень с приклеенной ухмылкой на губах, сказал мне:

— О'кей, малыш, садись на скамейку и жди.

Я сидел и ждал, а рыжий тем временем взял папку и стал просматривать ее содержимое. Хихикнул, повернулся и окликнул своего напарника:

— Эй, Нед, ты только взгляни на это!

Тот склонился над листом, в который тыкал пальцем рыжий, и тоже захихикал. Я чувствовал на себе их взгляды, но делал вид, что ничего не замечаю.

Второй лаборант вернулся на свое место и уселся за стол, но тут рыжий вскочил, подошел к нему с раскрытой папкой и стал что-то зачитывать ему на ухо, так что до меня долетали только бессвязные обрывки слов. Внутри у меня все кипело.

Рыжий закончил чтение, посмотрел прямо мне в лицо и заржал. Я встал и спросил:

— Что вас так развеселило?

— Не твоего ума дело, малыш, — заявил он. — Сиди и не рыпайся.

Я подошел к нему и попросил:

— Разрешите взглянуть?

Второй лаборант сунул папку в стол. Рыжий усмехнулся:

— Маменькин сыночек хочет посмотреть, Нед. Почему бы тебе не дать ему папку?

— Не думаю, что ему всерьез охота это читать.

— Да, боюсь, ты прав, — хихикнул рыжий и добавил: — Надо же, и он еще собирается стать отважным колонистом!

Второй задумчиво глянул на меня, покусывая большой палец, и изрек:

— Не вижу ничего смешного. Они могут взять его поваренком, например.

Рыжий аж зашелся от смеха.

— Спорим, он будет неотразим в передничке!

Годом раньше я бы ему непременно врезал, хотя он был куда крупнее и сильнее меня. Услышав «маменькин сыночек», я напрочь забыл про Ганимед; меня одолевало одно желание — стереть с его рожи эту глупую ухмылку. Но я его не тронул, сам не знаю почему. Может, из-за того случая, когда мы отлупили кучку зарвавшихся юнцов из отряда «Юкка»? Мистер Кински сказал тогда, что командиры, которые не могут навести порядок без кулаков, ему не нужны.

Так или иначе, но я просто обошел вокруг стола и попытался открыть ящик. Он был заперт. Я взглянул на две ухмыляющиеся физиономии. Их веселья, я, понятно, не разделял.

— Мне было назначено на час дня, — сказал я. — Раз врача до сих пор нет, передайте, что я позвоню попозже, договоримся на другой день.

Я повернулся и вышел вон.

Дома мы поговорили с Джорджем. Он выслушал меня и выразил надежду, что я не слишком изгадил свои шансы на полет.

Нового назначения к психиатру я так и не дождался. И знаете, что оказалось? Это были никакие не лаборанты, а психологи; нас, как выяснилось, все время снимали скрытой камерой и записывали на магнитофон.

Наконец мы с Джорджем получили уведомления, что признаны годными и будем включены в список пассажиров «Мейфлауэра» при условии выполнения «всех нижеизложенных условий».

В этот вечер я разошелся и устроил настоящую пирушку. Плевать я хотел на все расходные записи!

Условия были изложены в брошюре. «Рассчитайтесь со всеми долгами». Это меня не волновало: полкредитки я был должен Слэту Кейферу, а больше долгов за мной не водилось. «Пришлите расписку об оплате билета». Об этом позаботится Джордж. «Завершите все судебные тяжбы». В жизни не имел дела с судами, разве что с судом чести. В общем, требований была уйма, но в основном они касались Джорджа.

Однако я нашел одну строку, которая меня насторожила.

— Джордж, — окликнул я отца, — здесь говорится, что в рейс берут только семьи с детьми.

— Что ж, мы и есть такая семья. Если, конечно, ты не против, чтобы тебя классифицировали как «дитё».

— Н-да. Может быть. Но мне почему-то кажется, что они имеют в виду супружескую пару с детишками.

— Не ломай себе голову зря.

Интересно, сам-то он в этом уверен?

Чего с нами только не вытворяли! И уколы делали, и прививки, и группу крови определяли — словом, для школы времени совершенно не оставалось. Когда меня не кололи и не брали кровь, я, как правило, валялся и отходил от предыдущей процедуры. А под конец нужно было еще татуировать на коже чуть не всю медицинскую карту: идентификационный номер, резус-фактор, группу крови, скорость коагуляции, перенесенные болезни, врожденные иммунитеты и прививки. Девчонки и дамы делали татуировку невидимыми чернилами, которые проявляются лишь при инфракрасном свете, или же помещали все данные у себя на подошвах.

Меня спросили — может, я тоже хочу татуировку на ступнях? Я отказался: слишком много еще дел осталось, не могу позволить себе хромать. Мы пришли к соглашению, что лучше всего подойдет та часть тела, на которой сидят, так что пару дней мне пришлось обедать стоя. А что — хорошее место, скрытое от чужих глаз. Правда, и от моих тоже: татуировку я мог рассмотреть только в зеркале.

Время поджимало; нам следовало прибыть в Мохавский космопорт 26 июня, ровно через две недели. Пора было решать, что взять с собой. На каждого пассажира полагалось пятьдесят семь и шесть десятых фунта груза — об этом нам объявили только после того, как тщательно всех взвесили.

В брошюре говорилось: «Завершите все свои земные дела, как перед смертью». Легко сказать! Но когда помираешь, с собой уже ничего не возьмешь, а мы-то могли взять целых пятьдесят семь фунтов!

Вопрос только — что взять?

Шелковичных червей я отнес в школу, в кабинет биологии. За ними туда же отправились змеи. Дак хотел взять себе аквариум, но я не позволил: он дважды заводил себе рыб, и оба раза они у него подошли. Птиц отдал миссис Фишбейн с первого этажа. Ни кота,

ни собаки у меня не было: Джордж говорит, что девятиэтажный дом не место для наших меньших братьев. Так он их называет.

Когда Джордж пришел домой, я разгребал свои завалы.

— Ну-ну, — сказал он. — По-моему, я впервые могу войти в твою комнату без противогаза.

Я пропустил это мимо ушей: такая уж у него манера разговаривать.

— Не знаю, куда их девать, — пожаловался я, показав на кучу вещей, сваленных на кровать.

— Ты снял на пленку все, что собирался?

— Да, кроме портрета.

Стереопортрет Анны весил как минимум фунт и девять унций*.

— Конечно, сохрани его. Но ты должен помнить, Билл: мы поедем налегке. Мы же первопроходцы.

— Все равно — никак не соображу, что из этого выбросить.

Думаю, видок у меня был мрачноватый, потому что отец сказал:

— Знаешь, кончай-ка жалеть себя. Мне тоже не сладко — придется расстаться с трубкой, а это ой как нелегко, можешь мне поверить.

— Почему? — спросил я. — Трубка же легкая!

— Потому что на Ганимеде табак не выращивают и не импортируют.

— Да-а. Слушай, Джордж, в общем-то у меня все на мази, только вот аккордеон... Больно он тяжелый.

— Хм... Надо попробовать подвести его под графу «предметы культуры».

— Чего?

— Прочти первую строчку. Предметы культуры не входят в число личных грузов. Они считаются достоянием колонии.

Мне и в голову не приходило, что я обладатель культурных ценностей.

— Вряд ли это выгорит, Джордж!

— А ты попробуй, что ж сразу руки-то опускать!

* 1 унция = 28,35 г.

Вот так и вышло, что через два дня я выступал перед советом по науке и культуре, пытаюсь доказать им, что представляю собой культурное достояние. Для начала я сбацал им «Индюшку в соломе», потом опус 81 Неру, увертюру из «Зари XXII века» Моргенштерна в переложении для гармоник, а под занавес вжарил «Зеленые холмы Земли».

Меня спросили, нравится ли мне играть для публики и вежливо сказали, что сообщат о решении совета... А через неделю я получил письмо с предписанием сдать аккордеон в контору, ведающую грузами. Ура! Я таки действительно «культурное достояние»!

За четыре дня до старта отец пришел домой раньше обычного — он закрыл свою контору — и поинтересовался, можем ли мы позволить себе что-нибудь вкусненькое на обед: у нас, дескать, будут гости. Я ответил, что все о'кей, мы даже вернем часть пайка перед вылетом.

— Сынок! — смущенно сказал отец.

— Чего? То есть — да, Джордж?

— Помнишь, что говорилось в брошюре про семьи?

— Конечно.

— Ты был абсолютно прав, но я тогда не решился тебе сказать. Теперь хочу признаться: завтра я женюсь.

В ушах у меня зазвенело. Я не смог бы удивиться больше, если бы он меня ударил.

Я стоял и тупо смотрел на него, не в силах вымолвить ни слова. Потом выдавил:

— Но, Джордж, это невозможно...

— Почему, сынок?

— А как же Анна?

— Анна умерла.

— Но... Но...

У меня не было слов. Я влетел в свою комнату, заперся и плюхнулся на кровать, пытаюсь собраться с мыслями.

Отец подергал за ручку, постучал в дверь, окликнул меня. Я не ответил. Он подождал немного и ушел. Я не встал с постели. Кажется, я ревел — не из-за отца, нет. Ревел, как после смерти Анны, когда не мог заставить себя поверить, что больше не увижу ее. Что

больше никогда она не улыбнется мне, не скажет: «Расти большой, Билли».

Я вытягивался в струнку, а она с гордостью смотрела на меня и гладила по плечу.

Как он может? Как может он привести какую-то женщину в дом Анны?

Я встал, посмотрел на себя в зеркало, включил игольчатый душ и сильный массаж. После этого мне полегчало, только в животе как-то странно посасывало. Массажер выколол из меня всю пыль, обдул ветерком и со вздохом затих. Пока он жужжал, мне все казалось, что я слышу голос Анны, но скорее всего он звучал у меня в голове.

Она говорила: «Расти большой, сынок».

Я оделся и вышел из спальни.

Отец уродовался над обедом — в буквальном смысле слова. Он умудрился прижечь большой палец в печке — только не спрашивайте меня как. Все, что он наготовил, кроме салата, пришлось вышвырнуть вон. Я вытащил продукты и молча принялся за стряпню. Отец тоже не говорил ни слова.

Стол я накрыл на троих. Джордж наконец раскрыл рот:

— Поставь, пожалуйста, еще прибор, Билл. Видишь ли, у Молли есть дочь.

Я выронил вилку.

— Молли? Ты имеешь в виду миссис Кеньон?

— Да, а разве я тебе не сказал? Ах да, ты же не захотел слушать.

Старая знакомая, значит. Она работала у отца чертежницей. Дочку ее я тоже видал — двенадцатилетняя пигалица. То, что невестой отца оказалась миссис Кеньон, меня совсем доконало. Почему-то мне показалось это верхом неприличия. Черт, эта лицемерка ведь была на похоронах Анны и даже имела наглость поплакать!

То-то она так суежилась вокруг меня, когда я заходил к отцу в контору. Небось давно уже положила глаз на Джорджа.

Я ничего не сказал. Что тут скажешь?

Когда они пришли, я вежливо поздоровался и слинял на кухню под предлогом готовки. Станный это был обед. Отец и миссис Кеньон разговаривали друг с другом, я что-то отвечал, когда ко мне обращались. Но

толком ничего не слышал. Меня заклинило на мысли — как он мог это сделать? Пигалица пару раз попыталась ко мне привязаться, но я быстро поставил ее на место.

После обеда отец предложил всем вместе сходить в кино. Они ушли, а я отговорился необходимостью собрать вещи.

Голова у меня трещала от мыслей, но с какой стороны я ни пытался посмотреть на это дело, лучше оно не становилось.

Сначала я решил, что не поеду на Ганимед, если они тоже туда намылились. Отцу придется заплатить за билет, но я заработаю и верну ему деньги — от них мне ничего не нужно!

А потом меня вдруг осенило, почему отец решился на женитьбу. И от сердца чуть-чуть отлегло. Но не совсем. Больно уж высока цена.

Отец вернулся поздно и без гостей. Постучал ко мне, открыл дверь, вошел в комнату.

— Ну, сынок?

— Что «ну»?

— Билл, я понимаю, что ты ошарашен, но ты привыкнешь.

Я рассмеялся, хотя мне было совсем не до смеха. «Привыкнешь»! Может, он и забыл об Анне, но я-то не забуду. Никогда.

— А пока, — продолжал отец, — я прошу об одном: веди себя прилично. Надеюсь, ты понимаешь, что вел себя по-хамски, только что в лицо им не плевал?

— По-хамски? — изумился я. — Я же приготовил им обед! Я был с ними вежлив.

— Да, вежлив. Как судья, объявляющий приговор. И не менее дружелюбен. Надо было наподдать тебе слегка, чтобы вспомнил, как себя ведут порядочные люди.

Думаю, на моем лице было написано, насколько я с ним не согласен.

— Ладно, что было, то прошло, — сказал Джордж. — Забудем. Поверь мне, Билл, со временем ты поймешь, что я правильно решил. А пока я прошу — веди себя по-человечески. Я же не призываю тебя бросаться к ним на шею, просто будь приветливым и дружелюбным, то есть будь самим собой. Ты постарайшься, да?

— Попробую. Отец, а почему ты решил преподнести мне это сюрпризом?

— Я был не прав, — смутился он. — Наверное, мне хотелось избежать неприятных сцен: я знал, что ты заклеишь меня как предателя.

— Но я бы смог понять, если бы ты объяснил. Я знаю, почему ты решил жениться...

— Вот как?

— Мне сразу надо было сообразить, когда ты упомянул об условиях в брошюре. Ты женишься, чтобы мы могли улететь на Ганимед...

— Что?!

Я растерялся.

— Но... это так, верно? Ты же сам говорил. Ты сказал...

— Я не говорил тебе ничего подобного! — Отец замолчал, набрал в грудь воздуха и тихо продолжил: — Билл, наверное, у тебя могло сложиться такое впечатление... Хотя это не делает мне чести. А теперь запомни раз и навсегда: мы с Молли решили пожениться вовсе не затем, чтобы эмигрировать. Мы эмигрируем, потому что решили пожениться. Может, ты еще слишком мал, чтобы понять, но я люблю Молли, а Молли любит меня. Если бы я захотел остаться здесь, она осталась бы со мной. Но поскольку я хочу уехать, она едет тоже. Она достаточно умна и понимает, что мне необходимо окончательно оторваться от прошлого. Тебе все ясно?

Я сказал, что вроде все.

— Тогда спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Он повернулся, и тут я не выдержал.

— Джордж!

Он остановился.

— Ты больше не любишь Анну, да? — крикнул я.

Отец побелел. Шагнул ко мне, остановился.

— Билл, — тихо сказал он. — Вот уже несколько лет я ни разу не поднял на тебя руку. И сейчас впервые мне захотелось вlepить тебе оплеуху.

Мне показалось, что он так и сделает. Я стоял и думал: если он до меня дотронется, он будет жалеть об

этом всю оставшуюся жизнь. Но отец вышел из комнаты и закрыл дверь.

Я опять принял душ, просто так, и улегся спать. Около часа я ворочался, вспоминая, как отец чуть не ударил меня, и отчаянно призывая Анну, чтобы она подсказала, что же мне делать. Потом врубил светомузыку и смотрел на огни, пока не заснул.

За завтраком мы не разговаривали, да и не ели почти. Наконец отец сказал:

— Билл, я хочу попросить у тебя прощения за вчерашнее. Ты не сделал ничего такого, что могло бы оправдать мое поведение, я не имел права так разговаривать с тобой.

— Ничего, все нормально, — ответил я и добавил: — Боюсь, я тоже наговорил лишнего.

— Что наговорил — это полбеды. Хуже то, что ты мог так подумать. Билл, я всегда любил Анну и сейчас люблю ее не меньше, чем прежде.

— Но ты сказал... — Я запнулся. — Нет, до меня, видно, не доходит...

— Что ж, это более чем естественно. — Джордж поднялся из-за стола. — Билл, церемония назначена на три часа. Ты сможешь одеться и быть готовым где-то к двум?

Я замешкался.

— Нет, Джордж, вряд ли. У меня уйма дел.

Он ничем не выдал своих эмоций.

— Понимаю, — сказал он бесстрастно и вышел.

Через пару минут отец уехал из дома. Еще через несколько минут я позвонил к нему в контору. Автоответчик промурлыкал: «Хотите оставить сообщение?» Я не хотел. Я решил, что Джордж заедет до трех домой, и вырядился в свой парадный костюм. Даже помазался отцовским кремом для бритья.

Он не приехал. Я без конца названивал в контору, но в ответ слышал неизменное: «Хотите оставить сообщение?» Тогда, стиснув зубы, я набрал номер миссис Кеньон.

Никто не взял трубку. Там тоже никого не было.

Время медленно, но неумолимо ползло вперед, а я ничего не мог поделать. Наконец пробило три. Отец где-то сейчас вступал в законный брак, но я не знал

где. В полчетвертого я вышел из дома и отправился в кино.

Вернувшись домой, я заметил, что на автоответчике горит красная лампочка. Нажал на клавишу и услышал отцовский голос: «Билл, я пытался связаться с тобой, но тебя не было дома, а ждать я не мог. Мы с Молли уезжаем в короткое путешествие. Если понадобится, звони в Чикаго до востребования — мы будем где-то в Канаде. Вернемся в четверг вечером. До свидания».

Запись закончилась.

В четверг вечером! А старт в пятницу утром.

Глава 3

Космический корабль «Бифрост»

Отец позвонил мне от миссис Кеньон — то есть от Молли — в четверг вечером. Мы оба разговаривали вежливо, но натянуто. Да, сказал я, у меня все готово, надеюсь, они хорошо провели время. Да, сказал он, неплохо, а теперь они ждут меня у Молли, чтобы завтра с утра всем вместе тронуться в путь.

Я ответил, что, к сожалению, не знал о его планах, а потому купил себе билет до Мохавского космопорта и забронировал номер в отеле «Ланкастер». Как же быть?

Отец задумался, потом заметил:

— Похоже, ты стал совсем самостоятельным, Билл.

— А как же!

— Хорошо. Тогда встретимся в порту. Хочешь поговорить с Молли?

— Нет-нет, просто передай ей привет от меня.

— Благодарю, непременно передам. — И он повесил трубку.

Я побрел в спальню, взял рюкзак — пятьдесят семь и пятьдесят девять десятых фунта. Не прибавишь даже лягушачью икринку. Комната была совсем голой: единственное, что в ней осталось, это моя скаутская форма. Взять ее с собой я не мог, а выбросить не хватало духа.

Я понес было форму к мусоросжигателю, но по дороге передумал. Когда нас взвешивали, я набрал сто тридцать один и две десятых фунта вместе с одеждой.

Но в последние дни у меня появились проблемы с аппетитом.

Я встал на весы — сто двадцать девять и восемь десятых. Схватил скаутскую форму и взвесился с ней — сто тридцать два с половиной.

Уильям, сказал я себе, никакого ужина, завтра утром никакого завтрака и ни капли воды. Свернул форму и взял ее с собой.

В квартире не осталось ничего, кроме моего несъеденного ужина в холодильнике — приятный сюрприз для новых жильцов. Я вырубил все электроприборы, кроме холодильника, и запер за собой дверь. Странное было ощущение: сколько себя помню, мы всю жизнь прожили здесь — Анна, Джордж и я.

Я спустился в подземку, пересек город и пересел на линию, ведущую в Мохаве. Через двадцать минут я был уже в отеле «Ланкастер» в Мохавской пустыне.

Номер, забронированный мною, оказался койкой в бильярдной комнате. Пришлось спуститься к портье выяснять отношения.

Я сунул ему под нос карточку, в которой черным по белому было написано, что мне оставлена комната. Он взглянул на карточку и заявил:

— Молодой человек, вы когда-нибудь пробовали разместиться в отеле шесть тысяч человек одновременно?

Я признался, что не пробовал.

— Тогда радуйтесь, что вам досталась койка. В вашей комнате поселилась семья с девятью детьми.

Я повернулся и пошел восвояси.

Отель очень напоминал дурдом. Даже если бы я не дал себе торжественного обещания не ужинать, мне это все равно не грозило. К столовой невозможно было подобраться ближе чем на двадцать ярдов*. Под ногами путалась малышня, сновавшая туда-сюда и оравшая во все горло. В холле на полу сидели семьи эмигрантов. Я поглядел на них и подумал: интересно, из какой помойки их всех выгребли?

* 1 ярд = 91,44 см.

В конце концов я улегся на свою коечку — и тут меня начал донимать голод. Стоила ли форма, которая мне явно не пригодится, таких жертв — это вопрос на засыпку.

Если бы у меня была с собой продовольственная книжка, я, наверное, встал бы в очередь в столовую. Но мы с отцом уже сдали книжки. Правда, у меня осталось немного денег. Можно было поискать какого-нибудь свободного торговца; говорят, они обычно так и роятся возле отелей. Но отец считает, что «свободный торговец» — неправильное название. На самом деле они просто спекулянты, а у спекулянтов порядочные люди никогда ничего не покупают. Да и как их искать, этих торговцев, кто бы подсказал.

Я встал, выпил воды, снова лег и заставил себя расслабиться. В конце концов мне все же удалось заснуть. Снился мне клубничный торт со взбитыми сливками — я имею в виду, настоящими, из-под коровы.

Проснулся я зверски голодным, но тут же вспомнил, что сегодня мой последний день на Земле. Возбуждение от этой мысли приглушило голод. Я встал, надел скаутскую форму, а поверх нее — космический костюм.

Я думал, что мы сразу отправимся на борт. Но не тут-то было.

Сначала нам велели собраться под навесом, натянутым перед отелем, неподалеку от контрольно-пропускного пункта. Кондиционеров там, естественно, не было, но, поскольку стояло раннее утро, пустыня еще не обдавала жаром. Я отыскал букву «Л» и уселся под ней на рюкзак. Ни отца, ни его семьи не видать. Похоже, придется мне лететь на Ганимед строго самостоятельно. Ну и ладно.

За воротами, милях в пяти от навеса, на взлетном поле виднелись корабли — «Дедал» и «Икар», снятые специально по такому случаю с обычного рейса «Земля — Луна», а также «Бифрост» — старая челночная ракета. Насколько мне известно, она весь свой век летала одним маршрутом — до космической станции Супер-Нью-Йорк.

Мне хотелось попасть на «Бифрост», хотя ракета и уступала в размерах «Дедалу» с «Икаром». Но я помню, как впервые в жизни наблюдал старт космического корабля — и это был «Бифрост».

Рядом со мной побросало свой багаж какое-то семейство. Мамаша взглянула вдаль и осведомилась:

— Джозеф, который из них «Мейфлауэр»?

Супруг попытался объяснить ей, что к чему, но так и не смог рассеять ее недоверие. Я чуть не лопнул, стараясь удержаться от смеха. Нет, вы только подумайте: эта недотепа полна решимости покорить Ганимед и в то же время понятия не имеет, что корабль, на котором ее туда доставят, построен в космосе и нигде не может приземлиться!

Толпа эмигрантов и провожающих все прибывала, но отец не объявлялся. Кто-то окликнул меня, я обернулся и увидел Дака Миллера.

— Чао, Билл, — сказал он. — Я уж боялся, что не успею.

— Привет, Дак. Как видишь, я еще здесь.

— Я звонил тебе вчера вечером, но по телефону сказали: «Абонент выбыл». Так что я слинял с уроков и рванул прямо сюда.

— Ну, Дак, не стоило...

— Но мне хотелось отдать тебе это.

Он протянул мне коробку шоколадных конфет весом не меньше фунта. Я потерял дар речи.

Потом поблагодарил его и сказал:

— Дак, я очень тронут, честное слово. Но мне придется вернуть тебе коробку.

— Почему?

— Вес. То есть масса. Мне нельзя прибавить ни унции.

— Ты можешь нести ее в руках.

— Не поможет. Они считают общий вес.

Он переварил информацию и заявил:

— Тогда давай откроем ее.

— Конечно.

Я вскрыл коробку и предложил ему конфету. Глаза мои приклеились к шоколаду, а желудок просто взвыл, умоляя о пище. В жизни не чувствовал себя таким голодным. Я сдался и съел конфетку, решив, что все равно вспотею и потеряю в весе. Стало припекать, а на мне была скаутская форма и поверх нее космический костюм — самая та экипировочка для пустыни Мохаве в разгар июня!

Естественно, после конфеты безумно захотелось пить. Стоит раз поддаваться искушению — и ты увяз.

Я отошел к фонтанчику и глотнул чуток. Потом вернулся к Даку, протянул ему коробку и велел на первом

же скаутском собрании съесть ее с ребятами за мое здоровье. Дак пообещал, что так и сделает. И добавил:

— Знаешь, Билл, мне бы хотелось уехать с тобой. Честное слово.

Я сказал, что был бы рад, только не понимаю, с чего он вдруг так круто переменял свое мнение? Дак смутился, но тут показался мистер Кински, а за ним — отец, Молли с пигалицей и сестра Молли миссис ван Метр. Все стали жать друг другу руки, миссис ван Метр разрыдалась, а пигалица привязалась ко мне с вопросами — почему это у меня костюм такой, будто надутый, да почему это пот с меня градом льет?

Джордж наблюдал за моей реакцией, но тут выкрикнули наши имена и мы двинулись к пропускному пункту.

Сначала взвесили Джорджа, Молли и Пегги, потом пришла моя очередь. Багаж у меня был тютелька в тютельку, и я шагнул на весы. Ну надо же — сто тридцать один и одна десятая фунта! Вполне мог съесть еще конфетку.

— В норме! — сказал таможенник, поднял на меня глаза и удивился: — Что ты напялил на себя, сынок?

Закатанный левый рукав скаутской формы предательски вылез из-под короткого рукава космического костюма, сияя нашивками, словно сигнальными огнями.

Я ничего не ответил. Таможенник пощупал валики у меня на руках и заявил:

— Парень, ты что, в арктическую экспедицию собрался? Неудивительно, что ты весь мокрый. А известно тебе, что ничего лишнего на себя надевать не положено?

К нам подошел отец, спросил, в чем дело. Я молчал, ощущая, как уши наливаются жаром. Таможенник тем временем провел переговоры со своим помощником, потом позвонил куда-то и наконец объявил:

— Все нормально. Охота париться в этой чертовой коже — валяй, дело твое. Следующий!

Я потрусил вперед, чувствуя себя последним идиотом. Мы зашли в здание космопорта, взобрались наверх по пандусу. Слава Богу, здесь было прохладно. Через пару минут мы очутились в помещении для посадки, прямо под кораблем. Им оказался «Бифрост». Из-под земли высунулся посадочный лифт, остановился у пассажирской платформы, и мы всем скопом втиснулись в него.

Организовано все было четко. Багаж у нас отобрали в помещении для посадки, а пассажиров распределили по весовым категориям, так что нас с отцом опять разделили. Меня поместили на верхней палубе, сразу за рубкой управления. Я нашел свое место, кресло 14-Д, и отправился поглазеть в иллюминатор на «Дедал» с «Икаром».

Проворная маленькая стюардесса, ростом чуть выше кузнечика, проверила пассажиров по списку и предложила сделать укол от космической болезни. Я поблагодарил и отказался.

— Приходилось уже бывать в космосе? — спросила она.

Я признался, что нет, не приходилось.

— Тогда лучше сделайте укол.

Я сказал, что привык к полетам — я, как-никак, пилот; тошнить меня не будет. Правда, я умолчал о том, что летал только на вертолетах. Стюардесса пожала плечами и пошла дальше.

— «Дедал» к взлету готов! — объявил динамик.

Я прильнул к иллюминатору, чтобы не пропустить старт.

«Дедал» стоял где-то в четверти мили от нас и немного повыше. Красивый, четкий силуэт, блестящий в лучах восходящего солнца. За кораблем, направо, в конце поля на блокпосте зажегся зеленый свет.

Корабль чуть-чуть накренился к югу, буквально на несколько градусов.

Снизу вырвалось пламя, сначала оранжевое, потом ослепительно белое. Разлилось по полю, и его тут же поглотили вентиляционные отверстия. «Дедал» оторвался от земли.

Мгновение он висел в воздухе — видно было, как колеблются очертания холмов в струях, вырывающихся из дюз, — а потом исчез.

Именно так — исчез. Вспорхнул, как испуганная птица, прочертил в небе белую полосу и скрылся из виду, хотя рев его двигателей все еще был слышен у нас на палубе.

В ушах у меня звенело. За спиной раздался чей-то голос:

— Но я же не позавтракал! Капитану придется подождать. Скажи ему, Джозеф!

Старая знакомая! Та самая недотепа, которая не знала, что «Мейфлауэр» не приземляется на планетах. Муженек попытался ее урезонить, но где там! Она воззвала к стюардессе.

— Но, мадам, — услышал я голос стюардессы, — капитан не может сейчас разговаривать с вами. Он готовится к старту.

Это не возымело никакого действия. В конце концов стюардессе пришлось торжественно пообещать, что завтрак будет подан сразу после старта. Я наострил уши: надо мне тоже сделать заказ.

Через двадцать минут стартовал «Икар», а потом опять врубился динамик:

— Внимание! Всем занять свои места, приготовиться к старту!

Я вернулся к креслу, стюардесса проверила, все ли пристегнулись, предупредила, чтобы без разрешения никто не расстегивал ремни, и ушла на нижнюю палубу.

Я почувствовал, как заложило уши, а затем корабль тихонько вздохнул. Я сглотнул слюну, потом еще и еще. Из корабля выкачивали воздух, заполняя отсеки стандартной кислородно-гелиевой смесью с давлением в половину меньшим, чем над уровнем моря. Женщине — той самой — это явно не понравилось.

— Джозеф, — заныла она, — у меня голова разламывается! Джозеф, мне нечем дышать! Сделай же что-нибудь!

Она вцепилась в свои ремни и приподнялась. Муж уложил ее обратно.

«Бифрост» слегка наклонился, и динамик возвестил:

— Три минуты до старта!

Помолчал и после томительно долгой паузы ожил вновь:

— Одна минута до старта!

И тут же другой голос начал отсчет:

— Пятьдесят девять! Пятьдесят восемь! Пятьдесят семь!

Сердце у меня билось так громко, что заглушало все звуки. А голос продолжал считать:

— Тридцать пять! Тридцать четыре! Тридцать три! Тридцать два! Тридцать один! Полминуты! Двадцать девять! Двадцать восемь!

И наконец:

- Десять!
- Девять!
- Восемь!
- Семь!
- И шесть!
- И пять!
- И четыре!
- И три!
- И два...

Слово «один», или «старт», или что они там обычно говорят, я так и не услышал. В этот момент на меня что-то свалилось и намертво придавило к креслу. Однажды, когда мы с друзьями лазили по пещере, с потолка обрушилась земля, так что меня еле откапали. Нечто подобное я чувствовал и сейчас — только никто и не думал меня откапывать.

В груди жгло огнем. Ребра трещали — того и гляди сломаются. Я не мог шевельнуть даже пальцем. Попробовал вдохнуть — и тоже не смог.

В общем-то не скажу, чтобы я испугался, поскольку знал, что стартовать мы будем с высокими перегрузками, но неприятно было ужасно. С трудом повернув голову, я увидел, что небо залито багровым заревом. Прямо на глазах оно почернело — и вокруг появились звезды, миллионы звезд, хотя Солнце продолжало ослепительно сиять через иллюминатор.

Двигатели ревели как сумасшедшие; потом вдруг разом стихли и воцарилась тишина. Говорят, в старинных ракетах рев был слышен даже тогда, когда корабль переходил на сверхзвуковую скорость. Но на «Бифросте» стало тихо, как в подушке, набитой перьями.

Делать было нечего — оставалось только лежать, пылиться в иллюминатор, втягивать в себя воздух и стараться не думать о тяжести, взгромоздившейся на грудь.

И вдруг, совершенно неожиданно, желудок подпрыгнул к горлу и я сделался невесомым.

Глава 4

Капитан Делонпре

Невесомость, да еще испытанная впервые в жизни, штука неприятная, доложу я вам. Конечно, привыкнуть к ней можно. А не привыкнешь — придется голодать. Бывалые космонавты утверждают даже, что им нравится невесомость. Мол, пара часов сна в таком состоянии заменяет целую ночь на Земле. Ну, привыкнуть-то я привык, но не скажу, чтобы мне это нравилось.

На взлет «Бифросту» понадобилось около трех минут. Но нам они показались бесконечными из-за ускорения, которое достигло чуть ли не шести «g». Затем около трех часов корабль провел на свободной орбите, и все это время мы падали в пустоту, пока капитан не начал маневрировать, направляя нас к «Мейфлауэру».

Другими словами, более двадцати тысяч миль мы падали вверх.

Звучит, конечно, глупо. Все знают, что нельзя падать вверх; падают вниз.

Но было время, когда все знали, что Земля плоская. Мы падали вверх.

Как и все нормальные люди, я проходил по физике основы космической баллистики и читался всяких историй о том, как космонавты плавают внутри кораб-

ля, когда он находится в свободном полете. Но это надо почувствовать на собственной шкуре, чтобы понять как следует.

Возьмем, к примеру, миссис Тарбаттон — ту самую даму, которая требовала завтрак. Полагаю, она, как и все, ходила в школу. И тем не менее продолжала настаивать, что капитан обязан сделать что-нибудь. Что он мог сделать — одному Богу известно; разве только найти для нее небольшой астероид.

Не скажу, чтобы я ей не сочувствовал — да и себе тоже. Вам когда-нибудь приходилось попадать в эпицентр землетрясения? Знакомо вам такое ощущение, когда все, что вы считали устойчивым и надежным, внезапно обрушивается вам на голову, а земная твердь перестает быть твердью? Ну так невесомость — это примерно то же самое, только хуже. Когда корабль летит по свободной траектории, вверх или в любом другом направлении, уроки физики сами собой вылетают из головы: ты просто падаешь и падаешь, до бесконечности, а желудок так и норовит вырваться наружу.

Таким было мое первое знакомство с невесомостью. Ремни не позволяли мне взмыть вверх, но чувствовал я себя разбитым и размазанным по стенке, словно кто-то врезал мне под дых. Рот наполнился слюной — я судорожно сглатывал и горько сожалел, что съел ту несчастную конфету.

Но меня хоть не вывернуло, поскольку я так и не успел позавтракать. Те, что успели, — на них я старался не смотреть. Вообще-то я намеревался, когда закончатся перегрузки, отстегнуть ремни и поглазеть в иллюминатор на Землю; но невесомость отбила у меня всю охоту. Я неподвижно лежал в кресле и погружался в пучину отчаяния.

Из люка, ведущего на нижнюю палубу, выпорхнула стюардесса. Оттолкнулась ножкой, придерживалась ручкой за центральную опору и воспарила в воздухе, словно лебедушка, разглядывая нас с высоты. Симпатичное это было зрелище, жаль, не хватило сил оценить его по достоинству.

— Всем удобно? — весело спросила она.

Глупый вопрос, но нянечки в больницах обычно говорят именно таким тоном. Кто-то застонал, где-то

расплакался ребенок. Стюардесса подплыла к миссис Тарбаттон и осведомилась:

— Что вам подать на завтрак? Может быть, омлет?

Я стиснул челюсти и отвернулся, всей душой желая ей проглотить язык. Потом снова взглянул в ее сторону. Что ж, за свой идиотский вопрос она поплатилась — и теперь вычищала ответ.

Когда она разобралась с миссис Тарбаттон, я неуверенно подал голос:

— Э-э... Можно вас... Мисс...

— Эндрюс.

— Мисс Эндрюс, не могли бы вы сделать мне укол? Видите ли, я передумал.

— Сей момент, — улыбнулась она и вытащила из поясной сумочки шприц.

Укол ожег меня болью, и я подумал, что с конфетой все-таки придется расстаться. Но боль быстро утихла. Я почувствовал себя почти счастливым — насколько можно быть счастливым на смертном одре.

Стюардесса сделала инъекции всем желающим, проявившим, подобно мне, излишнее самомнение, а миссис Тарбаттон вкатила двойную дозу, чтоб та больше не рыпалась. Тем временем двое смельчаков расстегнули ремни и устремились к иллюминаторам; я прикинул и решил, что у меня хватит сил последовать за ними.

Передвигаться в невесомости совсем не так легко, как кажется на первый взгляд. Я отстегнул ремни и сел. Вернее, хотел сесть. Потому что на самом деле я отчаянно молотил руками и ногами в воздухе, пытаюсь уцепиться хоть за что-нибудь.

В результате очередного кульбита я приложился затылком к переборке, отделявшей нас от рулевой рубки, и тут же увидел звезды. Но не в иллюминаторе, а у себя в голове. А потом палуба с креслами стала медленно двигаться мне навстречу.

Я ухватился за крепежный ремень и наконец встал на якорь. В кресле, к которому мне удалось пришвартоваться, сидел какой-то толстячок.

— Извините, — сказал я.

— Не за что, — ответил он и с ненавистью отвернулся.

Оставаться было нельзя, но и добраться до своего кресла, не перешутив по дороге всех пассажиров, я тоже не мог. Поэтому я снова взмыл в воздух, стараясь проделать это как можно аккуратнее, и даже умудрился схватиться за поручень, прежде чем врезался спиной в переборку.

Поручень тянулся вдоль всей переборки; я вцепился в него и не выпускал из рук, пока по-обезьяньи не дополз до иллюминатора.

И впервые увидал Землю из космоса.

Не знаю, чего я, собственно, ожидал, но только не того, что увидел. Земной шар был похож на снимки в учебниках по географии, а еще больше — на телеизображение в зале ожидания на станции Супер-Нью-Йорк. И в то же время совсем не похож. Разница была примерно такая же, как между угрозой, что сейчас вам дадут под зад, и настоящим пинком.

Не снимок, не изображение. Живая Земля.

Во-первых, она не висела в самом центре экрана; шар был сдвинут к краю иллюминатора, и корма нашего корабля отъела здоровый кусок Тихого океана. А во-вторых, она вращалась, уменьшаясь в размерах. Пока я разглядывал ее, она на глазах съежилась чуть не вполовину, становясь при этом все более круглой. Да, Колумб был прав.

С моего наблюдательного пункта была видна окончечность Сибири, потом Северная Америка, затем слева направо проплыла северная часть Южной Америки. Над Канадой и восточной частью Штатов нависли густые облака — в жизни не видал такой белизны: белее, чем полярные шапки. А прямо напротив Солнце отражалось от поверхности океана и слепило глаза. Другие части океана в разрывах облаков казались почти багровыми.

Она была настолько прекрасна, что у меня перехватило дыхание — так хотелось дотронуться до нее рукой.

А вокруг сияли звезды — крупные и куда более яркие, чем когда смотришь на них из старушки Америки.

Вскоре у иллюминаторов образовалось настоящее столпотворение. Малышня теребила родителей, родители, приговаривая: «Сейчас, сейчас, детка», глазели в космос и отпускали глупые замечания. Мне это надо-

ело. Я уселся в кресло, пристегнул один ремень, чтобы не взлететь ненароком, и погрузился в раздумья. Знаете, а ведь испытываешь какую-то гордость при мысли о том, что родился на такой большой живописной планете. Как выяснилось, я все-таки многого на ней не успел повидать, несмотря на путешествия во время уроков географии, скаутский поход по Швейцарии и каникулы, проведенные с Джорджем и Анной в Сиаме.

И теперь у меня уже не будет возможности наверстать упущенное. От этой мысли как-то взгрустнулось.

Из задумчивости меня вывел знакомый голос:

— Уильям, мальчик мой, ты чего приуныл? Поташнивает?

Пижон Джонс! Убейте меня зонтиком! Знал бы я, что он собирается эмигрировать, я бы дважды подумал, прежде чем трогаться в путь.

Я спросил, откуда он, черт побери, взялся.

— Оттуда же, откуда и ты, естественно. Я задал тебе вопрос.

Я проинформировал его, что меня не тошнит, и поинтересовался, что навело его на такую мысль. В ответ он схватил меня за руку и, рассмеявшись, показал на красное пятнышко от укула. Я с силой выдернул руку.

Он снова засмеялся и сунул мне под нос свою руку, на которой горело такое же пятнышко.

— Не суетись, дружище, — сказал он. — Как видишь, от этого не застрахованы даже лучшие из лучших. — И добавил: — Пошли прошвырнемся, пока нас опять не пристегнули.

Я согласился. Вряд ли я выбрал бы его в друзья, но все-таки, что ни говори, знакомое лицо. Мы добрались до люка, ведущего на соседнюю палубу. Я начал спускаться, но Джонс остановил меня:

— Давай сходим в рулевую рубку!

— Чего? Так нас туда и пустили!

— Попытка не пытка. Айда!

Мы развернулись и двинулись по короткому проходу, в конце которого маячила дверь с надписью: «Рубка управления. Вход воспрещен». Кто-то внизу приписал: «Это к тебе относится. Понял?» А ниже: «Да неужели?»

Джонс подергал за ручку. Дверь была заперта. Рядом торчала какая-то кнопка, он нажал — и дверь широко распахнулась. Прямо перед нами стоял человек с двумя нашивками на воротнике. За ним сидел другой, постарше, с четырьмя нашивками.

— Кто это, Сэм? — спросил сидевший. — Скажи им, что они не на базаре.

— Чего вам надо, ребята? — осведомился первый.

— Сэр, простите, нас очень интересует астронавигация, — выпалил Джонс. — Вы позволите нам войти?

Я понял, что сейчас нас выставят вон, и уже повернулся, когда старший вдруг сказал:

— Черт с ними, Сэм, пускай заходят!

Младший пожал плечами:

— Как скажете, шкипер.

— Держитесь за что-нибудь, — приказал капитан, когда мы вплыли внутрь. — Не бултыхайтесь перед глазами. И чтобы ничего не трогали, иначе уши отрежу. А теперь докладывайте — кто такие?

Мы представились.

— Рад познакомиться, Хэнк. И с тобой тоже, Билл, — сказал капитан. — Приветствую вас на борту.

Он протянул руку и коснулся рукава скаутской формы, который опять выполз наружу.

— Что это у тебя, сынок?

Я покраснел и рассказал, как меня пропускали через контрольный пункт.

— Хотел контрабандой провезти, да? — усмехнулся капитан. — Слышь, Сэм, он таки заставил нас взять незаконный груз! Выпьешь чашку кофе, сынок?

Оба они жевали бутерброды и пили кофе — не из чашек, разумеется, а из пластиковых бутылочек с сосками, словно младенцы. Я отказался. Укол мисс Эндриус свое действие оказал, но рисковать мне не хотелось. Хэнк Джонс тоже отказался от кофе.

Иллюминатора в рубке не было. Его заменял большой телеэкран, расположенный прямо на носу, но он был выключен. Да-а, подумал я, видела бы миссис Тарбаттон, что капитан даже не смотрит, куда мы летим! И, похоже, его это не колышет.

Я спросил про иллюминаторы. Это только для пассажиров, объяснил капитан.

— На кой мне иллюминатор? — продолжил он. — Высунуть голову и высматривать дорожные знаки? Все, что надо, мы видим и без него. Сэм, вруби парнишкам видео.

— Слушаюсь, шкипер.

Второй пилот подплыл к своему креслу и принялся нажимать на кнопки. Надкушенный бутерброд повис в воздухе.

Я огляделся по сторонам. Рубка была круглая, сплюснутая к носу. Два вместительных пилотских кресла спинками упирались в переборку, отделявшую рубку от пассажирского салона. Почти все пространство между креслами занимал компьютер.

Кресла, а вернее койки, отличались от пассажирских: неправильной формы, подогнанной под человеческое тело; голова, спина и колени лежащего приподняты, как на больничной кровати; по бокам подлокотники, чтобы не уставали руки на пульте управления. А сам пульт изгибался дугой, чтобы пилот мог видеть показания приборов, даже когда ускорение пригвоздит его к креслу.

Экран осветился, и на нем появилась Земля.

— «Вид сзади», — пояснил второй пилот. — Снято камерой, установленной на корме. У нас они понатырканы со всех сторон. Теперь посмотрим «вид спереди».

Но вид не впечатлял: несколько крошечных точек, символизировавших звезды, и больше ничего. Хэнк заявил, что в иллюминаторе звезды выглядят куда внушительнее.

— Да ведь экран-то не предназначен для того, чтобы разглядывать звезды, — сказал пилот. — Если нам нужно на них посмотреть, мы пользуемся небоскопом. Глядите!

Он улегся в кресло, нашарил за спиной какую-то трубку и, не поднимая головы, приложил ее к лицу так, что резина плотно прилипла к коже вокруг глаза. «Небоскопом», как я понял, они называли телескоп со встроенным перископом. Но поскольку пилот не предложил нам взглянуть в трубку, я вернулся к пульту. На нем была парочка радарных экранов, точно таких же как на самолетах и даже на вертолетах, и еще куча всяких приборов, назначения которых я не понял. Раз-

гадал только несколько штук: вот, например, прибор для измерения скорости сближения, а это индикаторы температуры, массового соотношения, скорости выброса и так далее.

— Гляньте-ка сюда, — позвал нас второй пилот, щелкнув тумблерами. Одна из тусклых точек на экране ярко вспыхнула пару раз и погасла. — Это Супер-Нью-Йорк. Я навел на него локатор. В сущности, вы видите сейчас не телеизображение, а данные радара, выведенные на экран. — Он снова пробежался пальцами по кнопкам, и вспыхнула другая точка: два длинных световых сигнала, один короткий. — А здесь строят «Звездного скитальца».

— А где «Мейфлауэр»? — спросил Хэнк.

— Не терпится, да? — Пилот опять принялся возиться с приборами. И вновь зажегся огонек у самого края экрана; он посылал по три световых сигнала с перерывами.

Я сказал: что-то не похоже, чтобы мы к нему приближались.

— Мы идем в обход, — отозвался капитан. — Хватит с них, Сэм. Вырубай свой экран.

Мы вернулись к капитану, который все еще дожевывал бутерброд.

— Ты «орел»? — спросил он меня, имея в виду скаутское звание.

Я сказал, что да. Хэнк тут же добавил, что он тоже.

— Сколько тебе стукнуло, когда присвоили «орла»? — поинтересовался капитан.

Я сказал: тринадцать. Хэнк тут же добавил, что ему было двенадцать. Капитан побожился, что стал «орлом» в одиннадцать. Так я им и поверил!

Значит, мы с Хэнком летим на Ганимед, сказал капитан; он нам завидует. Второй пилот заявил, что не понимает, чему тут завидовать.

— Сэм, — сказал капитан, — у тебя в душе ни капли романтики. Так и будешь паромщиком вкалывать до самой смерти.

— Ну и что? — возразил второй пилот. — Зато ночи я в основном провожу у себя дома, в постели.

Капитан заметил, что пилотам вообще не следует жениться.

— Вот я, например, — сказал он, — всю жизнь мечтал быть космонавтом дальнего плавания. И все было тип-топ, но меня взяли в плен пираты, и я упустил свой шанс. А к тому времени, когда появился новый шанс, я уже был женат.

— Вечно ты со своими пиратами! — проворчал второй пилот.

Я невозмутимо смотрел на них обоих. Взрослые уверены, что все, кто помладше, готовы проглотить любую чушь; я стараюсь их не разочаровывать.

— Н-да, от судьбы не уйдешь, — сказал капитан. — Вы, юные джентльмены, можете быть свободны. Нам с мистером Мейесом нужно еще уточнить кое-какие расчеты, не то посадим это корыто где-нибудь в южном Бруклине.

Мы поблагодарили его и удалились.

На палубе, расположенной ближе к корме, я отыскал отца и Молли с пигалицей.

— Где ты пропадал, Билл? — спросил отец. — Я весь корабль обшарил.

— Я был в рулевой рубке, у капитана.

Отец удивился, а пигалица скорчила рожу и процедила:

— Заливаешь! Туда никого не пускают.

У меня такое мнение, что девчонок нужно выращивать в больших темных мешках, пока они не повзрослеют и не поумнеют. А когда повзрослеют, можно выпустить их оттуда, — но лучше завязать мешок потуже и забросить подальше.

— Умолкни, Пегги, — приструнила пигалицу Молли.

— Можете спросить у Хэнка, — обиделся я. — Мы вместе там были. Мы...

Я оглянулся, но Хэнка и след простыл. Пришлось мне самому рассказывать о визите к капитану; я умолчал только о пиратах.

Когда я закончил, пигалица заявила:

— Я тоже хочу в рубку.

Отец заметил, что вряд ли ее туда пустят.

— Почему? — возмутилась пигалица. — Билла же пустили!

Молли попыталась ее утомонить:

— Билл — мальчик, и он старше тебя.

Пигалица надулась и сказала, что это несправедливо.

Где-то она была права, конечно, но так уж устроена жизнь.

— Ты можешь гордиться, Билл, — сказал отец. — Тебя ведь развлекал не кто иной, как знаменитый капитан Делонпре.

— Ну и?

— Может, ты по молодости и не знаешь: в свое время он пробрался на один из кораблей — они управлялись роботами и перевозили ториевую руду с Лунных копей — и накрыл целую банду грабителей, называвших себя «Рудными пиратами».

Я разинул рот — и ничего не ответил.

Мне хотелось поглядеть на «Мейфлауэр» в иллюминатор, но нам велели пристегнуться к креслам. Впрочем, я успел заметить станцию Супер-Нью-Йорк; «Мейфлауэр» вращался вокруг нее на 24-часовой орбите, и мы направлялись прямо к нему.

Капитан Делонпре и впрямь был настоящим асом. Он не стал ходить вокруг да около, приноравливаться да маневрировать; он просто рванул вперед одним броском, точно рассчитав время, направление и величину ускорения. Как говорится в учебнике физики, «любая проблема корректировки орбиты, в принципе поддающаяся разрешению, может быть решена простым увеличением ускорения». При условии, конечно, что у пилота хватит умения.

У нашего хватило. Когда закончились перегрузки, я взглянул через плечо в иллюминатор: вот он, «Мейфлауэр», как на ладони, большой, как жизнь, сияющий в отблесках солнечного света. Последовал еле заметный мягкий толчок, а потом динамик пропел:

— Стыковка окончена. Можете отстегнуть ремни.

Я так и сделал. Приник к иллюминатору и воззрился на «Мейфлауэр». Ежу понятно, почему эта штука не может приземляться. У нее и крыльев-то нет, даже в зачаточном состоянии. И форма странная — почти идеальный шар, с одной стороны сужающийся в острый конус.

С первого взгляда корабль не поразил меня размерами, пока я не врубился, что крохотная выпуклость, выглядывающая из-за шара, — это нос «Икара», который пришвартовался к «Мейфлауэру» с другого бока. Тут я по достоинству оценил размеры этого шарика; по его корпусу, словно мушки, ползали люди в скафандрах.

Один из них кинул что-то, и в нашу сторону полетела тонкая змейка каната. Блямба на его конце, не успев коснуться корпуса «Бифроста», полыхнула алым кистевым разрядом; волосы у меня встали дыбом, по спине побежали мурашки. Какая-то женщина взвизгнула, мисс Эндрюс бросилась ее успокаивать, объясняя, что это всего лишь электрический разряд, пробежавший между двумя кораблями. С таким же успехом она могла сказать, что в корабль ударила молния: пассажирку ее объяснение явно не успокоило.

Сам-то я не испугался: любой салага, хоть немного кумекающий в радио или электронике, мог бы предсказать такой эффект.

Блямба на конце каната звякнула о корпус «Бифроста», потом между кораблями протянули еще один, более прочный линь, и нашу ракету стали медленно подтягивать к «Мейфлауэру», постепенно заполнившему собой весь иллюминатор.

Громкоговоритель заскворчал и сообщил:

— Внимание! Всем приготовиться к высадке!

Мисс Эндрюс велела нам не торопиться; наконец подошла наша очередь, и мы двинулись на палубу, с которой загружались в «Бифрост». Отстали только миссис Тарбаттон и ее супруг, жарко спорившие о чем-то со стюардессой.

Мы прошли через гибкий стальной цилиндр длиной около десяти футов* и очутились на борту «Мейфлауэра».

* 1 фут = 30,48 см.

Глава 5

Капитан Харкнесс

Знаете, что самое неприятное в космических кораблях? То, что на них воняет.

Даже на «Мейфлаузере» стояла вонь, а ведь корабль был новеньким, с иголки. Запахи масла, сварки, растворителей смешались с запахами пота и грязи сотен рабочих, которые жили на корабле, пока строили его. А теперь еще и мы добавили — из трех ракет выгрузилась целая толпа, и от нее разило так, как обычно разит от людей, когда они взволнованы и напутаны. Желудок у меня еще не пришел в норму, и этот смрад его чуть не доконал.

Хуже всего, что на корабле негде по-настоящему освежиться. Простой душ — и тот роскошь. После расселения по каютам нам выдали талоны на пользование душем, по два на неделю. Это же слезы, а не мытье, особенно если учесть, что под душем подразумевалось два галлона* воды, которые вы имели право вылить себе на голову.

* 1 галлон = 3,785 л.

Впрочем, если вам очень уж невтерпеж было помыться, вы могли поспрашивать у окружающих и купить талон у какого-нибудь грязнули. Один парень из моей каюты продавал свои талоны четыре недели подряд; в конце концов мы не выдержали и собственноручно отдраили его, очень качественно и вне очереди. Но это я уже забегаю вперед.

Да, кстати, одежду тоже не сжигали. Ее приходилось стирать!

Когда мы прибыли на «Мейфлауэр», нас чуть не полчаса разводили по каютам. Пассажиры с «Дедала» и «Икара» к этому времени по идее должны были уже рассеяться, но это только по идее. В проходах столпилась тьма народу, а пробки в состоянии невесомости, когда не разберешь, где верх, где низ, в сто раз хуже уличных пробок.

Стюардесс, способных навести порядок, на корабле не существовало; их роль выполняли эмигранты с надписями «Дежурный» на груди. Однако они чувствовали себя не менее потерянными, чем все остальные. Как в любительском театре, ей-Богу, где контролеры путаются между рядами, не в силах отыскать ваши места.

Только я добрался до своей каюты и пристегнулся, как заревели сирены, а громкоговоритель завопил:

— Приготовиться к старту! Десять минут!

Мы замерли в ожидании.

Казалось, прошло уже больше получаса, когда наконец начался стартовый отсчет. Уильям, сказал я себе, если старт с Земли был таким крутым, то этот наверняка выдавит из тебя кишки. Корабль ведь должен разогнаться и набрать скорость три мили в секунду, то есть треть миллиона миль в час! Честно говоря, у меня затряслись поджилки.

Истекали последние секунды; мягкий толчок прижал меня к подушкам — и все. Я лежал и ждал. Потолок вроде на месте, пол, как и полагается, внизу, на грудь ничего не давит — все в ажуре.

Наверное, первый шаг, решил я; следующий будет покруче.

На потолке зажегся большой экран, и я увидел смеющиеся глаза человека в форме с четырьмя нашивками. Он был моложе капитана Делонпре.

— Друзья мои, с вами говорит капитан Харкнесс. Сила тяжести, равная земной, сохранится на борту в течение четырех часов. Думаю, самое время пообедать, как вы считаете?

Он улыбнулся, и я вдруг осознал, что желудок у меня в полном порядке, только совсем пустой. Капитан, конечно, понимал, что все мы, сухопутные крысы, почувствуем зверский голод, как только вернемся к нормальному весу.

— Мы постараемся обслужить вас как можно быстрее, — продолжал капитан. — Можете расстегнуть ремни, сесть и чувствовать себя как дома. Хочу вас предупредить только об одной вещи.

Наш корабль сбалансирован таким образом, что направление силы тяги двигателя проходит точно через центр силы тяжести. Иначе мы не летели бы по прямой, а все время уклонялись бы в сторону и вместо Ганимеда могли угодить на Солнце.

Мы, естественно, не хотим внезапно превратиться в шашлык, поэтому прошу вас без надобности не отходить от коек. У нас есть устройства, автоматически компенсирующие нарушения баланса, но перегружать их не следует. А потому прежде чем отойти от койки хотя бы на шаг, заручитесь разрешением дежурного.

Капитан снова улыбнулся, но на сей раз улыбка была очень неприятной.

— Нарушителей будем привязывать к койкам насильно, а когда корабль ляжет на курс, я сам определю им меру наказания.

В нашем отсеке не было видно ни одного дежурного. Нам оставалось лишь сидеть и ждать. Я познакомился с соседями по каюте; ребята были кто постарше, кто помладше. Один из них, белобрысый семнадцатилетний бутай по имени Эдвардс — Горлодер Эдвардс — от ожидания скоро устал.

Я его не виню; казалось, прошло уже несколько часов, а обедом и не пахло. Я решил, что о нас забыли.

Эдвардс слонялся у двери, то и дело высовывая голову в коридор, и наконец не выдержал:

— Это просто смешно! Не можем же мы так сидеть весь день! Я пойду выясню, в чем дело. Кто со мной?

— Капитан не велел выходить, — отозвался чей-то голос.

— Подумаешь! Что он с нами сделает, интересно? Это над экипажем он царь и Бог.

Я заметил, что капитан на корабле — полновластный хозяин, но Эдвардс меня оборвал:

— Чушь собачья! Мы имеем право знать, что тут творится — и имеем право на обед. Кто со мной, спрашиваю?

— Нарываешься на неприятности, Горлодер, — предупредил кто-то из ребят.

Эдвардс умолк; думаю, замечание его несколько отрезвило, но отступить он уже не мог.

— Слушайте, — сказал он наконец, — у нас ведь должен быть дежурный, а его нет. Предлагаю: вы избираете меня дежурным, а я тащу сюда жратву. Идет? — И, поскольку возражений не последовало, объявил: — О'кей, я пошел.

Прошло буквально несколько секунд, и в дверях появился дежурный с большим ящиком в руках. Раздав всем по порции обеда, он обнаружил, что осталась одна лишняя. Дежурный сосчитал койки и спросил:

— У вас в каюте должно быть двадцать человек?

Мы переглянулись, но ничего не ответили. Дежурный вытащил список и принялся выкликать по именам. Эдвардс, понятное дело, не отозвался, и дежурный уволок его порцию с собой.

Вернувшись, Горлодер увидел, как мы улетаем обед, и поинтересовался, где его порция. Мы объяснили.

— Чтоб вам пусто было! — воскликнул он. — Не могли оставить жратву, да? В хорошенькую же компанию я попал! — И снова вышел за дверь.

Но далеко уйти ему не удалось. Совершенно обозленного, его привел дежурный и пристегнул ремнями к креслу.

Когда мы достигли стадии ковыряния в зубах, на потолке вновь осветился экран. На сей раз на нем показалась Луна. Впечатление было такое, будто мы несемся к ней на всех парусах. Меня даже сомнение взяло: уж не пропустил ли капитан запятую перед дробью?

Я улегся на койку и стал наблюдать, как растет Луна. Зрелище мне не понравилось. С каждым мгновением она угрожающе увеличивалась в размерах, пока не заполнила экран целиком; казалось, еще немного — и мы обязательно в нее врежемся. Но тут я заметил, что горы на экране бегут справа налево и вздохнул с облегчением. Наверное, капитан все-таки знает, что делает.

Снова ожил громкоговоритель:

— Сейчас мы идем галсами мимо Луны. Относительная скорость в точке максимального приближения составляет более пятидесяти миль в секунду, что, как вы, наверное, заметили, производит весьма впечатляющий эффект.

Да уж, впечатляющий! Полминуты мы стремительно неслись мимо Луны, а потом она осталась позади. Подозреваю, что они просто снимали Луну телекамерой, но выглядело это так, будто мы нырнули вниз, резко повернулись и галопом помчались прочь. Только на такой скорости резких поворотов не делают.

Часа через два камеры оставили Луну в покое. Меня сморило; мне снилось, будто я прыгаю с парашютом, а он не раскрывается. Я с воплем пробудился в невесомости, желудок подкатил к горлу. Я даже не сразу сообразил, где нахожусь.

Громкоговоритель объявил:

— Конец ускорения. Корабль немедленно начинает вращаться.

Ну, насчет немедленно они слегка приврали; на самом деле все происходило жутко медленно. Корабль переворачивался, и то, что было прежде противоположной стеной, становилось полом. Пол с привинченными к нему койками сделался стеной, а напротив нее оказался телеэкран, ранее бывший потолком. Мы постепенно обретали вес.

Горлодер все еще был привязан к койке; дежурный так засунул пряжки, что расстегнуться сам Эдвардс не мог. Он повис на ремнях, как младенец на помочах, и орал благим матом, чтоб его сняли со стенки.

Вообще-то никакая опасность ему не грозила. Особых неудобств он тоже не испытывал, потому что сила тяжести была куда слабее земной. Потом мы узнали,

что капитан удерживал тяготение в пределах одной трети «g», как на Ганимеде. А потому настоятельной необходимости освобождать Горлодера вроде как не было.

Надо сказать, никто особенно и не спешил к нему на помощь. Мы все еще увлеченно обсуждали этот вопрос, отпуская шуточки, которые Горлодер не в состоянии был оценить по достоинству, когда появился дежурный, развязал пленника и велел всем нам следовать за ним.

Так мне довелось попасть на капитанскую разборку.

«Капитанская разборка» — это нечто вроде средневекового судилища, на котором сеньор единолично вершит судьбами своих подданных, решая, карать их или миловать. Дежурный, доктор Арчибальд, провел нас к капитанской каюте. В коридоре у двери сидело довольно много народу. В проеме показался капитан Харкнесс и первым вызвал Горлодера.

Свидетелями были мы все, но капитан допросил только некоторых; я в их число не попал. Доктор Арчибальд доложил, что поймал Горлодера, когда тот слонялся по кораблю во время ускорения, и капитан спросил, слышал ли нарушитель приказ не отходить от коек.

Горлодер заюлил, пытаясь свалить вину на всех нас, но капитан припер его к стенке, и ему пришлось сознаться, что приказ он слышал.

— Ты, сынок, просто паршивец и разгильдяй, — заявил капитан. — Не знаю, какие неприятности ты накличешь на свою голову в качестве колониста, но на моем корабле можешь считать, что уже влип. — Он задумался на мгновение и добавил: — Говоришь, ты сделал это потому, что проголодался?

Горлодер сказал: да, у него во рту маковой росинки не было после завтрака, а обеда, между прочим, ему так до сих пор и не дали.

— Десять дней на воде и хлебе, — изрек капитан. — Следующий!

Горлодер остолбенел, не веря собственным ушам.

Следующий случай был аналогичным, но провинившейся оказалась дородная матрона, явно привыкшая повелевать. Она повздорила с дежурным и отправилась

лично доложить об этом капитану, когда корабль набирал скорость.

Капитан не стал тянуть кота за хвост.

— Мадам, — проговорил он с холодным достоинством, — из-за своего ослиного упрямства вы подвергли опасности жизни всех пассажиров и экипажа. Можете что-нибудь сказать в свое оправдание?

Матрона начала длинную тираду о грубости дежурного, о том, что она за всю свою жизнь не видала ничего более нелепого, чем это идиотское судилище, и прочая, и прочая. Капитан резко оборвал ее:

— Приходилось вам когда-нибудь мыть тарелки?

— Нет, конечно!

— Прекрасно. Будете мыть посуду следующие четыреста миллионов миль.

Глава 6

$$E = MC^2$$

После разборки я отправился на поиски отца. Легче было найти иголку в стоге сена, но я упорно продолжал расспросы и в конце концов отыскал его. У отца с Молли была отдельная каюта. Там же сидела и Пегги. Мысль о том, что она летит вместе с ними, неприятно кольнула меня, но потом я сообразил, что койки-то всего две, — а значит, Пегги, скорее всего, должна спать в общей спальне, вместе со всей детворой старше восьми лет.

Отец возился, открепляя койки и перемещая их со стены на пол. Когда я вошел, он прервал свое занятие. Мы сели потреться. Я рассказал о капитанской разборке.

— Мы смотрели по видео, — кивнул отец. — Правда, твоей физиономии я не разглядел.

Я объяснил, что мне не пришлось давать свидетельские показания.

— Почему? — заинтересовалась Пегги.

— Откуда я знаю? — Я снова вспомнил, как проходила разборка, и спросил: — Слушай, Джордж, а правда, что капитанская власть на корабле — это последние в мире остатки абсолютной монархии?

Отец поразмыслил и сказал:

— М-м-м... Я бы назвал его конституционным монархом. Но что монархом — это несомненно.

— То есть мы должны ему кланяться и говорить «Ваше величество»? — предположила Пегги.

— Я бы тебе не советовала, Пегги, — отозвалась Молли.

— Почему? Это было бы забавно.

— Могу себе представить, — улыбнулась Молли. — Думаю, капитан просто положит тебя на колено и отшлепает.

— Он не посмеет! Я буду кричать!

Я не разделял ее уверенности. Особенно когда вспомнил про четыреста миллионов миль грязных тарелок. Про себя я решил, что, если капитан скамандует: «Жаба!» — я тут же подпрыгну и квакну.

Пусть даже капитан Харкнесс и был монархом, но властвовать он явно не стремился; первое, что он велел нам сделать, это провести выборы в судовой совет. А потом вообще перестал показываться на глаза.

Голосовать могли все, кому стукнуло восемнадцать. Впрочем, мы тоже приняли участие в голосовании: нам велели избрать совет юниоров. Хотя этот орган так и остался чисто формальным.

Совет же, избранный взрослыми — настоящий совет, — обладал на корабле реальной властью. Даже наказаниями за провинности капитан больше не занимался: суд перешел в ведение совета. Отец говорил, что капитан просматривает и утверждает решения совета, прежде чем они обретают законную силу, но я что-то не припомню, чтобы капитан оспорил хоть одно решение.

И можете себе представить, каким было первое постановление совета после того, как он разобрался с мелочевкой типа режима питания и так далее? Они постановили, что мы должны ходить в школу!

Совет юниоров незамедлительно собрался и заявил протест, но это ничего не изменило. Решение осталось в силе.

Пегги входила в состав совета юниоров. Я спросил ее, почему она не подаст в отставку, — ведь совет продемонстрировал свою полную беспомощность. Честно говоря, мне просто хотелось ее подразнить: Пегги, надо отдать ей должное, из всех сил отстаивала наши интересы.

Как ни странно, затея со школой оказалась не такой уж плохой. Мы томились от безделья, глазеть на звезды быстро надоело: все они одинаковы. К тому же первым уроком оказалась экскурсия по кораблю — вещь, безусловно, интересная.

Нас разбили на группы по двадцать человек, так что экскурсия заняла целый день — по судовому времени, разумеется. «Мейфлауэр» был круглым как шар с выступающим конусом с одной стороны. Верхушка конуса представляла собой сопло, или «горелку», как называл его наш гид, главный инженер Ортега.

Если считать, что сопло находится на корме, то носом корабля будет та часть шара, где расположена рулевая рубка, окруженная каютами членов экипажа, в том числе и капитанской. «Горелка» и двигатели были отделены от остальных помещений тяжелым противорадиационным экраном. От экрана к рулевой рубке тянулся здоровенный трюм в форме цилиндра диаметром более сотни футов, разделенный перегородками на отсеки. Там хранились грузы, предназначенные для колонии: машины, образцы почвы, оборудование и Бог знает что еще.

А вокруг этого центрального цилиндра располагались пассажирские палубы: непосредственно у обшивки корабля палуба «А», под ней «Б», еще ниже «В», а потолок палубы «Г» представлял собой внешнюю стенку трюма. На этой нижней палубе были сосредоточены общие помещения: комнаты отдыха, столовые, кухня, спортзал, лазарет и так далее, а на трех верхних палубах — каюты. Палубу «А» пришлось приспособлять к изогнутой поверхности шара, так что через каждые десять-пятнадцать футов вы обязательно натыкались на ступеньки, а потолки существенно отличались по высоте. У самой кормы и на носу расстояние между полом и потолком не превышало шести футов, и там жили самые маленькие пассажиры, зато в других местах

потолки на палубе «А» возвышались аж на двенадцать-тринадцать футов.

Изнутри было довольно трудно представить себе общую планировку корабля — казалось, все на нем перемешано в кучу. Мало того: искусственное тяготение, для создания которого корабль вращался вокруг своей оси, искажало всю перспективу. Где бы вы ни стояли, палуба под вами была ровной, зато спереди и сзади круто загибалась кверху. Но дойти до этого изгиба было невозможно: вы шли вперед, а пол под ногами по-прежнему оставался ровным. Если не полениться, можно было обогнуть весь корабль, сделав полный круг, и вернуться к исходной точке: это ничего не меняло. Сомневаюсь, что я смог бы разобраться в планировке судна, если бы мистер Ортега не начертил нам условную схему.

Главный инженер объяснил, что корабль вращается со скоростью три и шесть десятых оборота в минуту, то есть за час делает двести шестнадцать полных оборотов. Этого достаточно, чтобы сила тяжести на палубе «Б» достигла одной трети земной. Расстояние от оси «Мейфлауэра» до палубы «Б» семьдесят пять футов; моя палуба «А» расположена дальше от центра, а следовательно, гравитация у нас примерно на одну десятую больше, а на палубе «В» — наоборот, меньше. Что касается нижней палубы, то там сила тяжести уже значительно слабее, так что ничего удивительного, если у вас закружится голова, когда вы резко встанете из-за стола.

Рулевая рубка расположена прямо на оси: говорят, там можно поплавать в невесомости, даже при вращении корабля; впрочем, случая убедиться в этом самому мне так и не представилось.

Вращение создавало еще один побочный эффект: космос все время находился под нами, «внизу». Я имею в виду, что иллюминаторы можно было разместить только в одном месте — на полу верхней палубы. Там они и находились, четыре штуки, огромные, каждый в своем отсеке.

Мистер Ортега провел нас в одну из обзорных галерей. Иллюминатор — большая круглая кварцевая пластина, встроенная в пол, — был огражден перилами.

Ребята, первыми вошедшие в галерею, устремились к перилам и быстренько попятились; две девчонки взвизгнули. Я протолкался вперед, подошел к ограждению и глянул вниз. Передо мной открылась бездонная глубина космоса, миллионы триллионов миль — и все они уходили из-под ног.

Я не дрогнул — Джордж говорит, что я скорее акробат, нежели акрофоб, — но все же схватился за поручень покрепче. Кому охота падать с такой высоты? Кварцевая пластина совсем не отражала света, и казалось, что между тобой и царством вечности нет никаких преград.

Хуже всего, что из-за вращения звезды не стояли на месте, а ползали из стороны в сторону. Откуда-то слева вынырнул ковш Большой Медведицы, крутанулся, проплыл прямо у меня под ногами направо, исчез — и через пару секунд появился снова.

— С меня, пожалуй, хватит, — сказал я и уступил место желающим. Таковых больше не оказалось.

Затем мы посетили небольшую плантацию на гидропонике. Ничего особенного — обыкновенные растения, которые возмещали вдыхаемый нами кислород. В основном водоросли, хотя был еще и небольшой огородик с овощами. Я спросил: как же они существовали, пока на борту не было пассажиров? Ортега указал на баллон с углекислым газом, встроенный в стену.

— Приходилось подкармливать их, конечно.

В общем-то я и сам бы мог догадаться, не Бог вещь какая премудрость.

Главный инженер отвел нас назад в столовую, усадил и прочел небольшую лекцию о судовых двигателях.

В развитии космического кораблестроения, сказал он, можно выделить три этапа. Вначале ракеты летали на химическом топливе и в принципе почти не отличались от военных ракет, которые немцы использовали во время второй мировой войны. Единственное различие заключалось в том, что космические ракеты были многоступенчатыми.

— Вы, ребята, слишком молоды и этих ракет не видели, — сказал инженер, — но это были самые большие космические корабли, когда-либо построенные людьми. Большие по необходимости и ужасно неэффектив-

ные. Как вы знаете, Луны впервые достигла четырехступенчатая ракета. В длину она почти не уступала «Мейфлауэру», но полезного груза могла нести меньше тонны.

Характерно, что с развитием технологии корабли уменьшались, а не увеличивались в размерах. Следующим этапом стали ракеты с атомными двигателями. Это был значительный прогресс; отпала необходимость в ступенях. Такая ракета, размером с «Дедал», не нуждалась в катапультировании, чтобы оторваться от Земли и слетать на Луну или даже на Марс. Но у этих кораблей остались те же недостатки, что были у прежних ракет: они целиком зависели от атомного реактора, который должен был разогреть реактивную массу и вытолкнуть струю через сопло, — в точности как их предшественники зависели от химического топлива, выполнявшего аналогичную функцию.

Последним достижением технологии стали корабли, превращающие массу в энергию, такие, как «Мейфлауэр». Возможно, мы достигли высшей точки в кораблестроении, поскольку суда такого типа теоретически способны достигнуть скорости света. Возьмем, к примеру, наш полет: мы разогнались при нормальной силе тяжести в течение четырех часов и двадцати минут — и набрали скорость более девяноста миль в секунду. Если бы мы продолжали лететь с ускорением чуть больше года, корабль почти достиг бы скорости света.

Что касается энергии, то на таких кораблях ее в избытке. При стопроцентной эффективности трансформации достаточно будет превратить в энергию всего один процент массы корабля и еще один процент использовать в качестве рабочего тела для реактора. Таким будет «Звездный скиталец», когда его построят.

Какой-то малыш поднял руку:

— Мистер главный инженер!

— Да, сынок?

— А если прибавить еще несколько недель — корабль превысит скорость света?

— Нет, — покачал головой мистер Ортега.

— Почему, сэр?

— Ты хорошо знаешь математику, сынок?

— Ну... то, что учат в школе.

— Боюсь, тогда нет смысла объяснять. Просто поверь мне на слово: самые великие ученые умы уверены, что это невозможно.

Вообще-то этот вопрос уже давно не давал мне покоя. Почему нельзя лететь быстрее света? Мне прекрасно известно, что уравнения Эйнштейна доказывают, что скорость больше световой — это величина, не имеющая смысла, нечто вроде веса песни или цвета звука, поскольку в нее входит квадратный корень из минус единицы. Но все это теория, а как показывает история развития науки, если она вообще чего-то стоит, ученые меняют свои теории не реже, чем змеи кожу. Я поднял руку.

— О'кей, — сказал инженер. — Говори, вихрастый.

— Мистер Ортега, что, по-вашему, произойдет со «Звездным скитальцем», если при скорости, близкой к световой, капитан вдруг резко увеличит ускорение, скажем, до шести «g»? Учитывая, что превысить скорость света невозможно?

— Ну, корабль... Скажем так... — Он запнулся и усмехнулся совсем мальчишеской улыбкой: — Слушай, парень, ты мне таких вопросов не задавай. Я всего лишь инженер с мохнатыми ушами, а не физик-математик. — Он задумался и добавил: — Честно говоря, я не знаю, что произойдет, но многое отдал бы, чтобы выяснить. Может, тогда удалось бы своими глазами увидеть, на что он похож, корень из минус единицы. — И быстро сменил тему: — Вернемся к «Мейфлауэру». Вы, наверное, знаете, что первый «Звездный скиталец» не вернулся и «Мейфлауэр» планировали сделать «Скитальцем» номер два. Но конструкция корабля устарела еще до того, как его начали монтировать. Поэтому имя «Звездный скиталец» отдали новому звездолету, а наш корабль назвали «Мейфлауэром» и передали колониальной службе. Вам, ребята, крупно повезло. Раньше колонисты проводили в космосе два года и девять месяцев, прежде чем добирались до Ганимеда. Вы же долетите туда за два месяца.

— А быстрее нельзя? — раздался чей-то голос.

— Можно. Но не нужно. Это чревато всякими осложнениями в астронавигации и пилотировании. На

кораблях такого типа энергетика опережает всю прочую технику. Наберитесь терпения; ваши внуки будут преодолевать расстояние до Ганимеда за неделю при постоянной нормальной силе тяжести. Кораблей будет так много, что им понадобится дорожная полиция и, может быть, удастся вывозить с Земли весь излишек населения, который прибавляется за год. Ладно, хватит об этом. Кто из вас мне скажет, что означает « $E = mc^2$ »?

Я мог бы ответить на вопрос, но я уже один раз поднимал руку, и мне не хотелось прослыть выскочкой. В конце концов парень постарше сказал:

— Это означает, что массу можно превратить в энергию.

— Верно! — согласился Ортега. — Первым подтверждением тому явилась атомная бомба, испытанная в 1945 году в Аламогордо, штат Нью-Мексико. Испытание было экстренным — люди еще не умели управлять атомной энергией; все, что они могли, это с треском взорвать бомбу. Затем начали строить атомные электростанции, работающие на уране, но их эффективность была ниже всякой критики, ибо в энергию превращалась микроскопически малая доля массы. Так продолжалось до тех пор, пока Килгор не открыл уравнения трансформации энергии — какие именно, узнаете, когда подрастете, если будет желание. Так вот, Килгор показал, как можно на практике подступить к уравнению Эйнштейна, открытому еще в 1905 году.

Но люди все еще не знали, как управлять этим процессом. Для трансформации массы в энергию требуется дополнительная специфическая масса, которая не станет превращаться в энергию, когда не нужно, и будет удерживать реакцию в заданных пределах. Обычный металл для этой цели не годится — с таким же успехом можно использовать сливочное масло.

Но уравнения Килгора, когда их сумели правильно прочесть, дали ответ и на этот вопрос. А теперь скажите мне: кто знает, сколько энергии можно получить из грамма массы?

Никто не знал.

— Ответ все в том же старом добром уравнении Эйнштейна, $E = mc^2$. Из одного грамма массы получается девять на десять в двадцатой степени эргов.

Он записал уравнение: $1 \text{ г} = 9 \times 10^{20} \text{ эргов}$.

— Вроде не так уж и много, да? — продолжал инженер. — Попробуем записать иначе.

И записал: 900 000 000 000 000 000 000 эргов.

— А теперь прочитаем: девятьсот миллионов триллионов эргов. Все равно это вам мало что говорит, верно? Такие числа непостижимы для восприятия. У физиков-атомщиков всегда под рукой целый бочонок нулей, как у плотника — ящик с гвоздями.

Попробую еще раз. Фунт массы — любой массы, скажем, фунт перьев, — превращенный в энергию, дает пятнадцать триллионов лошадиных сил* в час. Теперь понимаете, почему «Мейфлауэр» собирали на орбите и почему он нигде не может приземлиться?

— Слишком горячий, — предположил кто-то из ребят.

— Мягко сказано. Если бы «Мейфлауэр» стартовал из космопорта в Мохаве, Лос-Анджелес и другие поселения на юге Калифорнии превратились бы в раскаленную лаву, а радиация и жара поубивали бы людей на всем калифорнийском побережье. Потому-то экран, который вы видели, преграждает доступ к корабельным двигателям и горелке.

К несчастью, Горлодер Эдвардс оказался в нашей группе, поскольку мы были из одной каюты. И конечно же, он не мог не выступить.

— А если потребуется ремонт?

— Там нечего ремонтировать, — ответил инженер. — Никаких механически движущихся деталей там нет.

— Ну а вдруг все-таки? — не унимался Горлодер. — Как же вы сможете отладить двигатель, если к нему совсем нет доступа?

Горлодер способен вывести из себя святого. В голосе инженера зазвучали нетерпеливые нотки:

— Поверь мне, сынок, даже если бы ты мог добраться до него, ты вряд ли захотел бы это сделать. Ей-Богу, вряд ли!

Горлодер хмыкнул:

* 1 лошадиная сила = 736 Вт.

— Но если ремонт невозможен — зачем тогда в экипаже инженеры?

Мы затаили дыхание. Мистер Ортега побагровел, но сказал совершенно спокойно:

— Полагаю, затем, чтобы отвечать на дурацкие вопросы всяких молокососов вроде тебя. — Он повернулся к аудитории и спросил: — Есть еще вопросы?

Вопросов, естественно, не было.

— Думаю, на сегодня достаточно, — объявил инженер. — Урок закончен.

Позже я рассказал обо всем отцу. Он помрачнел:

— Боюсь, главный инженер Ортега не сказал вам всей правды.

— Чего?

— Во-первых, у него хватает забот и по эту сторону экрана: здесь полно всяких механизмов. А во-вторых, если понадобится, он сможет добраться до двигателя.

— Как это?

— Существуют меры предосторожности, предусмотренные для экстренных случаев. И тогда мистер Ортега сможет воспользоваться своей привилегией: надеть скафандр, выйти в космос, добраться до кормы и принять эти меры.

— Ты хочешь сказать...

— Я хочу сказать, что через несколько минут после этого помощник главного инженера автоматически продвинется по службе. Главных инженеров, Билл, не зря подбирают так тщательно — и не только по уровню технической подготовки.

В груди у меня похолодело; мне даже думать об этом больше не хотелось.

Глава 7

Космические скауты

Как только спадает первое возбуждение, путешествие на космическом корабле становится скучнейшим времяпрепровождением. Никаких тебе пейзажей за окном, заняться совершенно нечем, да и негде. Как-никак на борту «Мейфлауэра» почти шесть тысяч человек, тут особо не разгуляешься.

Возьмем, к примеру, палубу «Б» с ее двумя тысячами пассажиров. От носа до кормы у нее 150 футов, а окружность цилиндра — 500 футов. Таким образом, получается в среднем сорок квадратных футов на пассажира, но львиную долю их съедают лестницы, переходы, переборки и так далее. В результате на каждого из нас приходилась только та площадь, которую занимала койка, плюс еще пяточок — рядом постоять, когда не спишь.

Для родео места, прямо скажем, маловато. Даже в салочки и то не поиграешь.

Палуба «А» была чуть больше, «В» — чуть меньше, но в среднем выходило то на то. Совет установил скользящий график, чтобы мы не ходили друг у друга по головам в столовой и в душе. Пассажиры на палубе «А» жили по гринвичскому времени; для палубы «Б»

определили временной пояс «плюс восемь», как на берегу Тихого океана, а для «В», наоборот, «минус восемь», как на Филиппинах. Таким образом, мы существовали в разных временных поясах, хотя официально корабельные сутки отсчитывались по Гринвичу, а все эти ухищрения преследовали лишь одну цель — обеспечить нормальную работу кухни и столовых.

Кормежка превратилась в наше основное развлечение. Встаешь с утра — не столько уставший, сколько утомившийся от скуки — и ждешь завтрака. Потом пытаешься сообразить, как убить время до обеда. И весь день напролет томишься ожиданием, когда же наконец наступит вожаденный миг обеда.

Поэтому, надо признаться, идея со школой оказалась удачной. По два с половиной часа утром и после обеда мы проводили на занятиях. Правда, некоторые взрослые ворчали, что столовые и все свободные помещения вечно забиты школьниками, но чего, собственно, они от нас хотели? Чтобы мы вбили крюк в небо и подвесились на нем? В любом случае, собранные в классы, мы занимали меньше места, чем если бы болтались по коридорам.

Школа у нас получилась оригинальная. В грузовом отсеке хранились какие-то учебные пособия, но подобрать к ним было сложно, да и места для них все равно не хватало. Каждый класс насчитывал двадцать пять ребят и одного взрослого, который что-нибудь о чем-нибудь знал. (Вы не поверите, как много взрослых вообще ничего не знают!) Учителя делились с нами своими познаниями, а потом мы задавали вопросы и нам задавали вопросы. Никаких тебе экзаменов, лабораторных работ, стереофильмов или опытов.

Отец говорит, что это лучший метод преподавания. Настоящий университет, по его словам, — палка о двух концах: с одной стороны учитель, с другой ученик. Но отец у меня немножко романтик.

Скучища была такая, что я забросил свой дневник; впрочем, все равно у меня кончилась пленка.

По вечерам мы с Джорджем играли партию-другую в кривбидж: отец ухитрился протащить на борт доску и карты. Но вскоре по просьбе судового совета он с головой погрузился в какие-то технические расчеты,

даже вечерами не мог освободиться. Молли предложила, чтобы я научил ее играть; я согласился.

Потом я обучил и Пегги. Надо признать, для девчонки эта пигалица втыкала фишки совсем неплохо. Сначала я немножко дергался: не будет ли предательством по отношению к Анне заводить с ними дружбу? Но потом решил, что Анна одобрила бы мое поведение. Она была дружелюбна со всеми.

И все-таки свободного времени оставалось навалом. При силе тяжести в одну треть земной и полном отсутствии физической нагрузки спать я мог не больше шести часов. Ночь на корабле длилась восемь часов, но силком в постель никого не загоняли: первую неделю, правда, пытались, но потом дежурные махнули на нас рукой. После того как вырубали свет, мы с Хэнком Джонсом блуждали по темным коридорам, пока не начинали валиться с ног от усталости, и трепались обо все понемногу. Хэнк оказался совсем неплохим парнем, его только нужно было время от времени ставить на место, чтоб не зарывался.

Скаутская форма до сих пор хранилась у меня под подушкой. Как-то раз, когда яправлял койку, Хэнк заметил ее и сказал:

— Послушай, Уильям, зачем ты цепляешься за прошлое? Все это было и сплыло.

— Сам не знаю, — признался я. — А может, на Ганимеде тоже есть скаутская организация?

— Я о такой не слыхал.

— Ну и что же? На Луне, например, есть скауты.

Разговор о форме натолкнул Хэнка на блестящую мысль. Почему бы нам, сказал он, не организовать скаутские отряды прямо здесь, на «Мейфлаузере»?

Мы созвали собрание. Пегги помогла нам, бросив клич по всем палубам через совет юниоров. Решили собраться после школы, в половине четвертого по Гринвичу. На палубе «Б» в это время было полвосьмого утра, а на палубе «В» — полдвенадцатого ночи. Но удобнее никак не получалось. Кто хотел, тот мог, в конце концов, поторопиться с завтраком или потянуть с отбоем и явиться на собрание.

Пока все сползались, я наигрывал на аккордеоне: отец Хэнка посоветовал нам с помощью музыкального

вступления создать непринужденную атмосферу. Клич был брошен «ко всем скаутам и бывшим скаутам». К половине четвертого все близлежащие коридоры заполнились народом, хотя мы выбрали самую большую столовую. Хэнк призвал собравшихся к порядку, а я отложил аккордеон и принялся исполнять обязанности секретаря-летописца — с помощью магнитофона, взятого напрокат у связистов.

Хэнк произнес краткую вступительную речь. Ему явно стоит заняться политикой, когда повзрослеет. Он заявил, что все мы на Земле уважали и чтили скаутское движение с присущими ему традициями товарищества и взаимовыручки и что негоже забывать о них в космосе. Традиции скаутов, сказал он, восходят к традициям первых переселенцев, и более подходящего места, чем еще не обжитая планета, для них не найти. Дух Даниэля Буна* взывает к нам, требуя возродить движение скаутов.

Я даже не подозревал, что Хэнк на такое способен. Речь звучала потрясно.

Хэнк закрутился и незаметно подмигнул мне. Я встал и сказал, что хочу предложить собранию резолюцию, а затем зачитал ее текст. Первоначальный вариант был куда длиннее, но мы его существенно обкорнали.

Резолюция гласила:

«Мы, нижеподписавшиеся скауты и бывшие скауты, ныне пассажиры славного "Мейфлауэра", дабы возродить скаутские традиции и распространить их, проложив путь к далеким звездам, учреждаем организацию "Бойскауты Ганимеда" в полном соответствии с принципами и задачами скаутского движения и тем самым обязуемся выполнять законы скаутов».

Получилось, возможно, немного напыщенно, но внушительно; по крайней мере, никто не засмеялся.

— Вы слышали резолюцию, — произнес Хэнк. — Что вы на это скажете? Я так понимаю, вы поддерживаете ее?

* Даниэль Бун (1734 — 1820) — знаменитый американский первопроходец, открывший дорогу поселенцам на запад, в Трансильванию.

Зал одобрительно загудел. Хэнк предложил открыть прения.

Кто-то возразил против названия: дескать, мы еще не на Ганимеде, а потому «Бойскаутами Ганимеда» называться не имеем права. Но публика его не поддержала, и выступавший заткнулся. Еще один, сильно дотошный, заявил, что поскольку Ганимед — планета, а не звезда, то выражение «проложив путь к далеким звездам» — типичная белиберда.

Хэнк объяснил, что это не белиберда, а поэтическая вольность и что полет на Ганимед — первый шаг к далеким звездам, а за ним будут еще шаги, иначе зачем, интересно, сейчас сооружают «Звездного скитальца» номер три? Дотошный тоже заткнулся.

Самое веское возражение выдвинул Миллиметр Мунц, занудный самонадеянный коротышка.

— Господин председатель, — сказал он, — это собрание незаконно. Вы не имеете полномочий учреждать новую скаутскую организацию. Как член девяносто шестого отряда из Нью-Джерси — кстати, в отряде я на хорошем счету, — возражаю против всей этой процедуры.

Хэнк осведомился, распространяются ли полномочия девяносто шестого отряда из Нью-Джерси, к примеру, на Марс и его орбиту?

— Гони его в шею! — раздался чей-то крик.

Хэнк постучал по столу.

— Гнать его не обязательно, но, поскольку наш брат Миллиметр считает собрание незаконным, оставаться ему здесь не подобает. Он может удалиться. Председательствующий больше не принимает его реплики во внимание. Ставлю вопрос на голосование.

Решение было принято единогласно. Затем Хэнка избрали председателем оргкомитета. Он тут же наплодил кучу комиссий: организационно-плановую, мандатную, экзаменационную, связную и так далее. Оставалось лишь найти среди пассажиров бывших руководителей и инспекторов скаутских отрядов, а также учредить суд чести. На собрании присутствовало более десятка взрослых пассажиров. Один из них, доктор Арчибальд, дежурный по палубе «А», подал голос:

— Господин председатель, я был руководителем скаутов в Небраске. Хочу предложить свои услуги вашей организации.

Хэнк пристально посмотрел на него:

— Благодарю вас, сэр. Ваше заявление будет рассмотрено.

Доктор Арчибальд оторопел, а Хэнк ласково продолжил:

— Мы нуждаемся в помощи и с радостью примем ее от бывших скаутов. Комиссия по связи запишет имена всех желающих помочь.

Собрание постановило, что на корабле будет организовано три отряда, по одному на каждой палубе, поскольку собираться всем в одно время неудобно. Хэнк попросил встать всех скаутов в звании «следопытов». Встало так много народу, что он велел сесть всем, кроме «орлов». Нас осталось стоять человек двенадцать.

Хэнк рассортировал «орлов» по палубам и приказал немедленно заняться формированием отрядов, начав с избрания временно исполняющего обязанности старшего командира. На нашей палубе оказалось всего три «орла»: я, Хэнк и парень из другой каюты, которого я видел впервые, Дуглас Макартур Окахима. Дуг и Хэнк взвалили эту обязанность на меня, и я впрягся в работу.

Мы с Хэнком предполагали в конце собрания устроить торжественное шествие, но поскольку места было мало, я снова взялся за аккордеон и мы дружно спели «Скауты пролагают путь» и «Зеленые холмы Земли». А напоследок хором повторили скаутскую клятву:

«Клянусь честью, что сделаю все от меня зависящее, чтобы выполнить свой долг перед Господом и моей планетой и всегда сохранять в здоровом теле острый ум и твердый дух».

На этом собрание закончилось.

Первое время мы ежедневно проводили всяческие собрания: отрядные собрания, собрания комиссий, собрания «следопытов», собрания командиров отделений — в общем, скучать было некогда. Поначалу отряды назывались по букве палубы, то есть «А», «Б» и «В», но это звучало совсем безлико. Во всяком случае, для своего отряда я хотел какое-нибудь другое имя. Мы решили развернуть кампанию по привлечению новых

членов, а для этого желательно иметь более заманчивое название, чем «отряд палубы А».

Кто-то предложил назваться «Космическими крысами», но большинства голосов не собрал, а название «Мейфлауэры» мы даже не стали ставить на голосование.

Потом мы забраковали «Пилигримов», «Космических первопроходцев», «Звездных скитальцев» и «Небесных странников». Слово попросил парень по имени Джон Эдвард Форбс-Смит.

— Послушайте, — сказал он, — мы разделились на три отряда на основе временных поясов, так ведь? На палубе «Б» время калифорнийское, на палубе «В» — филиппинское, а у нас — гринвичское, или английское. Почему бы нам не отразить это в названиях отрядов? Мы могли бы называться «Отрядом святого Георгия».

Идею поддержал Бад Келли, но предложил вместо Георгия святого Патрика. В Дублине, заявил он, тоже гринвичское время, а Патрик — более важный святой, чем Георгий.

— С каких это пор? — поинтересовался Форбс-Смит.

— А с таких, что всегда так было, понял, ты, англичашка?

Мы в темпе призвали их к порядку и решили оставить святых в покое. Но идея Джона Эдварда всем пришлась по душе. В конце концов мы остановились на названии «Отряд Баден-Пауэлла организации бойскаутов Ганимеда», что отражало английскую временную зону и ни для кого не звучало обидно.

Идею подхватили и другие отряды. Палуба «В» стала называться «Агвинальдо», а «Б» — «Отрядом Джуниперо Сьерра». Я даже пожалел, что у нас не калифорнийское время, очень уж мне понравилось название «бэшников». Но ничего не поделаешь, пришлось пережить; да и Баден-Пауэлл — тоже достойное имя.

В общем, удачными были все три названия; трое людей, когда-то носившие эти имена, были скаутами и отважными первооткрывателями. Двое из них не состояли членами скаутской организации, но всех их можно

назвать скаутами в широком смысле слова, как Даниэля Буна.

Отец говорит, что имя — это очень важно.

Прослышав о нашей деятельности, девчонки тут же организовали свои скаутские отряды. Пегги попала в отряд Флоренс Найтингейл*. Ничего дурного в этом, конечно, нет, я только не могу понять, почему девчонки так любят обезьянничать? Впрочем, у нас своих забот хватало, так что мы с ними не связывались. Нашей задачей было приспособить скаутские занятия к новым условиям.

Мы решили сохранить все звания и нашивки, которые ребята заслужили на Земле, — я имею в виду постоянные звания, а не должности. Если ты был командиром отделения или секретарем, это ничего не означало, но если на Земле ты был «орлом», «орлом» ты оставался и у нас, в организации бойскаутов Ганимеда. А если был «волчонком» — ничего не попишешь. У половины ребят не было при себе никаких письменных удостоверений, поэтому мы приняли на веру их устные заявления, подкрепленные клятвой.

Все это было несложно; куда труднее пришлось с разработкой тестов и эмблем. Как, объясните мне, испытать познания человека в пчеловодстве, если у вас нет ни одной пчелы?

(Впрочем, как выяснилось позже, в грузовом отсеке было заморожено несколько пчелиных роев, но нас к ним не подпустили.)

Мы решили учредить эмблему за знание гидропоники и начали проводить экзамены прямо на корабле. Мистер Ортега организовал нам экзамен по устройству космического корабля, а капитан Харкнесс — по баллистике и астронавигации, так что к концу путешествия у нас накопилось достаточно новых тестов, чтобы ребя-

* Флоренс Найтингейл (1820 — 1910) — английская сестра милосердия, организовавшая в 1880 г. в Лондоне первую в мире школу медсестер.

та могли получить звание «орла», после того как был учрежден суд чести.

А с организацией суда Хэнк чего-то тянул. Я не мог понять, с какой стати он задерживает отчет комиссии по связям, которая занималась утверждением руководителей скаутов, инспекторов и прочими делами. На все мои вопросы он с таинственным видом отвечал, что потом я и сам пойму.

И действительно, потом до меня дошло. В конце концов состоялось общее собрание всех трех отрядов, на котором утвердили руководителей, учредили суд чести и так далее. И с тех пор нами вновь стали командовать взрослые, а мы в лучшем случае могли стать лишь командирами отделений. Да, Хэнк не зря тянул: самостоятельными быть интереснее.

Глава 8

Авария

Мы провели в космосе уже пятьдесят три дня, до Ганимеда оставалось лететь еще неделю, и тогда капитан Харкнесс развернул корабль так, чтобы мы могли видеть, куда летим, — то есть пассажиры, разумеется, для астронавигации это значения не имело.

Ось «Мейфлауэра» была направлена к Юпитеру, а сопло обращено к Солнцу. Но поскольку иллюминаторы располагались по бокам, мы могли видеть только звезды, а Юпитер и Солнце оставались вне обзора. Поэтому капитан развернул корабль на девяносто градусов, и мы стали вращаться, так сказать, вдоль траектории полета. Теперь из любого иллюминатора можно было увидеть и Юпитер, и Солнце, хотя, естественно, не одновременно.

Юпитер выглядел крошечным рыжеватым диском. Кто-то из ребят уверял, что сумел разглядеть и его спутники. Честно говоря, мне это не удалось, по крайней мере в первые три дня после разворота. Но увидеть Юпитер — это было здорово!

Марс находился по ту сторону от Солнца, на расстоянии трехсот миллионов миль от нас, то есть вне поля зрения. Перед нами были все те же старые знакомые

звезды, видимые с Земли. Даже на астероиды поглазеть не удалось.

Тому были свои причины. Когда корабль стартовал с орбиты Супер-Нью-Йорка, капитан Харкнесс не сразу направил «Мейфлауэр» к той точке, где будет находиться Юпитер по окончании полета, а поднял корабль к северу от эклиптики, чтобы обогнуть пояс астероидов. Ни для кого не секрет, что столкнуться в космосе с метеоритом — риск невеликий, разве что капитан сдуру поведет корабль через голову кометы. Слишком уж необозримые пространства отделяют один астероид от другого. Пояс астероидов в этом смысле — настоящая космическая свалка, и тем не менее старые корабли с атомными реакторами обычно проходили сквозь него, и ни один не пострадал. Капитан Харкнесс, в распоряжении которого были буквально неограниченные запасы энергии, предпочел для верности обогнуть пояс. Таким образом, вероятность для «Мейфлауэра» столкнуться с метеоритом была не больше, чем столкнуться с розовым слоном.

Что ж, очевидно, розовые слоны все-таки существуют. Потому что мы столкнулись с метеоритом.

Это случилось сразу после подъема по нашему палубному времени. Я как раз заправлял койку. В руках у меня была скаутская форма — я собирался сложить ее и сунуть под подушку. Надеть мне ее так ни разу и не пришлось: поскольку у других ребят формы не было, я свою тоже не носил. Но по-прежнему держал ее под подушкой.

И тут раздался такой сумасшедший треск, какого я в жизни еще не слышал: словно прямо над ухом пальнули из винтовки; словно с силой захлопнулась стальная дверь; словно какой-то великан раздирал огромное полотнище на мелкие кусочки — и все это одновременно.

А потом я ничего уже больше не слышал, кроме звона в ушах. Перед глазами все поплыло. Я тряхнул головой, взглянул вниз и обалдел: прямо у меня под ногами зияла дыра размером с ладонь. Изоляция вокруг нее расплавилась, а сама дырка была совершенно черной.

И вдруг в ней промелькнула звезда — тут я наконец сообразил, что смотрю прямо в космос.

Послышалось громкое шипение.

Не помню, думал ли я о чем-нибудь в тот момент. Помню, что присел на корточки, скомкал скаутскую форму и сунул ее в пробоину. На мгновение показалось, что сейчас давление воздуха вытолкнет ее наружу, но форма все-таки застряла в отверстии. Однако шипение не прекратилось. Только тогда до меня дошло, что мы теряем воздух и можем задохнуться в вакууме.

За спиной у меня кто-то визжал, кто-то орал, что его убили, завывала сирена тревоги. В общем, поднялся такой тарарам, что собственных мыслей и тех не слышно было. Герметичная дверь нашей каюты автоматически скользнула в пазы и накрепко закрыла выход.

Это меня напугало до смерти.

Я понимал, что так положено. Лучше заблокировать один отсек и обречь на гибель людей, находящихся в нем, чем подвергнуть угрозе весь корабль. Но когда ты сам находишься в этом отсеке... Боюсь, по натуре я не герой.

Воздух продолжал просачиваться через затычку. Из каких-то уголков памяти в голове всплыла фраза из рекламы: «Ткань предназначена для тропиков и прекрасно вентилируется». Ну и зря, подумал я. Жаль, что под рукой не оказалось солидного пластикового плаща. Сунуть затычку поглубже я не решался: боялся, что она выскользнет наружу и тогда мы вдоволь надышимся пустотой. Я согласился бы отдать весь свой десерт за десять лет вперед в обмен на кусочек резины размером с ладонь.

Вопли у меня за спиной прекратились, но ненадолго. Горлодер Эдвардс внезапно принялся дубасить в дверь, крича во все горло:

— Выпустите меня отсюда! Заберите меня отсюда!

И в довершение ко всему из громкоговорителя послышался голос капитана Харкнесса:

— Н-двенадцать! Ответьте! Вы меня слышите? Н-двенадцать!

Все в каюте завопили как резанные.

— Тихо! — гаркнул я что было мочи, и на секунду воцарилась тишина.

Гиви Брунн, один из моих «волчат», уставился на меня удивленными глазами.

— В чем дело, Билли? — спросил он.

— Дай сюда подушку, любую! Быстро! — ответил я.

Он изумился еще больше, но подушку принес.

— Сними наволочку! Скорей!

Он засуетился, наконец сдернул наволочку и протянул мне подушку. Но я не мог оторвать руки от затычки.

— Положи ее мне на руки, — приказал я.

Это была самая обыкновенная подушка из мягкого пенопласта. Я осторожно вытащил одну руку, затем другую, встал на колени и изо все сил уперся в подушку ладонями. Она слегка прогнулась посередке; все, подумал я, сейчас треснет. Но подушка выдержала. Горлодер опять заверещал, а капитан Харкнесс все так же тщетно требовал, чтобы кто-нибудь из пассажиров каюты Н-12 отозвался и объяснил, что происходит.

Я снова заорал:

— Тихо! — И прибавил: — Слушайте, вырубите кто-нибудь Горлодера, чтоб он заткнулся.

Идея явно имела успех. Трое пацанов с готовностью надавали Горлодеру по шее, а один двинул в живот и уселся на него верхом.

— А теперь быстро все замолчали, — сказал я. — Если Горлодер пикнет, врежьте ему еще разок.

Я перевел дух и сказал в микрофон:

— Н-12 на связи!

— Что у вас происходит? — спросил капитан.

— В корабле пробоина, капитан, но мы ее заткнули.

— Чем? И какой величины пробоина?

Я ответил, и на этом наша беседа окончилась. Спасатели добрались до нас не сразу, потому что, как я потом узнал, первым делом они изолировали весь наш отсек, задраив дверь в коридоре, а для этого им, естественно, пришлось эвакуировать всех пассажиров из соседних кают. Но вот наконец двое в скафандрах открыли дверь и вывели всех ребят, кроме меня. Затем они оба вернулись. Одного я узнал — это был мистер Ортега.

— Вставай, сынок, — сказал он. Голос через шлем звучал незнакомо и глухо.

Второй спасатель склонился над дырой и прижал подушку.

В руках у мистера Ортеги была большая металлическая пластина, обтянутая с одной стороны липкой прокладкой. Мне хотелось остаться и посмотреть, как будут заделывать дыру, но инженер вытолкнул меня вон и закрыл дверь. В коридоре было пусто. Я постучал в дверь, ведущую в соседний отсек, и оказался в толпе ребят. Они набросились на меня с вопросами, но ничего новенького я рассказать им не мог.

Через некоторое время мы почувствовали, что теряем вес. Капитан Харкнесс объявил, что корабль ненадолго прекращает вращение. Тут появились мистер Ортега с помощником и проследовали в рулевую рубку. От невесомости мне, как всегда, поплохело. Капитан Харкнесс оставил радиосвязь включенной, чтобы переговариваться с инженерами, вышедшими в космос залатать дыру снаружи, но я не вслушивался в их диалог. Когда тебя мутит и вот-вот вывернет наизнанку, все остальное становится до лампочки.

Наконец корабль начал вращаться и нам позволили вернуться в каюту. Выглядела она совсем как прежде, только на полу на месте пробоины была приварена металлическая заплатка.

В результате уроки в этот день отменили, а завтракать мы сели на два часа позже обычного.

Так я во второй раз попал на капитанскую разборку. На ней присутствовали Джордж, Молли и Пегги, а также руководитель нашего скаутского отряда доктор Арчибальд, все ребята из нашей каюты и все члены экипажа. Прочие пассажиры могли любоваться на нас по видео. Мне ужасно хотелось надеть скаутскую форму, но она была изодрана в клочья и вся покрыта липкими пятнами. Пришлось содрать с нее эмблемы и сунуть форму в мусоросжигатель.

Первый помощник возвестил:

— Капитанский суд! Награды и взыскания.

Все встrepенулись, подтянулись. Тут вошел капитан и остановился напротив нас. Отец вытолкнул меня вперед.

— Уильям Лермер? — спросил капитан, глядя мне в лицо.

— Да, сэр, — отчеканил я.

— Я прочитаю запись из бортового журнала за вчерашний день, — сказал капитан. — «Двадцать первого августа в семь часов четыре минуты по стандартному времени, корабль, следуя по курсу, был пробит небольшим метеоритом. Герметизация сработала как положено, и поврежденный отсек, а именно каюта Н-12 была своевременно изолирована. Таким образом удалось предотвратить падение давления воздуха в остальных отсеках.

Отсек Н-12 представляет собой жилое помещение, в момент аварии в нем находилось двадцать пассажиров. Один из них, Уильям Дж. Лермер, соорудил из материалов, имевшихся под рукой, затычку и сунул ее в пробоину, перекрыв утечку воздуха и позволив своим попутчикам продержаться до прибытия ремонтников.

Его быстрая реакция безусловно спасла жизнь всем пассажирам, находившимся в отсеке Н-12».

Капитан оторвал глаза от журнала и продолжил:

— Заверенная копия этой записи вместе со свидетельствами очевидцев будет направлена в организацию Межпланетного Красного Креста с ходатайством о награде. Другая копия будет вручена тебе. Я не имею права наградить тебя, могу лишь сказать, что благодарен от всей души. Я говорю это от имени команды и всех пассажиров, в особенности от имени родителей твоих товарищей по каюте.

Он сделал паузу, потом поманил меня пальцем и, понизив голос, сказал мне лично:

— Молодец, парень! Ты был на высоте. Можешь гордиться собой.

Я ответил, что мне просто повезло.

— Возможно, — согласился капитан. — Но такого рода везение выпадает на долю тех, кто к нему готов. — Он снова помолчал, потом спросил: — Лермер, ты когда-нибудь думал о карьере космонавта?

Я ответил, что если и думал, то не слишком серьезно.

— Значит так, Лермер, — заявил капитан. — Если решишь, дай мне знать. Ты всегда можешь найти меня через Ассоциацию пилотов в Луна-Сити.

Капитанская разборка на этом завершилась, и все разошлись. Мы с Джорджем шли впереди, Молли с Пегги — за нами. Я услышал за спиной голос Пегги:

— Это мой брат!

— Тихо, Пегги! И не показывай пальцем! — шикнула Молли.

— Вот еще! — возмутилась Пегги. — Он же действительно мой брат, разве нет?

— Да, конечно, но не стоит его смущать, — ответила Молли.

Хотя, по правде говоря, я вовсе не чувствовал себя смущенным.

Позднее меня разыскал мистер Ортега и вручил черный покореженный кусочек металла размером не больше пуговицы.

— Вот все, что от него осталось, — сказал он. — Но я подумал, что тебе будет приятно взять его на память — в виде компенсации за скаутский костюм.

Я поблагодарил его и сказал, что не жалею о форме; в конце концов, мою собственную шкуру она тоже спасла.

— Мистер Ортега, а можно как-нибудь определить, откуда он сюда залетел? — спросил я, глядя на метеорит.

— Вряд ли, — ответил он. — Хотя можно, конечно, отдать его на растерзание ученым умникам — пусть выскажут свои соображения, если хочешь.

Я сказал, что не хочу. Лучше сохраню его как талисман; я до сих пор таскаю его с собой в кармане.

— То ли это осколок кометы, то ли кусочек из пояса астероидов, — продолжал инженер, — трудно сказать, поскольку здесь, по идее, не должно быть ни того ни другого.

— Не должно, — согласился я. — Но ведь было!

— Твоя правда.

— Мистер Ортега, а почему бы корпус корабля не сделать толще, чтобы такая козявка не могла его пробить? — Я вдруг вспомнил, какой тоненькой показалась мне обшивка в месте пробоины: просто пленочка, а не обшивка.

— Ну, во-первых, для метеорита это настоящий великан, если хочешь знать. А во-вторых — ты имеешь представление о космической радиации, Билл?

— Боюсь, очень смутное.

— Но тебе наверняка известно, что первичная космическая радиация не вредит человеческому организму, хотя и свободно проникает сквозь него. Однако через металл она проходит не так свободно — и при этом образуется вторичная, и третичная, и четвертичная радиация, а этот каскад излучений уже отнюдь не безобиден. Он может вызвать различные мутации и причинить тебе и твоему потомству массу неприятностей. Получается, что человеку в космосе нужна такая обшивка, которая удерживала бы воздух внутри корабля, а ультрафиолетовые лучи — снаружи.

Пару дней после аварии Горлодер ходил тише воды, ниже травы. Я решил, что недавний урок пошел ему на пользу. Но я ошибся. Мы столкнулись с ним лицом к лицу в одном из нижних коридоров. Поблизости никого не было. Я хотел пройти мимо, но он загородил проход.

— Мне нужно поговорить с тобой.

— О'кей, — сказал я. — Валяй, я слушаю.

— Думаешь, ты самый крутой, да?

Мне не понравилось ни то, что он сказал, ни то, как он это сказал.

— А чего мне думать? — ответил я. — Я и в самом деле крутой.

Он мне надоел.

— Строишь из себя, да? Думаешь, я буду руки тебе целовать, благодарить за спасение?

— Так вот что тебя волнует? Можешь расслабиться: я старался вовсе не ради тебя.

— Я в этом не сомневаюсь, — заявил он. — И не испытываю к тебе никакой благодарности.

— Ну и слава Богу, — сказал я. — Можешь мне поверить, твоя благодарность мне нужна как мертвому припарка.

Он тяжело задышал.

— Ты меня достал, — тихо сказал он, и в то же мгновение солидная зуботычина свалила меня на пол.

Я осторожно встал, надеясь застать его врасплох, но не тут-то было. Он сбил меня с ног еще раз. Я попробовал двинуть ему из положения лежа, однако этот гад все время уверчивался от ударов.

После третьей плюхи я остался лежать на полу. Когда в глазах перестали вспыхивать искры, Горлодера уже след простыл. А я ему так ни разу и не врезал. Вот черт, ну не везет мне в драках! Я все еще разговариваю, когда пора уже бить.

Я подошел к бачку с водой и сполоснул лицо. За этим занятием меня застукал Хэнк и очень изумился. Пришлось объяснить, что я налетел на дверь. Отцу я сказал то же самое.

Больше Горлодер ко мне не вязался. Мы просто игнорировали друг друга. Но в ту ночь я никак не мог заснуть, все лежал и пытался понять. И не мог. Парень, сочинивший эту муру: «В бою я стою десяти, поскольку сердцем чист», — наверняка не сталкивался с типами вроде Горлодера. По-моему, Горлодер обыкновенная сволочь; жаль, что я не заткнул пробойну его физиономией. Я все думал, как бы его проучить, но так ничего и не придумал. Как говорит отец, в жизни бывают безвыходные положения.

Глава 9

Спутники Юпитера

Никаких особых происшествий по пути к Юпитеру больше не было. Правда, как-то раз потерялся четырехгодовалый мальчуган. Родители обыскали чуть не весь корабль, из рулевой рубки по громкоговорителю всех пассажиров попросили сообщить, если кто его увидит, но парнишка как в воду канул.

Мы подняли на ноги всех скаутов: самый тот случай проверить, какие из нас следопыты. Экипаж не мог организовать поиски, их всего-то раз два и обчелся — капитан, двое помощников, мистер Ортега и его заместитель. Капитан Харкнесс снабдил наших руководителей планами корабля, и мы облазили все закоулки, как в той игре, когда надо найти спрятанный предмет. Выудили мы его через двадцать минут. Бесенок, оказывается, пробрался в теплицы, и там его благополучно заперли.

Пока он сидел взаперти, ему захотелось пить, и он попробовал глотнуть растворчика для поливки растений. Результат не заставил себя ждать. Парень не отравился, ничего страшного, но теплицы уделал — не дай Бог!

Вечером за картами я обсудил с отцом этот случай. Пегги ушла на собрание девчонок-скаутов, Молли ку-

да-то удалилась, и мы остались одни. Мамаша пропавшего пацаненка подняла такой шум, будто случилось что-то ужасное. Я хочу сказать: ну что могло случиться с ним на корабле? За борт-то выпасть он никак не мог.

Отец возразил, что ее реакция кажется ему совершенно естественной.

— Слушай, Джордж, а ты не думаешь, что не все пассажиры достойны быть колонистами?

— М-м-м... может быть.

Вообще-то я имел в виду Горлодера, но ведь была еще и миссис Тарбаттон, которая сломалась почти на старте и не вылезала из каюты, а также эта матрона, миссис Григсби, заработавшая себе мытье тарелок. И был мужик по имени Сондерс, постоянно конфликтовавший с судовым советом из-за того, что не желал признавать никаких постановлений и пытался жить так, как было удобно ему, а не окружающим.

— Джордж, как же им всем удалось пройти психологические тесты?

— Билл, ты когда-нибудь слышал о политическом давлении?

— Чего? — Вот и все, что я смог ответить.

— Понимаю, что тебя это шокирует, но ты уже достаточно взрослый — пора воспринимать мир таким, какой он есть, а не таким, каким он должен быть. Рассмотрим, например, чисто гипотетическую ситуацию. Скажем, племянница сенатора собралась на Ганимед. Я не думаю, чтобы ее завалили на психологических тестах. Но даже если бы и завалили, комитет мог пересмотреть решение, коль скоро сенатор всерьез бы этого захотел.

Я задумался, переваривая услышанное. На Джорджа это совсем не похоже, циником его не назовешь. Из нас двоих циник скорее я, а Джордж наивен, как ребенок.

— Но если тесты так легко обойти, Джордж, тогда вообще нет смысла их проводить.

— Ничего подобного. Как правило, тесты проводят честно. А если кто и проскользнет по блату — это неважно. Природа-мать сама о них позаботится. Выживут сильнейшие. — Отец сдал карты и заявил: — Ну,

держись! На сей раз я тебя разделаю под орех, вот увидишь.

Он всегда так говорит.

— И все равно, — сказал я, — тех, кто злоупотребляет своим служебным положением, нужно гнать в три шеи!

— Согласен, — мягко ответил Джордж. — Но тут главное не переусердствовать. Работать нам предстоит не с ангелами, а с людьми.

Двадцать четвертого августа капитан Харкнесс прекратил вращение корабля и начал сбрасывать ускорение. Корабль тормозил более четырех часов, а затем в шестистах тысячах милях от Юпитера перешел на свободное падение. Ганимед находился за Юпитером. Невесомость по-прежнему доставляла нам мало удовольствия, но теперь мы были к ней подготовлены и все, кто хотел, сделали уколы. Я тоже не выпендривался.

Теоретически «Мейфлауэр» мог сманеврировать таким образом, чтобы в конце торможения сразу выйти на орбиту вокруг Ганимеда. Но на практике более удобно было потихоньку приближаться к спутнику, чтобы избежать неприятных встреч с метеоритами в так называемых фальшивых кольцах.

У Юпитера, разумеется, нет таких колец, как у Сатурна, но наряду со спутниками вокруг него вращается уйма космического мусора. Будь этого мусора еще больше, он образовал бы кольца наподобие сатурнианских. Но хотя осколков и не хватает на кольца, зато их вполне достаточно, чтобы устроить пилоту нелегкую жизнь. Что же до нас, пассажиров, то медленное приближение к планете позволило нам вдоволь налюбоваться на Юпитер и его спутники.

Камешки, встречи с которыми мы так старательно избегали, в основном вращаются в плоскости экватора Юпитера, как сатурнианские кольца, поэтому капитан Харкнесс повел корабль над верхушкой планеты, то есть над северным полюсом. Так что в опасную зону мы вошли, только когда стали огигать Юпитер и

приближаться к Ганимеду, но к этому времени корабль уже двигался черепашьими темпами.

Однако над полюсом «Мейфлауэр» еще мчался во всю прыть. Более тридцати миль в секунду — и с такой скоростью мы неслись на расстоянии всего тридцати тысяч миль от планеты. Вид был еще тот! Диаметр Юпитера около девяноста тысяч миль, и когда летишь в тридцати тысячах милях от такой громадины, чувствуешь себя не совсем уютно.

Я пару минут поглядел на иллюминатор, а потом уступил место другим желающим и вернулся в каюту, где можно было смотреть на экран сколько влезет. Странное это было зрелище; обычно на фотографиях Юпитер похож на шар, прочерченный полосами, идущими параллельно экватору. Но мы-то смотрели на него со стороны полюса, а потому вместо полос видели разноцветные круги. Планета походила на огромную мишень, размалеванную оранжевой, кирпичной и коричневой красками, только от этой мишени кто-то отжевал половину, потому что Юпитер был в виде полусферы.

Прямо на полюсе чернело какое-то пятно. Нам объяснили, что это зона устойчивой ясной погоды и что в этом месте можно разглядеть даже поверхность планеты. Но я, как ни старался, ничего не разглядел. Пятно как пятно.

Когда мы летели над верхушкой Юпитера, из темноты внезапно выплыла Ио, спутник номер один. Размерами она похожа на нашу Луну и расстояние от нее до «Мейфлауэра» было примерно как от Земли до Луны. Нет, вы только представьте себе: сплошное черное небо и вдруг откуда ни возьмись — темно-красный кровавый диск, который на ваших глазах за пять минут становится ярко-оранжевым, почти таким же, как Юпитер. И выпрыгнул он буквально ниоткуда — магия, да и только.

Пока мы были поблизости, я все старался найти спутник Барнарда*, но, очевидно, пропустил. Пятый спутник совсем крошечный и крутится вокруг Юпитера на расстоянии меньше диаметра — так близко, что успевает сделать полный оборот за двенадцать часов.

* Барнард Эдуард Эмерсон (1875—1923) — американский астроном, в 1892 г. открыл пятый спутник Юпитера — Амальтею.

Он интересовал меня потому, что на нем расположена обсерватория и базовая станция проекта «Юпитер».

А может, я его и не пропустил: не исключено, что его отсюда вообще нельзя увидеть — диаметр-то у шарика всего сто пятьдесят миль. Говорят, с него можно просто прыгнуть и оказаться в космосе. Я спросил у Джорджа, но он сказал, что это ерунда: скорость разбега должна быть около пятисот футов в секунду.

Позже я проверил: он оказался прав. Отец у меня настоящий кладёзь полезной информации. Он говорит, что факты заслуживают уважения сами по себе.

Каллисто была у нас за спиной; мы прошли мимо нее, не приближаясь. Полумесяц Европы* находился справа, почти на перпендикуляре к нашей траектории. Нас разделяло более четырехсот тысяч миль, и вид ее меня не впечатлил.

Ганимед же был прямо перед нами и все время увеличивался в размерах. Но странное дело: Каллисто отсвечивала серебром, как Луна, разве что не так ярко, Ио и Европа были огненно-оранжевыми, как и сам Юпитер, а Ганимед выглядел совершенно тусклым.

Я спросил Джорджа почему. Ответ, как всегда, был у него наготове.

— Ганимед был таким же ярким, как Ио с Европой. Это парниковый эффект виноват** — тепловая ловушка. Иначе мы не смогли бы там жить.

Вообще-то я и сам об этом знал. Парниковый эффект — самая важная часть проекта создания атмосферы. Когда в 1985 году на Ганимеде высадилась экспедиция, температура там была двести градусов ниже нуля*** — вполне достаточно, чтобы превратиться в сосульку.

* Каллисто и Европа — соответственно четвертый и второй спутники Юпитера.

** Парниковый эффект — нагрев внутренних слоев атмосферы, обусловленный прозрачностью атмосферы для основной части излучения Солнца и поглощением атмосферой основной части теплового излучения планеты, нагретой Солнцем. В атмосфере Земли излучение поглощается молекулами воды, двуокиси углерода и так далее.

*** Здесь и далее температура дана по шкале Фаренгейта. Соотношение с температурой по Цельсию определяется по формуле $t^{\circ}\text{C} = 5/9(t^{\circ}\text{F} - 32)$.

— Джордж, я знаю про тепловую ловушку, — сказал я, — но все равно, почему он такой темный? Словно его в мешок засунули.

— Свет — это тепло, а тепло — это свет. Какая тебе разница? На поверхности Ганимеда светло. Спутник просто удерживает свет, не отражая его — как раз то, что нам нужно.

Я заткнулся. До меня не совсем дошло, что он имел в виду, но я решил не ломать понапрасну голову.

Вблизи от Ганимеда капитан Харкнесс вновь начал торможение, так что мы смогли нормально пообедать. Я так и не привык к невесомости, по крайней мере есть не мог совершенно, даже с уколами. Примерно в тысяче миль от Ганимеда корабль вышел на круговую орбиту. Мы прибыли на место — теперь оставалось только ждать, когда за нами прилетят и выгрузят из «Мейфлауэра».

Пока нас переправляли на Ганимед, мне в голову впервые закралось подозрение, что быть колонистом вовсе не так романтично и почетно, как казалось на Земле. Чтобы перевезти нас всех разом, нужно было как минимум три ракеты. За нами прислали всего одну — «Джиттербаг», способную уместиться в отсеке «Бифроста». Взять она могла только девяносто пассажиров, а значит, ей предстояло мотаться туда-обратно много раз.

Мне повезло. Я прождал в невесомости всего три дня. И за это время похудел на десять фунтов.

Правда, я не сидел сложа руки, а помогал на погрузке. Наконец пришла наша очередь и мы забрались в «Джиттербаг». Ну и корыто! Между палубами не больше четырех футов — не палубы, а книжные полки какие-то. Воздух затхлый, кругом грязища; после предыдущего рейса здесь явно никто не убирал. Никаких тебе противоперегрузочных кресел: палуба сплошь покрыта матрацами, а поверх матрацев уложены мы, то есть пассажиры — плечом к плечу и ногами к голове соседа.

Капитанша, горластая тетка, которую все называли «капитаном Хэтти», знай себе покрикивала да поторап-

ливалась нас. Даже не удосужилась убедиться, все ли пристегнулись.

Слава Богу, длилось все это недолго. Капитанша рванула с места так, что впервые после тестов у меня потемнело в глазах, и я отключился; мы летели двадцать минут, а потом буквально шлепнулись на землю. И услышали зычный окрик капитанши: «А ну, вываливайте, крысы сухопутные! Прибыли!»

На «Джиттербаге» мы дышали чистым кислородом, а не гелиево-кислородной смесью, как на «Мейфлауэре». Во время полета давление было десять фунтов; теперь капитан Хэтти спустила его до трех, то есть до нормального давления на Ганимеде. Ясно, что трех фунтов кислорода вполне достаточно для жизни; на Земле его, кстати, не больше — остальные двенадцать фунтов приходятся на долю азота. Но когда давление падает так внезапно, вы начинаете судорожно хватать ртом воздух. Вы не задыхаетесь, нет, но ощущение у вас именно такое.

Из ракеты мы выбрались совершенно измочаленными. У Пегги шла носом кровь. Лифта, естественно, не оказалось, пришлось спускаться по веревочной лестнице. А холодина стояла — жуть!

Пал снег; ветер выл и сотрясал лестницу так, что малышей решили спускаться на канатах. На земле лежало снежное покрытие толщиной в восемь дюймов*, только на месте посадки «Джиттербага» зияла черная проплешина. Ветер швырял в лицо снежные комья, залепляя глаза; я почти ничего не видел. Кто-то схватил меня за плечи, развернул и прокричал:

— Шевелись, шевелись! Вон туда!

Я повиновался; на краю проталины, выжженной ракетой, стоял еще один человек и пел ту же песню. Впереди в снегу вилась утоптанная в слякоть грязная тропинка. Я устремился по ней рысцой, чтобы согреться, догоняя фигуры, пропадавшие в снежном месиве.

До укрытия пришлось протопать не меньше полумили. Одеты мы были совсем не по сезону. Когда я добрался до двери, у меня зуб на зуб не попадал, а ноги промокли насквозь.

* 1 дюйм = 2,54 см.

Укрытием служило огромное здание, что-то вроде ангара, и не сказать, чтобы там было намного теплее, поскольку дверь стояла нараспашку. Но все же очутиться под крышей было приятно — хоть снег на голову не падал. Ангар был забит народом, среди пассажиров мелькали и ганимедцы. Они выделялись из толпы своими бородами и отросшими до плеч волосами. Я сразу же решил, что следовать этой моде не стану; я всегда буду гладко выбрит, как Джордж.

Я покрутился в толпе, пытаясь найти Джорджа с компанией. В конце концов мне это удалось. Отец раздобыл для Молли какой-то баул, и она примостилась на нем, держа Пегги на коленях. Из носа у пигалицы, к счастью, уже не текло, но физиономия вся была перепачкана высохшей кровью и грязью и исчерчена бороздами от слез. Тот еще вид!

Джордж тоже глядел угрюмо, в точности как в первые дни без трубки. Я подошел к ним и сказал:

— Привет родне!

Джордж обернулся и осветился улыбкой:

— Кого я вижу! Билл! Как дела?

— Как на мусорной свалке.

Отец помрачнел:

— Надеюсь, они все же наведут здесь порядок.

Обсудить эту тему нам не дали. Рядом с нами возник заснеженный колонист с заросшей физиономией, сунул пальцы в рот и свистнул.

— Слушай сюда! — заорал он. — Мне нужна дюжина крепких парней для выгрузки багажа!

Он оглянулся и начал тыкать пальцем:

— Ты! И ты! И ты давай!

Джорджа тыкнули девятым, меня — десятым.

Молли принялась протестовать. Если бы не она, Джордж наверняка бы заартачился, но, услышав ее голос, сказал только:

— Нет, Молли, думаю, так надо. Пошли, Билл.

И мы отправились обратно в стужу.

Нас загрузили в кузов тягача-вездехода и повезли к ракете. Отец пропихнул меня в «Джиттербаг», чтобы не пришлось вкалывать на морозе. Зато мне досталась дополнительная порция ядовитого язычка капитана Хэти: мы, естественно, работали слишком медленно для

нее. Но вот багаж наконец погрузили на вездеход, и мы потащились обратно в пургу.

Молли и Пегги на прежнем месте не оказалось. Ангар почти опустел, а нам указали на дверь, ведущую в соседнее здание. Я видел, как нервничает Джордж из-за отсутствия Молли.

В соседнем здании висели большие указатели со стрелками: «Мужчины и мальчики — направо, женщины и девочки — налево». Джордж тут же свернул налево. Не прошел он и десяти ярдов, как его тормознула суроволицая колонистка в плаще.

— Вам в другую сторону, — непреклонно заявила она. — Здесь спальня для женщин.

— Я знаю, — сказал отец, — но я ищу свою жену.

— Вы встретитесь с ней за ужином.

— Но мне нужно увидеть ее немедленно.

— Я не могу отыскать ее в этой толпе. Вам придется подождать.

— Но...

Мимо нас, направляясь к спальне, просеменила стайка женщин. Отец окликнул знакомую по палубе:

— Миссис Арчибальд!

Женщина обернулась.

— О, да это мистер Лермер! Здравствуйте!

— Миссис Арчибальд! — решительно проговорил отец. — Вы не могли бы разыскать Молли и сказать, что я жду ее здесь?

— Ну конечно, я постараюсь, мистер Лермер.

— Спасибо, миссис Арчибальд. Тысяча благодарностей.

— Не за что.

Она ушла, а мы остались ждать, не обращая внимания на суровую стражницу. Через пару минут появилась Молли — одна, без Пегги. Глядя на Джорджа, можно было подумать, что они не виделись по крайней мере месяц.

— Я не знала, что делать, дорогой, — сказала Молли. — Нам велели идти, и я решила, что надо устроить Пегги поудобнее. Я знала, что ты найдешь нас.

— А где Пегги?

— Я ее уложила.

Мы вместе вышли в главный холл. Там за столом сидел какой-то человек, а над головой у него висела табличка: «Иммиграционная служба. Информация». К столу тянулась длинная очередь; мы пристроились в хвосте.

— Как Пегги? — спросил отец.

— Боюсь, она простыла.

— Надеюсь, что... — начал отец. — Я надеюсь — а-а-п-чи!

— И ты тоже, — укоризненно проговорила Молли.

— Я не простыл, — возразил отец, вытирая глаза. — Это просто рефлекс.

Молли только хмыкнула в ответ.

Очередь вилась мимо низкого балкончика. Двое ребят-колонистов моего возраста или чуть старше свесились через перила, разглядывая нас. У одного на щеках торчали пучки волос — парень безуспешно пытался обрасти бородкой.

— Рейф, видал, кого нам нынче прислали? — спросил он у товарища.

— Тоска, — отозвался тот.

Первый ткнул пальцем в мою сторону:

— Посмотри-ка на этого — ну типичный артист, в натуре.

— Интересно, натура-то живая или нет? — задумчиво уставился на меня второй.

— А какая разница? — изрек первый.

Они оба заржали, а я отвернулся. Терпеть не могу дешевых остряков.

Глава 10

Земля обетованная

Мистер Сондерс, стоявший в очереди перед нами, жаловался на погоду. Это безобразие, сказал он, подвергать людей таким испытаниям. Он работал с нами на выгрузке багажа, правда, не перетруждаясь.

Клерк за столом пожал плечами:

— Дату вашего приезда установил Колониальный комитет, мы тут ни при чем. Не думаете же вы, что мы должны были задержать зиму ради вашего удобства?

— Я еще доложу об этом куда следует!

— Сделайте одолжение. — Клерк протянул ему бланк. — Следующий, пожалуйста. — Он взглянул на отца. — Чем могу быть полезен, гражданин?

Отец спокойно объяснил, что хотел бы жить вместе с семьей. Клерк покачал головой:

— Извините. Следующий, пожалуйста!

— Вы не имеете права разлучать мужа с женой, — не отступал отец. — Мы не рабы, не преступники и не животные. У иммиграционной службы есть определенные обязанности по отношению к нам.

Клерк заскучал.

— Такой большой партии колонистов у нас еще не бывало. Мы подготовили для вас лучшие условия, какие смогли. Это город-форпост, а не Астория.

— Все, чего я прошу, это минимальное жилье для семьи, оговоренное в проспектах комитета.

— Гражданин, все эти проспекты писали на Земле. Потерпите, о вас позаботятся!

— Завтра?

— Нет, не завтра. Через несколько дней — или недель.

— Ах недель! — взорвался отец. — Тогда я построю себе иглу* прямо на поле!

— Ваше право. — Клерк протянул отцу листок бумаги. — Если хотите подать жалобу, вот бланк.

Отец взял листок. Я взглянул — бланк был адресован Колониальному комитету на Земле!

— Верните мне его в любое время текущей фазы, его микрофильмируют и отошлют с почтой на «Мейфлауэре».

Отец посмотрел на бланк, что-то прорычал, скомкал бумагу и зашагал прочь. Молли побежала за ним.

— Джордж! Джордж! Не расстраивайся! Переживем как-нибудь.

Отец сконфуженно улыбнулся:

— Конечно, дорогая. Просто меня достала эта их распрекрасная система. Надо же додуматься — отправлять все жалобы в главный офис, за полмиллиарда миль!

На следующий день у Джорджа сработал еще один рефлекс и потекли сопли. Пегги стало хуже. Молли беспокоилась за нее, а отец пришел в отчаяние. И отправился куда-то поднимать хай по поводу всего этого безобразия.

Честно говоря, я себя чувствовал совсем неплохо. В общей спальне я засыпаю без проблем; боюсь, меня не разбудил бы даже трубный глас, возвещающий о конце света. И кормежка была что надо, все как обещано.

Нет, вы только послушайте: на завтрак нам давали оладьи с сиропом и настоящим маслом, колбаски, настоящую ветчину, клубнику со сливками, такими густыми, что я не сразу даже понял, что это сливки, чай,

* Ледяная хижина эскимосов.

молоко — хоть залейся, томатный сок, свежую медовую дыню, яйца — сколько влезет.

Сахар стоял на столе в открытой сахарнице, но на солонке была маленькая табличка: «Экономьте соль».

Кофе, правда, не давали. Я этого даже не заметил, пока отец не спросил чашку кофе. Не было и некоторых других продуктов, хотя я тоже не сразу обратил на это внимание. Например, совсем не было фруктов, растущих на деревьях, типа яблок, груш, апельсинов. Но кому они нужны, если вам предлагают клубнику, арбузы и ананасы? Лесных орехов тоже не давали, зато можно было поджарить земляные орешки.

Продукты из пшеничной муки считались роскошью, но поначалу их отсутствие даже не ощущалось.

На обед можно было заказать на выбор густой суп или мясной бульон, сырное суфле, жареного цыпленка, солонину с капустой, кукурузные лепешки с сиропом, обжаренные в сухарях баклажаны, запеченные с огурцами луковички, печеные фаршированные помидоры, сладкий картофель, картофель фри, салат из эндивия, салат из свежей капусты, морковки и лука со сметаной, ананасы и домашний сыр с латуком. А на десерт — мятное мороженое, ягодный пирог, холодное вино со взбитыми желтками и специями, мороженую малину и три вида пудинга. Но с десертами у меня была некоторая напряженка. Я старался попробовать всего понемножку, и для сладкого, как правило, места в животе не оставалось. Боюсь, я самым натуральным образом обжирался.

Не скажу, чтобы стряпня была очень уж изысканной, готовили не лучше, чем в скаутском лагере, но хорошие продукты трудно испортить. Обслуживание тоже напоминало мне лагерь: очередь за порциями, никаких скатертей или салфеток. И тарелки надо было мыть — их не выкидывали и не сжигали, поскольку они завозились с Земли и ценились на вес урана.

В первый день дежурный погнался на мытье посуды по пятьдесят человек из начала очереди и из хвоста. На следующий день тактику изменили и взяли заложников из середины. Я попался оба раза.

На ужин нам предложили грибной суп, ветчину, жареную индейку, горячий хлеб с маслом, мясное заливное, спаржу, картофельное пюре с соусом из гуси-

ных потрохов, шпинат с яйцами вкрутую и тертым сыром, пудинг, горошек в белом соусе с морковью, тушеные овощи и три вида салатов. А напоследок — крем, пудинг с изюмом и фруктовым пюре, виноград «малага» и «томсон» и опять клубника в сахарной пудре.

И кроме того, в перерывах между кормежкой вы в любой момент могли заглянуть на кухню и попросить чего-нибудь пожевать.

Первые три дня я редко выползал на улицу. Мела метель, и, несмотря на то что мы прилетели в солнечную фазу, сквозь снежную мглу невозможно было увидеть ни Солнце, ни Юпитер. К тому же временами наступало затмение. Мороз трещал — туши свет, а теплой одежды нам так и не выдали.

Как-то раз меня послали на интендантском тягаче за припасами в город. Города я почти не видел, но для жителя Сан-Диего ганимедская Леда — это вообще не город, скорее поселок. Зато я повидал гидропонные фермы, целых три штуки. Они были похожи на огромные ангары и назывались по типу климатических условий: «Оаху», «Царская долина» и «Айова». В общем, ничего особенного, самая обычная гидропоника. Я не стал там долго ошиваться, поскольку для роста растений использовался мигающий свет, а от него у меня сразу началась резь в глазах.

Но меня заинтересовали тропические фрукты, которые росли в теплице «Оаху»: многих из них я раньше и не видывал. Рядом с растениями были маленькие таблички. У большинства — «МГ», у некоторых — «НЗ». Я спросил одного из садовников, и он объяснил, что «МГ» означает «мутанты Ганимеда», а «НЗ» — «нормальные земные».

Позже я узнал, что почти все растения на Ганимеде были мутантами, приспособленными к условиям планеты.

За фермами виднелось еще несколько больших ангаров с надписью «Техас». В них жили настоящие коровы. Ну до чего же интересные звери! Вы видали когда-нибудь, как корова двигает нижней челюстью? Не вверх-вниз, а из стороны в сторону. И что бы вам ни

вешали на уши, не верьте — специального соска для сливок у коров отродясь не бывало!

Мне не хотелось уходить, но смердело в «Техасе» почище, чем на космическом корабле. После короткого марш-броска по снегу я очутился в торговом центре, где под одной крышей сгрудились большие и маленькие магазины и где происходит вся городская розничная купля-продажа.

Я огляделся вокруг, подумав, что неплохо было бы купить что-нибудь для Пегги — больная, как-никак. И прибалдел. Ну и цены!

Если бы те жалкие пятьдесят восемь фунтов барахла, которые нам позволили взять с Земли, мне пришлось бы покупать на этой толкучке, я выложил бы ни много ни мало — клянусь, не преувеличиваю! — несколько тысяч кредиток. Все импортированные с Земли товары стоили баснословно дорого. Тюбик крема для бритья — двести восемьдесят кредиток.

Были там товары и местного производства, в основном ручной работы; тоже дорогие, но с земными не сравнить.

Я в темпе слинял оттуда. Судя по всему, единственное, за что на Ганимеде не требуют бешеной платы, так это за еду.

Шофер интендантского тягача поинтересовался, где меня носило, пока они грузили припасы. «Надо было мне уехать, потопал бы пешедралом», — проворчал он. Поскольку ничего остроумного мне в голову не пришло, я счел за лучшее промолчать.

Вскоре зиму прикрыли. Тепловая ловушка заработала на всю катушку, погода прояснилась и стало совсем хорошо. Наступила новая солнечная фаза, и я впервые увидел ганимедское небо сразу после утренней зари. Из-за парникового эффекта оно выглядело бледно-зеленым, а на нем ярко сиял Юпитер, красновато-рыжий и такой огромный! Огромный и прекрасный — я могу смотреть на него не отрываясь, мне это никогда не надоедает.

Помните, какой большой становится Луна в полнолуние перед осенним равноденствием? Так вот, Юпи-

тер выглядит с Ганимеда раз в шестнадцать-семнадцать шире, а площадь диска у него больше раз в двести пятьдесят. Он висит в небе постоянно, не заходит и не восходит — остается только удивляться, как он держится там и не падает.

Впервые я его увидел в форме полусферы и подумал, что ничего прекраснее в мире просто быть не может. Но Солнце ползло по небу, и через сутки Юпитер превратился в серп — и стал еще красивее. В середине солнечной фазы наступило затмение. Юпитер засиял в небе красным кольцом, особенно ярким там, где за ним только что прошло Солнце.

Но лучше всего он выглядит во время темной фазы.

Наверное, мне надо объяснить про фазы. Я и сам ничего о них не знал, пока не попал на Ганимед. Планетка у нас небольшая, и расположена она так близко к Юпитеру, что все время повернута к нему одним боком, как Луна к Земле. Поэтому Юпитер на нашем небосклоне неподвижен. Все остальное движется — Солнце, другие спутники, звезды, — но только не старик Юпитер; он просто висит в небе, и все.

Ганимед оборачивается вокруг Юпитера примерно за одну земную неделю, чуть больше, поэтому три с половиной дня у нас светло, а следующие три с половиной — темно. По местному времяисчислению это ровно неделя; двадцать четыре ганимедских часа составляют одну седьмую периода обращения. Получается, что минута на Ганимеде примерно на секунду длиннее земной, но кого это волнует? Разве что ученых — впрочем, у них есть часы, отсчитывающие и то и другое время.

Так что неделя на Ганимеде проходит следующим образом: Солнце восходит в воскресенье в полночь; когда встаешь в понедельник утром, оно стоит невысоко, почти над линией горизонта на востоке. Юпитер в это время выглядит полусферой. Солнце ползет все выше и во вторник вечером оказывается за Юпитером; на Ганимеде становится темно. Затмение длится от часа до трех с половиной максимум. На небе появляются звезды, а Юпитер, благодаря своей густой атмосфере, выглядит как изумительный алый круг. Когда во вторник ложишься спать, уже опять светло.

В среду в полдень Солнце заходит и начинается темная фаза. Самое чудесное время! Юпитер предстает во всем великолепии своей расцветки, и все спутники перед тобой как на ладони. Причем они каждый раз группируются по-новому, оказываясь в самых разных местах.

Юпитер со спутниками образует нечто вроде Солнечной системы в миниатюре. На Ганимеде вы все равно что в первых рядах партера: на небе постоянно появляется что-нибудь новенькое. Кроме одиннадцати «исторических» спутников, варьирующихся в размерах от Ганимеда до Джей-десять и Никольсон-альфа — скалистого ледяного шарика шириной в пятнадцать миль, — вокруг Юпитера вращается не меньше дюжины астероидов диаметром в несколько миль, достаточно больших, чтобы называться спутниками, и Бог знает сколько более мелких. Иногда эта мелочь показывается в виде дисков, когда подходит к Ганимеду поближе; в основном все они вращаются по сильно эксцентрическим орбитам. В любой момент, когда ни кинешь взор, на небосводе светится несколько точек, более ярких, чем звезды, — таких, какими выглядят с Земли планеты.

Ио, Европа и Каллисто постоянно видны в форме дисков. Когда Европа проходит между Юпитером и Ганимедом, размером она приблизительно с Луну, какой мы привыкли видеть ее с Земли, да и на самом деле ее габариты сходны с лунными. В этот период от Ганимеда до нее что-то около четверти миллиона миль. Когда же она уходит вдаль — более чем за миллион миль, — диск соответственно уменьшается вчетверо. Ио движется по небу примерно так же, но выглядит поменьше.

Когда Ио с Европой скользят между Ганимедом и Юпитером, можно невооруженным глазом наблюдать, как вдогонку за ними — или впереди, в зависимости от фазы, — движутся их тени. Ио и Европа находятся на внутренней орбите по отношению к Ганимеду и далеко от Юпитера не убегают. Ио держится рядом с хозяином на расстоянии пары его диаметров; Европа позволяет себе удалиться градусов на шестьдесят. Каллисто, наоборот, дальше от Юпитера, чем Ганимед, а потому на нашем небосклоне описывает полный круг.

Этот спектакль никогда не надоедает. Да земное небо — просто тоска смертная по сравнению с ганимедским!

К шести часам утра в субботу Юпитер достигает полной фазы — ей-Богу, стоит встать пораньше, чтобы полюбоваться на него. Я уже не говорю о том, что зрелища грандиознее себе и представить нельзя, но в это время происходит еще и обратное затмение, то есть можно увидеть, как тень Ганимеда — маленькая черная точка — ползет по лицу Юпитера. Именно тогда до тебя доходит, какой же это исполин, если тень твоей планеты для него все равно что веснушка.

Диаметр Юпитера на экваторе девяносто тысяч миль, от полюса до полюса — восемьдесят четыре тысячи, а Ганимеда — чуть больше трех тысяч.

Следующие пару дней Юпитер убывает, к воскресной полуночи вновь становится полусферой, восходит Солнце, и начинается новая светлая фаза. Раньше я думал, что на Ганимеде должны быть постоянные сумерки. До Юпитера, как-никак, солнечного света доходит в двадцать семь раз меньше, чем до Земли. По идее, тут должна царить вечная полутьма. Но на самом деле — ничего подобного. Солнечные лучи здесь такие же яркие, как на Земле.

Джордж говорит, что это оптический обман, связанный с устройством человеческого глаза. Зрачок просто не воспринимает лишний свет. В пустыне на Земле освещенность может быть порядка десяти тысяч фут-кандел*; на Ганимеде — только четыреста. Но в действительности для яркого искусственного освещения требуется всего двадцать пять фут-кандел, обычно даже меньше.

Если в ваше ведро помещается два галлона воды, то какая разница, черпаете вы из океана или из маленького озера? Солнечный свет на Ганимеде все равно был ярче, чем глаз способен воспринять, а потому не отличался от земного.

Хотя я заметил, что загореть здесь практически невозможно.

* 1 фут-кандела = 10,769 лк.

Глава 11

Испольщики

Через неделю Джордж обеспечил нас жильем, и, несмотря на то что мы устроились лучше, чем большинство иммигрантов, отца и Молли этот вариант не устраивал, да и меня, откровенно говоря, тоже.

Закавыка была в том, что отцу пришлось занять должность инженера на государственной колониальной службе, а это означало, что он будет связан по рукам и ногам и не сможет обрабатывать земельный участок. Зато ему выделили апартаменты для семьи — две комнатки площадью двенадцать квадратных футов. Прямо скажем, на дом это мало похоже.

Вообще все колонисты делились на фермеров и горожан. Горожане работали на правительство и жили в государственных зданиях, за исключением горстки частных торговцев. В число горожан входили: представитель Колониального комитета, инженеры по гидропонике, штат медиков, персонал энергостанции и тепловой ловушки, местные сотрудники проекта «Юпитер», а также капитан Хэтти в качестве пилота — словом, все, кто не работал на фермах. Но большинство колонистов были фермерами, и Джордж, когда летел сюда, тоже намеревался заняться сельским хозяйством. По-

добно прочим эмигрантам, мы прибыли на землю обетованную, чтобы своими руками добывать хлеб свой.

Свободной земли на Ганимеде — целая планета. Но построить дом и основать свою ферму не так-то просто.

Предполагалось, что система будет работать примерно так: колонист с семьей прибывает с Земли в Леду. Колониальный комитет выделяет ему в городе жилье, помогает выбрать участок и построить дом. Тот же комитет содержит и фермера, и его семью в течение одного земного года, то есть двух ганимедских лет, пока поселенцы не культивируют пару акров земли. Затем в течение десяти ганимедских лет семья выплачивает комитету долг — обрабатывает для него по крайней мере двадцать акров и заодно возделывает такой же участок для себя. По прошествии пяти земных лет у поселенца уже есть собственная крошечная ферма, свободная от задолженности. После чего он может расширять свои владения, приобретать новые земли, заняться торговлей — в общем, делать что душе угодно. Главное — есть точка опоры и нет никаких долгов.

Колониальный комитет вложил в атмосферный проект кучу денег и тем самым сделал планету пригодной для обитания. Поля, обрабатываемые колонистами для комитета, служили возмещением этого вклада. Наступит день, когда Колониальный комитет станет владельцем тысяч акров сельскохозяйственных угодий, которые он сможет продавать будущим переселенцам с Земли... Да, за привилегию эмигрировать придется платить, и платить немало. Мелкой сошке вроде нас это будет уже не по карману.

Хотя к тому времени Ганимед, скорее всего, закроют для свободной колонизации. Создадут атмосферу на Калисто, и новые первопроходцы устремятся туда. То есть проект, который изначально инвестировали с Земли, «самоликвидируется», как сказали бы банкиры.

Но в действительности все происходило несколько иначе. Когда мы высадились, население Ганимеда составляло всего тридцать тысяч человек и они были способны принять около пятисот иммигрантов в год — как раз столько пассажиров и доставляли сюда корабли старой конструкции. Ведь кораблям с микрореакторами требовалось больше пяти лет, чтобы совершить

рейс туда и обратно: понадобился бы целый флот, чтобы перевезти за один год такую толпу, которая прибыла на «Мейфлауэре». Когда «Звездного скитальца» номер два переименовали в «Мейфлауэр» и отдали Колониальному комитету, в корабль разом впихнули шесть тысяч пассажиров. Мы нагрянули незванно и оказались такими же желанными гостями, как если бы заявили погостить к друзьям, когда у них в доме повальный грипп.

Колонистов поставили в известность о нашем прибытии заранее, за целый земной год, но они были не в состоянии заявить протест. С Земли можно послать на Ганимед сообщение в любой момент, когда Солнце не преграждает путь. Самая же мощная радиостанция в колонии могла транслировать передачи только на Марс, а уж затем на Землю, и то лишь тогда, когда Марс был поблизости от Юпитера. А он, как назло, оказался далеко.

Надо признать, что колонисты сделали для нас все возможное. Еды было вдоволь, спальных мест хватало всем. Станцию приема иммигрантов заблаговременно переоборудовали под жилье: сломали перегородки и соорудили из них койки в общих спальнях. А в здании городской управы устроили столовую. Так что у нас была крыша над головой и кормежка, только тесно было, как на «Мейфлауэре».

Вы можете спросить: почему, имея в распоряжении целый год, колонисты не построили для нас новые здания? Мы тоже спрашивали, и не просто спрашивали — мы требовали, мы возмущались!

Они не построили новые здания, потому что не смогли. До появления землян на Ганимеде были только голые скалы и лед. Это ни для кого не новость — но понимаете ли вы, что это значит? Я в то время не понимал.

Досок нет. Листового металла нет. Нет изоляционных материалов. Нет проводов. Нет стекла. И труб нет. Первопоселенцы в Северной Америке строили срубы из бревен — но бревен тоже нет.

Гидропонные ангары, приемная станция и несколько общественных зданий были сооружены из материалов, доставленных с Земли, за полмиллиарда миль. Осталь-

ные дома в городе и все фермерские постройки с большим трудом рубили из камня. Нет, колонистов упрекнуть было не в чем, они сделали все, что от них зависело.

Но мы не оценили их усилий.

Конечно, жаловаться нам не стоило. В конце концов, как верно подметил Джордж, первые поселенцы в Калифорнии голодали, Роанокская колония пропала без вести, а первые две экспедиции на Венере погибли. Нам же ничего не угрожало.

Можно на время смириться и с бараками, когда знаешь, что тебя ждут необъятные целинные просторы. Хотя при ближайшем рассмотрении выяснилось, что им придется еще подождать. Потому-то Джордж и согласился на должность инженера. Ближайшие участки, на которые можно было претендовать, находились в девяти милях от города. А чтобы обеспечить наделами шесть тысяч человек, нужно было расселить их на расстоянии восемнадцати — двадцати пяти миль.

Что такое двадцать пять миль? Пара минут езды на подземке, а на вертолете вообще взлететь и опуститься. А пешочком не хотите? Вы когда-нибудь пробовали протопать двадцать пять миль на своих двоих? А потом столько же обратно?

Я не говорю, что расселить людей на таком удалении от города невозможно; но что это сложно — спору нет. Сложно и долго. Первопроходцы обычно прокладывали путь ружьем и топором, а за ними воли тащили крытые фуры, груженные разной утварью, в которых ехали поселенцы. Для них двадцать миль ерунда.

Но они не были на Ганимеде.

Колонии принадлежало всего два тягача-вездехода; еще один прибыл на «Мейфлауэре». Вот и все транспортные средства на целую планету. А ведь они нужны были не только новоприбывшим — они ежедневно требовались тридцати тысячам колонистов, поселившимся здесь до нас.

Все это нам растолковали на общем собрании глав семейств. Меня туда никто не приглашал, но, поскольку сборище происходило на площади, вытурить меня оттуда тоже не могли. Вел собрание председатель сове-

та колонии, присутствовали также главный эколог и главный инженер планеты. Вот что нам сообщили.

Ганимеду нужны не столько фермеры, сколько ремесленники. Нужны старатели, шахтеры, нужны металлургические заводы и механические мастерские. Колонии позарез необходимы стальные орудия труда, которые она не может себе позволить завозить с Земли. Поэтому нас призывают заняться ремеслом, и тех, кто согласится, будут кормить и содержать не год, а хоть всю жизнь.

Те же, кто непременно желает стать фермером — пожалуйста, земли сколько угодно, держайте. Но только учтите, что техника на Ганимеде — дефицит и некоторым из вас придется прождать два-три года, прежде чем вы сможете засеять свой первый акр.

Кто-то из первых рядов в ответ на эту речь выкрикнул: — Да нас просто надули!

Мистер Толли — так звали председателя — попытался утихомирить толпу. Когда волнение немного утихло, он сказал:

— Может, вас и впрямь надули, а может, и нет. Все зависит от точки зрения. Я склонен согласиться, что условия здесь не такие, какими вам расписали их на Земле. По сути дела...

— Крайне великодушно с вашей стороны! — прервал его саркастический выкрик.

Похоже, мистера Толли это задело.

— Прошу соблюдать порядок, — заявил он. — Или я распушу собрание.

Толпа примолкла, и председатель продолжил речь. Многие фермеры, сказал он, вспахали земли больше, чем способны засеять. Не исключено, что им понадобятся наемные работники. Работы хватит на всех, к тому же, помогая на фермах, новички смогут поучиться, как вести хозяйство на Ганимеде. И будут в состоянии прокормить жену и детей, пока не подойдет их очередь на собственную ферму.

Когда до собравшихся дошло, о чем толкует мистер Толли, толпа оцепенела. Люди чувствовали себя обманутыми, как Иаков, которому после семилетних трудов велели отрубить еще столько же, если он хочет получить в жены свою возлюбленную. Даже у меня в

грудь похолодело, хотя Джордж уже подписался на должность инженера. Наконец чей-то голос разорвал тишину:

— Господин председатель!

— Да? Представьтесь, пожалуйста.

— Меня зовут Сондерс. Не знаю, как другие, но я, например, фермер. И всю жизнь был фермером. Фермером, а не батраком. Я приехал сюда не для того, чтобы вкалывать на хозяина. Можете сами наниматься в батраки, а я настаиваю на своих правах!

Кто-то захлопал в ладоши; толпа слегка оживилась. Мистер Толли взглянул на говорившего и произнес:

— Этого вам никто не запрещает, мистер Сондерс.

— Вот как? Что ж, я рад это слышать, господин председатель. А теперь хватит огород городить. Я хочу знать две вещи: какой участок мне выделяют и когда мне дадут технику, чтобы я мог начать его обрабатывать?

— По первому вопросу можете обратиться в земельное управление. А что касается второго, вы же слышали — главный инженер сказал, что технику придется ждать примерно двадцать один месяц.

— Это слишком долго.

— Но такова реальность, мистер Сондерс.

— А что бы вы сами могли нам посоветовать?

Мистер Толли пожал плечами и развел руками.

— Я не волшебник. Мы пошлем с «Мейфлауэром» настоятельную просьбу к Колониальному комитету не присылать следующим рейсом колонистов, а доставить нам технику. Если они согласятся, к будущей зиме станет полегче. Но, как вы сами видели, Колониальный комитет не советуется с нами, когда принимает решения. «Мейфлауэр» и в этот раз должен был привезти грузы, а вы, ребята, могли и подождать.

Сондерс переварил информацию.

— К будущей зиме, говорите? Значит, пять месяцев коту под хвост. Что ж, придется подождать, я человек разумный. Но батрачить не пойду, хоть убейте!

— Я не говорил, что через пять месяцев вы сможете приступить к пахоте, мистер Сондерс. Не исключено, что пройдет двадцать один месяц и даже больше.

— Ну уж дудки!

— Воля ваша. Только это голые факты, а не какая-то теория. Если ждать все же придется, а наниматься к другим фермерам вы не желаете, как, интересно, вы собираетесь добывать пропитание себе и своей семье?

Мистер Сондерс оглянулся на толпу и ухмыльнулся.

— Ну, в таком случае, господин председатель, я думаю, что правительству придется кормить нас до тех пор, пока оно не выполнит своих обещаний. Я свои права знаю.

Мистер Толли посмотрел на него таким взглядом, будто с хрустом надкусил яблоко, а оттуда выполз мистер Сондерс.

— Ваши дети не будут голодать, — тихо проговорил он. — Что же касается вас — можете хоть камни грызть. Если не будете работать, есть будет нечего.

— Это вам даром не пройдет! — распетушился Сондерс. — Я подам на правительство в суд. Я и вас засужу, как государственного чиновника! Вы лицо ответственное! Вы не имеете права...

— Молчать! — Мистер Толли взял себя в руки и обратился ко всем присутствующим: — Давайте раз и навсегда выясним отношения. Вам насулили золотые горы, и ясно, что вы разочарованы. Но ваш контракт остался на Земле, в Колониальном комитете. А договора с советом Ганимеда, председателем которого я являюсь, вы вообще не заключали, и жители Ганимеда вам ничем не обязаны. Мы чисто по-человечески стараемся вам помочь.

Если же вас не устраивают наши предложения, не пытайтесь на меня давить, все равно ничего не выжмете. Обращайтесь к представителю иммиграционной службы, это его работа. Собрание объявляю закрытым.

Однако представитель иммиграционной службы, как выяснилось, от явки на собрание уклонился.

Глава 12

Пчелы и нули

Что нас надули — это было ясно. Не менее ясно было и то, что мы ничего не можем поделать. Кое-кто из иммигрантов обратился к представителю Колониального комитета, но все они вернулись несолоно хлебавши. Он подал в отставку, заявил представитель, он сыт по горло инструкциями, составленными за тридевять земель отсюда, выполнить которые нет никакой возможности. Как только придет уведомление, он тут же улетает домой.

Заявление чиновника только подлило масла в огонь. Почему это он может улететь обратно, а они не могут? «Мейфлауэр» был еще на орбите, туда доставляли грузы. Некоторые иммигранты потребовали, чтобы их отправили на Землю.

Капитан Харкнесс отказался: он не имеет права везти безбилетников через пол Солнечной системы. Тогда они снова надели на представителя комитета, вопя о своих правах.

В конце концов мистер Толли и его совет нашли решение. Ганимеду слабаки и нытики ни к чему. Если комитет откажется отправить на Землю тех, кто считает себя обманутым, ганимедцы в следующий раз вооб-

ще никому не позволят высадиться на планету. Представитель сдался и велел капитану Харкнессу принять жаждущих на борт.

У нас по этому поводу состоялся бурный семейный совет. Проходил он в больничной палате, где лежала Пегги — врачи до сих пор держали ее в помещении с нормальным земным давлением.

Мы уезжаем или мы остаемся? Отца раздирали сомнения. На Земле он все-таки был сам себе хозяин, а здесь ему ничего не светило, кроме должности наемного служащего. Если же отказаться от должности, придется два-три ганимедских года батрачить, прежде чем появится надежда обзавестись своей фермой.

Но хуже всего дело обстояло с Пегги. Хоть ей и удалось пройти на Земле все тесты, привыкнуть к низкому ганимедскому давлению она не могла.

— Мы должны взглянуть правде в глаза, — сказал Джордж. — Нужно вернуть Пегги в привычные условия.

Молли посмотрела на него. Лицо у Джорджа вытянулось длиной с мою руку.

— Джордж, ты же не хочешь возвращаться, верно?

— Не о том речь, Молли. В первую очередь надо думать о детях. — Он повернулся ко мне. — Билл, я не хочу связывать тебя по рукам и ногам. Ты уже достаточно взрослый, решай сам. Если захочешь остаться, я уверен, это можно будет устроить.

Я ответил не сразу. На семейный совет я пришел не в духе, и не только из-за накладки с фермами, но и из-за стычки с парочкой ребят-колонистов. Знаете, что заставило меня решиться? Давление в палате Пегги. Я уже привык к низкому ганимедскому давлению и прекрасно себя чувствовал. А здесь, в палате, меня словно окунули с головой в теплый бульон. Я еле дышал.

— Я, пожалуй, останусь.

Пегги сидела на кровати и следила за разговором, широко открыв огромные, как у лемура, глазищи.

— Я тоже не хочу возвращаться, — заявила она.

Молли погладила ее по руке и обратилась к отцу:

— Джордж, мы доставляем тебе слишком много хлопот. Ты ведь не хочешь на Землю, я знаю. И Билл не

хочет. Но нам вовсе не обязательно лететь всем вместе. Мы могли бы...

— Это исключено, Молли, — прервал ее отец. — Я женился не для того, чтобы тут же расстаться. Если тебе придется вернуться, я полечу с тобой.

— Ты меня не понял. Пегги может вернуться с О'Фаррелами, а на Земле ее встретит моя сестра. Она просила оставить у нее Пегги, как только услышала, что я собираюсь на Ганимед. Все будет в порядке. — Молли старательно отводила от дочери взгляд.

— Но, Молли! — воскликнул отец.

— Нет, Джордж, выслушай меня. Я все обдумала. Мое место рядом с тобой. О Пегги позаботятся, Феб будет ей настоящей матерью и...

Тут наконец Пегги обрела дар речи.

— Я не хочу уезжать, не хочу жить с тетей Феб! — выкрикнула она и захлебнулась в слезах.

— Молли, так дело не пойдет, — сказал Джордж.

— Пять минут назад ты говорил, что согласен оставить здесь Билла одного, — возразила Молли.

— Но Билл без пяти минут мужчина!

— Он еще недостаточно взрослый, чтобы жить самостоятельно. И я не собираюсь бросить Пегги одну-одинешеньку. Феб окружит ее любовью и заботой. Нет, Джордж, если бы жены переселенцев при первой же опасности бросались домой, в Америке не было бы никаких первопроходцев. Пегги придется вернуться, а я остаюсь.

Пегги прекратила рев ровно настолько, чтобы выпалить:

— Я не поеду! Я тоже первопроходец, правда, Билл?

— Конечно, малышка! — Я подошел к ней и похлопал ее по руке. Она вцепилась в мою ладонь.

Не знаю, что заставило меня сказать то, что я сказал потом. Бог свидетель, эта пигалица была для меня сплошной головной болью. От ее бесконечных вопросов можно было рехнуться, а чего стоило ее настойчивое стремление подражать всем моим поступкам! Но я вдруг услышал свой собственный голос:

— Не переживай, Пегги. Если тебе придется вернуться, я полечу вместе с тобой.

Отец пристально взглянул на меня и обернулся к Пегги:

— Билл погорячился, детка. Не лови его на слове.

— Но ты ведь серьезно, Билл? Серьезно, да? — пристала ко мне пигалица.

— Конечно, Пегги, — сказал я, уже раскаиваясь в своем порыве.

Пегги повернулась к отцу:

— Видали? Но все равно, это неважно. Мы никуда не поедem. Пожалуйста, папочка, ты увидишь, я поправлюсь, честное слово! Мне с каждым днем все лучше и лучше.

Еще бы не лучше — в комнате с искусственным давлением! Пот лил с меня градом и я сожалел о том, что ляпнул.

— Я сдаюсь, Джордж, — сказала Молли. — Как ты думаешь?

Отец промывчал что-то невразумительное.

— Ну же!

— Ну, я думаю, что мы могли бы сделать в одной комнате искусственное давление. Нужно будет покопаться в мастерской и раздобыть что-то вроде импеллера.

Слезы на глазах у Пегги мгновенно высохли.

— Значит, я смогу выйти из больницы?

— Конечно, радость моя, если у папы получится. — Молли все еще сомневалась. — Джордж, это не решение проблемы.

— Может быть. — Отец встал и расправил плечи. — Но одно я решил твердо: или мы все уезжаем, или все остаемся. Лермеры всегда будут вместе. Это решено.

Мы обманулись не только насчет фермерства. Оказалось, что на Ганимеде все-таки существует скаутская организация, пусть даже на Земле о ней никто не слышал. А наши отряды с «Мейфлауэра» после высадки так и не провели ни единого собрания. Всем было не до того. Вообще-то скаутские сборища — веселая штука, но порой на них просто не хватает времени.

Местный отряд тоже прекратил собираться. Раньше ребята проводили свои мероприятия в здании город-

ской управы, но теперь там устроили для нас столовку, а скаутов выперли вон. Боюсь, это не способствовало развитию между нами дружеских отношений.

На того парня я наткнулся в торговом центре. Он протиснулся мимо, и в глаза мне бросилась вышитая эмблема у него на груди. Вышивка была ручная и не слишком искусная, но я сразу сделал стойку.

— Эй! — окликнул я его.

— Сам ты «эй»! Меня зовешь, что ли?

— Да, тебя. Ты ведь скаут, верно?

— Естественно.

— Я тоже. Меня зовут Билл Лермер. Давай пять.

Я пожал ему руку особым скаутским способом. Он ответил тем же.

— А я Сергей Росков. — Он оглядел меня с ног до головы. — Да ты никак из последнего помета?

— Я прилетел на «Мейфлаузере», — признался я.

— Ну я же и говорю! Не обижайся, я ведь тоже родом с Земли. Так ты, говоришь, был скаутом? Это хорошо. Приходи на собрание, мы тебя примем по новой.

— Почему «был»? Я и теперь скаут.

— Чего? А-а, понимаю... «Скаут — он навеки скаут». Что ж, приходи, мы тебя официально зарегистрируем.

Хоть бы раз в жизни мне удалось вовремя захлопнуть пасть! Но где там! Когда раздастся трубный глас, я его определенно прозеваю — буду трепаться вместо того, чтобы слушать.

— А я и так официально зарегистрирован, официальнее некуда. Я старший отделенный командир, отряд Баден-Пауэлла.

— Да ну? Далековато же ты оторвался от своего отряда, тебе не кажется?

Я выложил ему все как на духу. Он выслушал, а потом спокойно заметил:

— И вы, сосунки недоделанные, осмелились называть себя «Бойскаутами Ганимеда»? Чего еще изволили? Вы уже захватили наш зал для собраний — может, теперь в постели к нам залезете?

— О чем ты?

— Так, ни о чем. — Он подумал и добавил: — Прими это как дружеское предупреждение, Билл...

— Чего?

— Здесь есть всего один старший отделенный командир — и он как раз перед тобой. Больше не делай таких ошибок. А на собрание все равно приходи. Будем рады. Мы с удовольствием принимаем желторотиков.

Я вернулся на приемную станцию, разыскал Хэнка Джонса и чистосердечно во всем признался. Он уставился на меня с восхищением.

— Уильям, старичок, я снимаю шляпу. Чтобы подложить нам такую свинью, нужен особый талант. Это не каждому дано.

— Ты думаешь, я все испортил?

— Надеюсь, не все. Давай-ка найдем доктора Арчибада и посмотрим, что можно предпринять.

Наш руководитель принимал пациентов. Мы подождали, пока не осталось ни одного страждущего, и зашли в кабинет.

— Вы что — оба заболели? Или просто посачковать захотелось?

— Док, — сказал я, — мы ошиблись: на Ганимеде есть скаутская организация.

— Знаю.

Я поперхнулся. А доктор продолжал:

— Мистер Гинзберг, мистер Брюн и я — мы говорили со здешними скаутскими руководителями, чтобы наши отряды приняли в их организацию. Загвоздка в том, что скаутов с «Мейфлауэра» куда больше, чем в местном отряде. Но все права, естественно, у них.

— Ну и?

— Ну и через несколько дней проведем общее собрание, когда прояснится наш статус.

Я подумал и решил, что лучше рассказать ему про встречу с Сергеем. Он выслушал меня, не перебивая.

— Хэнк, похоже, считает, что я все испортил, — сказал я под конец. — Как вы думаете, док?

— М-м-м... Надеюсь, он ошибается. Но ситуацию ты не улучшил, это факт.

Я растерялся.

— Не переживай, — подбодрил меня доктор. — Все утрясется. А теперь бегите и выкиньте все это из головы. В сущности, ничего не изменилось.

Но на самом деле изменилось многое. Док и другие руководители пытались убедить местную организацию принять наши отряды в свой состав целиком, со всеми званиями и регалиями. Но Сергей успел раззвонить о нашей стычке, и ганимедские скауты в один голос завопили, что все мы салаги, а наши земные заслуги здесь не в счет. Поэтому нам придется начать с азов, а испытания покажут, стоим мы чего-то или нет.

На том и порешили. Джордж говорит, что в таких случаях компромисс — самое милое дело. Чтобы подтвердить свои звания, нам велели пройти проверку, а на подготовку к экзаменам, которые мы не сдавали на Земле, отвели один ганимедский год. Отряды наши не расформировали, но... Было одно «но», и весьма существенное.

Командирами отделений назначили местных ребят — их перевели к нам из отряда Леды. Я не мог не признать, что это справедливо. Ну какой из меня командир, если я на Ганимеде не в состоянии отличить норд-веста от нового семестра? Однако другие командиры смирились со своей отставкой не так легко, особенно когда прошел слухок, что супчик с мухами им поднесли исключительно по моей вине.

Хэнк мне сказал об этом напрямую:

— Билли, мальчик мой, надеюсь, тебе не надо объяснять, что ты сейчас популярен, как муравьи на пикнике?

— Кого это волнует? — ошетинился я.

— Тебя, кого же еще. Все порядочные люди в такой ситуации добровольно идут на аутодафе.

— Во имя великих лун, что такое аутодафе?

— В твоем случае это рапорт о переводе в отряд Леды.

— Ты сбрендил? Кто-кто, но ты-то в курсе, как они к нам относятся, а в особенности ко мне. Да они с меня шкуру сдерут!

— Что лишний раз доказывает, как плохо ты знаешь человеческую натуру. Конечно, поначалу тебе придется туго, но только так ты сможешь вернуть утраченный авторитет.

— Хэнк, у тебя и вправду крыша поехала! Да в этом отряде я буду последним салагой!

— В том-то весь и фокус, — спокойно отозвался Хэнк. — Мы действительно здесь салаги, просто среди своих это не так заметно. Но если мы останемся в отряде, то застрянем в салагах на всю жизнь. Зато если перейдем, мы окажемся в компании тертых ребят, которые знают, что почем. Глядишь, и сами поумнеем.

— Ты сказал — «мы»?

— Я сказал «мы».

— Теперь понятно. Ты хочешь перейти в отряд Леды и запудрил мне мозги исключительно для того, чтобы я составил тебе компанию. Да, Хэнк, ты настоящий друг!

Он ухмыльнулся, нимало не смутившись.

— Славный старина Билл! Тресни ему по башке раз восемь-девять, и он любую идею на лету схватит. Не вешай нос, Билли! Через четыре месяца и девять дней никто уже не назовет нас салагами — мы заделаемся матерыми старожилками.

— Откуда такой точный срок?

— Да оттуда, что «Мейфлауэр» доставит новую партию иммигрантов — и последним пометом станут уже они!

— Хм...

План Хэнка мы все же осуществили. Сперва пришлось несладко, особенно мне... Как в тот вечер, например, когда они всем скопом привязались ко мне: объясни, мол, как стать героем? Видно, кто-то проникнул об истории с метеоритом. Но в общем доставали меня не слишком сильно. Сергей, когда оказывался рядом, пресекал все подначки в зародыше, а со временем шутникам и самим надоело.

И вообще, Сергей вел себя настолько благородно и великодушно, что меня просто подмывало двинуть ему разок.

Чтобы вновь утвердиться в звании «орла», мне нужно было получить всего две нашивки, то есть сдать экзамены по агрономии и планетарной экологии Ганимеда. Предметы непростые, но изучать их стоило — хотя бы для того, чтобы выжить. И я погрузился в учебу.

Экология — самая сложная и запутанная штука в мире. Я поделился этим соображением с Джорджем, и он заметил, что политика, пожалуй, еще хуже, хотя, с другой стороны, политику можно рассматривать как один из аспектов экологии. В словаре экология трактуется как «наука о взаимоотношениях между живыми организмами и средой обитания». Звучит довольно туманно, верно? С таким же успехом можно определить ураган как «движение воздуха».

Проблема с экологией в том, что невозможно понять, с какого конца к ней подступиться: там все взаимосвязано и все влияет друг на друга. Неожиданные заморозки в Техасе могут повлиять на стоимость завтрака на Аляске, что, в свою очередь, скажется на улове лосося, а это вызовет еще какие-нибудь непредвиденные последствия. В общем, как в той хрестоматийной истории: британские колонии забирают из Англии молодых холостяков, а дома остаются девушки, которые становятся старыми девами, а старые девы заводят себе кошек, и кошки перестают ловить полевых мышей, а полевые мыши разоряют шмелиные гнезда, а шмели необходимы для опыления клевера, а клевер нужен скоту, из которого готовят знаменитые английские ростбифы, чтобы кормить солдат, которые защищают колонии, в которые эмигрировали холостяки, что и привело к появлению старых дев.

Не очень научно, да? Я имею в виду, что в экологии чересчур много переменных, которые невозможно вычислить. А Джордж утверждает, что если факты не поддаются цифровому выражению, то данный предмет нельзя назвать наукой, а потому лично он предпочитает иметь дело с техникой. Вот так вот.

Я переключился на более конкретные проблемы ганимедской экологии, которые были мне по зубам. Например, проблема насекомых: на Ганимеде упаси вас Бог раздавить какую-нибудь букашку. Пока здесь не высадились люди, насекомых на планете не было. Все они обязаны своим появлением совету по бионии, разработавшему проект, и главному экологу, благословившему вторжение насекомых на Ганимед. Зато теперь над ними трясутся и всячески убаюкают, чтобы

они чувствовали себя как дома, жирели и размножались.

Конечно, не в обычаях скаутов давить букашек, разве только черных пауков и прочую мерзость, но как-то трудно привыкнуть к мысли, что если тебя застукают за этим занятием, то всерьез намылят шею и вдобавок недвусмысленно намекают, что колония не может обойтись без насекомых, зато без тебя обойдется запросто.

Или, например, земляные черви. Они действительно ценятся на вес урана и стоят того, я-то знаю, сам их покупал. Фермеру без них зарез.

Заселить планету насекомыми вовсе не так просто, как кажется. Ною с его зверьем — каждой твари по паре — было легче, потому что, когда потоп прекратился и схлынули воды, в его распоряжении осталась прежняя планета, привычная для обитателей ковчега. Но Ганимед — это вам не Земля. Вот, скажем, «Мейфлауэр» привез с собой пчел. Однако их так и не выпустили на свободу; их заперли в ангаре «Оаху» и, похоже, надолго. Пчелам нужен клевер или что-нибудь в этом роде. На Ганимеде планировали сеять клевер в основном для того, чтобы он насыщал почву азотом и восстанавливал истощенные почвы, но пока в атмосфере было слишком мало азота, так что клевер оставался делом будущего.

Однако я забегаю вперед. Вопрос этот подводит нас к технической стороне экологии. До появления людей Ганимед состоял из голых камней и льда, на нем и атмосферы-то почти не было — так, следы аммиака с метаном. И колотун стоял зверский. Так что в первую очередь люди стали создавать атмосферу, пригодную для дыхания.

Исходный материал был под рукой — лед. Оставалось лишь найти источник энергии и расщепить молекулу воды на водород и кислород. Водород тут же натуральным образом улетучится, а кислород осядет на поверхность планеты — дыши на здоровье. Вот так уже в течение пятидесяти лет создавалась атмосфера.

Как вы думаете, сколько энергии нужно, чтобы окутать планету такого размера атмосферой с давлением три фунта?

Поскольку сила тяжести на Ганимеде в три раза меньше земной, то, чтобы создать давление три фунта на квадратный дюйм, требуется девять фунтов воздуха. Следовательно, для каждого квадратного дюйма поверхности Ганимеда нужно растопить как минимум девять фунтов льда — и это в условиях, когда на планете двести градусов ниже нуля по Фаренгейту.

Сначала лед надо нагреть до температуры таяния и превратить в воду, а затем молекулу воды превратить в газ — не электролизом, как в лаборатории, а нагреванием до сверхвысоких температур в конвертерах массы. В результате получается смесь кислорода с водородом, обеспечивающая давление в три фунта. Смесь эта не взрывоопасна, ибо водород, как элемент более легкий, воспаряет вверх в концентрации настолько близкой к вакууму, что всякое возгорание исключено.

Но на расщепление уходит уйма энергии — 65 000 британских тепловых единиц на квадратный дюйм поверхности или, если угодно, на каждые девять фунтов льда. В итоге набегает будь здоров. Ганимед — планетка небольшая, но если считать в квадратных дюймах, то 135 000 000 000 000 000 штук на ее поверхности наберется. Умножим на 65 000 британских тепловых единиц, переведем их в эрги и получим 92 500 000 000 000 000 000 000 000 эргов. Девяносто два с половиной миллиарда секстиллионов эргов! Такое красивое число, что я не поленился записать его в дневнике и продемонстрировать Джорджу.

Однако Джордж не впечатлился. Он заявил, что числа по сути все одинаковы, только невежд потрясают цепочки из нулей. И тут же заставил меня вычислить эту величину в единицах массы-энергии по старой доброй формуле $E = mc^2$, поскольку атмосферу на Ганимеде создавали с помощью конвертеров массы.

По формуле Эйнштейна один грамм массы дает 9×10^{20} эргов, так что мое потрясающе длинное число соответствует $1,03 \times 10^{11}$ граммам, или 113 200 тоннам. В качестве источника энергии использовали в основном тот же лед, из которого делали воздух, разве только иногда вместе со льдом попадался обломок скалы. Конвертер массы слопаёт все, что угодно, ему без разницы.

Но для удобства будем считать, что использовали только лед. Значит, получается, что нужен ледовый куб с ребром сто шестьдесят футов. Такую штуку я более или менее способен себе представить.

Я показал свой ответ Джорджу, и он опять не впечатлился. Он сказал, что я должен научиться одинаково легко воспринимать числа с нулями и без них, тем более что они обозначают одну и ту же величину.

Только не подумайте, что для атмосферы Ганимеда хватило куба льда с ребрами по сто шестьдесят футов. Эту глыбу превратили в энергию, с помощью которой можно было приступить к дальнейшим фокусам. Если бы тот лед, что пошел на получение кислорода и водорода, вернуть в исходное состояние, он покрыл бы всю планету слоем толщиной в двадцать пять футов — подобная ледяная шапка когда-то и покрывала Ганимед.

Как выразился Джордж, приведенные данные доказывают только то, что на Ганимеде льда навалом и что без конвертеров массы нечего было и думать колонизировать планету. Порой мне кажется, что привычка инженеров воспринимать все факты как нечто само собой разумеющееся лишает их способности ощущать самый вкус жизни.

Таким образом, благодаря трехфунтовому давлению кислорода и парниковому эффекту у колонистов не стыла в жилах кровь и они могли передвигаться по планете без скафандров и обходиться без воздушных камер. Но атмосферный проект не закрыли. Во-первых, скорость убегания* на Ганимеде невелика, всего лишь 1,8 мили в секунду (на Земле 7 миль в секунду), так что атмосфера, в особенности водород, будет потихоньку улетучиваться в космос и через миллион лет от нее ничего не останется. А во-вторых, нам нужен был азот.

Азотом мы не дышим, а потому, как правило, о нем и не думаем. Но без него не может образоваться белок, то есть любая плоть. Растения обычно получают азот из почвы. Некоторые, типа клевера, люцерны,

* Скорость убегания, она же вторая космическая — это скорость, которую необходимо развить объекту, чтобы преодолеть притяжение планеты и улететь в космическое пространство данной солнечной системы.

фасоли, умеют высасывать его из воздуха и насыщают им почву. Ганимедская почва богата азотом, ведь первоначальная скудная атмосфера частично состояла из аммиака, но не за горами тот день, когда нужно будет вернуть азот, взятый у планеты в займы. Поэтому проект переориентировали на получение азота.

А это куда сложнее, чем расщепить молекулу воды; превратить устойчивый изотоп азота-16 в устойчивый изотоп-14 — операция крайне энергоемкая, природной энергии для нее недостаточно (по крайней мере, так было написано в книге), и долгое время она считалась теоретически невозможной. Мои познания в области ядерной физики не выходят за рамки школьных, поэтому уравнения я просто пропускал. Главное, что с помощью конвертера массы реакция стала осуществимой, а значит, к тому времени, когда почвы на Ганимеди истощатся, их будет чем обогатить.

С двуокисью углерода, к счастью, проблем не было; на Ганимеди навалом не только водного льда, но и сухого, испарившегося в атмосферу задолго до того, как первый фермер положил на стол заявку на участок.

Но даже если у вас есть кислород, двуокись углерода и кусок целины, это вовсе не означает, что вы можете приступить к пахоте. Почва-то здесь мертвая. Мертвая, как Христофор Колумб. Голые стерильные скалы без малейших признаков жизни. От них ой как далеко до плодородного теплого чернозема, кишашего бактериями и земляными червями, — чернозема, на котором можно вырастить урожай.

И создать такой чернозем должны были сами фермеры.

Чувствуете, в какой узел все завязано? Клевер, пчелы, азот, вторая космическая скорость, равновесие флоры и фауны, законы поведения газов, правила сложных процентов, метеорология — эколог-математик обязан предусмотреть все, и предусмотреть заранее. Экология — вещь взрывоопасная; самое незначительное и на первый взгляд безвредное вторжение может нарушить природный баланс. Все мы помним историю с английскими воробьями. Или с австралийскими кроликами, которые чуть не сожрали с потрохами целый континент. А карибские мангусты, истребившие цып-

лят, которых должны были охранять? Или африканские улитки — пока ученые искали, какие паразиты способны их уничтожить, от западного тихоокеанского побережья чуть было не остались рожки да ножки!

Вы привозите на Ганимед безобидное полезное насекомое, растение или животное, не позаботившись прихватить с собой его природных врагов, и через пару сезонов начинаете сожалеть, что вместо этих милых созданий не завезли сюда бубонную чуму.

Но обо всем об этом болит голова у главного эколога. У фермера задача другая, из области инженерной агрономии: создать плодородную почву и вырастить на ней урожай.

А это означает подобрать все, что валяется под ногами: оттаявшие гранитные валуны, замерзшие потоки лавы, пемзу, песок, обломки древних скал, — взорвать их, чтобы раскололись на мелкие кусочки, измельчить верхние слои в порошок, присыпать сверху горсткой родной земной землицы, а потом нянчиться с живой почвой, не давая ей зацахнуть, и с каждым днем помаленьку расширять участок. Нелегкая задачка.

Зато интересная. Первоначальное намерение изучить предмет настолько, чтобы сдать экзамен, вылетело у меня из головы. Я рыскал по окрестностям, осматривая поля на разных стадиях культивации, стараясь увидеть процесс своими глазами. На это у меня ушла чуть не целая светлая фаза.

Когда я вернулся домой, то обнаружил, что Джордж уже объявил розыск.

— Где тебя носило, горе мое? — осведомился он.

— Везде понемногу. Смотрел, как фермеры вкалывают.

Но ему непременно нужно было знать, где я спал и чем питался.

— Билл, — сказал он, — это замечательно, что ты готовишься к экзаменам, но зачем же превращаться в бродягу? Я, конечно, тоже виноват. Надо было уделять тебе побольше внимания. — Он задумался, потом добавил: — Я считаю, что тебе надо пойти в здешнюю школу. Конечно, уровень преподавания там не ахти, но это лучше, чем болтаться без дела.

— Джордж!

— Да, так будет лучше... Что?

— Ты окончательно отказался от мысли о ферме?

— Трудный вопрос, Билл. — Отец нахмурился. — Я бы хотел, но Пегги... Трудно сказать. Хотя наша фамилия по-прежнему в шапке. Окончательно придется решать перед жеребьевкой.

— Отец, я займусь этим.

— Не понял.

— Ты будешь работать в городе и заботиться о Пегги и Молли. А я буду поднимать ферму.

Глава 13

Джонни Яблочное Семечко

Наша очередь на жеребьевку подошла через три недели; на следующий день мы с Джорджем отправились осматривать свои владения. Участок находился к западу от города, за грядой Кнейпера — район для меня совсем новый, я-то в основном разведывал на востоке, по направлению к энергостанции, возле которой располагалось большинство освоенных земель.

Но здешние фермы тоже выглядели совсем неплохо: несколько акров сочной зелени, на остальных полях камни раздроблены и измельчены. Похоже на сельские пейзажи в Иллинойсе — хотя чего-то тут недоставало. В конце концов до меня дошло: недоставало деревьев.

И все-таки даже без деревьев край был прекрасен. Справа, к северу, тянулись предгорья Большого Сахарного хребта. Милях в двадцати-тридцати виднелись заснеженные горные пики. Слева с юга изгибалась лагуна Серенидад, подходя к горам значительно ближе, чем в Леде. Мы брели в паре сотен футов над озером. Денек выдался погожий, и мне казалось, что я различаю противоположный берег. А может, просто померещилось.

Картина ласкала глаз и веселила душу; даже отец и тот проникся. Он шагал, насвистывая «Милый край», и

отчаянно фальшивил — свои музыкальные способности я унаследовал от Анны.

Отец перестал свистеть и заявил:

— Билл, я тебе завидую.

— Мы все равно будем вместе, Джордж. Просто я ваш авангард. — Я немного подумал и добавил: — Джордж, знаешь, чем я займусь в первую очередь, после того как посею немного зерна?

— Чем же?

— Я закажу семян и буду выращивать для тебя табак.

— Да что ты, сынок! И не думай даже.

— Почему? — Слово «сынок» означало, что отец растроган. — Я могу заняться табаком с таким же успехом, как и другими культурами.

— Спасибо за заботу, но у нас будут дела поважнее. А к тому времени, когда мы сможем позволить себе такую роскошь, я и трубку-то разучусь раскуривать. Честное слово, я уже отвык.

Мы потопали вперед, не говоря ни слова, но ощущая душевный покой и внутреннюю близость. Внезапно дорога оборвалась. Отец остановился и вытащил из сумки карту.

— Похоже, где-то здесь.

На карте линия шоссе после обрыва продолжалась пунктиром, указывавшим, куда оно пойдет потом. От нашей фермы до этой несуществующей дороги было не более полумили. Судя по схеме, край наших владений — вернее, будущих владений, если мы сумеем их освоить, — тянулся на четверть мили вдоль северной стороны шоссе, а сам участок уходил к предгорьям. На карте было написано: «Чертеж 117-Н-2» и стояла печать главного инженера.

Отец устался на место, где обрывалась дорога. Путь дальше преграждал поток застывшей лавы с меня ростом, суровый, как зима в штате Мэн.

— Билл! — сказал отец. — Как думаешь, вышел бы из тебя индеец?

— Надеюсь, что неплохой.

— Попробуем перелезть через лаву, чтобы не сворачивать с курса.

Легко сказать! Мы боролись с ней, оскальзывались, пытались зацепиться. Лава только выглядит мягкой. Отец

ободрал себе коленку, а я уже потерял счет нашим бесплодным попыткам. Но все-таки мы одолели преграду и очутились на поле, усеянном валунами. Они валялись как попало — булыжники величиной с кулак и глыбы размером с дом. Всех их пригнал сюда таявший лед, из которого впоследствии образовалась лагуна Серенидад.

Джордж говорит, что у Ганимеда была бурная молодость, с кипящими парами и вулканами.

Пробираться между валунами не так уж сложно, но с курса сбиваешься в момент. Пройдя совсем немного, отец притормозил и сказал:

— Билл, ты знаешь, куда мы забрели?

— Не-а, — признался я. — Но мы пока не заблудились. Нужно только свернуть обратно на восток, и мы непременно выйдем на место.

— Хорошо бы.

— Погоди-ка!

Перед нами возвышалась громадная глыбина. Я забрался на нее без особых потерь, лишь слегка оцарапав ладонь.

— Вижу шоссе, — сообщил я отцу. — Мы чуток отклонились к северу. И, как мне кажется, слишком далеко ушли.

Я на глаз прикинул расстояние и слез на землю.

Мы прошагали немного к югу, затем вновь свернули на восток. Через какое-то время я сказал:

— Боюсь, мы прошли мимо, Джордж. Неважный из меня индеец.

— Да? А это что?

Отец остановился, обогнав меня на пару шагов. Прямо перед ним из камней была сложена пирамидка, а на верхнем плоском булыжнике красовалась надпись: «117-Н-2, юго-восточный угол».

Выходит, последние полчаса мы бродили по своему участку, и огромный валун, на который я взбирался, тоже был нашей собственностью.

Мы присели на плоский камень и огляделись вокруг. Говорить было нечего; оба мы думали об одном и том же: если это ферма, то я — мой собственный дедушка.

Наконец Джордж что-то пробормотал.

— Что ты сказал? — спросил я.

— Голгофа, — громко повторил он. — Голгофа, усеянная черепами.

Он сидел, глядя вперед как заворуженный. Я проследил за его взглядом: неподалеку один булыжник взгромоздился на другой, и в солнечных бликах они действительно напоминали череп. Он смотрел на нас и скалился.

Стояла такая тишь, что слышно было, как растут на голове волосы. Это место меня угнетало. Я отдал бы все на свете за малейший шорох или признак движения. Если бы из-за скалы высунулась ящерка, я, наверное, ее расцеловал бы.

Но ящерицы тут не водились — никогда.

— Билл, ты уверен, что хочешь впрячься в хомут? — неожиданно спросил отец.

— Конечно, уверен.

— Ты пойми: ты вовсе не обязан. Если решишь вернуться на Землю и поступить в Массачусетский технологический, к следующему рейсу я все устрою.

Может быть, он надеялся, что, если я отчалою, Пегги согласится уехать со мной. Возможно, мне следовало сказать об этом вслух. Но я не сказал. Я просто спросил:

— Ты намерен вернуться?

— Нет.

— Я тоже нет.

Во мне заговорило упрямство. Конечно, я не мог не признать, что наша «ферма» отнюдь не молочная река с кисельными берегами. Угрюмое местечко, ничего не скажешь. Тут мог бы поселиться разве что какой-нибудь спятивший отшельник.

— Подумай как следует, Билл.

— Я подумал.

Мы молча сидели, погрузившись в тяжкие думы. И чуть не свалились с камня, когда в воздухе раздались залиvistые звуки йодля*. Только что я мечтал услышать хоть что-нибудь, но очень уж это было неожиданно, словно меня во тьме схватила за руку чья-то холодная липкая ладонь.

Мы оба вскочили на ноги.

— Что за!.. — воскликнул отец.

* Манера пения тирольцев.

Я оглянулся. К нам приближался рослый мужик. Несмотря на внушительные габариты, он пробирался между валунами как горная козочка, чуть ли не парил в воздухе из-за слабой гравитации. Когда он подошел поближе, я его узнал. Я видел его на суде чести и вспомнил, что зовут его мистер Шульц. Отец махнул ему рукой, и через пару минут великан оказался рядом с нами. Он возвышался над отцом на целую голову; из него запросто можно было выкроить нас обоих. Грудь — шириной с мои плечи, живот еще шире. На голове взлохмаченная рыжая копна, а на груди разметалась косматая борода, похожая на запутанный клубок медной проволоки.

— Приветствую, граждане! — прогудел он. — Меня зовут Иоганн Шульц.

Отец представил нас обоих. Моя рука совершенно потонула в исполинской ладони.

— Я где-то уже встречал тебя, Билл, — пристально взгляделся в меня великан.

Я сказал, что, наверное, на собрании скаутов. Он кивнул и пробасил:

— Ты командир отделения, да?

Я признал, что был когда-то.

— Скоро снова будешь, — уверенно заявил он, словно дело было решенное. Потом повернулся к отцу: — Один из моих киндеров заметил вас на шоссе, и Мама послала меня на поиски. Желает пригласить вас на чай с кусочком своего знаменитого кофейного торта.

Отец поблагодарил за приглашение, но заметил, что нам не хотелось бы показаться навязчивыми. Мистер Шульц пропустил его слова мимо ушей. Отец объяснил, зачем мы сюда явились, продемонстрировал карту и показал на каменную пирамидку. Мистер Шульц кивнул раз пять-шесть и проговорил:

— Значит, соседями будем. Гут, гут! — И добавил, обращаясь к отцу: — Соседи зовут меня «Джон» или «Джонни».

Отец сказал, что его зовут Джорджем, и с этой минуты они стали закадычными друзьями.

Мистер Шульц приблизился к пирамидке, бросил пристальный взгляд на запад, затем на север, в сторону гор. Потом вскарабкался на большой валун и снова огляделся. Мы подошли к нему.

Он указал на небольшой холм на западной стороне.

— Там и постройте дом — недалеко от шоссе, но и не совсем рядом. Сначала освоите вот этот участок, а сезоном позже начнете понемногу продвигаться к горам. — И обернулся ко мне: — Да?

Я ответил, что, наверное, да.

— Это хорошая земля, Билл, — сказал он. — И ферма получится что надо.

Он слез с валуна, подобрал обломок булыжника, потер его пальцами и повторил:

— Хорошая земля.

Потом осторожно положил обломок назад, выпрямился и прогудел:

— Мама уже заждалась, надо думать.

Мама и вправду уже заждалась, а ее представления о кусочке кофейного торта приводили на память пиршество в честь возвращения блудного сына. Но прежде чем войти в дом, мы остановились, восхищенно уставившись на *дерево*.

На веселой полянке, поросшей мятликом, прямо перед домом тянулось к небу настоящее дерево — яблонька. Больше того: на двух ее ветках висели яблоки. Я застыл на месте, не в силах оторвать от нее взгляд.

— Хороша! Верно, Билл? — сказал мистер Шульц. Я кивнул. — Да-а, — продолжал он, — это самое прекрасное дерево на Ганимеде. И знаешь почему? Потому что оно единственное!

Он разразился оглушительным хохотом и шутя ткнул меня пальцем под ребра, довольный собственным остроумием. Этот дружеский тычок я ощущал целую неделю.

Затем мистер Шульц подробнейшим образом разъяснил отцу, как он растил это чудо, как глубоко пришлось копать яму и проводить дренажные трубы. Отец спросил, почему яблоки растут только с одной стороны.

— В следующем году опылим и другой бочок, — пообещал великан, — и вырастут у нас «римские красавицы». А в этом году у нее «род-айлендские зеленые» и «виноградный сок». — Он сорвал с ветки яблоко. — Попробуй «виноградное», Билл.

Я поблагодарил и запустил в яблоко зубы. Вкуснотища! В жизни не пробовал ничего подобного.

Наконец мы вошли в дом, где нас встретила Мама Шульц и четверо или пятеро разнокалиберных прочих Шульцев, от младенца, ползавшего по полу, до девицы моего возраста и приблизительно моего же роста. Звали ее Гретхен. Рыжие, как у отца, волосы не курчавились, а спускались вниз длинными косами. Мальчишки в основном были белобрысыми, в том числе и те, которые подошли попозже.

Почти весь дом занимала большая столовая, посреди которой возвышался стол — гигантская каменная плита шириной четыре-пять футов и длиной футов двенадцать-тринадцать, опиравшаяся на три каменные колонны. Впрочем, только такое основательное сооружение и могло выдержать все яства, которыми устала его Мама Шульц.

Вдоль стола тянулись каменные скамьи, а во главе и на противоположном конце стояли два настоящих кресла, сделанные из канистр для масла, с сиденьями в виде тугих кожаных подушек.

Мама Шульц утерла передником лицо и руки, поздоровалась с нами и усадила отца в свое кресло, прибавив, что все равно сидеть ей долго не придется. И тут же вернулась к своей стряпне, а Гретхен налила нам чаю.

Часть комнаты служила кухней, в центре которой стоял большой каменный камин. Выглядел он вполне пригодным для пользования — впрочем, в каком-то смысле так оно и было. Огонь в нем, естественно, не разводили, но камин прекрасно справлялся с ролью вытяжной трубы. Просто Папа Шульц хотел, чтобы в доме был камин, — и в доме был камин.

Сбоку к нему примостилась плита Мамы Шульц. Она была выложена — я не верил своим глазам — голландскими изразцами! Это же уму непостижимо — тащить сюда с Земли декоративные кафельные плитки! Папа Шульц перехватил мой взгляд и спросил:

— А неплохо рисует моя малышка Кэти, верно?

Одна из девочек среднего калибра залилась румянцем, хихикнула и выпорхнула из комнаты.

От моего яблока остался крохотный худосочный огрызок, и пока я соображал, куда бы его пристроить в этих сверкающих чистотой хоромах, Папа Шульц протянул ко мне ладонь:

— Давай его сюда, Билл.

Он вытащил нож и очень аккуратно вынул семечки. Один из мелких Шульцев вышел из столовой и вернулся с тонким бумажным конвертом. Папа Шульц высыпал семечки в конверт, заклеил его и отдал мне.

— Вот, Билл, — сказал он. — У меня всего одна яблоня, а у тебя целых восемь!

Я немного удивился, но сказал «спасибо». А хозяин продолжил:

— Помнишь это место, рядом с твоим будущим домом? Если ты заполнишь овраг, слой за слоем насыпая почву, и слегка припудришь ее «платной грязью», там поместится целый ряд деревьев. А когда они подрастут, мы привьем глазки с моей яблони.

Я осторожно положил конверт в сумку.

Домой вернулось еще несколько пацанов. Они умылись, сели за стол, и мы дружно принялись за жареных цыплят с картофельным пюре и консервированными помидорами и прочие блюда. Мама Шульц уселась рядом со мной и усиленно потчевала меня, сокрушаясь, что я слишком мало ем: в чем, мол, душа держится? Видит Бог, она была не права.

После обеда, пока отец беседовал с Папой Шульцем, я перезнакомился со всеми его отпрысками. Четырех из них я встречал на скаутских собраниях. Пятый, Иоганн-младший, парень лет двадцати — братья звали его «Йо», — работал в городе в конторе главного инженера. Хьюго и Питер, как выяснилось, были «волчатами», а Сэм и Вик — «следопытами», как и я. В женскую часть команды входили: младенец, ползавший по полу, Кэти и Анна, похожие друг на друга как две капли воды, но не близнецы, и Гретхен. Все они гадали хором.

Тут меня окликнул отец:

— Билл, похоже, нам не светит получить камнедробилку раньше чем через несколько месяцев.

— Ну и? — спросил я, немного заинтригованный.

— Чем ты думаешь пока заняться?

— Ну, точно не знаю. Буду набираться опыта.

— Хм... Мистер Шульц любезно предложил взять тебя на время в работники. Как ты на это смотришь?

Глава 14

Мои владения

Папе Шульцу работники были нужны, как мне четыре уха, но я согласился. В этой семье работали все, кроме малышки, которой, судя по всему, предстояло заняться мытьем посуды, как только она встанет на ноги. Вкалывали с утра до ночи, и, похоже, им это нравилось. Когда ребята не пахали в поле, они готовили уроки, а отстающих наказывали запретом на полевые работы.

Мама, стоя у плиты, выслушивала пройденный материал. Я уверен, что она не всегда понимала, о чем шла речь, но это не имело большого значения, поскольку Папа Шульц тоже проверял учеников.

А я набирался знаний о свиньях. И коровах. И цыплятах. И о том, как увеличивать количество «платной грязи» — так называли спрессованную плодородную почву с бактериями, необходимую для культивации полей, которую импортировали с Земли.

Каждый день я узнавал уйму новых вещей. Вот, скажем, коровы. Половина моих знакомых едва ли с ходу отличит свой левый бок от правого. Кто бы мог подумать, что для коров это так существенно? Но они прекрасно чувствуют разницу: я убедился в этом на

собственной шкуре, попробовав подоить буренку с левого бока.

Все работы на ферме велись вручную, как в допотопной китайской деревне. Основным транспортным средством была тачка. Впрочем, приценившись к одной из них на толкучке, я зауважал этот вид транспорта.

Отсутствие механизации не было вызвано нехваткой энергии: одна антенна на крыше дома могла обеспечить энергией все хозяйство. Не хватало самих машин. Техника, без которой колонисты вообще не смогли бы существовать: камнедробилка, оборудование для тепловой ловушки, энергостанция — была общей собственностью колонии.

Джордж объяснял это таким образом: каждый фунт груза, присылаемый с Земли, уменьшал количество пассажиров. Колонисты требовали больше машин и меньше иммигрантов; Колониальный же комитет считал, что планете в первую очередь нужны колонисты, и сокращал грузы до минимума.

— Комитет, разумеется, прав, — сказал отец. — Будут люди — будет и техника, мы сами ее смастерим. Когда ты обзаведешься собственной семьей, Билл, эмигранты будут прибывать сюда с голыми руками, вообще без грузов, и мы сможем каждого обеспечить всем необходимым, начиная от пластмассовых тарелок и кончая техникой для освоения целины.

— Если они будут дожидаться, пока я обзаведусь семьей, им придется долго ждать. Я считаю, что холостяки легче на подъем.

Отец только усмехнулся, будто знал какой-то секрет, недоступный моему пониманию. Я пришел в город пообедать со своим семейством. С тех пор как я стал работать у Папы Шульца, виделись мы нечасто. Молли устроилась преподавателем в школу, Пегги, естественно, на ферму не пускали, а отец по уши погрузился в работу и увлеченно рассказывал о том, что в двадцати милях к востоку от города открыто месторождение алюминия, так что в следующем году в продаже появится листовой металл.

Честно говоря, на Ганимеде даже вручную работать на ферме не слишком утомительно. Очень помогала низкая гравитация — по крайней мере, не приходи-

лось таскать свое бренное тело, словно тяжкий груз. Благодаря обильной стряпне Мамы Шульц я раздобыл до ста сорока двух фунтов, но весил при этом во всей экипировке и тяжелых башмаках меньше пятидесяти. Даже груженная тачка и та казалась сравнительно легкой.

Но знаете, что облегчало жизнь больше всего? Ду-маю, не догадаетесь.

Отсутствие сорняков.

Сорняков не было вообще; мы очень старались не завезти их случайно с Земли. Как только почва была подготовлена, оставалось лишь сунуть в нее зерно и быстренько отскочить, чтобы выросший стебель не ткнул тебя прямо в глаз.

Это не значит, конечно, что мы сидели сложа руки. На ферме и без сорняков забот хватает. А чтобы тачки не казались слишком легкими, мы загружали их втрое. Но работа не мешала нам веселиться — по части веселья Шульцы могли заткнуть за пояс кого угодно.

Я притащил из города аккордеон и после ужина мы устраивали хоровые спевки. Папа Шульц при этом гудел так самозабвенно, что нам оставалось лишь помирять со смеху и пытаться определить, в какой тональности он поет.

Когда Гретхен преодолела первоначальную застенчивость, выяснилось, что она ужасная дразнилка. Я же в отместку уверял ее, что у нее на голове пожар, и пытался погреть у ее волос руки либо вылить ей на голову ведро воды, чтобы не спалила весь дом.

Наконец подошла моя очередь на камнедробилку — и я об этом почти жалел: так хорошо мне было у Шульцев. К тому времени я уже мог самостоятельно выхолостить петуха-забияку и засеять борозду зерном. Конечно, мне еще многому предстояло научиться, но в общем не было никаких причин откладывать начало работ на собственной ферме.

Мы с отцом должны были заранее подготовить поле для камнедробилки, то есть взорвать динамитом самые большие глыбы. В принципе машина могла управиться с камнями размером куда больше бочки, но на это ушло

бы слишком много времени. А дешевого динамита, слава Богу, на Ганимеде вполне достаточно. Исходное сырье — нитроглицерин — не завозили с Земли; глицерин выделяли из животных жиров, а азотная кислота была побочным продуктом атмосферного проекта.

Отец две недели приходил ко мне по выходным, помогая превращать здоровенные валуны в камни средней величины, а затем решил, что мне можно доверить взрывчатку, и я сам закончил работу. Заодно мы проложили новое русло для ручейка из талого снега, сбегавшего с гор, чтобы он оказался поближе к будущему дому. Пока что русло было сухим: мы перегородили его плотиной, то есть большим камнем, решив взорвать его немного позже. Кроме того, мы своротили целый холм у озера и сделали из него овраг. Взрывчатки на него ушло жуткое количество — я чуть было не отправился прямо в рай, недооценив амплитуду падения обломков.

Трудились мы в охотку, чуть ли не играючи. Отец позаимствовал в офисе вибродрель: просверлить ею в скале дырку для заряда глубиной в двадцать футов — все равно что горячим ножом проткнуть кусок масла. Засыпаешь в дырку порошок, затыкаешь ее измельченной горной породой, поджигаешь шнур — и уноси ноги, пока цел.

С особым удовольствием я разнес в пух и прах булыжник, похожий на ухмыляющийся череп. Я его уделал будь здоров, вместе с его оскалом!

Пока мы сражались с валунами, нас удостоил визитом мистер Сондерс, «человек-лобби», как прозвал его Джордж. Только мы с отцом пристроились пообедать — и Сондерс тут как тут. Пришлось угостить его чем Бог послал; самому ему Бог послал только отменный аппетит.

Он сидел, ел и ныл не переставая. Отец попытался переменить тему и спросил, как у него продвигаются взрывные работы. Сондерс сказал — черепашими темпами. Отец заметил:

— Ваша очередь на камнедробилку сразу после нас, так ведь?

Сондерс сказал: «Да, так» — и тут же попросил одолжить ему динамита: у него, мол, весь вышел. Отец согласился, хотя для него это означало лишний поход пешком из города после работы.

— Я долго размышлял над сложившейся ситуацией, мистер Лермер, — не унимался Сондерс, — и пришел к выводу, что у нас неправильный подход к делу.

— Вот как? — сказал Джордж.

— Ей-Богу! Во-первых, фермеры не обязаны сами взрывать камни. Правительство должно было отрядить для этого специалистов. В конце концов, в контракте записано, что мы получаем землю, готовую для посева.

Отец мягко возразил, что идея сама по себе неплоха, но откуда взять столько специалистов, чтобы обработать полторы тысячи новых участков?

— Пусть правительство их наймет! — воскликнул мистер Сондерс. — По такому случаю могли бы и с Земли прислать людей! Послушайте, мистер Лермер, вы ведь работаете в офисе главного инженера. Вы просто обязаны замолвить за нас словечко!

Джордж поднялся и взял в руки вибродрель.

— Боюсь, вы обращаетесь не по адресу. Я работаю совсем в другом департаменте.

Надо полагать, мистер Сондерс сообразил, что это дохлый номер, поскольку не стал настаивать, а продолжил:

— А во-вторых, я размышлял по поводу почвы, или того, что они называют «почвой» без всяких на то оснований, заметьте. — Он пнул ногой булыжник. — Это бесплодные скалы. На них ни черта не вырастишь.

— Естественно, — согласился отец. — Сначала нужно создать почву.

— Вот-вот, я как раз об этом. Нам нужен настоящий чернозем, богатый и плодородный. «Создайте его», — говорят они. Да это же какая морока! И удобрения туда внеси, и земляных червей разведи, и еще Бог знает сколько фокусов с ней проделай, и так до посинения.

— У вас есть вариант лучше?

— Конечно, есть! К чему я веду-то? Мы тут колуемся, выполняем приказы кучки бюрократов, которые отродясь ни единой травинки сами не вырастили, и в результате получаем несколько дюймов второсортной почвы — в то время как миллионы кубических футов богатейшего жирного чернозема простаивают впустую.

— Где простаивают? — резко спросил отец.

— В дельте Миссисипи, вот где! Там плодородный слой уходит вглубь на сотни футов.

Мы оба уставились на него, но он говорил на полном серьезе.

— Надо только снять оттуда верхние слои, засыпать этой землицей наши камни не меньше чем на пару футов — и паши себе на здоровье! А так мы просто зря теряем время.

Отец помолчал немного, затем спросил:

— Вы хоть представляете, сколько это будет стоить?

— А сколько бы ни стоило! — отмахнулся Сондерс. — Нам положено — и точка. Правительство заинтересовано в колонизации или нет? Если мы нажмем все вместе и будем твердо стоять на своем, победа будет за нами! — И он торжествующе вздернул подбородок.

Джордж оборвал свой ответ на первом же слог. Забил ямку с зарядом каменной пылью, выпрямился и утер с бороды капли пота.

— Послушайте, гражданин, — сказал он, — вы что, не видите: мы заняты! Я собираюсь подпалить шнур. Лучше отойдите от греха подальше.

— А? — всполошился Сондерс. — Заряд большой? Далеко идти-то?

Если бы он пораньше разул глаза, ему не пришлось бы задавать вопросов: отец заложил заряд прямо у него под носом.

— Милю-полторы. А лучше две для верности. И желательно в одну сторону.

Сондерс взглянул на него, что-то недовольно пробурчал и зашагал прочь. Мы с отцом тоже отошли в сторонку и подождали, пока не рвануло. Готовя следующий заряд, Джордж беззвучно шевелил губами. Наконец он сказал:

— Если даже спрессовать сто фунтов «гумбо»* в кубический фут, потребовался бы специальный рейс «Мейфлауэра», чтобы обеспечить мистера Сондерса такой фермой, какую он желает. Таким образом, всего за тысячу ганимедских, то бишь пятьсот земных лет, «Мейфлауэр» снабдил бы почвой все наши участки.

* Тип почвы.

— Ты забыл про «Крытый фургон», — весело подсказал я.

— Ах да! — усмехнулся Джордж. — Когда «Фургон» вступит в строй, можно будет скостить сотни две или две с половиной лет, при условии, конечно, что за этот период не прибавится ни единого иммигранта и будет наложен запрет на рождение детей. — Он нахмурился и добавил: — Билл, и как это люди умудряются дожить до седых волос, не постигнув азов арифметики? — Ответить мне было нечего, а потому отец сказал: — Ладно, давай займемся взрывами. Боюсь, нам придется колупаться до победного конца, хотя наш друг Сондерс и не одобряет подобных методов.

Утром, когда должна была прибыть камнедробилка, я вышел встретить ее на шоссе. Машина неторопливо плыла со скоростью двадцать миль в час, заполнив собой все пространство между обочинами. Подъехав к стене из лавы, она остановилась. Я махнул водителю рукой, он помахал мне в ответ, а потом машина пару раз воркотнула, подалась вперед и отхватила от стены шматок.

Она хрускала лаву, как ореховые леденцы. Из-под кабины выдвигался виброрезак, вонзался в лаву, отделяя от нее пласт, подобно тому, как хозяйка ножом снимает печенье с противня, потом этот пласт загребала большая стальная лопата, расположенная спереди, а конвейер доставлял его к челюстям.

Шофер мог сбрасывать разжеванную каменную массу либо себе за спину, то есть за задний каток, либо в стороны. Сейчас он выбрал второй вариант, так что за машиной оставалась аккуратная ровная дорога — немного пыльная, быть может, но первый же дождичек ее прибьет. Грохот стоял невообразимый, но водителю это, как видно, не мешало. Он явно наслаждался работой. Свежий ветерок сдувал с него пыль, и шофер, сдвинув антисиликозную маску на лоб, расплылся в улыбке.

К полудню с лавой было покончено. Мы в темпе перекусили, и водитель принялся расчищать поле — пока только первые пять акров, до остальных очередь дойдет позже. Я радовался и этому: ведь камнедробилка пришла на несколько месяцев раньше обещанного.

Со вторым рейсом «Мейфлауэр» доставил еще три камнедробилки и всего нескольких иммигрантов взамен тех, кто не выдержал и удрал домой: таким был компромисс, достигнутый между городским советом и Колониальным комитетом.

Когда машина после лавы вгрызлась в твердые камни, грохот стал совсем невыносимым, но для меня он звучал нежнее музыки. Я просто глаз не мог оторвать от этого зрелища. Каждый сожранный камнедробилкой камень становился частичкой расчищенного поля. Где-то к ужину объявился отец с шофером-сменщиком. Мы вместе полюбовались на работу машины, а затем отец отправился обратно в город. Я остался. Около полуночи нашел на участке, не предназначенном к расчистке, большой валун с тенью и прилег поспать.

Разбудил меня шофер-сменщик.

— Просыпайся, парень, — сказал он. — Гляди: вот твоя ферма.

Я встал, протер глаза, посмотрел вокруг. Пять акров, по краям небольшое пространство для дренажных труб, в центре — пологий холмик для дома. Моя ферма.

По логике вещей надо было начинать строительство дома, но по расписанию мне на этой неделе выделили в пользование «жевалку». «Жевалка» — это уменьшенный вариант камнедробилки. Вместо антенны у нее батарейки, она сравнительно маломощна, зато совершенно дуракоустойчива — ею может управлять любой новичок, завершая работу, начатую камнедробилкой. В колонии таких «жевалок» штук сорок, наверное.

Камнедробилка оставляет после себя булыжники размером с кулак, раскиданные по полю и покрывающие его ковром толщиной в несколько футов. А у «жевалки» спереди приспособлены вилы, вернее несколько пар вилок разной величины. Самые редкозубые погружаются в каменное месиво на глубину порядка восемнадцати дюймов и выбирают большие булыжники. По мере движения машины вперед камни ползут к загрузочной воронке и перемалываются до размеров ореха.

Выудив все большие камни, вы снимаете редкозубые вилы, ставите вместо них средние и переключаете «жевалку» на более мелкий помол. На сей раз вилы

погружаются вглубь лишь на десять футов, а в результате получается гравий. Затем вы повторяете ту же процедуру с частозубыми вилами, потом — с самыми мелкозубыми и в конце концов получаете на поле ковер из каменной пыли, мелкой, как суглинок, все еще мертвой, но готовой к оплодотворению.

И так по кругу, шаг за шагом, дюйм за дюймом. Чтобы из этого вышел толк, «жевалку» нужно использовать все двадцать четыре часа в сутки, пока ее у вас не отобрали. В первый день я даже завтракал, не слезая с седла. После ужина меня сменил отец, потом из города подгреб Хэнк, и мы, сменяя друг друга, вкалывали всю ночь напролет — это была ночь с воскресенья на понедельник, то есть светлая фаза.

На следующий день Папа Шульц застукал меня в машине уткнувшимся головой в приборную панель и прогнал к себе домой отсыпаться. С тех пор каждые четыре-пять часов, когда я трудился в одиночку, меня проводывал кто-нибудь из Шульцев. Без них мы с отцом вряд ли справились бы с работой, особенно в темную фазу недели.

А так, когда пришла пора отдавать «жевалку», у меня уже было три с половиной акра, готовых к оживлению с помощью «платной грязи».

Надвигалась зима, и я был твердо намерен перезимовать в новом доме. Правда, для этого приходилось вкалывать по-черному. И еще нужно было засеять поле хоть какими-нибудь семенами, чтобы весеннее таяние не смыло верхний слой почвы. Вообще-то мне нравится, что ганимедский год короче земного: на Земле ужасно длинные зимы. Но это требует от вас изрядной расторопности.

Папа Шульц посоветовал посеять траву; мутированная трава взойдет на стерильной почве не хуже, чем на гидропонике, а переплетение корней удержит землю на месте, даже если трава зимой замерзнет. К тому же корни не дадут распространиться инфекции, которую можно занести вместе с «платной грязью».

«Платная грязь» по сути не что иное, как жирный земной чернозем, кишачий бактериями, грибами и микроскопическими червячками, то есть всем необходимым, кроме больших земляных червей — их вы дол-

жны запустить туда сами. Только не думайте, что можно просто взять с Земли почву и перевезти ее в грузовом трюме на Ганимед. В каждой горсти чернозема содержатся сотни организмов, растительных и животных, необходимых для земледелия, — но там же есть и сотни вредных организмов. Столбнячные бактерии. Вирусы, вызывающие заболевания у растений. Гусеницы озимой совки. Споры. Семена сорняков. Большинство из них невооруженным глазом и не разглядишь, такие они крошечные, а некоторые даже отфильтровать невозможно.

Поэтому, чтобы изготовить «платную грязь», земные ученые выращивают в лабораториях чистые культуры полезных бактерий, маленьких червячков, грибков — словом, всего, что считают нужным сохранить, а затем берут почву и умерщвляют ее радиацией и высокой температурой до полной стерильности, стерильнее, чем на Луне. И только потом в эту мертвую землю внедряют все выращенные ими культуры. Так получается первичная «платная грязь». На Ганимеде ее разрезают на шесть слоев, наращивают их и вновь нарезают — в результате фермер получает «платную грязь», в которой на сотню фунтов приходится лишь один фунт собственно земной почвы.

Чтобы «избежать вторжения», как говорят экологи, прилагались все мыслимые усилия. О чем я не упомянул, рассказывая про путешествие на «Мейфлаузере», так это о том, что нашу одежду и багаж тщательно продезинфицировали, а нас самих, прежде чем отдать одежду, отдраили до блеска. В принципе это было единственное настоящее мытье за два месяца, но после него от всех нас разлило больницей.

В то утро, когда тягачи должны были привезти мне «платную грязь», я ушел от Шульцев ни свет ни заря. Насчет того, как удобрять поле черноземом, существуют разные мнения. Некоторые раскидывают его поверху, но это чревато: чернозем может погибнуть. Другие роют ямки с интервалами в шесть-восемь футов, по типу шахматной доски... Надежно, но медленно. Я все

еще размышлял, не в силах решить, какой способ выбрать, когда заметил на дороге какое-то движение.

Их было шестеро, и каждый толкал перед собой тачку. Когда они подошли поближе, я увидел, что это вся мужская часть семейства Шульцев. Я устремился к ним навстречу.

Тачки были доверху набиты компостом, и весь он предназначался для меня.

Папа Шульц решил преподнести мне сюрприз. Я не находил слов, а когда нашел, то выпалил:

— Папа Шульц, я понятия не имею, когда смогу с вами расплатиться!

Он бросил на меня свирепый взгляд.

— О какой плате ты болтаешь? У нас этого компоста завались — из ушей уже прет!

И велел сыновьям вывалить груз на мою «платную грязь». Потом взял вилы и стал аккуратненько перемешивать компост с черноземом, наподобие того, как Мама Шульц добавляет в тесто взбитый белок.

Папа Шульц взял командование на себя, и я перестал терзаться вопросом, как распорядиться «платной грязью». По мнению Папы — а я, как вы понимаете, с ним не спорил — всего этого добра должно было хватить примерно на акр, если смешать его с мертвой почвой. Но он не стал удобрять этот акр целиком; он пустил через мое поле семь полос длиной в две сотни ярдов с промежутками примерно по сорок футов. Мы взялись за тачки — шесть шульцевских плюс одна моя — и распределили смесь вдоль каждой полосы.

После чего, обозначив каменными пирамидками все семь полос, мы тщательно зарыли граблями животворную смесь в каменную пыль на протяжении пяти-шести футов с обеих сторон каждой полосы. К полудню появились нагруженные Мама с Гретхен. Мы сделали перерыв на пикник.

После обеда Йо пришлось отчалить в город, но свою полосу он уже почти закончил. Папа расправился со своей и стал помогать Хьюго и Питеру, которые были еще слишком малы, чтобы искусно орудовать граблями. Я завершил свою полосу и принялся за хвост полоски Йо. К концу дня ко мне на подмогу явился отец, настроившийся проработать весь вечер — стояла свет-

лая фаза, вкалывай хоть ночью, были бы силы, — но выяснилось, что делать больше нечего. Отец тоже не мог придумать, как благодарить Шульцев за помощь.

Хочется верить, что в крайнем случае мы и без Шульцев подняли бы ферму — и это, кстати, не исключено, но я в этом далеко не уверен. Первопроходцам нужны хорошие соседи.

Всю следующую неделю я удобрял искусственными нитратами, произведенными в колонии, промежутки между полосами. Конечно, качество не то, что у «платной грязи», зато намного дешевле.

Потом я принялся засеивать поле травой — сеял руками, прямо как в Библии, а затем остороженько прошелся граблями, прикрывая семена почвой. Тут ко мне с визитом явился зануда Сондерс. Он время от времени возникал у нас на поле, когда поблизости не было отца. Думаю, его просто заело одиночество. Семья его все еще жила в городе, а он ютился под каменным навесом высотой в десять футов, который соорудил на скорую руку. Не скажу, чтобы он сильно надрывался над устройством фермы; я вообще не мог понять, на что он рассчитывает.

Я поприветствовал его и продолжил свое занятие.

Он мрачно наблюдал за мной, потом изрек:

— Гляди, как бы ты сердце себе не утробил, юноша.

Я ответил, что насос у меня пока качает без перебоев, к тому же разве сам он, то бишь мистер Сондерс, не вкалывает на поле?

— Черта с два! — фыркнул он.

— Тогда что же вы делаете?

— Покупаю билет, вот что.

— Чего?

— Единственная вещь, которую здесь можно продать, это участок освоенной земли. Я их обыграю в их собственной игре, вот и все. Приведу поле в более или менее сносный вид и сплавлю его какому-нибудь желторотому, а сам с семьей мотану на Землю-матушку. И тебе советую, если ты не круглый дурак. Никакой фермы у тебя здесь не будет. Гиблое это дело.

Мне он уже осточертел, но нахамить человеку в лицо у меня никогда не хватало духа.

— Ну, не знаю. Возьмите, к примеру, мистера Шульца. У него отличная ферма.

— Это у Джонни Яблочное Семечко? — снова фыркнул Сондерс.

— Это у мистера Иоганна Шульца.

— Ну я и говорю — Джонни Яблочное Семечко. В городе его все так зовут. Он же чокнутый. Знаешь, чего он отмочил? Сунул мне горстку яблочных семечек, да с таким видом, будто Соломоновы сокровища вручает!

Я на минуту прервал работу.

— По-вашему, это не сокровище?

Сондерс сплюнул.

— Да он просто клоун.

Я приподнял грабли:

— Мистер Сондерс, вы стоите на моей земле, в моем частном владении. Даю вам две секунды, чтобы испариться. И чтоб я вас больше здесь не видел!

Он попятился:

— Эй! Прекрати! Чего граблями-то размахался!

— Вали отсюда! — сказал я.

Он и свалил.

Теперь главной проблемой стала постройка дома. Дело в том, что на Ганимеде все время немножко трясет. Это связано с «изостазией», которая в сущности означает просто «равномерное давление»: так по-научному называют процесс, когда горы и моря уравнивают друг дружку и создают на всей планете одинаковую силу тяжести.

Связано это и с приливами тоже, как ни странно, — ведь на Ганимеде приливов как таковых не существует. Солнце от нас слишком далеко, а к Юпитеру Ганимед все время повернут одним и тем же боком. Конечно, в лагуне Серенидад бывают небольшие приливы-отливы, вызванные приближением Европы или даже Ио и Каллисто, но настоящих приливов, как в Тихом океане, здесь не бывает.

Правда, у Ганимеда есть приливно-отливная наследственность — но только в замороженном виде. Мистер Хукер, главный метеоролог, объясняет это тем, что Ганимед, когда он замерз и прекратил вращаться, находился ближе к Юпитеру, чем сейчас, и на нашей пла-

нетке образовалось нечто вроде ископаемой приливной выпуклости. На Луне тоже есть такая штука.

А затем сюда пришли люди, растопили ледяные шапки и создали атмосферу. Это вызвало разбалансировку давления, и теперь изостатическое равновесие восстанавливается. Результат: непрерывные слабенькие землетрясения.

Я как-никак родом из Калифорнии, а потому хотел построить сейсмоустойчивый дом. У Шульцев дом был укреплен, и мне это нравилось, хотя трясло нас еле заметно, даже человека с ног не сбивало, не говоря уже о доме. Оттого-то большинство колонистов на это дело наплевали: слишком много трудов нужно положить, чтобы сделать каменное здание сейсмоустойчивым.

И не только трудов, но, что еще хуже, денег. Список инструментов, которыми по контракту должны были обеспечить фермера, выглядел вполне прилично: тут тебе и мотыга, и обычная лопата, и совковая, и тачка, и ручной культиватор, и ведро — в общем, чего только нет. Но стоит приступить к работе, как сразу обнаруживается, что нужна еще целая куча вещей, и приходится покупать их на толкучке. Пока я строил дом, я по уши залез в долги — задолжал почти полтора акра освоенной земли.

И как всегда, пришлось пойти на компромисс. Одну комнату обязательно надо было сделать сейсмоустойчивой — я имею в виду комнату Пегги. Пегги чувствовала себя день ото дня все лучше, но низкое давление ей еще долго будет противопоказано. Если все семейство переберется на ферму, комнату Пегги нужно будет задраить и устроить перед ней воздушный шлюз. Значит, понадобится еще и импеллер. А все это денег стоит.

Пришлось одолжить еще два акра. Отец пытался взять кредит, но ему без обиняков дали понять, что фермеры считаются кредитоспособными — в отличие от инженеров. Так что вопрос решился сам собой. Сделаем одну сейсмоустойчивую комнату, со временем можно будет пристроить к ней другие помещения. А пока в доме будет гостиная, она же моя спальня, отдельная крошечная спальня для Джорджа и Молли, в которой и коту не развернуться, и комната Пегги. Все

помещения, кроме комнаты Пегги, построим из сухого камня и покроем патентованной крышей.

Не густо, верно? Ну да ничего. Эйб Линкольн начал с меньшего.

Как только я засеял поле, сразу принялся резать камень. Вибропила очень похожа на вибродрель, с той лишь разницей, что она не сверлит дырку, а делает тончайший, с волосок, разрез. Включив питание, нужно быть чертовски осторожным, чтобы не отхватить собственный палец, зато резать ею камень — сплошное удовольствие. По контракту вам выдают пилу в бесплатное пользование на сорок восемь часов, а если есть желание, можете пилить еще сорок восемь, но уже за плату, хотя и небольшую. Я поднапрягся и закончил все за двое бесплатных суток. Неохота было опять залезать в долги, тем более что я нацелился еще на одно приобретение. Эти штуки появились здесь пару лет назад: мерцающие прожекторы. Папа Шульц установил их у себя на поле и в итоге почти удвоил урожай. Земные растения не привыкли проводить трое с половиной суток в кромешном мраке, но если во время темной фазы их подсвечивать короткими вспышками, старый добрый фотосинтез оживает и начинает работать.

Однако с прожекторами придется повременить.

Дом мне построили скауты. Я имею в виду отделение, в котором я теперь состоял, то есть «Пришельцев». Для меня это был сюрприз — и в то же время не совсем сюрприз, потому что дом нужен каждому эмигранту, а в одиночку его не соорудишь. Я сам помогал уже на шести стройках — не из великодушия, не поймите меня неправильно. Просто надо было поучиться, поднабраться опыта.

Но скауты объявились даже раньше, чем я успел бросить клич. Отделение, чеканя шаг, возникло на шоссе, Сергей довел его до пригорка, скомандовал: «Стой!» — и сурово обратился ко мне:

— Билл, ты уплатил скаутские взносы?

— Сам знаешь, что уплатил.

— Тогда можешь помогать. Только не путайся под ногами.

Он внезапно улыбнулся, и до меня дошло, что надо мной подшучивают. Сергей обернулся к отряду и закричал:

— К постройке дома — готовься! Разойдись и налетай!

И вдруг все завертелось, как в старых телекомедиях с ускоренными кадрами. В жизни не видал, чтобы люди так вкалывали. Вот что я вам скажу: чтобы быть скаутом, вовсе не обязательно носить скаутскую форму. Мы так и жили без формы — просто не могли ее себе позволить.

Вместе с «Пришельцами» явились Вик Шульц и Хэнк Джонс, оба из отделения «Тяжелый рок», и Дуг Оахима, который даже не состоял в нашем отряде, а был членом отряда Баден-Пауэлла. У меня потеплело на душе. В последнее время я редко виделся со старыми приятелями: в светлые фазы пахал допоздна и пропускал собрания, а в темные... Девять миль по морозцу после ужина до города — тут хочешь не хочешь, а призадуматься.

Даже совесть кольнула: я и не вспоминал о своих друзьях, а вот они меня не забыли. Я дал себе слово ходить на собрания, независимо от того, насколько буду измотан. А также сдать экзамены на две нашивки — при первой же возможности.

Тут я вспомнил еще об одном незаконченном дельце — о Горлодере Эдвардсе. Но взять выходной, чтобы заловить этого козла и дать ему по морде, — слишком дорогое удовольствие, когда ты занят на ферме. А кроме того, мне не повредит еще немного нарастить мышцы, фунтов этак на десять; повторение нашей прошлой стычки мне как-то не улыбалось.

Откуда ни возьмись появился отец с двумя своими коллегами и сразу возглавил процесс герметизации комнаты Пегги. Его появление навело меня на мысль, что он был в курсе нашествия скаутов, в чем он и сознался. Идея принадлежала Сергею — потому-то отец и промолчал, когда я недавно намекнул, что пора, мол, созывать соседей.

Я отвел его в сторону.

— Джордж, скажи, ради всего святого, чем мы будем их кормить?

— Об этом не волнуйся.

— Но я не могу не волноваться!

Всем известно, что хозяин возводимого жилища обязан обеспечить работающих харчами, но меня-то застали врасплох!

— Говорю, не волнуйся, — повторил отец.

И в ту же минуту я понял почему: на горизонте появились Молли, Мама Шульц, Гретхен, сестра Сергея Марушка и две подружки Пегги. А то, что они притащили с собой, на Земле могло только присниться. Пикник удался на славу: Сергеем еле удалось заставить отряд снова приняться за работу.

Теоретически всю снедь для пикника приготовила Молли в доме у Шульцев, но я-то знаю Маму Шульц: будем смотреть правде в глаза — Молли не ахти какая повариха.

Молли принесла мне записочку от Пегги: «Дорогой Билл, пожалуйста, приходи сегодня вечером в город и расскажи мне обо всем. Очень прошу, пожалуйста!» Я сказал Молли, что схожу.

В восемнадцать ноль-ноль приладили крышу — и дом был готов. Только дверь не навесили: ее еще надо купить на толкучке. И силовую установку мы поставим лишь через неделю. Но от дождя укрыться есть где, и даже крошечный хлев для коровы есть — хотя откуда у меня корова?

Глава 15

Зачем мы сюда пожаловали?

Судя по записям у меня в дневнике, в новый дом мы перебрались в первый день весны.

Гретхен помогла мне подготовиться к встрече. Я предложил пригласить и Марушку, поскольку дел было невпроворот, но Гретхен с таким надутым видом фыркнула: «Как хочешь!», что я не стал настаивать. Странный народ эти женщины. Хотя Гретхен и впрямь превосходная хозяйка.

Я ночевал в доме с тех пор, как его соорудили, несмотря на то что техники из инженерной конторы установили антенну на крыше и подключили тепло и свет гораздо позже. Но до зимы они успели, и я целый месяц с наслаждением занимался внутренней отделкой дома, а попутно собирал запасы льда на лето. Лед я стаскивал в овраг возле дома, туда, где собирался посадить яблони: пока не построю настоящий погреб, пускай лед хранится там.

Первые месяцы после переезда семьи я вспоминаю как самые счастливые в моей жизни. Мы снова были вместе, и это было хорошо. Отец по-прежнему проводил большую часть темных фаз в городе, работая на полставки: ему хотелось закончить разработку проекта

и побыстрее расплатиться с долгами. Зато в светлые фазы мы пахали почти круглосуточно, бок о бок или по крайней мере неподалеку друг от друга.

Молли, по всей видимости, понравилось быть домохозяйкой. Я учил ее стряпать, и она схватывала все на лету. Приготовление пищи на Ганимеде — настоящее искусство. Как правило, приходится готовить под давлением, даже жарить, поскольку вода закипает при температуре чуть выше 104 градусов*. Вы можете помешивать закипевшую воду пальцем, только не слишком долго, конечно. Затем Молли перешла в подмастерья к Маме Шульц. Я не возражал: Мама Шульц прирожденный художник, Молли под ее руководством станет настоящей поварихой.

Пегги приходилось постоянно жить в своей комнате, но мы надеялись, что скоро она сможет выйти. Мы снизили у нее давление до восьми фунтов, половина на половину кислород с азотом, и собирались там за обедом. Вообще-то я не выношу эту вязкую густую атмосферу, но ради того, чтобы вместе посидеть за обеденным столом, можно пойти на жертвы. В конце концов я так привык к смене давлений, что даже боли в ушах не чувствовал.

Впрочем, если было желание, Пегги могла прогуляться. Из города мы привезли ее в прозрачном пузыреносилках — еще одна вещь, купленная в кредит! — а отец присобачил туда кислородный баллон от старого космического костюма, который пожертвовали сотрудники из команды проекта «Юпитер». Пегги забиралась в пузырь, закрывалась, мы снижали давление у нее в комнате и выносили ее на волю — позагорать на солнышке, полюбоваться на горы и озеро и поглазеть, как мы с отцом работаем на поле. Прозрачный пластик пузыря пропускал ультрафиолетовые лучи, и Пегги это шло на пользу.

Она была такая маленькая и щупленькая, что таскать ее в носилках не составляло никакого труда. Светлые фазы она в основном проводила на воздухе.

* 40 градусов по Цельсию.

Поначалу у нас в хозяйстве была курочка-несушка, пятнадцать оплодотворенных яиц и пара кроликов. Вскоре на столе появились мясные блюда. Пегги мы внушали, что жареных цыплят, которых мы уплетаем за обедом, нам поставляют Шульцы; по-моему, она верила. Я ежедневно навещался к Шульцам за свежим молоком для Пегги, но в середине лета мне подвернулся шанс приобрести в кредит и за вполне разумную цену симпатичную буренку-двухлетку. Пегги назвала ее Мэйбл и очень сокрушалась, что не может ее погладить.

Дел на ферме — знай только поворачивайся. Я так и не выбрал время, чтобы сдать экзамены, и со скаутскими собраниями дело обстояло не лучше. Слишком уж много забот навалилось. К примеру, сооружение пруда: в лагуне Серенидад были и планктон, и водоросли, но рыба пока не водилась. И даже когда она появится, разрешение на ловлю дадут не скоро. Поэтому я вырыл пруд, и мы стали на китайский манер разводить в нем рыбу.

Поле тоже требовало неустанной заботы. Мой травяной ковер удержал-таки почву, и мы решили, что пора запускать туда земляных червей. Отец хотел послать образец почвы в город на анализ, но тут к нам заглянул Папа Шульц. Услышав про наши сомнения, он взял горсть земли, помял в ладони, понюхал, пожевал — и заявил, что можно смело заселять червей. Я так и сделал, и черви прижились. Мы то и дело встречали их во время пахоты.

По тому, как взошла трава, сразу было видно, где проходят полосы с «платной грязью». Видны были и участки, пораженные инфекцией, но их оказалось немного. Предстояло еще ой как потрудиться, прежде чем полосы сольются воедино и мы сможем подумать об аренде «жевалки», чтобы обработать еще полтора акра, используя для их оплодотворения наш собственный суглинок и компост. И только после этого, то есть значительно позже, можно будет взяться за расчистку следующих нескольких акров.

Мы посадили рассаду — морковь, салат, свеклу, капусту, брюссельскую капусту, картошку и капусту спаржевую. А между грядками посеяли рожь. Мне хотелось засеять хоть один акр пшеницей, но земли

пока было маловато. Рядом с домом мы разбили небольшой огородик, где росли помидоры, тыква, горох и бобы. Это «пчелиные» растения, и Молли опыляла их вручную — безумно утомительное занятие. Мы мечтали, что когда-нибудь обзаведемся своим ульем; энтомологи из отдела биологии вкалывали до седьмого пота, пытаясь вывести пчел, приспособленных к нашим условиям. Дело в том, что, хотя у нас сила тяжести меньше земной только втрое, давление воздуха ниже почти в пять раз, а пчелам это не нравится — летать им, видите ли, тяжело.

А может, пчелы просто консервативны по натуре.

Наверное, я и впрямь был счастлив — или слишком занят и измотан, чтобы чувствовать себя несчастным — вплоть до следующей зимы.

Сначала зима показалась мне просто курортом. Делать было почти нечего — разве только лед натаскать да присмотреть за коровой, кроликами и цыплятами. Выдохся я до предела, нервы стали ни к черту, но сам я этого не замечал. Молли, думаю, устала не меньше моего, однако терпела и молчала, хотя и непривычна была к сельской жизни, не умела так ловко вести хозяйство, как Мама Шульц, например.

Молли мечтала о том, чтобы в доме наконец появился водопровод. Но при нашем раскладе в ближайшем будущем ей это не светило. Я, разумеется, носил ей воду из ручья, в котором каждый раз приходилось долбить новую полынью, но воды не хватало. Впрочем, Молли никогда не жаловалась вслух.

Отец тоже не жаловался, однако на щеках у него образовались глубокие складки, сбегавшие от носа ко рту, и их не скрадывала даже борода. В основном, конечно, из-за Пегги.

Когда мы перевезли ее на ферму, Пегги очень ожидалась. Мы постепенно снижали у нее в комнате давление, и она с жаром уверяла, что чувствует себя прекрасно, и все канючила, чтобы ей разрешили выйти на свежий воздух. Как-то раз, по совету доктора Арчи-

бальда, мы ее вывели — кровь носом у нее, правда, не пошла, но через десять минут она запросилась обратно.

Пегги здесь не приживалась. И не только из-за давления: этот мир был для нее чужим. Она в него не вписывалась, не могла пустить в нем корни и расти. Видели вы когда-нибудь, как чахнет пересаженное растение? Очень похоже.

Дом Пегги остался на Земле.

Мы не то чтобы совсем уж бедствовали, но что ни говори, а есть большая разница между жизнью зажиточного фермера, к примеру такого, как Папа Шульц, когда у вас на скотном дворе навалом коровьего навоза, в погребе висят окорока, а в доме все удобства, включая водопровод, — и существованием голодранцев вроде нас, пытающихся встать на ноги на клочке целины и по уши завязших в долгах. Мы эту разницу ощутили на собственной шкуре и зимой смогли подумать о ней на досуге.

Как-то в четверг мы собрались после обеда в комнате Пегги. Только что началась темная фаза, отцу пора было возвращаться в город; мы, как правило, устраивали перед его уходом небольшие посиделки. Молли штопала, Пегги с Джорджем играли в криббидж. Я вытащил аккордеон и принялся перебирать клавиши. Настроение у всех было умиротворенное. Не знаю, как меня утраздило, но я вдруг обнаружил, что наигрываю мелодию «Зеленых холмов Земли». Давненько я ее не вспоминал.

Оттремев фортиссимо «Терры сыны уходят в полет! Ракеты с ревом мчат нас вперед!», я вдруг подумал, что ракеты давно уже летают безо всякого рева. Эта мысль все еще вертелась у меня в голове, когда я дошел до припева, который поют очень тихо: «Мы Господа молим о последней посадке на шарике нашем родном...»

Я поднял глаза и увидел, что по щекам у Молли катятся слезы.

Руки бы мне повыдергать, честное слово! Я оборвал мелодию, бросил пронзительно вскрикнувший аккордеон и встал.

— Что стряслось, Билли? — спросил отец.

Я пробормотал что-то о необходимости пойти взглянуть на Мэйбл.

Вышел в гостиную, оделся, вылез на улицу, но к хлеву даже не подошел. Кругом намело сугробы, тьма стояла — хоть глаз выколи, хотя Солнце зашло всего пару часов назад. Снегопад утих, но тучи над головой заслоняли Юпитер.

Потом на западе чуть посветлело, в просвет пробились закатные солнечные лучи. Когда глаза привыкли к темноте, я разглядел в этом призрачном свете горы, заснеженные до самых подножий и уходящие верхушками в облака, озеро — припорошенную снегом ледяную пластину — и причудливые тени валунов за полем. Картина как нельзя лучше соответствовала моему настроению. Именно в такое место и нужно ссылать людей отбывать наказание за долгую грешную жизнь.

Я стоял и думал — каким ветром меня-то сюда занесло?

Тучи на западе расступились еще чуть-чуть, и низко над горизонтом, прямо над той точкой, где село Солнце, показалась яркая зеленая звезда.

Это была Земля.

Не помню, сколько я так простоял. Кто-то вдруг положил мне руку на плечо — я вздрогнул. Отец, закутанный до ушей для девятимильного перехода в снегу и во мгле, спросил:

— Что с тобой, сынок?

Я хотел ответить, но язык у меня примерз к гортани. В конце концов я выдохнул:

— Отец, зачем мы сюда пожаловали?

— Гм... Ты этого хотел. Помнишь?

— Помню, — согласился я.

— Но настоящая, основная причина, зачем мы пожаловали сюда, это чтобы уберечь твоих внуков от голода. Земля перенаселена, Билл.

Я снова посмотрел на Землю. И сказал:

— Отец, я сделал открытие. Жизнь — нечто большее, чем трехразовое питание. Конечно, мы соберем урожай — на таком черноземе и бильярдный шар волосней обрастет. Но на внуков особо не рассчитывай:

не хочу обречать своих детей на такую жизнь. Теперь я знаю, в чем наша ошибка.

— Ты не прав, Билл. Твои дети полюбят этот мир, так же, как эскимосы любят свою родину.

— Сомневаюсь, что можно полюбить этот ад.

— Но ведь предки эскимосов не были эскимосами. Они тоже были иммигранты. Если ты пошлешь своих детей на Землю, в школу например, они будут тосковать по Ганимеду. А Землю возненавидят. Они там будут весить непривычно много, воздух им придется не по нутру, климат — не по душе, да и люди тоже.

— Хм-м... Слушай, Джордж, а тебе здесь нравится? Ты доволен, что мы сюда приехали?

Отец долго молчал. И наконец произнес:

— Я беспокоюсь за Пегги, Билл.

— Да, я знаю. Но сам ты как? И Молли?

— За Молли я спокоен. У женщин часто бывают перепады настроения, это не страшно. — Он встряхнулся и сказал: — Мне пора. Иди домой, пусть Молли нальет тебе чаю. А потом сходи взгляни на кроликов. Сдается мне, крольчиха вот-вот разродится — не потерять бы потомство.

Отец сгорбился и побрел к дороге. Я провожал его взглядом, пока он не скрылся во мраке, а потом пошел домой.

Глава 16

По линеечке

И вдруг наступила весна, и все стало замечательно.

Даже зима показалась милее, когда миновала. Без нее нам пришлось бы туго; замерзание и оттаивание просто необходимо для почвы, не говоря уже о том, что многие зерновые не дают урожая без холода. Словом, четыре недели плохой погоды — вполне терпимое испытание.

С наступлением весны отец прекратил работу в городе, и мы на пару впряглись в посевную. Я взял в аренду самоходную тележку и прошелся вдоль полос, распределяя в промежутках между ними живую почву. Потом мы чуть не сломали себе спины, подготавливая овраг к посадке яблонь. Как только Папа Шульц презентовал мне семечки, я тут же засунул их в горшки с землей и держал в доме, сначала у Шульцев, потом у нас. Шесть из них проросли, а теперь саженцы уже вымахали почти на два фута.

Интересно, приживутся ли они на воле? Не исключено, что на зиму их придется перемещать обратно в дом, но попытаться все же стоит.

Отца тоже заинтересовал этот эксперимент, и не столько из-за фруктов, сколько из-за древесины. Каза-

лось бы, древесина — материал устаревший, а поди попробуй, обойдись без него!

Джордж, по-моему, грезил видом Большого Сахарного хребта, покрытого высокими стройными соснами... может быть, когда-нибудь.

Так что мы углубили овраг, провели туда дренажные трубы, расширили его, вбухали заготовленный зимой компост и присыпали драгоценным черноземом. Места хватило бы яблонь на двадцать, но мы высадили только шесть саженцев-малюток. Папа Шульц явился и лично благословил своих питомцев.

Затем он зашел в дом поздороваться с Пегги и заполнил собою всю ее комнатку. Джордж говорит — когда Папа делает вдох, давление в комнате падает.

Чуть позже Папа с отцом перебрались в гостиную потолковать. Я собирался выйти, но отец остановил меня вопросом:

— Билл, а не пробить ли нам здесь окно? — И показал на глухую стенку.

— Чего? — изумился я. — Так ведь все тепло же мигом выдует!

— Я имею в виду настоящее окно, застекленное.

— А-а!

Я задумался. Мне еще не доводилось жить в доме с окнами, мы всегда снимали квартиру. Окна я, конечно, видал — на Земле, в сельских домах, — но на Ганимеде построек с окнами не было. Мне даже в голову не приходило, что они тут могут быть.

— Папа Шульц собирается пробить у себя окно, — продолжал отец. — Мне кажется, это будет славно: сидеть светлыми вечерами дома и любоваться видом на озеро.

— В доме должны быть окна и камин, — убежденно промолвил Папа. — Теперь, когда у нас производят стекло, я хочу иметь вид из окна.

— Триста лет человечество глядело через стеклянные окна, — кивнул отец, — а потом заперло себя в крохотных кондиционированных каморках и стало глазеть на дурацкие телеизображения. Так и на Луне можно жить, какая разница?

Идея меня ошеломила, но вдохновила. В городе, я знал, были стекольные мастерские. Джордж говорит,

что изготовление стекла — одно из древнейших ремесел, если не самое древнее, и определенно одно из простейших. Но я-то думал, что они там делают бутылки и тарелки, а вовсе не оконные стекла. На толкучке уже появились стеклянные бутылки в десять раз дешевле, чем импортные.

Окно с видом — нет, идея и впрямь хороша! Можно сделать одно окно на южной стороне, с видом на озеро, а другое — на северной, чтобы любоваться горами. А почему бы не на потолке? Лежишь себе на коечке, а старина Юпитер перед тобой как на ладони!

Не горячись, Уильям, сказал я себе; ты сейчас построишь целый стеклянный замок. Когда Папа Шульц ушел, мы еще раз обсудили с Джорджем эту тему.

— Слушай, — сказал я, — я насчет идеи с окнами. Идея что надо, особенно для Пегги. Вопрос в том, по карману ли нам она?

— Думаю, да.

— Я имею в виду: сможем ли мы позволить себе эту роскошь, но чтобы тебе не пришлось возвращаться на работу в город? Ты себя загонишь до смерти, а это ни к чему. Теперь мы в состоянии прокормиться тем, что дает ферма.

— Я намеревался поговорить с тобой об этом, — кивнул отец. — Я уже почти решил уволиться, Билл, но мне не хочется бросать преподавание в субботней школе.

— Тебе обязательно там оставаться?

— Видишь ли, Билл, мне нравится читать лекции. А о деньгах не беспокойся: мы получим стекло бесплатно, как чаевые за разработку технологии процесса — твой старик не зря просиживает штаны в конторе. А теперь давай-ка за работу. В пятнадцать часов по расписанию дождь.

Недели через три после этого разговора должен был состояться небесный парад. Событие это чрезвычайно редкое — когда Ганимед, Каллисто, Ио и Европа выстраиваются строго по линеечке по одну сторону от Юпитера. Вообще-то раз в каждые семьсот два дня они пытаются это сделать, но безуспешно. Дело в том, что период обращения у них очень разный — от двух дней у Ио до более двух недель у Каллисто, и разрыв во

времени получается неровным. А кроме того, орбиты у них имеют различную эксцентricность и пролегают не совсем в одной плоскости.

Так что, сами понимаете, небесный парад — событие из ряда вон выходящее.

К тому же на сей раз на одной прямой вместе со спутниками окажется и Солнце, а Юпитер будет в полной фазе. Мистер Хукер, главный метеоролог, заявил, что, согласно подсчетам, такое четкое построение повторится не раньше чем через двести тысяч лет. Неудивительно, что все мы с нетерпением ожидали этого зрелища. Ученые, работавшие над проектом «Юпитер», тоже засуетились, готовясь к наблюдению за парадом.

Ведь благодаря тому что построение произойдет во время полной юпитерианской фазы, не только шестое небесное тело — Солнце — окажется в строю, но все это будет видно невооруженным глазом, поскольку тени от Ганимеда и Калисто достигнут центра Юпитера одновременно с Ио и Европой.

Полная фаза у Юпитера наступает в шесть часов утра в субботу; в четыре тридцать мы встали, а в пять уже вышли на улицу. Мы с Джорджем вынесли на носилках Пегги. И успели как раз вовремя.

Стояла безоблачная летняя ночь, ясная и светлая. Над головой, словно воздушный шар, сиял старик Юпитер. Ио робко «поцеловала» его восточный краешек — «первый контакт», как говорят астрономы. Европа уже переползла за восточный край Юпитера, и мне пришлось прищуриться, чтобы ее разглядеть. Когда спутник в форме полумесяца, его движение проследить нетрудно, но округлившись он почти сливается с фоном. Однако Ио с Европой хоть чуточку, но ярче Юпитера, к тому же они нарушают его полосатый узор и таким образом позволяют себя обнаружить.

Уже на фоне Юпитера, но еще в восточной его половине — где-то на полпути к центру — ползли тени Ганимеда и Калисто. Я бы не смог разобрать, какая из них чья, если бы не знал, что тень Ганимеда должна быть восточнее. Выглядели они просто круглыми черными точками. Три тысячи миль — сущая мелочь, ког-

да их наложишь на диск диаметром восемьдесят девять тысяч миль.

Ио была чуть побольше, чем эти точки, Европа же значительно их превосходила — выглядела почти как Луна с Земли.

Мы почувствовали слабый толчок, но не обратили на него внимания — дело привычное. К тому же в этот момент Ио «поцеловала» Европу и начала понемножку скользить за нее (или под нее).

Все они ползли по лицу Юпитера: спутники довольно быстро, тени — медленнее. Примерно через полчаса после того, как мы вышли из дома, две тени встретились и начали сливаться. Ио уже наполовину скрылась за Европой и походила на выпуклый горб у нее на боку. Спутники прошли половину пути до центра, тени были к нему еще ближе.

Около шести Европа (Ио не было видно, Европа полностью заслонила ее) «поцеловалась» с тенью, которая тоже к тому времени округлилась.

Через четыре-пять минут тень заползла на Европу. Все они выровнялись по линеечке — я сознавал, что вижу самое необычайное в своей жизни зрелище: Солнце, Юпитер и четыре его крупнейших спутника выстроились в ряд, как на параде.

У меня вырвался глубокий вздох: не знаю, как долго я простоял, затаив дыхание.

— Во дают! — Вот и все, что я смог сказать.

— В общем я разделяю твои чувства, Билл, — отозвался отец. — Молли, может, отнесем Пегги домой? Боюсь, как бы она не простудилась.

— Давай, — согласилась Молли. — Я, например, уже продрогла.

— А я, пожалуй, пойду спущусь к озеру, — сказал я.

Естественно, ожидался рекордно большой прилив. На озере его не увидишь, слишком оно маленькое, но я предварительно отметил уровень воды и надеялся, что смогу замерить разницу.

— Только не заблудись впотьмах, — крикнул мне вдогонку отец. Я не отреагировал: глупые замечания не требуют ответа.

Я уже пересек шоссе и спустился вниз на четверть мили, когда грянул первый удар.

Меня шибануло прямо в лицо — такого мощного толчка я за всю жизнь не припомню. Бывали в Калифорнии землетрясения, но этому они и в подметки не годились. Я упал ничком и долго лежал, впиваясь ногтями в скалу и пытаюсь удержать ее на месте.

А тошнотворная качка все длилась и длилась, и гул ее сопровождал невыносимый — утробный жуткий рык, сильнее и страшнее грома.

Какой-то камень, скатившись, пнул меня в бок. Я встал на ноги и постарался на них удержаться. Земля все еще ходила ходуном и грохотала. Я опрометью бросился к дому — словно скользя по дрейфующей льдине; дважды падал и вновь подымался...

Передняя стена дома обрушилась. Крыша сползла набекрень под каким-то сумасшедшим углом.

— Джордж! — завопил я. — Молли! Где вы?

Джордж услышал меня и выпрямился. Он стоял по ту сторону дома, я увидел его поверх съехавшей крыши. И бросился к нему с криком:

— Ты в порядке?

— Помоги мне вытащить Молли... — выдохнул он.

Позже я узнал, что Джордж вместе с Молли и Пегги вошел в дом, помог Пегги выбраться из носилок, проводил ее в комнату и вышел, оставив Молли готовить завтрак. Толчок настиг его, когда он возвращался из хлева. Но в тот момент нам некогда было выяснять подробности; мы вдвоем поднимали плиты, каждую из которых укладывали на место четверо скаутов. Джордж кричал не переставая:

— Молли! Молли! Где ты?

Она лежала на полу рядом с каменным верстаком, на который обрушилась крыша. Мы стащили крышу, Джордж забрался на обломок, дотянулся до Молли:

— Молли! Молли, дорогая!

Она открыла глаза.

— Джордж!

— С тобой все в порядке?

— Что случилось?

— Землетрясение. Ты в порядке? Ты не ранена?

Она села, поморщилась, словно от боли, и сказала:

— Мне кажется, я... Джордж! Где Пегги? Пегги?!

Комната Пегги уцелела; сейсмостойкие крепления выдержали удар, несмотря на то что остальная часть дома лежала в руинах. Джордж настоял, чтобы сначала мы вынесли из дома Молли. Затем мы принялись разбивать плиты, загораживавшие вход в комнату Пегги.

Покореженная наружная дверь шлюза вывернулась из петель, скривилась и стояла нараспашку. В шлюзе было темно; свет Юпитера сюда не проникал. Я на ощупь попробовал открыть внутреннюю дверь, но она не поддавалась.

— Не могу открыть, — сказал я отцу. — Посвети мне.

— Наверное, ее удерживает давление воздуха. Крикни Пегги, чтобы забралась в пузырь, мы вырубим давление.

— Мне нужен свет, — повторил я.

— У меня нет фонарика.

— Ты что, не носишь с собой фонарь?

Я-то всегда таскал его с собой; в темную фазу мы вообще не выходили из дома без фонарей. Но я потерял фонарь, когда начало трясти. А где — понятия не имею.

Отец задумался, перелез через обломки и тут же вернулся.

— Нашел на тропинке между домом и хлевом. Выронил, должно быть.

Он посветил на внутреннюю дверь. Мы обсудили положение.

— Выглядит паршиво, — тихо проговорил отец. — Взрывная декомпрессия.

Между верхом двери и дверной рамой зияла щель, в которую свободно можно было просунуть руку; дверь не зажало давлением изнутри, ее просто заклинило.

— Пегги! — крикнул отец. — Пегги, дорогая, ты слышишь меня?

Нет ответа.

— Бери фонарь, Билл. И отойди в сторонку.

Отец попятился назад, а затем с силой ударил в дверь плечом. Она немного подалась, но не открылась. Он ударил еще раз — дверь резко распахнулась и тут же, рванувшись назад, сшибла его с ног. Пока отец поднимался, я посветил фонариком в комнату.

Пегги наполовину свесилась из кровати, словно собиралась встать и упала без чувств. Голова откинута, изо рта на пол стекает струйка крови.

Молли зашла в комнату сразу за нами; они с отцом уложили Пегги в носилки, отец включил давление. Пегги была жива. Она задышалась, кашляла, заливала нас кровью, пока мы пытались ей чем-то помочь. Потом заплакала. Когда ее уложили в пузырь, она затихла и вроде как уснула — а может, снова потеряла сознание.

Молли плакала, но тихо, беззвучно. Отец выпрямился, вытер лицо и сказал:

— Бери за тот конец, Билл. Нужно доставить ее в город.

— Да, — сказал я и взялся за носилки.

Молли освещала нам путь. Мы перебрались через кучу обломков, бывших недавно нашим домом, и на минуту опустили носилки. Я огляделся вокруг.

Посмотрел на Юпитер; на лице его по-прежнему чернели тени, а Ио с Европой еще не достигли западного края диска. Весь этот кошмар длился меньше часа. Но сейчас я думал не об этом: небо выглядело как-то странно. Звезды блестели слишком ярко, и их было слишком много.

— Джордж, — сказал я, — что стряслось с небом?

— Сейчас не время... — начал он и внезапно замолк. Потом прошептал: — Боже правый!

— Что? — спросила Молли. — В чем дело?

— Назад, домой, быстро! Нужно откопать всю одежду, какую сможем. И одеяла!

— Что? Зачем?

— Тепловая ловушка! Она больше не действует — землетрясение, должно быть, повредило энергостанцию.

Мы снова принялись рыться в обломках, пока не нашли свои теплые вещи; это заняло немного времени — мы знали, где искать, главное было сдвинуть плиты. Отец обернул одеялами носилки, превратив их в кокон.

— О'кей, Билл, — сказал он. — А теперь бегом — марш!

И тут мы услышали мычание Мэйбл. Я остановился и посмотрел на отца. Он тоже остановился с выражением мучительной нерешительности на лице.

— Ох, черт!

Впервые на моей памяти отец выругался вслух.

— Мы не можем бросить ее здесь замерзать. Она же член нашей семьи. Пошли, Билл.

Мы снова поставили носилки и побежали к хлеву. Там был сплошной хаос, но по жалобному мычанию мы быстро обнаружили Мэйбл и стащили с нее обвалившуюся крышу. Буренка поднялась на ноги. На вид целехонькая, но, видимо, ушибло ее неслабо. Она посмотрела на нас с возмущением.

Мы с трудом перетащили ее через обломки: отец тянул спереди, я подталкивал сзади. Отец отдал Молли веревку.

— А как же цыплята? — спросил я. — И кролики?

Некоторых из них придавило, остальные разбрелись вокруг развалин. Я почувствовал, как кролик прошмыгнул прямо у меня между ногами.

— Некогда! — отрезал отец. — Мы не можем взять их с собой. Все, что мы могли бы для них сделать, это перерезать им горло. Пошли!

Мы направились к дороге.

Молли возглавляла процессию, таща за собой Мэйбл и освещая путь фонариком. Свет нам был необходим. Ночь, еще пару минут назад чересчур яркая и светлая, вдруг сгустилась непроглядной тьмой. Вскоре Юпитер совсем скрылся из виду, и я перестал различать даже пальцы на собственной вытянутой руке.

Под ногами хлюпало — не дождь, а внезапная роса; заметно похолодало.

Потом хлынул ливень, сильный, ледяной. Его сменил мокрый снег. Молли обернулась.

— Джордж! — позвала она. — Мы уже дошли до поворота к Шульцам?

— Они нам не помогут. Ребенка нужно доставить в больницу.

— Я не об этом. Может, мне сходить предупредить их?

— С ними все в порядке. У них сейсмоустойчивый дом.

— А холод?

— Н-да...

Отец понял, что она имеет в виду, и до меня тоже дошло. Без тепловой ловушки и без электричества каждый дом в колонии превратится в ледяную западню. Что толку от энергоприемника на крыше, если нет энергии? В доме будет становиться холоднее, холоднее и холоднее.

А потом все скует морозная стужа...

— Иди вперед, — вдруг сказал отец. — Дойдем до поворота, там разберемся.

Но разбираться нам не пришлось, поскольку до поворота мы так и не дошли. Метель мела прямо в глаза, и мы его проморгали. Снег стал совсем сухим; его колющие иголки больно впивались в кожу.

Когда мы миновали стену из лавы, откуда новая дорога соединяла шоссе с нашим домом и домами других фермеров, я начал считать про себя шаги. Судя по моим подсчетам, мы прошагали миль пять, и тут Молли внезапно остановилась.

— Что случилось? — крикнул отец.

— Милый, — сказала она. — Я не вижу дороги. Боюсь, я ее потеряла.

Я топнул ногой, и снег мягко ушел вниз — мы стояли на пашне. Отец посветил фонариком на часы.

— Мы одолели миль шесть, — сказал он.

— Пять, — поправил я его. — В лучшем случае, пять с половиной. — И я рассказал, как подсчитывал шаги.

— Мы добрались как раз до того места, где шоссе вплотную примыкает к полям, — сказал отец. — Отсюда должно быть не больше мили, а может, и полумили до перевала через гряду Кнейпера. После перевала дорогу мы не потеряем. Билл, бери фонарь и пройди сотню шагов направо, потом налево. Если не отыщем шоссе, пойдем вперед. И Бога ради, обратно возвращайся по собственным следам, иначе ты нас потеряешь в этом буране.

Я взял фонарь и пошел на разведку. Направо ничего не вышло, хотя вместо сотни шагов я отсчитал полтора-ста. Вернулся, доложил и пошел влево. Отец что-то невнятно буркнул — он возился с носилками.

На двадцать третьем шагу я наткнулся на дорогу. И тут же провалился в снег почти на фут, упал ничком и чуть не посеял фондурь. Кое-как выкарабкался и пошел назад.

— Отлично, — сказал отец. — А ну-ка, сунь сюда шею.

«Сюда» оказалось чем-то вроде хомута, который он смастерил, обвязав одеялами пузырь. Теперь основной вес приходился на плечи, а руками я просто придерживал носилки. Они не были тяжелыми, но руки у нас одеревенели от холода.

— Годится! — сказал я. — Но знаешь, Джордж, пусть Молли берется с той стороны.

— Глупости!

— Нет, не глупости! Молли справится — верно, Молли? А ты знаешь эту дорогу лучше нас: сколько миль отмахал туда-обратно в потемках!

— Билл прав, дорогой, — вмешалась Молли. — Давай держи Мэйбл.

Отец сдался, взял у нее веревку и фонарь. Мэйбл не желала идти дальше; похоже, ей хотелось присесть. Отец пнул ее под зад и дернул за веревку, обмотанную вокруг шеи, оскорбив тем самым Мэйбл до глубины души. К такому обращению она не привыкла, особенно со стороны отца. Но утешать ее было некогда; мороз крепчал с каждой минутой.

Мы двинулись вперед. Как отец умудрился не сбиться с пути — не знаю, но он не сбился. Мы прошагали еще час, оставив позади перевал Кнейпера, и вдруг Молли споткнулась, колени у нее подогнулись — и она осела в сугроб.

Я остановился и тоже присел; мне нужен был отдых. Я просто хотел сидеть не двигаясь, и пусть себе понемногу заносит снегом.

Отец подошел к Молли, обнял ее и велел идти вперед вместе с Мэйбл: на этом участке дороги мы не заплутаем. Молли настаивала, что может нести носилки. Отец молча снял с ее шеи хомут, подошел к пузырю, чуть сдвинул одеяла и посветил фонариком внутрь. И опустил одеяла.

— Как она? — спросила Молли.

— Дышит, — сказал отец. — Открыла глаза, когда почувствовала свет. Пойдем.

Он впрягся в носилки, а Молли взяла фонарь и веревку.

Молли не видела того, что видел я. Прозрачный пластиковый пузырь весь заиндевел изнутри. Отец не мог разглядеть, дышит ли Пегги; он вообще ничего не мог там увидеть.

Я задумался — как относиться к такого рода лжи? Отец не был лжецом, это точно, но мне почему-то казалось, что в тот момент ложь была лучше правды. Сложно все это.

Потом я перестал ломать себе голову. Все силы уходили на то, чтобы переставлять ноги и считать шаги. Ног я уже не чувствовал.

Отец внезапно остановился, и я налетел грудью на край носилок.

— Слышите? — сказал он.

Я прислушался и различил глухой гул.

— Землетрясение?

— Нет. Помолчи... Это впереди на шоссе. С дороги, быстро! Всем вправо!

Гул стал громче, и вскоре сквозь вьюгу я увидел пятно света в той стороне, откуда мы пришли. Отец тоже его заметил, шагнул на шоссе и принялся размахивать фонариком.

Гул замолк в двух шагах от него; это была камнедробилка, доверху набитая людьми, облепившими ее со всех сторон и даже сидевшими верхом на лопате. Шофер закричал:

— Залезайте! И поскорее!

Увидел нашу корову и добавил:

— Но без животных.

— Нам нужна помощь, у меня дочь в носилках! — прокричал отец.

Толпа на машине зашевелилась: шофер велел двум мужикам спуститься и помочь нам. В этой суматохе отец как сквозь землю провалился. Только что Молли держала Мэйбл за веревку — и вдруг ни отца, ни коровы. Мы втащили носилки наверх, мужики подхватили их на плечи. Я не знал, как быть с отцом. Спрыг-

нута и поискать его, что ли? И тут он вынырнул из тьмы и вскарабкался ко мне.

— Где Молли? — спросил он.

— Наверху. А где Мэйбл? Что ты с ней сделал?

— С Мэйбл все в порядке.

Он сложил нож и сунул его в карман. Больше я ни о чем его не спрашивал.

Глава 17

Катастрофа

По пути мы обогнали еще нескольких человек, но шофер не остановился. До города было уже недалеко, и водитель уверял, что они сами доберутся. Аварийный запас энергии подходит к концу, сказал он; машина шла от самого поворота у озера, что в десяти километрах за нашим домом.

А кроме того, им просто некуда было втиснуться. Мы и так стояли друг у друга на головах в три этажа, и отец постоянно предупреждал, чтобы не наваливались на носилки.

Скоро батареи иссякли. Шофер прокричал:

— Вылезайте! Дальше пешочком!

Но мы уже практически были на окраине города и, если бы не буран, без проблем добрались бы до центра. Шофер настоял, что поможет нам тащить носилки. Славный парень — когда я разглядел его при свете, то узнал того самого водителя, который дробил камни на нашем поле.

В конце концов после долгих мытарств мы доволоклись до больницы и отдали Пегги в руки врачей. Ее поместили в палату с земным давлением. Пегги была жива. В плохом состоянии, но жива.

Молли осталась с ней. Я бы тоже с удовольствием остался — в больнице было тепло, у них там свой аварийный энергоблок. Но мне не разрешили.

Отец сказал Молли, что пойдет к главному инженеру. Мне велели топтать на станцию приема иммигрантов. Я так и сделал — и сразу же вспомнил день нашей высадки. Только сейчас было еще хуже и холоднее. Я очутился в том самом помещении, куда попал, впервые ступив на Ганимед.

Зал был забит битком, а люди все прибывали — целый поток беженцев хлынул сюда из окрести. На станции было холодно, но не так зверски, как на улице. Лампы, естественно, не горели; и свет и тепло давала энергостанция. Кое-где мерцали фонарики, так что при желании можно было на ощупь пробраться через толпу. Слышны были стоны и жалобы, хотя и не такие отчаянные, какими обычно раздражаются новоприбывшие эмигранты. Я не обращал на них внимания; я был счастлив, как может быть счастлив полутруп, что над головой крыша, что не обжигает мороз, что кровь начинает возвращаться к ногам.

Так мы просидели тридцать семь часов. Через двадцать четыре часа нам впервые удалось чего-то перекусить.

Как выяснилось, металлические постройки типа приемной станции устояли. Из каменных, судя по рассказам беженцев, выдержали очень немногие. Энергостанция не работала, а значит, перестала действовать и тепловая ловушка. Подробности нам не сообщали, сказали только, что ведутся восстановительные работы.

А пока нас упаковали так плотно, как только могли, и мы обогревали помещение в основном теплом своих тел, сбившись в кучу, словно овцы. Нам сказали, что на станции есть несколько запасных батарей, которые врубаются по очереди каждый раз, когда температура падает ниже нуля. Если и так, то их, очевидно, включали где-то поодаль, потому что там, где я пристроился, температура, по-моему, до нуля даже не поднималась.

Я сидел, обхватив колени и погрузившись в полубредовое забытие. Время от времени пробуждался от очередного кошмара, собирал себя по кусочкам и вставал немного размяться. Потом опять садился на пол и впадал в прострацию.

Смутно помню, что в толпе вроде бы наткнулся на Горлодера Эдвардса, погрозил ему пальцем и заявил, что собираюсь открутить ему башку. Он поглядел на меня пустыми глазами, явно не узнавая. Но я не уверен; возможно, это мне просто приснилось. Мне казалось, что я и Хэнк тоже встретил и мы о чем-то долго говорили, но Хэнк потом сказал, что в глаза меня не видел.

Прошла целая вечность — как минимум неделя, хотя, судя по записям, было всего восемь утра воскресенья, — и нам наконец раздали еле теплый супчик. Вкусно до обалдения! Подкрепившись, я решил сходить проведать Молли и Пегги, но меня не пустили. На дворе было минус семьдесят, и температура продолжала падать.

Где-то около двадцати двух часов зажегся свет, и самое страшное осталось позади.

Вскоре нам раздали настоящую еду, бутерброды и суп, а когда в полночь взошло солнце, объявили, что желающие могут рискнуть выйти наружу. Я подождал по полудня понедельника. Температура к тому времени поднялась до минус двадцати, и я совершил марш-бросок до больницы.

Пегги держалась молодцом, хотя ей приходилось туго. Молли все это время лежала с ней в кровати, согревая ее своим теплом. Больница отапливалась аварийными батареями, но их мощность не была рассчитана на такую катастрофу, которая нас постигла. В палатах стояла почти такая же холодыга, как и на станции. Но Пегги благополучно все проспала. И даже приподняла голову и улыбнулась, здороваясь со мной.

Левая рука у Молли была в лубке и прашевидной повязке. Я спросил, когда это случилось, — и тут же понял, какой я дурак. Конечно же, во время землетря-

сения, просто ни я, ни Джордж об этом не знали. Никто из инженеров пока не объявлялся.

Как же она тащила носилки-то? Хотя она впряглась в них, только когда Джордж приспособил хомут. Да, Молли у нас человек.

Меня выперли из больницы, и я поплелся обратно на станцию. И почти сразу же наткнулся на Сергея. Он окликнул меня, я подошел. В руке у него был лист бумаги и карандаш, а вокруг толпились парни постарше.

— Что за базар? — спросил я.

— Вот тебя-то мне и не хватало, — сказал Сергей. — Я уже не чаял увидеть тебя в живых. Отряд спасателей — записывать?

Конечно, записывать. Отряды формировали отдельно из скаутов старше шестнадцати и из младших. Нас послали на дороги, по одному вездеходу на каждую, и разделили по парам. Когда мы загружались, я заметил в толпе Хэнка Джонса и взял его к себе в напарники.

Тяжкая это была работа. Вся наша амуниция — заступы да списки обитателей ферм. Против некоторых имен стояли пометки: «Жив», но их было мало. Вездеход высаживал одну пару со списком обитателей трех-четырех ферм и катил дальше, чтобы на обратном пути подобрать уцелевших.

Нашей задачей было разрешить сомнения насчет имен без пометок и — теоретически — спасти тех, кто выжил.

Таких мы не нашли.

Кому повезло, те погибли при землетрясении; кому повезло меньше, слишком долго прождали, прежде чем двинуться в город. Некоторых мы нашли на дороге. Они сделали попытку, но опоздали. Хуже всего было в домах, которые не рухнули и обитатели которых надеялись переждать беду. Мы с Хэнком нашли одну пару, сидевшую в обнимку. Они были твердые как камень.

Погибших мы пытались опознать по списку, а затем зарывали на несколько футов в снег, чтобы во время оттепели они не оказались сразу под открытым небом. После чего начинали рыскать вокруг дома, подбирали замерзшую скотину и тащили к шоссе, чтобы вездеход забрал туши и отвез в городскую морозилку. Мародер-

ствовать на погибших фермах — занятие мерзкое, но, как заметил Хэнк, кушать-то надо, а вскоре нам придется-таки затянуть пояса.

Сначала он меня раздражал своим весельем. Но потом я понял, что он прав: лучше уж смеяться. Несчастье было таким огромным, что, если позволить себе его осознать, можно просто спятить.

Мне, конечно, следовало сообразить, что к чему, когда мы подошли к дому Хэнка.

— Пошли дальше, — сказал он и посмотрел в список.

— Может, поищем какую-нибудь живность?

— Нет. Не стоит терять время. Пошли к Миллерам.

— Им удалось выбраться?

— Не знаю. В городе я их не видел.

Выбраться Миллерам не удалось. Мы едва успели зарыть их в сугроб, как подошел вездеход и забрал нас. Только через неделю я узнал, что родители Хэнка погибли при землетрясении. Он вытащил их, уложил в ледяной погреб и лишь тогда отправился в город.

Хэнка, как и меня, удар застиг на улице: он все еще любовался небесным парадом. То, что землетрясение произошло именно во время парада, спасло жизнь многим людям, которые иначе погибли бы прямо у себя в постели. Но с другой стороны, говорят, что именно парад и послужил причиной несчастья — вызвал необычайный всплеск приливной энергии и тем самым спровоцировал землетрясение. Так что получается то на то. Конечно, сам по себе парад землетрясение вызвать не мог, оно назревало в недрах планеты с тех пор, как начали осуществлять атмосферный проект. Гравитация, как и бухгалтерский учет, должна быть сбалансирована.

До катастрофы колония насчитывала тридцать семь тысяч жителей. Когда мы закончили проверку, оказалось, что выжило меньше тринадцати тысяч. И вдобавок был потерян весь урожай и вся или почти вся домашняя живность. Хэнк был прав — пояса придется затянуть.

Нас высадили на приемной станции и тут же стали загружать вторую партию спасателей. Я отыскал свободный уголок и решил немного вздремнуть.

И почти уже заснул, когда кто-то потряс меня за плечо. Это оказался отец.

— Ты в порядке, Билл? — спросил он.

Я протер глаза.

— Я о'кей. Ты видел Молли и Пегги?

— Только что от них. Меня отпустили с работы на пару часов. Билл, ты кого-нибудь из Шульцев встречал?

Сон у меня как рукой сняло.

— Нет. А ты?

— И я нет.

Я рассказал ему, чем занимался сегодня. Отец кивнул:

— Поспи, Билл. Я пойду взгляну на списки.

Но уснуть я уже не мог. Отец вскоре вернулся и сообщил, что ему ничего не удалось разузнать.

— Тревожно мне, Билл.

— И мне.

— Нужно сходить проверить.

— Пошли.

Отец помотал головой:

— Вдвоем туда идти ни к чему. Лучше поспи.

Но я все равно увязался за ним.

Нам повезло: отряд спасателей как раз собирался в дорогу, и мы присоединились к ним. Маршрут пролегал через нашу ферму и ферму Шульцев. Отец сказал водителю, что мы обследуем обе фермы и, вернувшись в город, доложим о результатах. Шофер не возражал.

Нас выбросили на повороте, и мы побрели к дому Шульцев. Вот когда мне стало по-настоящему страшно. Одно дело — зарывать в снег незнакомых людей, и совсем другое — вообразить, как находишь Маму Шульц или Гретхен с заиндевелыми синими лицами.

Папу Шульца я даже в мыслях не мог себе представить мертвым; такие люди, как он, не умирают — они живут вечно. По крайней мере, у меня такое ощущение.

И все же я оказался неподготовленным к тому, что мы увидели.

Мы обогнули небольшой пригорок, мешавший разглядеть с дороги ферму Шульцев. Джордж остановился и сказал:

— Дом, во всяком случае, уцелел. Выдержали крепления.

Я посмотрел на дом и остоленел. А потом завопил:

— Джордж! Деревя-то нету!

Дом стоял на месте, но яблони — «самого прекрасного дерева на Ганимеде» — не было. Просто не было. Я рванул вперед.

Мы почти уже добежали до дома, когда навстречу нам открылась дверь. В дверях стоял Папа Шульц.

Они все были живы, все до единого. Правда, от яблони осталась лишь зола в камине. Папа срубил ее, как только отключилось электричество и стала падать температура. И помаленьку, по веточке, подбрасывал в огонь.

Рассказывая нам об этом, Папа показал на почерневший камин:

— Все надо мной насмеялись: Иоганнова, мол, блажь! Думаю, теперь никто не назовет старину Джонни Яблочное Семечко дураком, а?

Он захохотал и хлопнул отца по плечу.

— Но ваше дерево... — тупо проговорил я.

— Я посажу другое, посажу много деревьев. — Он вдруг посерьезнел. — А твои яблоньки, Уильям, твои маленькие храбрые саженцы — они погибли, да?

Я признался, что еще не видел их. Он скорбно кивнул.

— Они замерзли. Хьюго!

— Да, папа!

— Принеси мне яблоко.

Хьюго принес. Папа протянул яблоко мне.

— Ты посадишь новые.

Я кивнул и сунул яблоко в карман.

Шульцы обрадовались, услышав, что мы все живы, хотя Мама запричитала, узнав о сломанной руке Молли. Как только начался буран, Йо пробился к нашей ферме, обнаружил, что мы ушли, и вернулся, обморожив в награду за труды оба уха. Сейчас он отправился разыскивать нас в город.

Шульцы не только сами не пострадали — они спасли всю свою живность. Коровы, свиньи, цыплята, люди — все сгрудилось в кучу и обогревалось возле камина теплом от горевшей яблони.

Когда заработала энергостанция, животных загнали обратно в хлев, но в комнате остались следы от их пребывания, и запах тоже. Мне кажется, Маму больше беспокоил беспорядок в ее обычно безупречной столовой, чем катастрофа как таковая. Похоже, она не осознавала, что большинство ее соседей погибли. До нее это просто не доходило.

Отец отверг предложение Папы Шульца пойти вместе с нами на нашу ферму. Тогда Папа заявил, что мы встретимся на вездеходе, поскольку он собирается поехать в город и предложить свою помощь. Мы выпили по кружке крепкого Мамино чаю с хлебом и распрощались.

По пути к ферме я все думал о Шульцах и о том, как хорошо, что все они остались живы. Я сказал отцу, что это настоящее чудо.

— Никакого чуда, — покачал головой отец. — Они из породы выживающих.

— Что это за порода такая?

Он долго молчал, потом ответил:

— Выживающие — это те, кто выживает. Думаю, более точного определения не подберешь.

— В таком случае мы тоже из породы выживающих.

— Возможно. По крайней мере, это несчастье нам удалось пережить.

Когда мы покидали ферму, дом лежал в руинах. За это время я повидал немало развалин, но сердце все равно екнуло при виде обломков нашего дома. Меня не покидало ощущение, что я вот-вот проснусь в теплой уютной постели и все это окажется дурным сном.

Поля остались на месте — то есть то, что от них осталось. Я ковырнул снег на борозде, где уже начинали проклевываться всходы. Они, разумеется, померзли; почва заледенела. Я был уверен, что земляные черви тоже погибли: их ведь никто не предупредил, что надо зарыться в землю глубже.

Мои малютки-саженцы замерзли на корню.

Мы нашли двух окаменевших кроликов, прижавшихся друг к другу под обломками бывшего хлева.

Цыплят нигде не было видно, но я обнаружил старую несушку, самую первую нашу курочку. Она высидела яйца. Гнездо не пострадало, его прикрыло куском обвалившейся крыши. Так она и сидела, не сдвинувшись с места, на замороженных яйцах. Это меня добило.

Отец обшарил дом и подошел к хлеву.

— Ну что, Билл?

Я встал.

— Все, Джордж. Крышка.

— Тогда собирайся, пора в город. Скоро придет вездеход.

— Но ферме действительно крышка!

— Я знаю.

Я заглянул в комнату Пегги, но отец уже пошуровал там как следует; оставил только мой аккордеон. Сверху он был припорошен снегом, налетевшим через взломанную дверь. Я стряхнул снежинки и поднял инструмент.

— Оставь его, — сказал отец. — Тут с ним ничего не случится, а в городе тебе некуда будет его пристроить.

— Я не собираюсь сюда возвращаться.

— Что ж, воля твоя.

Мы связали шмутки в узел и оттащили к шоссе вместе с аккордеоном, двумя кроликами и несушкой. Вскоре показался вездеход, мы забрались в машину, и отец бросил тушки кроликов и курицу в кучу замерзшей живности, собранной отрядом. За поворотом нас уже поджидал Папа Шульц.

Мы с отцом выглядывали на дорогу, пытаюсь высмотреть Мэйбл, но тщетно. Возможно, ее подобрал какой-нибудь другой отряд, благо до города было недалеко. Я вздохнул с облегчением. Конечно, пусть ее съедят, но меня увольте, я не каннибал.

Мне дали чуток соснуть, перекусить и вновь отправили в спасательную экспедицию. Колония понемногу приходила в себя. Те, чьи постройки уцелели, разбрелись по домам, прочие остались на приемной станции — примерно столько же человек, сколько прилетело на «Мейфлауэре». Кормежка, естественно, была нормиро-

ванная — впервые со дня основания колонии на Ганимеде ввели пайки.

Правда, пока мы не голодали. Выживших было не так уж много, запасов еды хватало на всех. По-настоящему затянуть пояса нам придется позже. Было принято решение свернуть три зимних месяца и начать весну по новой — это перепутало весь календарь, зато дало колонистам возможность как можно скорее собрать новый урожай и возместить потери.

Отец по-прежнему работал в инженерной конторе. Они планировали построить на экваторе еще две энергостанции, способные по отдельности поддерживать парниковый эффект, чтобы не допустить повторения подобных катастроф. Разумеется, оборудование должны были поставить с Земли, но хоть в чем-то нам повезло: Марс оказался в нужной точке орбиты для связи. На Землю немедленно отправили сообщение, и вместо очередной партии колонистов следующим рейсом нам пообещали доставить все необходимое.

Впрочем, меня это не волновало. Я остался в городе, хотя Шульцы приглашали пожить пока с ними. Зарабатывал себе на жизнь, помогая восстанавливать и укреплять дома. Мы решили, что первым же рейсом отчалим на Землю — Джордж, Молли, Пегги и я, — если, конечно, на корабле будут места. Решение приняли единогласно, разве что у Пегги никто не спрашивал. Другого выхода просто не было.

Мы не единственные собирались на Землю. Колониальный комитет сначала раскудахтался, но в связи с чрезвычайными обстоятельствами быстро поднял лапки кверху и начал составлять списки пассажиров. Мы с отцом тоже пошли в агентство комитета вручить свои заявления, причем чуть ли не последними из желающих: отец по делам выезжал из города, а без него мне идти не хотелось.

На запертой двери агентства болталась записка: «Вернись через полчаса». Мы решили подождать. На улице на доске объявлений были вывешены списки будущих

репатриантов. Чтобы убить время, я принялся их разглядывать, и отец тоже.

Я наткнулся на фамилию «Сондерс», показал отцу.

— Невелика потеря, — пробурчал он.

Горлодер Эдвардс тоже оказался в списке; может, я и впрямь видел его на приемной станции, хотя больше он мне на глаза не попадался. Я подумал, что у меня появится шанс поймать его в темном углу на корабле и вернуть полученные плюхи, но подумал как-то вяло, без воодушевления. И стал просматривать списки дальше.

Пытался найти там Хэнка Джонса, но не нашел. Начал читать сначала, более внимательно, отмечая каждую знакомую фамилию. И стала вырисовываться любопытная закономерность.

В это время вернулся агент и отпер дверь. Отец тронул меня за руку:

— Пошли, Билл.

— погоди минутку, Джордж, — сказал я. — Ты прочел весь список?

— Да.

— Я вот чего подумал, Джордж: мне как-то неохота оказаться в одной компании с этими болванами.

Отец пожевал губу.

— Я тебя прекрасно понимаю.

Я очертя голову бросился в омут:

— Джордж, поступай как знаешь, но я на Землю не вернусь, пока мы тут не залижем раны.

Вид у отца сделался совершенно несчастный. Он постоял, помолчал и наконец произнес:

— Мне нужно отвезти обратно Пегги, Билл. Без нас с Молли она не уедет. А уехать ей необходимо.

— Я знаю.

— Билл, ты понимаешь меня?

— Понимаю, отец.

Он пошел в агентство вручать заявления, насвистывая на ходу мотив, который частенько насвистывал после смерти Анны. По-моему, сам он этого не замечал.

На следующий день я перебрался на ферму. Не к Шульцам — к себе. Спал в комнате Пегги, понемногу разбирал завалы и готовился к посеву выделенных мне из аварийных запасов семян.

А потом, за две недели до старта «Крытого фургона», Пегги умерла, и у нас не осталось никаких причин спешить на Землю.

Йо Шульц был в городе, и отец попросил его зайти ко мне. Йо пришел, разбудил меня и все рассказал. Я поблагодарил его.

Он спросил: может, я пойду с ним к Шульцам? Я сказал: нет, спасибо, я хочу побыть один. Он пообещал наведаться завтра и ушел.

Я лег на кровать Пегги.

Она умерла, и я уже ничего не мог с этим поделать. Она умерла, и исключительно по моей вине... Если бы я не поощрял ее упрямство, родители увезли бы ее гораздо раньше, они бы успели. Она вернулась бы на Землю, ходила бы в школу, росла бы здоровенькой и счастливой — там, в Калифорнии, а не в этом проклятом Богом месте, где она не смогла жить, где людям вообще жить не положено.

Я закусил подушку и заревел во весь голос. «Анна, Анна! — кричал я. — Позаботься о ней, Анна! Она такая маленькая, она еще ничего не умеет!»

Я перестал реветь и прислушался в смутной надежде, что Анна ответит и даст мне обещание. Ни звука... сначала... а потом до меня донеслось знакомое: «Расти большой, Билли». Еле слышный, далекий голос: «Расти большой, сынок».

Я встал, умыл лицо и начал собираться в город.

Глава 18

Отряд первопроходцев

Мы жили все вместе в комнате Пегги, пока не засеяли поле, а затем стали восстанавливать дом. Укрепили его, сделали два больших окна с видом на озеро и на горы. В комнате Пегги тоже прорубили окно, что изменило ее до неузнаваемости.

Теперь мы пристраивали еще одну комнату — похоже, скоро она нам понадобится. Во всех помещениях были окна, а в гостиной — камин.

Мы с отцом трудились не покладая рук уже второй сезон после землетрясения. Зерна нам выделили в избытке, и мы засеяли пустующее поле на ферме через дорогу. Вскоре туда вселились новые жильцы, Эллисы, и заплатили нам. Правда, не наличными, а переводом, но наш долг комитету немного уменьшился.

Через два ганимедских года после небесного парада вам даже в голову бы не пришло, что здесь была такая катастрофа. В колонии не осталось ни одного разрушенного дома, население возросло до сорока пяти тысяч, город деловито гудел. Хлынул такой приток иммигрантов, что комитет начал принимать у нас выплаты задолженности даже продуктами.

Что до нашего семейства, то мы справлялись неплохо. Завели себе улей с пчелами. Кроме Мэйбл номер два у нас появились Марджи и Мэйми, и раз в день я выносил на шоссе к вездеходу молоко для продажи в городе. Я запрягал Марджи с Мэйми в плуг — мы раздробили камни еще на пяти акрах — и подумывал о лошадке.

Некоторые фермеры уже обзавелись лошадьми, в том числе и Шульцы. Совет долго мурыжил этот вопрос, прежде чем дал добро на «вторжение». Многие считали, что лучше пользоваться тракторами. Но оборудования, чтобы их производить, в колонии не хватало, а политика проводилась такая, что планета должна сама себя обеспечивать. В результате победили «лошадники». Лошади умеют воспроизводиться, а трактора этому фокусу пока не обучены.

А кроме того, бифштекс из конины — вкусная штука, хотя, скажи мне кто-нибудь об этом, когда я был сухопутной крысой в Сан-Диего, я наверняка крутанул бы носом.

Как выяснилось, новую комнату мы пристраивали не зря. Двойняшки — и оба пацаны. Сначала такие страшненькие были — смотреть тошно, но потихоньку-полегоньку стали выравниваться. Я купил им в подарок колыбель местного производства, изготовленную из стекловолокна, спрессованного с синтетической резиной. Ассортимент ганимедских бытовых товаров рос не по дням, а по часам.

Я пообещал Молли, что, когда карапузы подрастут, дам им рекомендацию в «волчата». На собраниях я теперь появлялся чаще, чем прежде, поскольку снова стал командиром отделения — отделения Даниэля Буна, в основном состоявшего из новичков. Хотя экзамены на «орла» так и не сдал — руки не доходили. Как-то раз мне даже назначили дату, но в этот день разродилась наша хрюшка, и я не смог отлучиться в город. Правда, я не оставил надежды, что сумею выбрать время для сдачи экзаменов. Хотелось снова стать «орлом», хотя сами по себе эмблемы меня уже не волновали: видно, перерос я это дело.

Вам может показаться, что выжившие вообще забыли о тех, кто погиб во время катастрофы. Но это не так.

Просто мы вкалывали без продыха, и голова постоянно была чем-то забита. Да и потом мы не первая колония, в которой погибло две трети колонистов, и не последняя. Факт прискорбный, но нельзя позволять, чтобы скорбь превратилась в самооплакивание. Так говорит Джордж.

Джордж до сих пор не простился с мыслью отправить меня на Землю закончить учебу, и я сам понемногу стал проникаться этой идеей, ощутив недостаточность своих познаний. Идея мало-помалу даже начала казаться мне привлекательной. Это ведь совсем не то, что сбежать с поджатым хвостом сразу после землетрясения. Я теперь собственник и сам смогу оплачивать учебу. Плата была внушительной — пять акров — и практически пожирала всю мою долю фермы, дополнительным бременем ложась на плечи Джорджа и Молли. Но оба они были «за».

А кроме того, на Земле у Джорджа остался замороженный капитал, на который я смогу существовать во время учения. На другие нужды его потратить вообще невозможно — комитет принимал в качестве платы за импорт только освоенные земельные участки. Была даже вероятность — если ганимедскому совету удастся выиграть тяжбу, — что из счета Джорджа можно будет заплатить и за саму учебу, не отдавая комитету ни пяди окультуренной земли. В любом случае попробовать стоило, не пропадать же деньгам зря.

Мы почти уже решили, что я полечу на «Ньюарке», когда услышали о новом мероприятии — разведывательных экспедициях.

Одной Леды Ганимеду явно не хватало. Он нуждался в поселениях — это было ясно уже в тот момент, когда мы высадились на планету. Комитет планировал основать еще два порта вблизи от новых энергостанций, чтобы на Ганимеде было три городских центра. На колонистов возложили задачу построить эти города — возвести приемные станции, гидропонные ангары, больницы. Комитет расплатится с ними импортом, а затем сюда хлынет поток иммигрантов: комитету страсть как

не терпелось, поскольку в его распоряжении было уже достаточно кораблей, чтобы перевозить пассажиров косяками.

Старикан «Джиттербаг» должен был доставить отряды первопроходцев к местам будущих поселений для картирования местности. Хэнк с Сергеем были зачислены в экспедицию.

Мне дико хотелось поехать с ними, ну просто внутри все зудело. Я ни разу не удалялся от Леды дальше чем на пятьдесят миль. Вот вернусь я на Землю, спросят меня: как там на Ганимеде? А мне и сказать-то нечего.

Как-то раз был у меня шанс отправиться в качестве временного рабочего в составе команды проекта «Юпитер» на спутник Барнарда, но ничего не вышло. Из-за близнецов. Пришлось остаться на ферме.

Я потолковал с отцом.

— Мне очень не нравится, что ты опять откладываешь отъезд, — сказал он серьезно.

Я возразил — ведь это всего на два месяца.

— Хм-м... — протянул он. — А экзамены на «орла» ты сдал?

Можно подумать, он не знает! Я сменил тему: дескать, Сергей с Хэнком тоже собираются в поход.

— Но оба они старше тебя, — заметил отец.

— Ненамного.

— Но по возрасту они имеют право быть в отряде, а ты — нет.

— Слушай, Джордж, — сказал я, — правила существуют для того, чтобы их нарушали. Это твои собственные слова. Наверняка можно найти какую-нибудь лазейку — пусть возьмут меня поваром, например.

Так я и отправился в экспедицию — поваром.

Готовить я всегда умел неплохо — не так классно, как Мама Шульц, но вполне прилично. В этом смысле отряду жаловаться не придется.

Капитан Хэтти выбросила нас на условленном месте, девятью градусами севернее экватора на сто тринадцатью градусе западной долготы — то есть по ту

сторону от Юпитера и примерно за тридцать одну сотню миль от Леды. Мистер Хукер утверждает, что средняя температура на Ганимеде за ближайшее столетие по мере таяния ледников повысится на девять градусов и тогда Леда окажется в субтропической зоне, а широкий пояс от экватора до полпути к полюсам станет пригодным для обитания. Пока же колония будет располагаться только вблизи экватора.

Что ни говори, а с пилотом нам не повезло: все-таки капитанша Хэтти — совершенно несносная баба. Воображает, будто пилоты — какая-то раса суперменов. Во всяком случае, ведет себя именно так. Совсем недавно комитет настоял, чтобы Хэтти взяла второго пилота, поскольку управлять кораблем в одиночку почти невозможно. Ей пытались навязать также и сменщика — потихоньку готовя замену капитанше, — но Хэтти оказалась крепким орешком. Она пригрозила, что поднимет свой «Джиттербаг» в небо и грохнет его оземь... У комитета не хватило духа проверить, блефует капитанша или нет. Не посмели рискнуть кораблем, слишком многое от него зависело.

Вообще-то задачей «Джиттербага» была перевозка пассажиров между Ледой и станцией проекта «Юпитер» на спутнике Барнарда — но это раньше, когда земные звездолеты садились непосредственно в Леде. А затем появился «Мейфлауэр», и «Джиттербаг» превратился в паром. Разговоры о том, что нужна еще одна челночная ракета, так и оставались пока разговорами. Поэтому капитан Хэтти запросто могла нагнать на комитет страху жуткими видениями беспомощно вращающихся вокруг планеты груженных кораблей, так же не способных приземлиться, как котенок, забравшийся на дерево.

Впрочем, надо отдать Хэтти должное — с кораблем она управлялась виртуозно. Такое впечатление, будто нервные окончания у нее срослись с кораблем. В ясную погоду она даже позволяла себе сделать мягкую посадку, планируя в воздухе, несмотря на разреженность нашей атмосферы. Но по-моему, куда больше удовольствия капитанша получала, как следует встряхнув своих пассажиров перегрузками.

Командиром партии первопроходцев был назначен Поль дю Морье, новый помощник руководителя скаутского отряда «Пришельцев», который и взял меня поваром. Он был моложе многих своих подчиненных, но бдительно следил за порядком, вплоть до того, на каком боку мы засыпаем.

В тот понедельник Поль разбудил меня во второй половине дня, и я по-быстрому собрал легкий завтрак. А потом раздухарился и решил устроить настоящую пирушку. Все уже проснулись, отдохнули, и на боковую никто больше не собирался. Ну и накормил я их до отвала.

После чего мы расслабились и несколько часов подряд чесали языками. Я вытащил аккордеон — взял его в поход по требованию народа, то есть по настоянию Поля — и сыграл пару вещей. А потом снова завязался общий треп.

Спорили о том, где впервые зародилась жизнь. Джок Монтэгу, химик, вспомнил старую теорию, что раньше Солнце светило куда ярче.

— Помяните мое слово, — сказал он, — когда мы вышлем экспедицию на Плутон, она обнаружит там следы прежней жизни. Жизнь так же вездесуща, как масса и энергия.

— Чепуха, — очень вежливо ответил мистер Вилла. — Плутон и планета-то не настоящая. Когда-то он был спутником Нептуна.

— Ну, значит, на Нептуне, — не сдавался Джок. — Жизнь существует во всей Вселенной. Вот попомните мои слова: когда проект «Юпитер» развернется по-настоящему, они найдут жизнь даже на Юпитере.

— На Юпитере? — взорвался мистер Вилла. — Джок, я тебя умоляю! Метан, аммиак и холод, словно мачехин поцелуй. Ты, должно быть, шутишь. Да на поверхности Юпитера даже света нет, там же тьма кромешная!

— Я сказал и еще раз повторю, — не унимался Монтэгу. — Жизнь вездесуща. Где есть масса и энергия плюс условия, позволяющие образоваться большой устойчивой молекуле, там обязательно возникнет жизнь. Посмотрите на Марс. Или на Венеру. Или на Землю,

самую опасную из всех планет. Или на пояс астероидов — бывшую планету.

— Что ты об этом думаешь, Поль? — спросил я.

— А ничего не думаю. Данных маловато, — мягко улыбнулся командир.

— Вот! — сказал мистер Вилла. — Вот слова мудрого человека. Скажи нам, Джок, с какой стати ты возомнил, что можешь судить о таких вещах?

— Да, я не специалист, и в этом мое преимущество, — важно проговорил Джок. — В философском споре факты только мешают.

Затем тему сменили. Главный агроном, мистер Сеймур, сказал:

— Меня не так уж беспокоит, откуда происходит жизнь. Меня больше волнует, как она будет развиваться здесь.

— И как же? — заинтересовался я.

— Что мы собираемся сделать из этой планеты? Мы можем превратить ее во что захотим. На Марсе и Венере была своя культура. Мы не имели права сильно менять эти планеты и заселять их целиком не будем. А спутники Юпитера — дело другое; тут все в нашей власти. Говорят, человеческая приспособляемость не имеет границ. Я бы сказал — наоборот: человек не столько адаптируется сам, сколько адаптирует к себе окружающую среду. Здесь мы, безусловно, именно этим и занимаемся. Но как?

— Мне всегда казалось, что все задумано неплохо, — отозвался я. — Мы положим начало новым центрам, потом сюда придут люди и обживут эти места, как Леду.

— Да, но до каких пределов? Сейчас регулярные рейсы совершают три корабля. В недалеком будущем каждые три недели к нам будет прилетать по кораблю, затем каждую неделю, затем каждый день. Если мы не проявим бдительности, здесь, как и на Земле, придется вводить нормированные рационы. Билл, ты знаешь, с какой скоростью растет на Земле население?

Я признался, что не имею понятия.

— Каждый день рождается на сто тысяч человек больше по сравнению с предыдущим. Подсчитай-ка.

Я прикинул.

— Получается... э-э... что-то около пятнадцати-двадцати кораблей в сутки. И все же я думаю, что они сумеют их построить.

— Да, но куда мы денем этих людей? Ежедневно здесь будет высаживаться вдвое больше народу, чем сейчас живет на планете. И не только по понедельникам — по вторникам, средам, четвергам, и так целую неделю, месяц, год, чтобы стабилизировать численность населения Земли. Говорю тебе, из этого ничего не выйдет. Придет день, когда мы вынуждены будем полностью прекратить иммиграцию. — Он воинственно огляделся по сторонам, готовый опровергнуть любые возражения, которые не заставили себя ждать.

— Ох, Сеймур, не выступай! — раздался чей-то голос. — По-твоему, этот мир принадлежит тебе только потому, что ты прилетел раньше других? Ты просто просочился сюда, пока не было строгих ограничений.

— С математикой не поспоришь, — не сдавался Сеймур. — Надо как можно быстрее добиться того, чтобы Ганимед перешел на самообеспечение — и хлопнуть за собою дверь!

— Это не понадобится, — покачал головою Поль.

— То есть? — изумился Сеймур. — Как это? Объясни мне. Ты же представитель комитета: какой хитрый ответ спрятан у него в записке?

— Никакого, — сказал Поль. — И подсчеты твои верны, только выводы неправильны. Ганимед и вправду должен себя обеспечивать, но страшную картину с дюжиной пассажирских кораблей в день ты можешь забыть.

— Почему, позвольте спросить?

Поль оглядел всех нас и сконфуженно улыбнулся:

— Вы в состоянии выдержать небольшую лекцию о динамике роста населения? Боюсь, у меня нет такого преимущества, как у Джока: в этом вопросе я более или менее специалист.

— Валяй, — отозвался кто-то. — Просвети его.

— О'кей, — согласился Поль. — Вы сами напросились. Как правило, люди считают, что колонизацию затеяли для того, чтобы избавить Землю от перенаселения и угрозы голода. Более далекого от действительности представления и придумать нельзя

— Чего? — сказал я.

— Минуту терпения. Маленькая планета физически не в состоянии поглотить прирост населения большой планеты, как верно заметил Сеймур. Но существует еще одна причина, почему нам не грозит приток иммигрантов по сотне тысяч в день. Психологическая причина. Число людей, желающих эмигрировать (даже если прекратить отбор), никогда не сравняется с количеством новорожденных. В большинстве своем люди просто не хотят уезжать из дома. Они не любят трогаться с обжитых мест, и уж тем более в такую даль.

— Тут я с тобой согласен, — кивнул мистер Вилла. — Человек, желающий эмигрировать, — это странное животное. Редкой породы.

— Верно, — сказал Поль. — Но давайте предположим на минуту, что каждый день будет набираться сто тысяч желающих и Ганимед вместе с другими планетами сможет их принять. Облегчит это положение там, дома? Я имею в виду, на Земле? Ответ: нет, не облегчит.

Было похоже, что лекция окончена. Я не выдержал:

— Прости за тупость, Поль, но почему не облегчит?

— Билл, ты изучал хоть немного бионию?

— Немного.

— Математическую бионию населения?

— Э-э... нет.

— Но тебе наверняка известно, что после самых опустошительных войн, какие бывали на Земле, численность населения всегда возрастала по сравнению с довоенной, сколько бы народу ни погибло. Жизнь не просто вездесуща, как сказал Джок; жизнь эксплозивна. Основной закон математической бионии, из которого не было обнаружено ни единого исключения, гласит, что население растет всегда — и отнюдь не в соответствии с запасами продовольствия. Оно растет до тех пор, пока еды хватает, чтобы хоть как-то поддерживать жизнь, то есть до грани голодания. Иными словами, если мы будем откачивать по сотне тысяч человек ежедневно, прирост населения на Земле увеличится до двух сотен тысяч в день, чтобы достичь бионического максимума, соответствующего новой экологической динамике.

На мгновение воцарилась тишина; мы просто не знали, что сказать. Наконец Сергей пришел в себя:

— Мрачную картинку ты нарисовал, командир. И каков же ответ?

— А его не существует.

— Я не так выразился. Я хочу сказать: есть ли какой-нибудь выход?

Поль произнес всего одно слово из двух слогов — так тихо, что мы не расслышали бы его, если бы не мертвая тишина. Он сказал:

— Война.

Народ в палатке зашевелился, загудел: идея казалась невысказанной.

— Мистер дю Морье, послушайте, — прорезался Сеймур. — Я, может, и пессимист, но не такой. Войны в наше время быть не может.

— Вот как? — сказал Поль.

Сеймур запальчиво продолжил:

— Вы полагаете, что нас прижмет космический патруль? Потому что это единственный способ развязать войну!

Поль покачал головой:

— Патруль нас не прижмет. Но войну он тоже не остановит. Силами полиции можно подавить отдельные возмущения, такие вещи они с успехом пресекают в зародыше. Но если восстанет целая планета, у полиции не хватит ни сил, ни числа, ни умения. Они попытаются — и сделают это без страха. Но у них ничего не выйдет.

— Вы действительно верите в это?

— Я в этом убежден. И не я один — в этом убежден комитет. Не политический совет, конечно, а ученые-профессионалы.

— Тогда чем, черт побери, занимается комитет?

— Основывает колонии. Мы считаем, что это дело само по себе стоящее. Война не обязательно затронет колонии. Я, по крайней мере, так думаю. Вспомните Америку конца девятнадцатого века — европейские дразги ее не коснулись. Война, скорее всего, будет

настолько разрушительной, что межпланетные полеты надолго прекратятся. Потому-то я и считаю, что эта планета должна перейти на самообеспечение. Для межпланетных путешествий необходима высокая техническая культура, а на Земле она в недалеком будущем может быть разрушена.

Мне кажется, идеи Поля ошеломили нас всех; меня-то уж точно. Сеймур уставил на Поля обвиняющий перст:

— Если ты в это веришь, почему ты собираешься назад на Землю? Скажи мне!

— А я и не собираюсь, — тихо ответил Поля. — Я останусь здесь. Буду фермером.

И вдруг меня осенило, зачем он начал отпускать бороду.

— Значит, ты думаешь, что скоро будет война, — сказал Сеймур. Это прозвучало как утверждение, а не вопрос.

— Этого я не говорил, — замялся Поля. — Ладно, скажу вам прямо: война начнется не раньше чем через сорок земных лет и не позже чем через семьдесят.

Послышался общий вздох облегчения. Сеймур продолжил свое выступление от лица всех присутствующих.

— От сорока до семидесяти, говоришь? Но тогда какой смысл тебе оставаться здесь? Ты, может, до нее и не доживешь. Хотя я, конечно, совсем не против такого соседа.

— Я предвижу войну, — с нажимом сказал Поля. — Я знаю, что она будет. И не хочу, чтобы ее хлебнули мои будущие дети и внуки. Мой дом здесь. Если я женюсь, то только здесь. Какой смысл растить детей, если знаешь, что они обратятся в радиоактивную пыль?

Кажется, именно в этот момент в палатку просунул голову Хэнк, потому что я не помню, чтобы кто-то ответил Полю. Хэнк выходил по своим делам, а теперь вернулся и заорал:

— Эй, жентельмены! Европа взошла!

Мы все повалили из палатки. Отчасти из-за смущения, наверное; Поля слишком уж разоткровенничался.

А впрочем, мы пошли бы в любом случае. Дома, конечно, Европу каждый день видно, но не так, как отсюда.

Поскольку Европа ближе к Юпитеру, чем Ганимед, она никогда не удаляется от хозяина, если, конечно, считать, что тридцать девять градусов — это «недалеко». А так как мы находились на сто тринадцатом градусе западной долготы, то Юпитер был двадцатью тремя градусами ниже нашего восточного горизонта, и, следовательно, Европа в крайней точке удаления от Юпитера должна была подняться над горизонтом на шестнадцать градусов.

Прошу прощения за арифметику. Так вот, если учесть еще, что на востоке громоздилась высокая горная гряда, все это вместе взятое означало, что раз в неделю Европа высывалась из-за гор и висела над нами целый день, а затем садилась на востоке в том же самом месте, откуда появлялась. Вверх-вниз, как на лифте.

И если вы никуда не отлучались с Земли, не говорили мне, что так не бывает. Так есть — Юпитер со спутниками откалывают и не такие фокусы.

За время нашего похода Европа взошла впервые, и мы во все глаза смотрели на серебряную лодочку с рожками, обращенными кверху, которая качалась на верхушках гор, как на волнах. Завязался спор. Кто-то утверждал, что она поднимается, кто-то, наоборот, что заходит. Все обменивались впечатлениями. Кое-кто уверял, что засек движение спутника, но насчет направления к согласию так и не пришли. А потом я продрог и вернулся в палатку.

Я был рад этому перерыву. Мне казалось, что Поль сказал куда больше, чем намеревался, во всяком случае больше, чем ему будет приятно вспомнить во время светлой фазы. Я решил, что во всем виноваты снотворные пилюли. Без них, конечно, не обойтись, но от них здорово развязывается язык, можно ненароком выболтать даже свое настоящее имя — предательские штучки, одним словом.

Глава 19

Другие люди

К концу второй светлой фазы стало ясно — по крайней мере Полю, — что вторая обследованная нами долина годится. Не сказать, чтобы она была идеальной: возможно, за горами лежала куда более подходящая, но жизнь слишком коротка. Поль поставил нашей долине оценку 92 по сложной столбальной системе, разработанной комитетом, то есть дал на семь очков больше проходного балла. А идеальная долина пусть подождет, пока колонисты ее отыщут... когда-нибудь так оно и случится.

Мы называли ее Счастливой долиной — просто так, на удачу. А горы на юге нарекли вершинами Поля, невзирая на протесты командира. Он заявил, что в любом случае это название неофициальное. Мы пообещали, что об этом позаботимся, а главный топограф Эби Финкельштейн так и записал на карте, и все мы поставили свои подписи.

Чтобы закруглиться, нам потребовалась еще одна светлая фаза, а затем мы могли отправляться домой — если бы была такая возможность. Но ее не было, и пришлось наглотаться снотворных на следующую темную фазу. Некоторые, правда, предпочитали обходить-

ся естественными средствами и коротали время за круглосуточным покером. Но я в их число не входил: проигрывать мне было нечего, а собрать флеш-рояль не хватало таланта. Темнофазные беседы по душам не прекращались, но таких серьезных, как первая, больше не было. Никто не осмеливался снова спросить у Поля, что он думает о будущем.

Когда третья темная фаза подошла к концу, мне стало невмоготу безвылазно сидеть в палатке. И я попросил у Поля разрешения прогуляться.

Всю эту фазу Хэнк был у меня на подхвате. Вообще-то он работал помощником топографа и по программе в начале темной фазы должен был сделать цветные снимки. Предполагалось, что он будет фотографировать долину с южных предгорий, когда солнечные лучи осветят ее, пробившись из-за гор на западе.

У Хэнка был с собой также собственный фотоаппарат, специально по такому случаю приобретенный, и он, ужасно довольный, без устали щелкал затвором, снимая все подряд. На сей раз он попытался снять, помимо официального задания, виды долины и для себя. Но в результате смазал все рабочие снимки и в довершение всего забыл надвинуть на глаза козырек, когда вспыхнули солнечные лучи. Пришлось выдать ему больничный и взять к себе в судомойки.

Скоро он поправился, но Финкельштейн от его услуг отказался. Поэтому я выпросил нам обоим небольшой отпуск — прошвырнуться и обследовать окрестности. Поль разрешил.

В конце второй светлой фазы мы все испытали сильное потрясение, обнаружив в западной оконечности долины лишайник. Мы думали, что нашли на Ганимеде местную форму жизни. Но тревога оказалась ложной: тщательное обследование показало, что это не только земное растение, но и разрешенное к эмиграции советом по бионии.

Однако наша находка свидетельствовала, что жизнь распространяется, укореняется на планете, даже за три тысячи сто миль от места первоначальной высадки. Мы горячо обсуждали, принесло ли споры сюда ветром, или их случайно занес кто-то из строителей энергостанции, но в сущности это не имело значения.

Мы с Хэнком решили пройти немного дальше — а вдруг и там найдем лишайник? Ведь это место лежало в стороне от маршрута, которым отряд двигался со стоянки номер один. Полю мы не стали докладывать, куда намылились: боялись, что он наложит вето, потому что от лагеря до участка с лишайником было неблизко. Командир велел нам далеко не уходить и вернуться к шести часам утра в четверг, чтобы успеть свернуть лагерь и добраться до места встречи с «Джиттербагом».

Я согласился, так как вовсе не собирался забредать в какую-нибудь глушь. Меня не очень волновало, найдем мы лишайник или нет, и к тому же мне нездоровилось. Но об этом я умолчал — обидно самому лишать себя единственного и неповторимого шанса поглядеть на окрестности.

Лишайника мы не нашли. Зато мы нашли кристаллы.

Мы потихоньку шагали вперед; несмотря на боль в боку, я чувствовал себя счастливым, как школьник, вырвавшийся на волю. Хэнк снимал никому не нужные виды причудливых скал и потоков лавы и разглагольствовал о том, что заведет хозяйство здесь, в Счастливой долине.

— Знаешь, Билл, — заливался он, — тут понадобятся настоящие фермеры-ганимедцы, чтобы научить уму-разуму земных салажат. А кто лучше меня разбирается в ганимедском сельском хозяйстве?

— Да почти любой, — уверил я его.

Он меня проигнорировал.

— Местечко что надо, — продолжал он, оглядывая окрестности, напоминавшие поле битвы после Армагеддона. — Куда лучше, чем вокруг Леды.

Я согласился, что свои достоинства тут есть. Но это не для меня. Не хочу жить там, где не видно Юпитера.

— Ерунда! — заявил Хэнк. — Ты зачем сюда пожаловал — небо разглядывать или ферму основать?

— Это вопрос спорный, — признался я. — Мне то так кажется, то этак. А порой я и вовсе не понимаю зачем.

Но Хэнк меня не слушал.

— Видишь ущелье — там, наверху?

— Да, конечно. А что?

— Если мы пересечем этот маленький глетчер, то сможем добраться до ущелья.

— Зачем?

— Мне кажется, оно ведет в другую долину — а вдруг она лучше нашей? Туда никто не поднимался, я знаю, сам был членом топованды.

— Я как раз пытаюсь помочь тебе забыть прошлое, — сказал я. — Слушай, на кой нам сдалась эта долина? На Ганимеде сотня тысяч долин, которые никто не видел. Ты что, серьезно туда намылился?

Мне неохота было лезть в ущелье и удаляться от лагеря. Есть что-то гнетущее в девственных ганимедских пейзажах. Тут так тихо — тише, чем в библиотеке. Не то что на Земле — там всегда слышны какие-то звуки, даже в пустыне. Проходит час-другой, и это безмолвие, и голые скалы, и лед, и кратеры начинают действовать мне на нервы.

— Пошли! Не дрейфы! — сказал Хэнк и полез наверх.

Ущелье не вело ни в какую долину; оно образовывало нечто вроде коридора в горах. Одна стена была поразительно ровная, будто кем-то обтесанная. Мы прошли вперед, а потом я решил повернуть обратно и остановился, чтобы позвать Хэнка, который вскарабкался на выступ на противоположной стене, намереваясь запечатлеть картину на пленке. Я повернулся — в глазах мелькнуло цветное пятно. Я подошел поближе. Это были кристаллы.

Я уставился на них, а они, казалось, на меня.

— Эй, Хэнк! — позвал я. — Давай сюда на полусогнутых!

— В чем дело?

— Иди сюда! Здесь есть что щелкнуть!

Он спустился и подошел ко мне. Ахнул, затаил дыхание, потом наконец выдохнул:

— Черт! Зажарьте меня в пятницу!

И принялся щелкать затвором. Я в жизни не видал таких кристаллов, даже сталактиты в пещерах не шли ни в какое сравнение. Кристаллы были шестигранные,

изредка попадались трехгранные, а некоторые сверкали аж двенадцатью гранями. Их было видимо-невидимо — от маленьких, похожих на грибочки, до стройных длинных клинков по колено высотой. Потом мы нашли и по грудь.

Это были не просто призмы — они ветвились, изгибались... но что нас вконец сразило, так это расцветка.

Они сияли всеми цветами радуги и на глазах меняли окраску. В конце концов мы пришли к выводу, что они вообще бесцветны, просто преломляют свет. По крайней мере, так утверждал Хэнк.

Он отснял целую пленку и сказал:

— Пошли посмотрим, откуда они растут.

Мне не хотелось. Меня вымотал подъем, а правый бок давал о себе знать на каждом шагу. Наверное, у меня кружилась голова: когда я смотрел на кристаллы, они начинали водить хоровод, и мне приходилось прищуриваться, чтобы их остановить.

Но Хэнк уже поскакал вперед, и я последовал за ним. Кристаллы, похоже, гнездились поблизости от ущелья, которое весной превращалось в русло потока. Очевидно, им нужна вода. Вскоре нам преградил дорогу ледниковый нанос на дне ущелья — толстый, древний ледник, прикрытый сверху тонким слоем прошлогоднего снега. Кристаллы проделали в нем проход и по бокам тоже расчистили пространство по нескольку футов.

Мы устремились вперед. Хэнк поскользнулся и ухватился за кристалл. Тот надломился с громким ясным звоном, будто серебряный колокольчик.

Хэнк выпрямился и тупо уставился на свою руку. На пальцах и ладони темнели параллельные порезы.

— Это послужит тебе уроком, — сказал я, вытащил пакет первой помощи и забинтовал ему руку. — Пошли назад.

— Ерунда! Из-за нескольких царапин? Только вперед!

— Слушай, Хэнк, я хочу вернуться. Мне что-то нехорошо.

— В чем дело?

— Живот болит.

— Ты слишком много лопаешь, в этом вся проблема. Тебе полезно маленько порастрастись.

— Нет, Хэнк. Мне нужно вернуться.

Он поглядел вверх, помялся и сказал:

— Билл, сдается мне, я вижу, откуда растут кристаллы. Это недалеко. Ты подожди здесь, а я сбегаю на разведку. Вернусь — и сразу рванем в лагерь. Я быстро, честное слово.

— О'кей, — согласился я.

Хэнк полез наверх, я немного постоял и поволокся следом. Еще в бытность мою «волчонком» мне накрепко вбили в голову, что по незнакомой местности нельзя ходить поодиночке.

Через пару минут я услышал его вопли. Поднял глаза и увидел, что Хэнк стоит перед большой черной дырой в утесе.

— Что стряслось? — крикнул я.

В ответ послышалось что-то вроде:

— Офонареть можно! Застрелиться и не жить!

— Да что стряслось-то? — раздраженно повторил я и полез к нему.

Мы стояли перед входом в пещеру. Кристаллы доходили до самого отверстия, образовывали у порога густые заросли, но внутрь не входили. На дне ущелья лежал плоский камень размерами с монолиты Стоунхенджа, словно сброшенный туда сильным толчком во время землетрясения. Видно было, как он срезал утес, открыв вход в пещеру. Срез выглядел таким гладким и ровным, будто его отполировали древние египтяне.

Но мы смотрели не на него. Мы смотрели в пещеру.

Там было темно, однако рассеянный свет, отраженный от дна ущелья и дальней стены, все же проникал внутрь. Когда глаза привыкли к потемкам, я увидел, куда уставился Хэнк и почему он так орал.

В пещере были предметы — не природного происхождения. Я не могу сказать, что за предметы, потому что ничего подобного в жизни не видел, ни живьем, ни на снимках, и даже не слышал про такое. Как вы опишете то, о чем не имеете ни малейшего представления и для чего не существует слов? Глаз не в состоянии даже верно схватить предмет, когда видит его впервые.

Единственное, что я могу сказать: это были не камни, не растения и не животные. Это были искусственные предметы, сделанные людьми. Впрочем, не обязательно людьми, но что искусственные, это точно.

Мне ужасно захотелось подобраться к ним поближе и разглядеть получше. Я даже забыл про боль в животе.

Хэнк тоже забыл. И выпалил свое обычное:

— Пошли! Айда за мной!

— Но как? — спросил я.

— Господи, да мы просто... — Он прервался и снова поглядел на вход. — Ну, мы обойдем... Нет. Хм... Билл, придется обломать парочку кристаллов и пройти прямо через них. Другого пути нет.

— Одной порезанной ладони тебе недостаточно?

— А я их камнем. Вообще-то это варварство — они такие симпатяги! Но придется.

— Не думаю, что тебе удастся сломать эти громадины. К тому же ставлю два против одного, что они прорежут тебе ботинки не хуже бритвы.

— Я все-таки рискну. — Он поднял увесистый булыжник и провел эксперимент. Я оказался прав по всем статьям. Хэнк остановился и, тихо насвистывая, обдумал ситуацию. — Билл!

— Да?

— Видишь этот узенький карниз над входом?

— И что же?

— Слева он выступает за кристаллы. Я сложу под ним кучу камней, мы заберемся на карниз, пройдем по нему и спрыгнем прямо у входа в пещеру. Кристаллы дотуда не доходят.

— Но как мы из нее выберемся?

— Сложим в кучу те штуковины, что там виднеются, и снова залезем на карниз. А не получится — заберешься ко мне на плечи и спустишь ремень или еще чего-нибудь.

Может, я и возразил бы, если бы сохранил способность соображать. Но мы попробовали, и план сработал — до того момента, когда я повис, уцепившись за карниз, над входом в пещеру.

Острая боль пронзила мне бок, и я разжал ладони.

Очухался я от того, что Хэнк немилосердно тряс меня за плечи.

— Отстань! — рявкнул я.

— Ты вырубился, — сказал он. — Вот уж не думал, что ты такой неуклюжий.

Я ничего не ответил. Просто поджал к животу колени и закрыл глаза.

Хэнк снова принялся меня трясти.

— Ты не хочешь посмотреть, что там, в пещере?

Я отпихнул его.

— Не хочу смотреть даже на царицу Савскую! Ты что, не видишь — мне хреново!

Должно быть, я отключился. А когда очнулся, то увидел, что Хэнк сидит передо мной по-турецки и держит в руке мой фонарик.

— Здоров же ты спать, дружок, — ласково сказал он. — Стало получше?

— Не очень.

— Постарайся собраться с силами, Билл. Пойдем со мной. Ты должен это увидеть. Ты не поверишь своим глазам. Это величайшее открытие со времен... со времен... В общем, неважно. Колумб — просто младенец. Мы с тобой знамениты, Билл.

— Это ты знаменитый, — сказал я. — А я больной.

— Где у тебя болит?

— Везде. Живот твердый как камень — камень, у которого ноют зубы.

— Билл, — озабоченно нахмурился Хэнк, — у тебя аппендикс вырезан?

— Нет.

— Хм-м... Лучше б ты его вырезал.

— Очень своевременный совет.

— Успокойся.

— Легко сказать! — Я приподнялся на локте. Перед глазами сразу все поплыло. — Хэнк, послушай меня. Тебе придется вернуться в лагерь. Пусть они пришлют за мной вездеход.

— Видишь ли, Билл, — мягко ответил он, — ты ведь сам знаешь: в лагере нет ничего похожего на вездеход.

Я попытался решить эту проблему, но она оказалась мне не по зубам. Мозги словно заволокло туманом.

— Ну хорошо, пусть хоть носилки пришлют, — капризно проговорил я и снова улегся.

Через какое-то время я почувствовал, что Хэнк копается в моей одежде. Я попытался его оттолкнуть — и вдруг живот мне обожгло ледяным холодом. Я размахнулся и изо всех сил выдал Хэнку левый хук, правда, не достигший цели.

— Не дрыгайся, — сказал Хэнк. — Я нашел немного льда. Лежи смирно, не то он свалится.

— Не хочу лед!

— Придется потерпеть. Если будешь держать его, пока мы отсюда не выберемся, ты еще доживешь до своей виселицы, дружок.

Я слишком ослаб, чтобы протестовать. Откинулся на спину, закрыл глаза... А когда открыл их, то с удивлением обнаружил, что мне полегчало. Я уже не помирал, я просто отвратительно себя чувствовал. Хэнк куда-то скрылся. Я позвал его, но он не откликнулся. Меня охватила паника.

И тут же я увидел, как он бежит вприпрыжку, размахивая фонарем.

— Я думал, что ты ушел, — сказал я.

— Нет. По правде говоря, я не в состоянии отсюда выбраться. Не могу залезть на карниз, а через кристаллы пробиться не получается. Я пробовал. — Он поднял ногу; башмак был исполосован и запачкан кровью.

— Ты поранился!

— Я выживу.

— Сомневаюсь. Никто не знает, где мы. И, по твоим словам, нам отсюда не выбраться. Похоже, мы умрем голодной смертью. Впрочем, мне это до лампочки.

— Кстати, я оставил тебе кое-что пожевать. Боюсь, не так уж много — ты слишком долго спал.

— Не говори мне про еду! — Я схватился за бок и чуть не блеванул.

— Прости. Но знаешь, я вовсе не говорил, что нам отсюда не выбраться.

— Как это не говорил?

— Я сказал, что я не в состоянии отсюда выбраться.

— Какая разница?

— Ладно, неважно. Но я думаю, мы все-таки найдем способ. Помнишь, ты упомянул про вездеход?

— Вездеход? Хэнк, ты в своем уме?

— Не горячись, Билл. В пещере есть какая-то штуковина типа вездехода. А может, типа эшафота.

— А поточнее нельзя?

— Ну, скажем, что-то вроде вагона. Можно попробовать прогнать его вперед, хотя бы через кристаллы. И пройти, как по мостику.

— Ну что ж, выкатывай его.

— Да нет, он не катится. Он... он ходит.

Я попробовал встать.

— Хочу посмотреть на него!

— Ты просто отойди в сторонку от прохода.

Кое-как с помощью Хэнка мне все же удалось подняться на ноги.

— Я с тобой.

— Хочешь, сменим лед?

— Можно, только попозже.

Хэнк повел меня в пещеру. Не знаю, как описать вам этот ходячий вагон — хотя, возможно, вы уже видели его на снимках. Представьте себе металлическую многоножку размером с динозавра — это и будет ходячий вагон. Туловище в виде желоба на тридцати восьми ногах, по девятнадцати с каждого бока.

— Более шизоидной конструкции я еще не встречал, — признался я. — Но ты же не сможешь просунуть ее в проход!

— погоди и увидишь. Шизоидная, говоришь? Ты бы поглядел, какие там дальше в пещере штуковины!

— И какие же?

— Билл, знаешь, что это за пещера? По-моему, это ангар для звездолета.

— Чего? Не гони. У звездолетов не бывает ангаров.

— А у этого есть.

— Ты что, действительно видел там корабль?

— Не знаю. Ничего подобного я в жизни не видел, но если это не корабль, то я не представляю, что это.

Я очень хотел посмотреть, но Хэнк возразил:

— В другой раз, Билл. Нам нужно вернуться в лагерь, пока не поздно.

Спорить я не стал; от ходьбы в боку снова начало колоть.

— О'кей. Так что же мы будем делать?

— А вот что!

Хэнк подвел меня к хвосту многоножки, где желоб провисал почти до земли, помог мне в него забраться, велел лечь и отправился к голове чудовища.

— Эту штуку, должно быть, соорудил какой-то горбатый карлик с четырьмя руками. Держись, Билл!

— Ты сам-то знаешь, чего делаешь?

— Я уже прогнал его вперед на шесть футов, пока ты дрыхнул, дальше просто духу не хватило. Абракадабра! Держись за воздух! — И он глубоко засунул палец в какую-то дырку.

Многоножка тихо и плавно тронулась с места, совершенно бесшумно. Когда мы выбрались на свет божий, Хэнк вынул палец из дырки. Я сел. Передняя часть многоножки, две трети туловища, были уже за кристаллами. Я перевел дух.

— Хэнк, ты молодчина. Давай дальше пешком. Если приложить к животу побольше льда, я дотяну.

— Одну секундочку. Я только попробую. Здесь есть и другие дырки, я их еще не обследовал.

— Оставь их в покое.

Вместо ответа он сунул палец в другое отверстие. Машина внезапно попятилась назад.

Хэнк с воплем выдернул палец, сунул его в первую дырку и держал там, пока мы не навестали потерянное.

Прочие отверстия он пробовал куда более осторожно. И в конце концов обнаружил дырку, на которую многоножка отреагировала, приподняв немного переднюю часть туловища и повернув ее влево, совсем как гусеница.

— Порядок! — радостно заявил Хэнк. — Я могу ею управлять. Полный вперед!

И мы отправились вниз по ущелью.

Утверждение Хэнка, что он может ею управлять, не совсем соответствовало действительности. Это больше было похоже на управление лошадью, чем машиной, — а еще больше напоминало езду в новых землемобилях с полуавтоматическим управлением. Ходячий вагон дошагал до прохода, проделанного в леднике кристаллами, и застопорил. Хэнк совал пальцы во все дырки, но без толку. Гусеница потыркалась головой туда-сюда, словно собака, берущая след, а затем стала взбираться на стену ущелья, минуя кристаллы.

Она не теряла равновесия; очевидно, цеплялась лапами за скалу, словно фантастический горный плющ.

Доехав до глетчера, который мы пересекали по дороге к ущелью, Хэнк остановил машину и сменил мне лед. Многоножка, похоже, ничего не имела против льда как такового, ей просто не нравились дырки во льду. Во всяком случае, когда мы запустили ее вновь, она потопала по леднику — медленно и осторожно, но без колебаний.

Мы направились к лагерю. Хэнк сиял от восторга:

— Это лучшее в мире вездеходное транспортное средство для пробега по бездорожью! Хотел бы я знать, как оно устроено. Получить бы патент на такое изобретение — и я богат!

— Так в чем дело? Оно твое, ведь ты его нашел.

— Да, но оно мне не принадлежит.

— Хэнк, ты же не думаешь, что хозяин придет его искать, а?

Хэнк бросил на меня загадочный взгляд.

— Нет, Билл, не думаю. Как по-твоему, сколько времени эта штукавина простояла там, в пещере?

— Даже гадать не хочу.

В лагере сиротливо темнела одна-единственная палатка. Из нее навстречу нам вынырнула какая-то фигура. Это оказался Сергей.

— Где вас носило, друзья? — спросил он. — И откуда, во имя царствия небесного, вы сперли эту штуку? И что это вообще такое?

Мы просветили его, насколько смогли, а он в свою очередь обрисовал нам ситуацию. Нас, как выяснилось, искали до последней минуты, а затем Поль был вынужден перевести отряд на стоянку номер один, чтобы успеть на свидание с «Джиттербагом». Сергея он оставил, чтобы тот дождался нас и привел на место.

— Вот вам записка от него, — сказал Сергей, протянув лист бумаги.

«Дорогие друзья по переписке! — прочитали мы. — Простите, что пришлось вас бросить, шизиков несчастных, но расписание вам известно не хуже, чем мне. Я бы сам остался, чтобы пригнать вас домой, но ваш кореш Сергей настаивает, что это его привилегия. А когда я пытаюсь его урезонить, он скалит зубы, рычит и забивается в угол конуры.

Как только читаете мое послание, берите ноги в руки и дуйте к стоянке номер один. Не пешком, а бегом. Мы задержим «Джиттербаг», но вы сами знаете, как наша дорогая старушка Хэтти относится к сбоям в расписании. Если вы опоздаете, ей это вряд ли придется по вкусу.

Когда встретимся, я сверну вам уши в трубочку и завяжу в узел на затылке.

Счастливо!

П. дю М.

Р. S. Мистеру Коку: о твоём аккордеоне я позаботился». Мы дочитали записку, и Сергей сказал:

— Я бы с удовольствием ещё послушал о ваших находках, раз в сто подробнее, но не сейчас. Сейчас мы рванем на стоянку номер один. Хэнк, как по твоему, Билл сможет дойти?

Я ответил за себя сам — категорическим «нет». Возбуждение понемногу спадало, и мне снова становилось хуже.

— Хм... Хэнк, ты полагаешь, что этот ходячий скелет нас туда отвезет?

— Я полагаю, что он отвезет нас куда угодно, — с вызовом ответил Хэнк.

— А с какой скоростью? «Джиттербаг» уже приземлился.

— Ты уверен?

— Я видел его след на небе чуть не полчаса тому назад.

— Тогда поехали!

Об этом путешествии у меня мало что осталось в памяти. Помню остановку, когда мне меняли лед. А потом меня разбудил крик Сергея:

— Вот он, «Джиттербаг»! Я вижу его!

— Привет, «Джиттербаг», — сказал Хэнк. — А вот и мы!

Я приподнялся и тоже посмотрел.

Мы спускались по склону милях в пяти от корабля, как вдруг из хвоста его вырвалось пламя и он взмыл в небеса.

Хэнк застонал. Я лег на спину и закрыл глаза.

Когда многоножка остановилась, я опять очнулся. Перед нами стоял Поль, руки в боки, и буравил нас взглядом.

— Наконец-то пташки прилетели в гнездышко! Но где вы откопали эту штуку?

— Поль! Биллу очень плохо! — серьезно сказал Хэнк.

Поль вскарабкался на многоножку и сразу прекратил расспросы. Через мгновение он уже оголил мне живот и ткнул большим пальцем между пупком и грудной клеткой.

— Тут больно?

Я слишком ослабел, чтобы врезать ему. Он дал мне какую-то пилюлю.

Дальнейшие события развивались без моего участия, но впоследствии я узнал, что по настоянию Поля капитан Хэтти прождала пару часов, а затем заявила, что ей пора трогать. У нее по расписанию рейс к «Крытому фургону», и она не намерена заставлять ждать восемь тысяч пассажиров из-за двух оболтусов. Мы с Хэнком можем играть в краснокожих сколько влезет, но расписание — это вам не игрушки.

Поль был вынужден отослать отряд, а сам остался ждать нас.

Но в тот момент я ничего из его рассказа не слышал. Я смутно осознавал, что мы путешествуем в ходячем вагоне; дважды я просыпался, когда мне меняли лед, но весь этот эпизод помню как в тумане. Мы двигались на восток. Хэнк вел машину, а Поль определял маршрут — исключительно чутьем. Мы ползли и ползли, как во сне, и наконец вышли к лагерю разведчиков, обследовавших район в ста милях от нашего. Оттуда Поль по радио потребовал помощи.

А затем прилетел «Джиттербаг» и подобрал нас. Помню, как мы приземлились в Леде, вернее помню, как кто-то сказал:

— Скорее сюда! У нас тут парнишка с перитонитом!

Глава 20

Дома

Вокруг нашей находки поднялся немалый шум — он и теперь еще не утих, — но тогда я его не слышал. Слишком был занят забиванием голов в райские врата. Тем, что я все-таки в них не попал, я обязан доктору Арчибальду. И Хэнку. И Сергею. И Полю. И капитану Хэтти. И еще какому-то безымянному существу, жившему где-то много лет назад, которого я никогда не увижу и не узнаю даже, как оно выглядит, но которое изобрело превосходную машину для передвижения по бездорожью.

Всех, кроме него, я поблагодарил. Они явились всем скопом в больницу, даже капитан Хэтти, которая на меня нарычала, а перед уходом вдруг склонилась и чмокнула в щеку. Я так изумился, что чуть не укусил ее в ответ.

Конечно же, пришли Шульцы. Мама причитала без умолку, Папа дал мне яблоко, а Гретхен почти не раскрывала рта, что на нее совсем не похоже. Молли притащила с собой близнецов, чтобы я полюбовался на них, а они на меня.

Ежедневная газета «Планета», выходявшая в Леде, взяла у меня интервью. Репортеров интересовало наше

мнение по поводу того, созданы ли найденные нами предметы людьми или нет?

Вопрос, конечно, интересный. Над ним до сих пор ломают головы наши мудрецы.

Что такое человек?

Предметы, которые мы с Хэнком — а за нами и ученая команда из проекта «Юпитер» — обнаружили в пещере, не могли быть изготовлены людьми. По крайней мере людьми, похожими на нас. Из всех находок ходячий вагон был самым простым сооружением. О назначении большинства других предметов до сих пор остается только гадать. Не удалось выяснить и как выглядели сотворившие их существа — в пещере не нашли ни единого снимка.

Странно, конечно, — но ученые пришли к выводу, что у этих созданий не было глаз, во всяком случае таких, как у нас. Поэтому снимки им вроде как ни к чему.

Если вдуматься, фотография как таковая — вещь весьма загадочная. У венерианцев нет фотоискусства, и у марсиан тоже. Похоже, мы единственная раса во Вселенной, которая додумалась до такого способа запечатления явлений.

Так что «людьми» они не были — то есть не были похожи на нас.

Но они были людьми в истинном смысле этого слова, хотя я не сомневаюсь, что, столкнувшись с одним из них в темной аллее, я с воплем удра́л бы подальше. Самое главное, как выразился бы мистер Сеймур, у них наличествовало: они умели управлять окружающей средой. Они не были беспомощными животными, которым природа насильно навязывает правила игры; они приспособливали природу к своим нуждам.

Так что, думаю, они были людьми.

Самыми загадочными для меня в этой истории остались кристаллы. Каким-то образом они несомненно были связаны с пещерой, или ангаром для звездолета, или назовите как хотите. Однако они не могли — или не хотели — проникнуть в пещеру.

А партия ученых, изучившая там все в подробностях, обнаружила еще одну странную вещь: ходячий вагон, этот громадный неповоротливый монстр, на всем пути через узкое ущелье не повредил ни единого кристалла. Хэнк, должно быть, первоклассный водитель. Хотя он уверяет, что не настолько.

Не ждите от меня ответов. Я далеко не все понимаю, что творится во Вселенной. Это место просторное.

Пока я валялся в больнице, у меня было достаточно времени для размышлений, да и поводов тоже. Я думал о поездке на Землю, об учебе. «Крытый фургон» уже улетел, но это не проблема, я могу отправиться через три недели на «Мейфлаузере». Но вот хочу ли я уезжать? Пора уже определиться.

В одном я был уверен: экзамены на «орла» я сдам, как только встану с постели. И так уже затянул — дальше некуда. Ощувив прикосновение небытия, сразу понимаешь, что время твое ограничено и ничего не следует откладывать на потом.

Но вернуться в школу? Это совсем другой вопрос. Во-первых, как сообщил отец, совет проиграл тяжбу с комитетом, и тот наложил лапу на все земные вклады эмигрантов.

А во-вторых, я вспомнил, о чем говорил нам в приступе откровенности Поль: о грядущей войне.

Интересно, можно ли верить его словам? А если можно — то стоит ли пугаться? Я совершенно искренне решил, что не стоит. Как утверждал Поль, пройдет еще сорок лет как минимум. А я пробуду на Земле не больше четырех-пяти. И вообще, такого отдаленного будущего как-то трудно бояться.

Я пережил землетрясение и реконструкцию; честно говоря, мне кажется, что меня уже ничем не запугаешь.

И еще у меня такое подозрение, что, если бы началась война, я пошел бы на фронт. Я не стал бы от нее убегать. Глупо, наверное.

Нет, войны я не боялся, но она не выходила у меня из головы. Почему? В конце концов я докопался до причины. И когда ко мне заглянул Поль, я спросил у него:

— Слушай, Поль, помнишь, ты говорил о войне... Когда Ганимед окажется в такой же ситуации, в какой

оказалась сейчас Земля, здесь тоже начнется война, да? Не сегодня, положим, но через несколько столетий?

— К тому времени люди, возможно, научатся не допускать подобных ситуаций, — грустно улыбнулся Поль. — Во всяком случае, будем надеяться. — Он отрешенно посмотрел вдаль. — Новая колония — всегда новая надежда.

Мне это понравилось. «Новая надежда». Так однажды при мне кто-то сказал о новорожденном.

В воскресенье вечером меня навестил отец, но я все еще колебался насчет поездки. И снова заговорил о плате за учебу:

— Я знаю, что участок принадлежит и мне, Джордж, но расходы-то лягут на ваши плечи.

— Ничего, — сказал Джордж, — мы сдюжим. Зачем же еще нужны накопления? Молли одобряет поездку. И близнецов мы пошлем на Землю в школу, ты же знаешь.

— Пусть так. Но все равно это мне не по душе. И вообще, какой смысл куда-то ехать, Джордж? Мне не нужно какое-то шикарное образование. Я подумываю насчет Каллисто: новенькая, совершенно нетронутая планета, возможности там открываются неисчерпаемые. Я мог бы получить работу в атмосферной экспедиции — Поль замолвит за меня словечко — и расти вместе с проектом. В один прекрасный день, глядишь, дорасту и до главного инженера планеты.

— Если в термодинамике будешь разбираться так же, как сейчас, не дорастешь.

— Чего?

— Инженеры не просто «вырастают» — они учатся. В школу ходят.

— А я что — не учусь? Я не хожу к тебе на лекции сразу в два класса? Я и здесь могу стать инженером, для этого вовсе не нужно тащиться за полмиллиарда миль!

— Вздор! Просто учеба требует дисциплины. А ты до сих пор не сдал даже экзамены на нашивки. И скоро проворонишь свое звание «орла».

Солнце уже золотило крыши домов. Расплескалось по лагуне Серенидад, и она из чернильной сделалась багровой, а потом голубой. Это моя планета. Здесь мой дом. Я понял, что никогда не покину его.

Миссис Динсмор торопливо выбежала из дверей и наткнулась на меня.

— Что еще за шуточки! — рассердилась она. — А ну быстро иди в дом!

— В дом? — улыбнулся я ей. — А зачем мне куда-то идти? Я и так дома!

Содержание

Время для звезд, роман, <i>перевод с английского В. Ковалевского,</i> <i>Н. Штуцер</i>	5
Небесный фермер, роман <i>перевод с английского И. Васильевой</i>	251

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

**Полное собрание фантастических произведений
в двадцати пяти томах**

Книга одиннадцатая

Составитель В. Быстров

Главный редактор А. Захаренков

Ответственный за выпуск Е. Чутов

Редакторы Т. Бережных, М. Проворова

Технический редактор К. Козаченко

Корректоры И. Лаздина, Е. Ошуркова, А. Хиршфельде

Оператор компьютерной верстки Н. Болтач

Художественное оформление серии: М. Захаренкова

Оформление обложки и форзаца: Л. Булыкина

Оформление шмуцтитлов: А. Бибанаев

ЛР № 062455 от 23.03.93

Подписано в печать 05.08.94. Формат 84×108/32

Гарнитура Балтика. Бумага типографская. Печать высокая.

Усл. печ. л. 24,36. Тираж 25 000 экз. Заказ № 5287

Издательская фирма «Полярис»

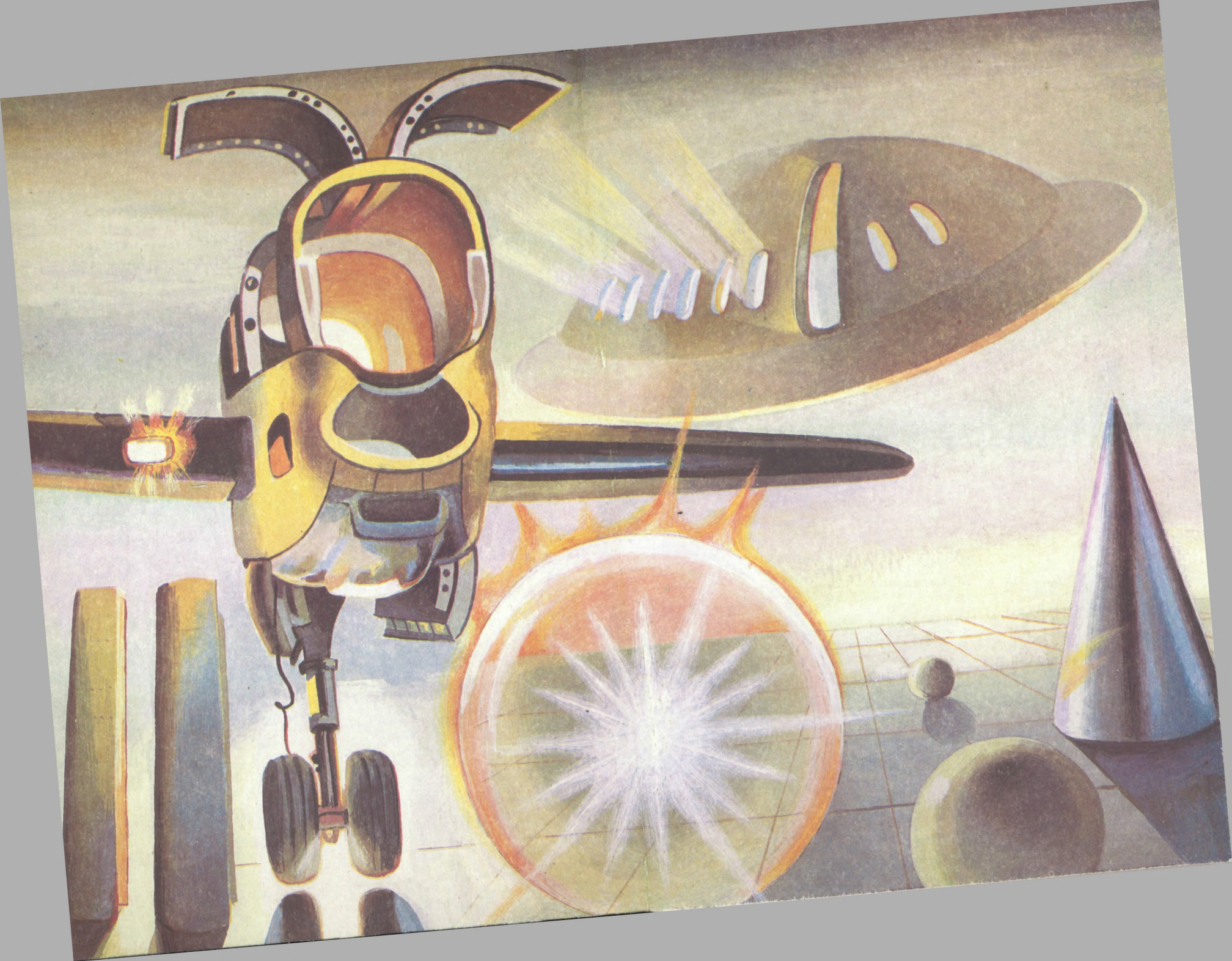
Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов

на Книжной фабрике № 1 Комитета РФ по печати.

144003, г. Электросталь Московской обл. ул. Тевосяна, 25.

**Миры Роберта Хайнлайна кн. 11 / Пер. с англ. — Рига:
Полярис, 1994. — 463 с.**

VERBA VOLANT, SCRIPTA MANENT

POLARIS
publishers